



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>









ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ИЗВЕЩЕНІЙ

ОТЪ АВТОРОВЪ.



Цѣна за три тома 3 рубля.

Grech, Nikolai Ivanovich.

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги написалъ!

Дмитриевъ.

ИЗДАНИЕ

Александра Смирдина.

ТОМЪ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

•

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ законное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 16 Августа 1854 года.**

Цензоръ В. Бекетовъ.

ПОѢЗДКА

ВЪ

ГЕРМАНИЮ.

РОМАНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

Фаддею Венедиктовичу

БУЛГАРИНУ.

Посвятивъ мнѣ Дмитрія Самозванца, ты возложилъ на меня обязанность отвѣчать тебѣ тѣмъ же. Я рѣшился за сказку подарить тебѣ сказкою, тѣмъ болѣе, что ты самъ давно уже совѣтовалъ мнѣ написать что нибудь въ этомъ родѣ. На уединенныхъ прогулкахъ по аллеямъ Елагина Острова, выдумалъ я небывалыя похождения, изложилъ ихъ въ письмахъ, и такимъ образомъ составились два томика. Прими дружеское мое приношеніе; прочти мои рассказы; только не слишкомъ строго осуждай: и безъ тебя найдутся охотники бранить!

Составляя планъ моей повѣсти, я вздумалъ коснуться струны, у насъ еще нестрокутой — нравовъ и обычаевъ петербургскихъ Нѣмцевъ. Не мнѣ судить, успѣлъ ли я въ этомъ. Другіе, вѣроятно, будутъ счастливы; но мнѣ хотѣлось сдѣлать первую попытку. — Впрочемъ могу увѣрить и тебя, и другихъ моихъ читателей, что я написалъ сію книжку безъ всякихъ авторскихъ требованій, единственно для того, чтобъ посвятить ее тебѣ, а напечаталъ потому, что ты, какъ мнѣ извѣстно, не любишь читать скорописи; къ тому же мнѣ недалеко было ходить въ типографію.

Николай Гречъ.

10 Октября 1830.

ПОЪЗДА ВЪ ГЕРМАНИЮ.

ПИСЬМА Д. С. МСТИСЛАВЦЕВА КЪ А. И. ЛЕВАДИНУ, ВЪ РЯЗАНИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Въ колескѣ за Палангеномъ, 31 Июля 1815.

Мнѣ стало легче. Русскій орелъ на пограничныхъ столпахъ теряется вдали. Отечество, родные, друзья, *она*, отрѣзаны отъ моего сердца; оно раздирается тоскою, но бѣненіе его теперь не такъ уже сильно, какъ прежде, когда мнѣ можно было, выдумавъ какой нибудь ничтожный предлогъ, воротиться въ Петербургъ, полетѣть за Неву....

Полно. Займемся тѣмъ, что меня окружаетъ. Коляска катится медленно по сырому песку. Товарищъ мой, твореніе счастливѣйшее въ мірѣ, если родиться

безъ нѣкоторыхъ существенныхъ частей безсмертнаго человѣка есть счастье, храпить преспокойно, и, по улыбкѣ на его самодовольныхъ устахъ, я вижу, что ему снится обѣдъ или бостонъ. Безконечно вѣрный и столько же глупый Аванасій сидитъ на козлахъ подлѣ почтиліона, и, сколько я могу заключить по его движеніямъ, безмысленно глядитъ въ даль — дитя природы незавидной. — Но я ему обязанъ веселою минутою, которая промелькнула въ душѣ моей, когда мнѣ было очень грустно. За часъ предъ симъ мы остановились на границѣ. Таможенный досмотръ скоро кончился. Мы сѣли въ коляску, и поѣхали. Ивановъ тотчасъ захрапѣлъ, но Аванасій поворачивался во всѣ стороны, какъ будто ища чего-то глазами. Наконецъ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Дмитрій Сергѣевичъ! Да скоро ли мы въѣдемъ въ Пруссію? Далеко ли она отъ таможни?» — «Мы уже въ Пруссію,» отвѣчалъ я. — «Помилуйте, что это за Пруссія! Здѣсь трава такая же зеленая, какъ въ Россіи, а въ Пруссіи она должна быть красная!» — «Что за вздоръ!» сказалъ я: «съ чего ты взялъ эту глупость?» — «Да съ вашей карты, Дмитрій Сергѣевичъ, которую вы такъ часто и пристально разсматривали предъ отъѣздомъ. Курьеръ департаментскій, Васильевъ, — онъ человѣкъ грамотный и ѣздилъ при покойномъ Императорѣ за границу, — растолковалъ мнѣ, что зеленая земля Россія, а красная Пруссія — вотъ я и жду: гдѣ же Пруссія? — все зелено, какъ у насъ!» — Я невольно расхохотался, но долго было

бы толковать простодушному уроженцу торопецкому что земля, и что карта, и я отвѣчалъ: «Это отъ того, что Пруссія теперь съ нами въ союзѣ.» — «Не что!» пробормоталъ Аѳанасій.

Вотъ заглушилъ еще нѣсколько минутъ грусти, описывая это глупо-смѣшное сужденіе. — У меня два рода утѣшеній: утѣшеніе земное — когда слушаю своихъ сопутниковъ, когда гляжу, какъ они ѣдятъ, спятъ; когда Ивановъ поправляетъ владимірскую ленточку въ петлицѣ, а Аѳанасій свиваетъ съ себя форменную фуражку, и осматрѣвъ, надѣваетъ ее, какъ Наполеонъ чужую корону. Мнѣ кажется въ эти минуты, что я профессоръ зоологіи, и въ какомъ нибудь звѣринцѣ наблюдаю свойства, склонности и привычки разнородныхъ обезьянъ. Но это утѣшеніе скоро проходитъ, и я опять погружаюсь въ тоскливую дремоту; вижу предъ собою какое-то безпредѣльное, пустое пространство, въ которомъ клубятся мрачные вихри, въ которомъ нѣтъ выхода, нѣтъ отрады; сердце мое стѣсняется, и вдругъ въ этомъ мракѣ задрѣветъ искорка, больше, свѣтлѣе, еще больше, еще свѣтлѣе, и ангельское лице съ милою улыбкою меня привѣтствуетъ. Я останавливаю на немъ взоры, и вотъ оно облекается прозрачнымъ покровомъ, его придерживаютъ бѣленькія ручки; вотъ и локотки явились, вотъ и плечи, вотъ бюстъ ея — вотъ и вся она — вотъ летитъ навстрѣчу — и я умираю въ восторгѣ!

Глупое дѣло — любовь! скажешь ты. Глупое дѣло — жизнь! отвѣчаю я. Любовь къ существу, для насъ

созданному, къ существу, которое должно возвысить, облагородить, сдѣлать достойнымъ безсмертія бытіе наше, есть высшее наслажденіе, какого человѣкъ можетъ искать и желать въ семь міръ. Не всякъ созданъ для этого ощущенія; но кто для него созданъ — тотъ во сто кратъ счастливѣе, блаженнѣе своихъ собратій — ибо и страданія любви несчастной, безнадёжной несказанно благороднѣе страданій, раждаемыхъ другими лишеніями. Но послѣдствія любви — возразишь ты — она проходитъ....

Постой, прекратимъ разговоръ. Почтилюнъ затрубилъ: мы приближаемся къ Ниммерзату. Ивановъ зашевелился, и не раскрывая глазъ, разинулъ ротъ, какъ голодный воробенокъ. Его сердце, желудокъ — видно забилося вождельніемъ. Счастливецъ! хлѣбъ, колбасы и штофикъ выглядываютъ изъ-за окошка въ почтовой рестораціи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Квингсвергъ, 3 Августа.

Слава Богу, добрались кое-какъ. Ну ужъ дорого! Нельзя вообразить себѣ ничего скучнѣе, утомительнѣе, досаднѣе переправы чрезъ песчаную косу, отдѣляющую Куришь-гафъ отъ Балтійскаго Моря. Въ Мемелѣ мы дождались коляски нашихъ товарищей, и

попелись по песку. Соскучась сидѣть въ экипажахъ, мы всё вышли и отправились пѣшкомъ. «Вотъ, господа,» сказалъ намъ грамотный почтальонъ, указывая на оставленный домъ на песчаномъ пригоркѣ: «знаменитое мѣсто. Здѣсь господинъ фонъ-Коцебу, принужденный остановиться за усталостью лошадей, написалъ прекрасную пѣсню:

Es kann ja nicht immer so bleiben
Hier unter dem wechselnden Mond *)!»

«Счастливое предзнаменованіе!» сказалъ Волгинъ: «и дорога наша не всегда будетъ такою скучною. Поищемъ-те, между тѣмъ, янтарию; авось либо найдемъ на память.» Мы рылись, рылись въ песокъ, и на всей дорогѣ не нашли ничего. Ивановъ выкопалъ какой-то комъ грязи, и утверждалъ, что это янтари въ корѣ. Репейковъ, по обычаю, рассердился, и чуть было не приколотилъ его. Мы съ Волгинымъ едва ихъ розняли. Съ какими людьми привелъ Богъ ѣхать! Только одинъ изъ нихъ, Алексѣй Васильевичъ Волгинъ, человекъ въ полномъ смыслѣ этого слова: благородный, образованный, правдивый и честный до безконечности, кроткій и терпѣливый. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ не знаетъ любви ни земной, ни небесной, радуется своимъ бытіемъ, но съ какимъ-то

*) Не всегда останется поныѣшнему здѣсь, подъ измѣняющеюся луною.

безпокойствомъ. Онъ хорошій музыкантъ, и притомъ необыкновенный счетчикъ; но, подивись, не любитъ литературы, утверждая, что все въ книгахъ глупая выдумка, если не злонамѣренная ложь. Все, что онъ можетъ прочесть — это Басни Крылова. По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, этотъ авторъ въ заглавіи уже признается, что все въ его книгѣ налгано. — Другой товарищъ, Никита Савичъ Репейковъ, есть одно изъ тѣхъ твореній, которыя въ царствѣ растеній замѣняются крапивою и ренейникомъ. Онъ человекъ честный, не глупый, довольно знающій, отличный работникъ, но нрава самаго нестерпимаго: упрямъ, вспыльчивъ, мстителенъ, неумолимъ. Воздержаніе и пристойность также не принадлежать къ числу его добродѣтелей. — Третій — Яковъ Терентьичъ Ивановъ: это желудокъ, къ которому какъ-то приросли ноги, руки и что-то наружностью похожее на голову. И этотъ послѣдній — есть мой товарищъ въ коляскѣ! «Да какъ ты могъ выбрать его?» спросишь ты. Нельзя было сдѣлать иначе. Волгинъ былъ бы мнѣ болѣе всѣхъ по сердцу; но какъ могли мы пустить Иванова съ Репейковымъ? — вышло бы смертоубійство. Взять къ себѣ Репейкова я не хотѣлъ, потому, что онъ истерзалъ бы меня своими злыми замѣчаніями. Я рѣшился уступить его Волгину, который уживется не только съ злымъ волкомъ, но и съ злою женщиною. У меня остался Ивановъ. Не думай однако, чтобъ жадность была исключительнымъ его качествомъ! Нѣтъ! Онъ притомъ влюбленъ въ себя, и воображаетъ, что всѣ женщины

въ него влюбляются; охотникъ наряжаться, фантить и толковать о политикѣ, о литературѣ; воображаетъ, что долженъ играть роль въ свѣтѣ, и увѣряетъ насъ, что выйдетъ на дуэль при первомъ случаѣ — только не съ своими. «Дайте добратся до Нѣмцевъ!» говоритъ онъ. Крайне досадно, что наше начальство въ этомъ случаѣ поступило такъ неразборчиво. Въ нашихъ департаментахъ много чиновниковъ образованныхъ, умныхъ и благоправныхъ; ихъ оставили, а выбрали Иванова! Онъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ должно держать въ Россіи взаперти, и отнюдь не показывать въ Европѣ. Хорошъ представитель отечества! — Всему виновата рекомендація одной старой графини, которая, за годъ предъ симъ, проиграла ему въ бостонъ пятнадцать рублей. Онъ являлся къ ней за деньгами ежедневно, на перепутьѣ въ департаментъ, и она, чтобъ освободиться отъ должника, просила жену нашего директора послать его въ числѣ чиновниковъ, отправляемыхъ за границу, увѣряя честью, что онъ человекъ самый исправный. Ивановъ поѣхалъ охотно, потому что получаетъ жалованье съ курсомъ. Впрочемъ, какъ въ природѣ нѣтъ такого животнаго, которое не приносило бы какой нибудь пользы, такъ и Ивановъ имѣетъ свое достоинство: онъ отличный каллиграфъ, и очень искусно и красиво не пишегъ, а малюетъ буквы. Особенно великолѣпно умѣетъ онъ размазать слово: *Отчетъ*. Къ тому присовокупляется еще необыкновенная и неопѣнная въ писцѣ добродѣтель: онъ

вовсе не понимает того, что пишет. Не раз случилось ему переписывать въ департаментъ, по просьбѣ товарищей, довольно ясныя эпиграммы на самого себя. Переписать и носить съ самодовольствомъ по всѣмъ отдѣленіямъ и столамъ, приговаривая: «Каково написано? а? Да! Ивановъ простакъ, человѣкъ лишній въ министерствѣ.»

Видишь ли, что я поправляюсь! видишь ли, какъ я благоразумень — по вашему! Начинаю писать четвертую страничку, и еще не сбился на свой неподвижный пунктъ — на неподвижную звѣздочку, которая сіяетъ мнѣ съ небснаго свода, и безъ которой все это синее небо было бы для меня однимъ длиннымъ гробовымъ покровомъ! Но нѣтъ! посреди дѣла и бездѣлья, когда я читаю поэта или подорожную, когда слышу Моцартову мелодію или сытое храпѣніе моего товарища — мысль о ней безостановочно тянется въ душѣ моей. Не помню, гдѣ-то, кажется въ Гёте, читалъ я прекрасное удобленіе этой непрерывной мысли о миломъ предметѣ: во всѣхъ снастяхъ, канатахъ, веревкахъ, изготовляемыхъ для англійскаго флота, тянется въ самой ихъ срединѣ тоненькая красная шелковинка, по которой тотчасъ можно узнать вещи, принадлежащія казнѣ. Любовь истинная, душевная подобла этой шелковинкѣ: она тянется, непримѣтная, посреди тысячи другихъ нитей съ начала до конца жизни любящаго. Несчастливъ тотъ, кто лишень этой шелковинки: онъ не принадлежитъ высшему властелину, а есть собственность какого нибудь торгаша. Что

можетъ быть на землѣ благороднѣе, могу сказать священнѣе — женщиной добродѣтельной, любимой и любящей? — Прости! Негдѣ писать, а то не кончилъ бы до завтра.

На другой день.

Беру другой листочекъ бумаги. Приключеній было у насъ много. Мы остановились въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ, *das deutsche Haus*. Лишь только вышли изъ колясокъ, Волгинъ сѣлъ за фортепiano, которое нашелъ въ нашей комнатѣ, и началъ разыгрывать свои фантазии. Релейковъ закурилъ трубку, побранивая сквозь зубы весь свѣтъ. Ивановъ расположился предъ зеркаломъ, и началъ бриться, чесаться, охорашиваться, глядяся умильно и самодовольно въ кривое стекло, въ которомъ его раздутое лице отражалось еще шире обыкновеннаго. Каждая пять минутъ, онъ клалъ бритву, щеточку или полотенце, и спрашивалъ: скоро ли подадутъ обѣдь? — Я между тѣмъ переписывалъ съ карандаша вчерашнее къ тебѣ письмо, а потомъ перебиралъ заветные лоскутки бумаги въ моемъ портфелѣ. Тебѣ опять смѣшно? Мнѣ отъ роду тридцать лѣтъ, а я мечтаю и дурачусь, какъ шестнадцатилѣтній юнкеръ. Ахъ! добрые люди! предъ вами нашъ умъ, ваша расчетливость, ваше благоразуміе! Опять своротилъ въ свою колею. Виновать, поправлюсь. И чтобъ совершенно выкинуть въ предметъ настоящихъ моихъ описаній, и довести тебѣ все

тъ точности, сообщу наружные портреты моихъ со-
путниковъ; нравственные я списалъ вчера. Слушай
же. Волгинъ прекрасный собою, статный юноша, бѣ-
локурый, миловидный. Голубые глаза его выражаютъ
простоту и доброту душевную, но на правильномъ
лицѣ есть какая-то черта безпокойства: иногда вдоль
по лѣвой щекѣ происходитъ невольное судорожное
движеніе, которое придаетъ ему видъ страдальческій,
и дѣлаетъ его еще интереснѣе. Онъ сложенія сла-
баго, и, кажется, страдаетъ грудью. Женщины не
могутъ смотрѣть на него безъ участія и нѣжности;
онъ съ ними учтивъ, привѣтливъ, услужливъ до край-
ности, но холоденъ: если жъ когда либо влюбится,
то конечно будетъ любить до могилы. Онъ одѣвается
чисто, прилично, со вкусомъ, но безъ франтовства. —
Репейковъ сухощавое, длинное, морщиноватое тво-
реніе. Лобъ у него высокій; глаза черные, впалые,
подъ густыми бровями; когда онъ начинаетъ гово-
рить, кончикъ остраго сухаго носа поворачивается
вправо. Отъ каждой ноздри простираются дугою къ
ушамъ двѣ глубокія морщины. Руки ужасныя — словно
когти Асмодея; пальцы длинные, сучковатые; ногти
огрызены почти до нельзя. Онъ ходитъ какимъ-то
цивикою, всегда въ темносеромъ сюртукѣ, въ чер-
номъ галстухѣ, въ фуражкѣ. Отвратительно видѣтъ,
какъ онъ глядитъ на женщинъ. — Ивановъ представ-
лялъ бы презабавную фигуру, если бы не былъ такъ
глупъ и дерзокъ. Росту онъ невысокаго; довольно
толстъ; лице широкое, какъ будто выглядываетъ изъ

выпуклаго зеркала; глаза маленькіе, неизвѣстнаго цвѣта; лобъ узкій; волосы черные, курчавые; щеки раздутыя; носъ круглый съ широкими ноздрями; ротъ пребольшой съ толстыми губами, изъ-за которыхъ по обѣимъ сторонамъ выказываются клыки; выраженіе его лица двоякое: онъ или улыбается глупо, или жуется. Одѣтъ или величайшимъ неряхою, или приторнымъ петиметромъ. Повязка галстука есть у него дѣло государственное. Однажды, еще въ Россіи, онъ разсуждалъ съ станціоннымъ смотрителемъ полтора часа о сапогахъ. — При самомъ входѣ нашемъ въ трактиръ, встрѣтила насъ служанка (говорять, таково обыкновеніе въ нѣмецкихъ странахъ). Ивановъ тотчасъ завелъ съ нею знакомство, и пресмѣшнымъ, ломанымъ полу-нѣмецкимъ языкомъ сталъ увѣрять ее, что она красавица, и что онъ влюбленъ въ нее. Къ счастью, она догадалась спросить: «Wollen die Herren nicht etwas zu sich nehmen *)?» — «Что это?» сказалъ Ивановъ: «кого намъ взять?» — «Болванъ!» закричалъ Репейковъ: «это значить, не хотимъ ли мы чего поѣсть!» — «Ахъ, да! виновать, сбился! Zu sich nehmen! Ja, liebe meine! zu sich nehmen! Geben Sie zu sich!» Служанка отвѣчала, улыбаясь, что понимаетъ, и подъ этимъ предлогомъ освободилась отъ нашего селадона. — Послѣ довольно хорошаго обѣда, приправленнаго бранью Репейкова на

*) Не угодно ли вамъ, господа, чегонибудь взять, т. е. покусать.

нѣмецкую кухню, мы заснули богатырскимъ сномъ. Просыпаемся въ шестомъ часу. Ивановъ, выславшійся дорогою, всталъ ранѣ насъ, приѣхалъ и исчезъ. — Что дѣлать? Куда итти? Хозяинъ трактира объявляетъ намъ, что сегодня играютъ оперу, и что до театра недалеко. Пойдемъ. Мы нашли хорошія мѣста въ оркестрѣ. Началась опера. Репейковъ бранилъ все и всѣхъ, и какъ эта критика издаваема имъ была по-русски и довольно тихо, то мы и не беспокоились. Волгинъ любовался музыкою, и билъ тактъ ногою, а я совершенно потерялся въ зоблачныхъ мечтаніяхъ: нѣкоторыя изъ сихъ арій играла и пѣла та, которой обѣщаль я тебѣ не называть по имени, чтобъ легче и скорѣе забыть ее. Не называть по имени? Чудный ты человѣкъ! Да на что имя? Имена выдуманы для рядовыхъ рода человѣческаго. Въ шеренгѣ женщинъ, вотъ Дарья, вотъ Авдотья, вотъ Акулина. А для этихъ существъ, которымъ нѣтъ равныхъ, которыхъ мы ни съ кѣмъ не смѣшаемъ — на что имя! *Она, elle, sie, she*—по-латыни еще лучше— и мѣстоименія нѣтъ для нея. — Вдругъ былъ я разбуженъ изъ этого сладкаго сна общимъ шумомъ и движеніемъ въ залѣ. Всѣ встаютъ, оборачиваются и смотрять въ галерею. О ужасы! нашъ Ивановъ, разлегшись въ райкѣ, на перилахъ, между двумя Нѣмочками въ красныхъ шляпкахъ, хохочетъ во все воронье горло, а на театрѣ сцена самая чувствительная. Нѣмцы плачутъ, Нѣмки всхлипываютъ. Мы остолбенѣли. «Это что за уродъ?» спрашиваютъ позади насъ. — «Это

одинъ изъ русскихъ чиновниковъ» отвѣчаютъ ему: «которые сегодня прѣхали.» — «Da sieht man den Barbagen *)!» говоритъ тотъ же голосъ: «но видите ли, полиція уже собирается его вывести.» — Мы съ Волгинымъ потупили глаза. Репейковъ кричитъ въ изступленіи: «Дмитрій Сергѣевичъ! что тутъ дѣлать? Побить ли Нѣмца, который осмѣлился назвать насъ варварами, или выручить нашего дурака?» — «Разумѣется, сперва выручить!» отвѣчалъ я, испугавшись другой сцены. Мы выбрались изъ партера, и нашли нашего товарища уже ввизу; окруженнаго полицією и толпою любопытныхъ. Не трудно было убѣдить добрыхъ Нѣмцевъ, что нашъ землякъ нарушилъ общую горестъ зрителей единственно отъ незнанія нѣмецкаго языка. Труднѣе было удержать Репейкова, и вывести Иванова. «Помилуйте!» кричалъ Ивановъ: «что подумаютъ обо мнѣ Мальхенъ и Минхенъ? я оставилъ этихъ бѣдняжечекъ дѣвицъ однакъ, въ публикѣ; пустите!» — «Домой!» закричалъ стенторскимъ голосомъ Репейковъ, схватилъ его жилистою рукою выше локтя, и вынесъ на улицу. — Несносное это твореніе испортило пріятнѣйшій для насъ вечеръ. Дома мы съ трудомъ уложили его спать.

Вотъ тебѣ подробная реляція о вчерашнемъ днѣ. Я всталъ ранѣе прочихъ, чтобъ побесѣдовать съ тобою. Товарищи просыпаются. Чрезъ часъ поѣдемъ далѣе — *далѣе* — ужасное слово! — Репейковъ вор-

*) Вотъ видѣнъ варваръ.

чить про себя. Ивановъ жалуется, что его обидѣли. Волгинъ, улыбаясь, повторяетъ на фортепанѣ вчерашнія мелодіи. — Аванасій мой меня восхищаетъ. Вообрази, что онъ, при всей глупости своей, не зная по-нѣмецки ни слова, успѣлъ найтись въ домѣ, и познакомиться со всѣми. Удивительная смѣтливость русскаго народа!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Фридебергъ, 6 Августа.

Путешествіе наше идетъ скучно, но благополучно. Сторона здѣсь ужасная: песокъ и ели. Какая разница съ Курляндією! Тамъ земля волнистая; лѣса и луга смѣняются; пашни всѣ огорожены, и это придаетъ имъ видъ какого-то особаго благоустройства, показывая, что хозяева пекутся о своей собственности. Живописныхъ мѣстъ много. Но при самомъ переѣздѣ черезъ границу картина перемѣняется. Ниммерзатъ есть начало безконечнаго песку. Лошади тащатся медленно, коляска едва движется. Ивановъ не просыпается; Аванасій спитъ, сидя на козлахъ; я блаженствую въ одиночествѣ. Волгинъ и Репейковъ опередили насъ нѣсколькими верстами. — Здѣсь, въ Фридебергѣ, находимся мы въ идиллическомъ мірѣ. Мы остановились обѣдать у семидесятилѣтняго почтмейстера, который, за годъ предъ симъ, праздновалъ

юбилей пятидесятилѣтней своей службы. Торжество это празднуется въ Пруссіи прекраснымъ, умиленнымъ образомъ. Поутру, въ день юбилея, старикъ просыпается при звукахъ городской музыки, собравшейся у него подь окнами. Лишь только онъ встанеть, являются градоначальникъ, всѣ чиновники, пасторы, почетнѣйшіе граждане, и поздравляютъ его. Двѣнадцать дѣвиць, въ бѣломъ праздничномъ платьѣ, подносятъ ему цвѣты, и ведутъ, въ сопровожденіи всѣхъ посѣтителей, въ церковь, гдѣ пасторъ приноситъ приличное торжеству того дня слово, изображаетъ вѣрную и безпорочную службу старца, и возбуждаетъ уваженіе и соревнованіе къ нему въ слушающихъ. Возвратясь изъ церкви, всѣ садятся за обѣденный столъ, украшенный цвѣтами. Въ концѣ обѣда обыкновенно является курьеръ отъ министра, подь начальствомъ котораго служитъ старикъ, и привозитъ орденъ, при рескриптѣ Короля. Пасторъ, выразивъ чувствованія благоговѣнія и признательности къ правосудію монарха, надѣваетъ орденъ на почтеннаго чиновника, и при звукахъ трубныхъ возглашаетъ здоровье и государя и вѣрнопопданнаго. Веселые танцы и музыка оканчиваютъ торжество радостнаго дня. Волненіе чувствъ въ старцѣ иногда бываетъ такъ велико, что чрезъ нѣсколько дней причиняетъ ему смерть. Ты скажешь: такое торжество можетъ быть прилично только при юбилеѣ истинно достойнаго и честнаго чиновника; если жъ *безпорочность* службы его видна только въ предпоследней графѣ форму-

ляра, то все такое празднество похоже болѣе на сатиру, нежели на справедливое возмездіе. Ты правъ. Къ счастью, эта крайность можетъ случиться здѣсь весьма рѣдко. Трудолюбіе, исправность, честность и безкорыстіе здѣсь, въ Пруссіи и Германіи, не такъ рѣдки, какъ въ другихъ странахъ. Какъ въ иныхъ краяхъ указываютъ пальцемъ на честнаго чиновника, видя въ немъ нѣчто рѣдкое и едва позволительное (ибо онъ портитъ ремесло своихъ товарищей и преемниковъ), такъ здѣсь рѣдки взяточники и притѣснители. Съ человѣкомъ, который поступилъ бы противозаконно, который позволилъ бы подкупить себя, оправдалъ злодѣя, притѣснилъ невиннаго — никто не станетъ обходиться, и онъ принужденъ будетъ не только выйти въ отставку, но и переселится въ другой городъ. И такъ, кто здѣсь прослужилъ пятьдесятъ лѣтъ, тотъ конечно достоинъ уваженія согражданъ и признательности правительства.

Старецъ показалъ намъ рескриптъ Короля, хранящійся у него въ Библии, и серебряный кубокъ, поднесенный ему согражданами. Почтенный видъ его подѣйствовалъ и на дикихъ людей. Репейковъ не бранится, и даже глядитъ на старика съ какою-то миною, похожею на улыбку. Ивановъ повѣторяетъ кстати и некстати: «*ja, mein Herr! wahrhaftig!*» — Волгинъ, въ котораго старикъ влюбился, увѣряя, что сынъ его, Фрицъ, *ein Freiwilliger*, похожъ на него, съѣлъ послѣ обѣда за фортеціано (необходимая мебель у всякаго Нѣмца!) и заигралъ народную

гъбеню: Helft, Leutchen, mir vom Wagen. — Я воображаю, что все видимое мною есть картина фламандской школы. Комната чистая, усыпанная пескомъ, съ ореховою панелью; въ углу большая печь, темновинишная, изразцовая, на круглыхъ каменныхъ ножкахъ. Далѣе — каване простаго дерева, обитое черною кожей, съ закругленными ручками, съ круглыми подушками. Передъ нимъ столикъ, накрытый бѣлою салфеткою; на столикѣ закрытая Библия. Стулья съ кожаными подушками и высокими сквозными задками. Въ углу стѣнные часы, съ надписью: Johann Schmidt fec. Berolin. 1744. — На стѣнѣ большое зеркало въ рѣзной дубовой рамкѣ; подъ нимъ картинка, представляющая свиданіе Александра I съ Королемъ и Королевою надъ гробницею Фридриха II. Еще ниже изображеніе Королевы (имени ея начертать не смѣю) на смертномъ одрѣ. Подлѣ зеркала шкапъ стеклянный, съ посудою. И все это уютно, просто, чисто. Старикъ сидитъ подлѣ фортепiana, и, уставивъ веселые глаза на Волгина, бьетъ такъ пальцами по крышкѣ. За нимъ стоитъ, склонясь на спинку стула, вѣрная его Бавкида, въ темной кофточкѣ и юпкѣ, въ бѣломъ передникѣ и нарядномъ чепчикѣ съ лиловою лентою. Лѣвою рукою держитъ она за руку трехлѣтняго внука, который прислонился къ колѣнямъ дѣда. — По сю сторону фортепiana, сидятъ мои прозаическіе снутики. Ихъ оставляю для четвертой стѣны комнаты, которая, на картинахъ, сбывковенно дописывается воображеніемъ.

Ты опять станешь упрекать меня въ пристрастіи къ Нѣмцамъ. Брани, но выслушай. Моя добрая мать, первый мой другъ и благодѣтельница въ мірѣ, была Нѣмка, и она — она.... — Полно! полно!

Мы провели нѣсколько часовъ у добраго почтмейстера, и теперь собираемся ѣхать. Я начинаю привыкать къ Иванову. Только, я думаю, къ злой женѣ привыкнуть нельзя, ибо тамъ нѣтъ надежды на освобожденіе, а товарищъ этотъ мнѣ товарищемъ только до главной квартиры. Прости, до Берлина!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Берлинъ, 9 Августа.

Мы пріѣхали сюда вчера къ обѣду, и остановились въ Hôtel de St. Pétersbourg, Подъ Липами. Волгинъ не очень здоровъ, и мы рѣшились провести здѣсь дня три, чтобъ онъ имѣлъ время посоветоваться съ врачомъ. Кроткая его душа разогрѣла и Ренейкова сквозь тигровую оболочку. Онъ заботится о здоровьѣ Волгина: это изумительно; — вижу, и не вѣрю.

Я сдѣлался спокойнѣе. Всякая надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ, всякая къ тому возможность исчезла. Если бъ я теперь и заболѣлъ, то меня отправили бы въ здѣшнюю Charité. Повторяю тебѣ, что я спокоенъ. Теперь позволь мнѣ, въ утѣшеніе

мое, описать тебѣ всѣ обстоятельства моей несчастной страсти. Увѣрю тебя, что этотъ рассказъ не растравитъ ранъ моихъ; напротивъ, пролеть въ нихъ цѣлительный бальсамъ сладкаго воспоминанія. Еще разъ, мымыя тѣни, воскресните въ душѣ моей!

— — Нѣтъ! не могу еще приступить къ самому рассказу. Не знаю съ чего начать. Но я долженъ бесѣдовать съ тобою, долженъ бесѣдовать именно о себѣ: въ нынѣшнемъ моемъ состояніи это одна мнѣ отрада. Хоть не читай писемъ моихъ, только позволю писать. Расскажу тебѣ всю жизнь мою; все, что со мною случилось хорошаго и худаго, обыкновеннаго и необыкновеннаго, и такъ, мало по малу, дойду до той эпохи, которую теперь изобразить я еще не въ состояніи.

Тебѣ отчасти извѣстно мое воспитаніе, участь моего дѣтства и отрочества. Отецъ мой, человекъ честный и просвѣщенный, истинный сынъ отечества и вѣрно-поданный добрыхъ Государей, былъ моимъ наставникомъ. Живя въ провинціи, имѣя мѣсто незавидное и нетяжелое, онъ могъ удѣлять большую часть свободнаго времени на образованіе меня науками; обходился со мною справедливо и строго. Онъ полагалъ, что правосудіе есть основаніе и начало всѣхъ благъ въ мірѣ; что милость и снисхожденіе годны и пріятны только порочнымъ и лѣнивцамъ. Правило истинное, но не исключительное. Правосудіе, и въ свѣтѣ, и въ жизни, необходимо, но оно одно управлять не можетъ. Одинъ Богъ справедливъ, но и Онъ милосердъ. Какъ

же мы, люди смертные, слабые, слѣпые, дерзнемъ сказать, что мы справедливы? Мы можемъ только хотѣть быть справедливыми, и это хотѣніе смягчать любовью, кротостью, снисхожденіемъ. Не знаю что произвела бы во мнѣ строгость отца, если бъ она не была умѣряема нѣжностью моей матери, существа необыкновеннаго, возвышеннаго, неземнаго. Она была уроженка дрезденская, въ молодости завезена въ Россію родителями, и осиротѣла. Получивъ отличное образованіе, она вскорѣ нашла мѣсто—воспитательницы дѣтей у нашего губернатара. Тамъ отецъ мой увидѣлъ ее, успѣлъ внушить ей уваженіе къ себѣ, самъ полюбилъ ее, и предложилъ ей руку. Супружество ихъ было счастливо: строгость мужа смягчалась кротостью жены.

Первые годы моей жизни протекли въ Кіевѣ. О нихъ осталось у меня темное воспоминаніе. Помню нашъ домъ, деревянный, зеленый, съ садомъ; помню дѣтскую, въ которой болѣе всего занимала меня балка, подпиравшая потолокъ; помню комнату, въ которой сидѣла матушка, у окна, на приступѣ, въ креслахъ; надъ ногами у ней была скамеечка съ вышитымъ по канвѣ зеленымъ попугаемъ; передъ нею стоялъ рабочій столикъ, съ выдвинутымъ ящичкомъ; на столикѣ ларчикъ, выложенный разноцвѣтнымъ деревомъ. Матушка ходила обыкновенно въ нѣбномъ платьѣ, въ бѣломъ чепчикѣ съ голубою лентою, въ башмакахъ на высокихъ каблукахъ. — Помню берега Днѣпра; Андреевскій Соборъ, Лавру, Пещеры;

помню домъ губерваторскій на террасѣ. Въ немъ, по какому-то торжественному случаю, однажды лѣтомъ давали балъ, съ иллюминаціею. Я стоялъ на улицѣ, смотрѣлъ въ раскрытыя окна, и рвалъ рученку свою изъ руки няинной, чтобъ найти лучшее мѣсто, откуда бы могъ увидѣть свою маменьку, разрядившуюся дома, чтобъ ѣхать на балъ. Но все это носится въ душѣ моей, подернутое, едва проицаемымъ туманомъ. — Помню изъ того времени лучше всего путешествіе наше въ Петербургъ, и поѣздку въ Царское Село. Мнѣ было тогда лѣтъ семь отъ роду. Батюшка остановился въ Царскомъ Селѣ, у одного знакома, служившаго при тамошней бумажной фабрикѣ, и мы прожили тамъ съ недѣлю. Самое завидное воспоминаніе оставила въ душѣ моей картина тогдашняго царскаго двора. Мы гуляли однажды, послѣ обѣда, въ саду. Вдругъ слышимъ: «Государыня! Государыня!» и всѣ бросаемся ко дворцу. И теперь вижу широкую аллею, со сквозными желѣзными скамьями, по сторонамъ. Идетъ Екатерина, въ сопровожденіи всего двора своего, многочисленнаго и блистательнаго, и съ божественною улыбкою кланяется тихо на обѣ стороны. Ее вель подь руку какой-то генералъ. По правую руку шли Великіе Князья Александръ и Константинъ; за ними прочіе. Музыка играла польской, очень извѣстный. Мелодія его осталась на *дмь* моего воображенія. Въ Фридебергѣ Волгинъ невзначай заигралъ этотъ польской, и въ душѣ моей со всею яркостью возобновилась картина, видѣнная мною за

двадцать слишкомъ лѣтъ. Странное дѣло! Воспоминанія прошедшаго времени спятъ иногда по нѣсколькѣ лѣтъ въ душѣ нашей; — чуть затронь струну, которая ихъ касается, и они возникаютъ съ прежнею живостию, украшенныя еще блескомъ воображенія, лишенныя вседневной примѣси, которая, какъ плѣсень, покрываетъ для насъ предметы настоящаго времени. Я люблю носиться памятью во дняхъ давно минувшихъ, люблю воскрешать въ своемъ воображеніи людей, давно почившихъ сномъ непробуднымъ, люблю питаться сими сладостно-горькими мечтами. А если еще къ тому присоединится какое либо дѣйствительное обстоятельство, существовавшее и во времена воображаемыя! Такое наслажденіе имѣлъ я при возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ 1811 году. Лишь только успѣлъ я удосужиться, полетѣлъ въ Царское Село. Безъ труда нашѣлъ я аллею, похожую на ту, въ которой видѣлъ Екатерину; тѣ же деревья, тѣ же зеленыя желѣзныя скамьи съ сквозными спинками. Я пошелъ вдоль по этой аллеѣ, и очутился предъ волшебнымъ домомъ, въ которомъ изъ подъ полу является столъ, уставленный блюдами; стѣбитъ только написать на аспидной дощечкѣ чего желаешь, и дернуть за шнурокъ колокольчика. Тарелка на аспидной дощечкѣ исчезаетъ, и чрезъ двѣ минуты вновь является предъ тобою съ требуемымъ. Этотъ домъ въ дѣтствѣ моемъ игралъ важную роль въ мечтательныхъ волшебныхъ сказкахъ, которыя я сочинялъ въ воображеніи, а теперь я увидѣлъ, что онъ существуетъ

въ самомъ дѣлѣ, и что мнимая мечта была дѣйствительность, превратившаяся въ вымыселъ. И наоборотъ — сколько мечтаній, сколько невольныхъ вымысловъ воображенія вкрадывается въ дѣйствительныя наши воспоминанія! Такъ не знаю, точно ли я слышалъ польской при шествіи Императрицы, или онъ потомъ сдѣлался въ воображеніи моемъ акомпанементомъ этой картины.

Обрадованный этою находкою, я пошелъ далѣе, и вскорѣ очутился внѣ сада. Вправо тянется на Ижору большая московская дорога, спускаясь съ возвышенія, на которомъ построено Царское Село. Картина прекрасная! Вдали скрывается въ пыли фельдъегерская тройка; за нею тянется обозъ; ближе ко мнѣ идутъ по дорогѣ два солдата въ походной амуниціи; крестьянинъ ѣдетъ на возу; бредутъ бабы съ кузовками. Я подумалъ: жаль, что со мною нѣтъ камеръ-обскуры; вдругъ взглянулъ влѣво, и міръ старинный, давно исчезнувшій, возникъ не въ воображеніи моемъ, а въ сущности. Вотъ два четвероугольные пруда, раздѣленные перемычкою, съ поднятымъ шлюзомъ; вотъ бумажная фабрика, а вотъ и домъ двухъ-этажный каменный, въ которомъ мы жили. Не могу сказать тебѣ что я почувствовалъ въ ту минуту! Воспоминанія громадою затолпились въ умѣ моемъ. Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, и не могъ понять самого себя. Мало по малу улеглось волненіе думъ. Я тихо подошелъ къ дому. Смотрю въ окна нижняго яруса, гдѣ мы останавливались. На нихъ стоятъ цвѣты; подлѣ

лежать книги. Это мнѣ было пріятно. Здѣсь и теперь живутъ люди! подумалъ я. Я вошелъ въ ворота, поворотилъ влѣво къ подъѣзду: тѣ же плиты; вижу на одной слѣды того, что я точилъ на ней — дѣтскую лопатку. Вхожу въ сѣни; берусь за знакомую ручку замка; поворачиваю съ пріятнымъ чувствомъ: теперь это не такъ трудно, какъ тогда. Дверь открывается съ знакомымъ скрипомъ. Я захлопываю ее, чтобъ повторить снова. Дверь отворяютъ изнутри; выходитъ милостивая дѣвица, хорошо одѣтая, и спрашиваетъ учтиво: «Кого вамъ, сударь, надобно?» — «Никого, сударыня,» отвѣчалъ я смѣшавшись, и взялся опять за ручку. Въ глазахъ у меня было конечно нѣчто страшное, потому что дѣвица вдругъ сказала мнѣ, испугавшись: «Никого дома нѣтъ, сударь! Не извольте входить.» Тутъ догадался я, какъ странно должно быть мое посѣщеніе, и собравшись съ мыслями, отвѣчалъ: «Извините, сударыня, мою неучтивость! Мнѣ хотѣлось войти въ комнаты, въ которыхъ я былъ счастливъ за двадцать лѣтъ предъ симъ; гдѣ моя покойная мать....» Голосъ мой прервался. — «Войдите, войдите, пожалуйста!» сказала она съ милою улыбкою: «вы никого не обезпечите.» Я воспользовался ея приглашеніемъ: вошелъ, и сталъ съ уныніемъ припоминать себѣ прежнія комнаты, гдѣ я игралъ во младенчествѣ. Все измѣнилось: и вмѣсто печи съ размазанными синею краскою изразцами, вижу печь бѣлую, ничего незначащую. Но въ этомъ мѣстѣ стоялъ диванъ, крытый пестрымъ ситцемъ; передъ нимъ

круглый опускной столикъ на одной ножкѣ, и тутъ сживала матушка съ хозяйкою. — Дѣвица начала говорить: «Двадцать лѣтъ — это очень давно. Многого нѣтъ уже на свѣтѣ.» — «Точно такъ,» — отвѣчалъ я: «но доколѣ сердце бьется въ груди человѣка, онъ долженъ чтить память времянь минувшихъ.» Не знаю, поняла ли она меня. Я сказалъ ей еще нѣсколько словъ въ извиненіе моего неожиданнаго посѣщенія, и вышелъ, блаженствуя воспоминаніемъ минувшаго, проливая слезы о томъ, что было, и чего уже нѣтъ. —

Сегодня не могу продолжать. Но ты видишь, милый другъ, что мнѣ пора позволить говорить о *быломъ!* Видишь, какъ я умѣю не говорить объ *ней!* И пока дойду до *ея* эпохи, много испишу бумаги. — Шумъ товарищей не позволяетъ мнѣ продолжать. — До слѣдующей почты!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Берлинъ, 44 Августа.

Общество наше здѣсь значительно приумножилось. Лишь только сдѣлалось извѣстнымъ, что пріѣхали русскіе чиновники, множество земляковъ стали къ намъ являться. Здѣсь много нашихъ офицеровъ, на прѣздѣ въ армію и изъ арміи. Есть и нѣсколько

знатныхъ семействъ, которыя, не оглядываясь, бѣжали сюда изъ Парижа, при появленіи тамъ Бонапарта. Я познакомился тамъ съ Графомъ Д., умнымъ, образованнымъ человѣкомъ, и его фамиліею. Ты удивишься, не вѣришь этому, зная отвращеніе мое къ посѣщенію домовъ, при входѣ которыхъ стоитъ швейцаръ съ вызолоченною дубинкою. Здѣсь вовсе не то. Наши знатные господа удивительно какъ начинаютъ любить Россію, лишь только выйдутъ за границу. Всякаго Русскаго принимаютъ на чужбинѣ, какъ друга, какъ роднаго. И мы здѣсь водимся по-братски съ вельможами, которые въ Петербургѣ не удостоятъ насъ и взгляда. Но не совѣтую нашему брату, полумлебею, слишкомъ полагаться на эту ласку. Лишь только упадетъ шлагбаумъ полангенскій за коляскою, пріятливое лице земляка нашего опять сдѣлается сіятельнымъ, и мы вновь превратимся въ несчастныхъ илотовъ департаментскихъ. Фраза, которою они прикрываютъ пережѣну обращенія своего съ землякомъ, въ чужихъ краяхъ, есть слѣдующая: Il gagne à être connu *). Фраза, означающая паденіе нашего курса, мнѣ еще неизвѣстна, но я не премину сообщить ее тебѣ, лишь только узнаю.

Волгинъ все еще нездоровъ. Боимся ѣхать. Репейковъ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ. Ивановъ досмерти надоѣдаетъ своими требованіями: непремѣнно хочетъ

*) Чѣмъ короче его узнаешь, тѣмъ болѣе онъ выигрываетъ.

познакомиться со всею знатью, и чѣмъ нибудь отличиться въ Берлинѣ. Когда его нѣтъ дома, и послышится на улицѣ шумъ, я трепещу всѣмъ тѣломъ. Надѣюсь на офицеровъ нашихъ, которые взялись быть его менторами, и обѣщали намъ, что не дадутъ ему дурачиться. Только бѣ оны имъ не надоѣлъ: дуракъ забавень день, другой, а потомъ непремѣнно наскучить. Впрочемъ замѣтъ, какъ эти люди ни глупы, а на злость, на мщеніе у нихъ довольно ума, и даже замысловатости. Вообрази, какъ Ивановъ вздумалъ заплатить графинѣ, которая выпроводила его изъ Петербурга: онъ написалъ къ ней отсюда глупѣйшее благодарственное письмо на пребольшомъ листѣ толстой бумаги, и отправилъ по почтѣ. Бѣдная старуха должна будетъ заплатить вѣсовыхъ денегъ вдвое противъ того, что причиталось Иванову!

Я живу здѣсь довольно тихо. Мало выхожу со двора, чтобъ не оставлять бѣднаго Волгина. Онъ утѣшаетъ меня за фортепіаномъ. Тысячу разъ въ жизни сожалѣлъ я, что не учился музыкѣ! Міръ гармоніи есть задатокъ наслажденій лучшаго свѣта. Когда я въ сумерки сажу у окна, и, ничего не видя, смотрю на улицу, гдѣ мелькаютъ незнакомыя мнѣ лица, а Волгинъ между тѣмъ играетъ свои фантазіи, перемежанныя съ русскими пѣснями, я забываю этотъ свѣтъ и все его страданія; какое-то томное чувство высшаго бытія разливается въ душѣ моей, и въ необозримомъ туманѣ херувимская головка улыбается мнѣ сквозь слезы. — Другое наслажденіе (и это бываетъ

поутру, когда еще все спят) есть беседа съ тобою.

Стану продолжать начатый разговоръ — доколѣ не прервутъ его, воспрянувъ отъ сна, дражайшіе мои соотчичи.

Вскорѣ послѣ поѣздки нашей въ Петербургъ, переселились мы въ Саратовъ, гдѣ отецъ мой получалъ хорошее мѣсто. И тамъ началъ я совершенно понимать и себя, и тѣхъ, съ которыми жилъ.

Первоначальное воспитаніе получилъ я въ домѣ родительскомъ. Добрая матери обязанъ я познаніемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, а этому познанію всѣми успѣхами моими въ жизни и службѣ. Отецъ мой, воспитанный въ училищахъ духовныхъ, самъ училъ меня языкамъ греческому и латинскому. Чтеніе Гомера и Виргилія, Софокла и Тацита, доставило мнѣ большое наслажденіе, много способствовало къ развитію предъ глазами моими древняго міра, въ простой и величественной красотѣ его. — Но, повѣришь ли? — обязанный многими наслажденіями языкамъ древнимъ, я не ослѣпленъ на счетъ ихъ важности, и полагаю, что въ нынѣшнее время человѣку и гражданину гораздо полезнѣе учиться языкамъ новѣйшимъ. Латинскій и греческій языки должны быть роскошью ученія, какъ, напримѣръ, арабскій, персидскій, санскритскій. Кто не согласится, что изученіе и этихъ языковъ можетъ принести большую пользу и удовольствіе? Но кто въ то же время не скажетъ, что грѣшно отнимать время отъ изученія предметовъ полезнѣй-

шихъ для вытверживанія вокабулъ, между тѣмъ, какъ творенія народовъ древности можно читать въ переводахъ? Не буквы, не звуки древнихъ намъ дороги и священны, а духъ, мысли, чувства. Кто имѣетъ случай и досугъ, учись языкамъ классическимъ; кто готовится быть филологомъ, тотъ долженъ узнавать ихъ въ подробности; но человѣку, и гражданину вообще, предоставляются иные, важнѣйшіе предметы для изученія. И не странно ли употреблять лучшіе годы жизни на мучительное изученіе того, что потомъ непремѣнно должно позабыть! — Не знаю что произошло бы отъ сего односторонняго обученія, если бѣ Провидѣніе не послало мнѣ третьяго наставника, въ лицѣ двоюроднаго дяди моего по отцѣ, Александра Яковлевича Пятигорскаго, котораго память пребудетъ для меня свящею до могилы. Онъ былъ человѣкъ не столько ученый и образованный, сколько умный, острый и смысленый; пылкій до невѣроятности, но добрый и благодѣтельный. Помню большіе голубые глаза его, которыми онъ приводилъ меня въ трепеть, когда я чувствовалъ за собою какую нибудь вину. Помню и улыбку его, неизъяснимо пріятную, которою онъ выражалъ мнѣ свое удовольствіе. Онъ служилъ въ артиллеріи, отличился въ походахъ шведскихъ необыкновенною храбростью и искусствомъ, но на финскихъ болотахъ схватилъ лихорадку, которою страдалъ до кончины. Онъ принужденъ былъ, вскорѣ по заключеніи мира, выйти въ отставку капитанъ-поручикомъ, пріѣхалъ въ Саратовъ, и поселился

у насъ въ домѣ. Матушка любила его, какъ роднаго брата. Онъ былъ одинъ человѣкъ, котораго слушался отецъ мой. Бывало, батюшка отъ какойнибудь бездѣлицы вспылить, покраснѣеть, задрожить; думаемъ, не въсь что будетъ. Подойдетъ дядя, возьметъ его за руки, и ласково скажетъ: «Братъ, Сергѣй Ивановичъ! что ты? опомнись!» И гнѣвъ отца моего утихнетъ, какъ отъ волшебной силы. «Ну какъ, Саша, не сердиться?» начнетъ онъ опять: «видишь ли...» — «И полно, стоитъ ли этотъ вздоръ, чтобъ умный человѣкъ только подумалъ о томъ! Разсуди самъ.» — И все пройдетъ. Матушка, бывало, кроткими взглядами сквозь слезы благодарить миротворца. — Я прилѣпился къ нему всею душою. Онъ былъ истиннымъ моимъ наставникомъ. Формально училъ онъ меня только ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи, по тетрадкамъ бывшаго инспектора классовъ въ Инженерномъ Корпусѣ, генерала Верещагина (изъ которыхъ штыкъ-юнкеръ Войтаховскій скропалъ свой Курсъ Математики); но сколько получилъ я отъ него уроковъ душевной религіи, нравственности, долга, чести! Я былъ съ нимъ неразлученъ. Ему совѣтовали лечиться кумысомъ, и мы часто ѣзжали съ нимъ въ калмыцкія кочевья, на луговой сторонѣ Волги. Тамъ, въ необозримой степи, подъ величественнымъ шатромъ звѣзднаго неба, бесѣдовалъ онъ со мною о жизни и безсмертіи, о обязанностяхъ человѣка и гражданина; указывалъ на дикихъ сыновъ природы, блуждавшихъ предъ глазами нашими, и переносилъ

меня мыслию въ Европу, въ среду просвѣщенія и пороковъ утонченныхъ. Раза два ѣздили мы съ нимъ въ Сарепту, и любовались картиною мирнаго общества, успѣвшаго соединить въ средѣ своей всѣ добродѣтели житейскія; но единообразіе, безстрастіе и неумолимая строгость Гернгутовъ не могли плѣнить души пламенной и поэтической. — Всѣ сіи разнообразныя картины и повѣствованія употребляемы были мною наставникомъ въ умственную и нравственную мою пользу. Какъ часто, на этихъ отдаленныхъ прогулкахъ, забывая предметы ученія земнаго, возносилъ я свои мысли мои къ Престолу Предвѣчнаго, котораго величавая, необозримая хранина разстилалась надъ нами! Блаженныя минуты! — Счастливъ тотъ возрастъ, въ которомъ въ сердце человѣка образовалось уже для пріятія чувство вѣры и любви, но закрыто еще для бурныхъ страстей; когда душа его пріемлетъ впечатлѣнія величественныя добродѣтели земной и вѣры небесной, но еще не знаетъ хитростей, именуемыхъ наукою свѣтской жизни; когда юноша во всѣхъ окружающихъ его видитъ друзей и братьевъ! И этотъ истинно поэтическій возрастъ проходитъ какъ тѣнь, и человѣкъ самъ спѣшитъ выйти изъ сего очарованнаго міра. Холодная рука опыта схватываетъ его, и ввергаетъ въ пучину житейскую. — — Мой выходъ изъ блаженнаго возраста былъ ознаменованъ двумя жесточайшими потерями. Дядя мой вдругъ заболѣлъ опасно. Я не отходилъ отъ его постели. На пятый день болѣзни, когда я одинъ сидѣлъ у него и читалъ какую-

то книгу, онъ приподнялся, взявъ меня за руку, и сказалъ: «Митя! не забывай меня!» Въ глазахъ его было что-то страшное, и въ то же время нѣжное. Я его не понялъ, хотѣлъ спросить; но онъ упалъ на подушку, захрипѣлъ и закрылъ глаза навѣки. Ужасное время! И нынѣ, по истеченіи пятнадцати лѣтъ, не могу вспомнить о томъ безъ трепета. Домъ нашъ осиротѣлъ, но еще другой ударъ готовился мнѣ судьбою. Моя добрая, нѣжная мать скончалась чрезъ полгода послѣ дяди. Тщетно и теперь сталъ бы я стараться описать тебѣ то, что тогда чувствовалъ: этому нѣтъ ни имени, ни описанія. И отецъ мой, человѣкъ твердый, непреклонный, пораженъ былъ симъ вторымъ ударомъ до крайности. При смерти брата онъ былъ печаленъ, убитъ, но молчаливъ и угрюмъ. Смерть жены какъ бы растопила ледяную кору, которою облекалось его доброе сердце. Слезы его, которыхъ дотолѣ никто не видалъ, привели меня въ умиленіе. И онъ, послѣ сихъ жестокихъ ударовъ, какъ бы переродился: сталъ терпѣливъ, кротокъ, снисходителенъ. Время облегчило нашу горестъ, но не истребило ея. Друзья наши жили въ нашихъ душахъ. Въ последнемъ письмѣ своемъ, чрезъ пять лѣтъ, отецъ писалъ мнѣ: «Иду домой. Жена и братъ ждутъ меня. Помни ихъ, Дмитрій! Памятники ихъ распадутся на кладбищѣ, но любовь безсмертна, какъ душа человѣка.» — — И я не забылъ этого наставленія. При каждомъ намѣреніи, при каждомъ начинаніи, думаю о дядѣ, объ отцѣ, о матери, и мысленно прошу.

ихъ совѣта и благословенія. Въ горести душевной къ нимъ обращаю мои жалобы и слезы. Люди мраморные называютъ это сентиментальностью и суетвѣриемъ. Пусть! — Меня всегда огорчаетъ мысль о томъ, какъ легко и скоро люди забываютъ почившихъ друзей своихъ, какъ мало въ свѣтѣ примѣтно ихъ отсутствіе. Такъ непріятельскія ядра вырываютъ солдатъ изъ рядовъ, и офицеръ командуетъ: смыкай ряды, чтобъ не было интерваловъ! Фронтъ тотъ же, да люди не тѣ. Ты скажешь, что иначе въ свѣтѣ быть не можетъ: согласенъ; но Китайцы одни въ этомъ случаѣ постигли долгъ и потребность души человѣческой: они поклоняются, какъ божеству, памяти умершихъ своихъ родителей, въ твердомъ увѣреніи, что смерть не разрываетъ священныхъ узъ земной природы. — Довольно! Къ этимъ мыслямъ не могу присоединять другихъ, и по неволѣ отлагаю продолженіе. — Прости!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Берлинъ, 16 Августа.

Вчера кончилъ я письмо въ самомъ уныломъ расположеніи духа: всѣ раны сердца моего раскрылись; но видно, мнѣ суждено играть трагедію среднихъ вѣковъ, гдѣ сцены грустныя смѣняются буфонствомъ.

Соч. Греча. — Т. II.

И это буфонство поразвеселило меня на нѣсколько минутъ. Выслушай.

Волгинъ, играющій у насъ роль хозяина, потому, что онъ *корядочнѣе* всѣхъ насъ, велѣлъ позвать меня къ чаю, лишь только я кончилъ письмо. Вхожу въ его комнату. Самъ Волгинъ сидитъ за чайнымъ столикомъ, въ утреннемъ сюртучкѣ, повязавъ шею пестрымъ шелковымъ платочкомъ, вообще одѣтый съ какимъ-то кокетствомъ, но безъ намбренія. Блѣдность придаетъ еще болѣе пріятности милому лицу его. Репейковъ подлѣ него съ распухлыми глазами, еще нечесанный и небритый, въ нагальномъ тулупѣ изъ крымскихъ барашковъ, безъ галстука, наливаетъ рому въ чай: онъ и по утрамъ пьетъ ромъ съ чаемъ. Далѣе, въ полъ-оборота къ зеркалу, возсѣдѣть преважно Ивановъ, уже совершенно одѣтый, и обрѣзываетъ городками владимірскую ленточку, которую онъ носить въ петлицѣ, въ замѣкъ еще неполученной имъ дворянской медали. — Волгинъ привѣтствовалъ меня просто, дружески, какъ всегда. Репейковъ также поклонился довольно учтиво; но Ивановъ едва кивнулъ головою, и гордо улыбнулся. Я сѣлъ за чай. Продолженіе того же. Странное дѣло! Ивановъ, который бывало бредитъ безъ умолку, какъ сорока, теперь хранить глубокое молчаніе, изрѣдка *посматриваетъ* съ улыбкою въ зеркало, и ввязавъ ленточку въ петлицу, выдергиваетъ изъ-за галстука кончики своей *манитки*. — «Что это значить!» спросилъ я по-французски у Волгина. —

«Не знаю,» отвѣчалъ онъ, удерживаясь отъ смѣху: «этотъ господинъ сегодня въ какомъ-то важномъ пароксизмѣ: выпилъ только пять чашекъ чаю, гораздо менѣе противъ обыкновенія, и изволилъ скушать только четыре булочки. Въ немъ что-то зрѣеть.» — «Не спросить ли?» — «Нѣтъ! оставь его: онъ ждетъ вопросовъ, и наше равнодушіе мучить его до крайности. Онъ долго не вытерпитъ.» И въ самомъ дѣлѣ Ивановъ началъ поглядывать на насъ попеременно, какъ бы выбирая, съ кѣмъ начать разговоръ. Счастливымъ жребіемъ палъ на меня. — «Скажите мнѣ, пожалуйста, Дмитрій Сергѣевичъ, какой важнѣйшій орденъ въ Пруссіи, на примѣръ, то есть, какъ у насъ Андрея?» — «Чернаго Орла,» отвѣчалъ я. — «Чернаго Орла?» повторилъ онъ значительно: «такъ у нихъ голубая лента значить орденъ Чернаго Орла?» — «Не голубая,» сказалъ я: «а оранжевая. Орденъ этотъ носятъ на оранжевой лентѣ.» — «Да по крайней мѣрѣ также черезъ плечо?» спросилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. — «Разумѣется!» — «То-то!» И опять погрузился въ думу. Репейковъ хотѣлъ было отвѣсить ему обыкновенный комплиментъ, но мы съ Волгинымъ знаками просили его поудержаться. — Черезъ нѣсколько минутъ Ивановъ опять заговорилъ со мною: «А графское достоинство здѣсь такъ же, какъ и у насъ, передается отъ мужа женѣ, а мужу отъ жены?» — «Что за вздоръ!» закричалъ Репейковъ: «видано ли, чтобъ мужъ по женѣ получалъ графство!» — «Извините, Никита Савичъ! если жена послѣдняя въ родѣ,»

возразилъ Ивановъ, поднявъ носъ, и придернувъ къ низу жилетъ. Я началъ догадываться. Въ это самое время съ шумомъ входятъ въ комнату двое изъ нашихъ новыхъ друзей, маіоръ Рѣжицкій и ротмистръ фонъ-Гриненбергъ, служащій переводчикомъ всѣмъ нашимъ Русскимъ въ Берлинѣ. «Бонъ-журъ! бонъ-журъ!» кричитъ Ивановъ, и кидается обнимать ихъ. «Что графиня? здорова ли? а *ма тантъ?*» — «Слава Богу! слава Богу!» отвѣчаетъ Рѣжицкій пресеріозно: «сегодня зовутъ тебя на вечеръ.» — «Я ужъ одѣлся!» говоритъ Ивановъ: «ахъ любезнѣйшіи *монами!* Если бъ ты зналъ, какъ я счастливъ! — Милостивые государи!» началъ онъ преважно оборотаться къ намъ: «по рекомендаціи Василія Петровича Рѣжицкаго и Андрея Адольфовича фонъ-Гриненберга, познакомился я здѣсь, въ Берлинѣ, въ одномъ знатномъ домѣ, у Графини Бернаръ, и успѣлъ внушить вѣжныя чувства ея племянницѣ, Эмилии фонъ, фонъ — какъ бишь! — ну все равно, только она въ родѣ своемъ послѣдняя, и мужу своему передаетъ графское достоинство, орденъ Чернаго Ора и богатѣйшія помѣстья въ новозавоеванной у Французовъ области Мвнхгаузенъ.» Сказавъ сіи слова, онъ съ важностью поклонился. Мы съ громкимъ смѣхомъ стали поздравлять его, догадываясь, что это шутка шалуновъ офицеровъ. И дѣйствительно: Рѣжицкій растолковалъ мнѣ потомъ, что они выдумали средство удержать Иванова въ предѣлахъ благочинія, увѣривъ его, что въ него влюбилась графиня, и что онъ, для полученія ея руки, дол-

женъ вести себя чинно и благопристойно. Не спрашивай, откуда взялась и графиня, и ma tante. Чрезъ полчаса, всё, кромѣ Волгина и меня, скрылись. День былъ прекрасный. Мы съ Волгинымъ, которому уже позволяютъ изрѣдка прогуливаться, пошли *Подъ Липы*. Берлинъ городъ правильный, чистый, прекрасный; но въ новой его части (Фридрихштатъ) все что-то форменное, шеренговое. Улицы прямыя, дома высокіе, однообразные. Есть зданія великолѣпныя. Болѣе всего мнѣ нравится то, что университетъ помѣщается въ огромномъ, величественномъ дворцѣ (Принца Генриха), наравнѣ съ царскими палатами. Старый городъ построенъ неправильно: улицы узкія, кривыя; дома разнообразны, но въ этой постройкѣ видна нѣмецкая національность, и она мнѣ нравится. Вообще я люблю во всякомъ народѣ то, что ему принадлежитъ искони, что дано ему самую природою, или сдѣлалось его собственностью въ теченіе времени. Всякая искусственная иноземная примѣсь кажется мнѣ неюсною. — Мы посѣщаемъ и театръ съ большимъ удовольствіемъ. Иванову офицеры запретили входъ въ театръ, увѣривъ, что это не въ тонѣ. Не повѣришь, какъ мы благодарны этимъ добрымъ шалунамъ! Я обязанъ имъ сегодня удовольствіемъ, котораго давно не имѣлъ — посмѣяться отъ чистаго сердца. Это мнѣ нужно было въ горестномъ моемъ расположеніи. Есть люди, которые говорятъ, что страданія пріятны. Я это не очень понимаю, и охотно отказался бы отъ страданій, уничтоженіемъ

побудительной къ нимъ причины; но то замѣтилъ я, что иногда бываетъ *созвѣстна* смѣяться и веселиться. Это случилось со мною теперь. Я посмѣялся, а потомъ сталъ сердиться на себя за этотъ смѣхъ, хотя и чувствовалъ, что послѣ того стало легче на сердцѣ. — Займусь продолженіемъ моей исторіи. Нынѣ надѣюсь исписать цѣлую тетрадь.

Кончина дяди и матери все у насъ въ домѣ разстроила и перемѣнила. Отецъ мой не могъ одинъ заниматься моимъ воспитаніемъ, и на шестнадцатомъ году отъ роду я былъ отправленъ въ Москву, къ одному родственнику, служившему при университетѣ. При самомъ вступленіи въ гимназію, познакомился и подружился я съ тобою. Нужно ли описывать тебѣ тогдашнія событія? Ты помнишь, какъ я жилъ, какъ учился; ты видѣлъ, какъ твердо исполнялъ я завѣтъ родителей, старался быть правдивымъ, честнымъ и снисходительнымъ къ ближнему. Ты помнишь, какъ я вздумалъ было влюбиться въ профессорскую дочку, Наташу Музину, какъ и она отвѣчала мнѣ взаимною склонностью. Вдругъ, къ счастью моему и, вѣроятно, также къ Наташину, явился у насъ въ Москвѣ драгунскій майоръ Дергачевъ, плѣнилъ легионъ красавиць, а самъ плѣнился Наташею. Она, не задумавшись, изгѣнила безбородому студенту, и я съ геройскимъ видомъ держалъ надъ нею брачный вѣнецъ, на зло всѣмъ товарищамъ,

которые издѣвались надъ моею страстью! Но это была не страсть, не любовь, а неизбежная вспышка молодой, пылкой души. Не помню, кто-то сказалъ: вторая любовь чловѣка есть истинная: первая же бываетъ обыкновенно данію возникающей чувственности, и это я въ полной мѣрѣ испыталъ надъ собою.

Въ тотъ самый день, когда я, кончивъ курсъ университетскаго ученія, получилъ аттестатъ, пришло извѣстіе о кончинѣ почтеннаго моего родителя. Я совершенно осиротѣлъ въ мірѣ. При первой возможности полетѣлъ я въ Саратовъ, и бросился на хладныя камни, подъ которыми скрывались останки людей, мною пламенно любимыхъ. Отецъ мой былъ похороненъ подлѣ дяди, но могила матушки была на кладбищѣ иновѣрческомъ. Это мнѣ было больно. Какъ ни толкуй о томъ, что тѣло чловѣческое есть прахъ и тлѣніе, что все равно, гдѣ бы ни было оно погребено, но я желалъ бы, чтобъ сердце мое улеглось въ сырой землѣ подлѣ сердецъ ему близкихъ, чтобъ пепелъ мой смѣшался съ пепломъ, оживлявшимся тѣми душами, которыя должны встрѣтить меня въ обители надзвѣздной.

Я воротился въ Москву, вновь увидѣлся съ тобою, и на груди твоей нашель не забвеніе, а облегченіе моей грусти. Помнишь ли Нескучное? помнишь ли Горенки? — Последовавшія пять лѣтъ жизни моей въ Москвѣ извѣстны тебѣ, можетъ быть, еще болѣе, нежели мнѣ самому. Въ началѣ 1841 года ты уѣхалъ въ Рязань. Я не могъ оставаться въ Москвѣ, гдѣ

душа моя не успѣла породниться съ другою душою; гдѣ моя безпокойная дѣятельность не находила себѣ пищи. Попытки мои въ литературѣ были неудачны. Я начиналъ многое съ жаромъ; истощалъ все воображеніе, все чувство на первыя строки, и оканчивалъ слабо, сухо и холодно. Одна злодѣйская критика отбила у меня всю охоту къ поэзіи, и потомъ надлежало заплыть всей душѣ моею, чтобъ память пріискала нѣсколько римъ не самыхъ убогихъ. Въ то самое время, когда я сильно досадовалъ на самого себя за то, что вздумалъ себя *печатать*, получалъ я приглашеніе ѣхать въ Петербургъ, гдѣ мнѣ предлагали хорошее мѣсто. Я ни минуты не колебался, поѣхалъ, и на пятый день остановился у Демута. Въ то время довершалось образованіе многихъ новыхъ департаментовъ; искали людей съ познаніями, и я безъ труда опредѣленъ былъ на штатное мѣсто. Въ департаментѣ занимался я только съ девяти до трехъ часовъ утра, и могъ въ остальное время дѣлать что мнѣ угодно. Начальники были у меня добрые; въ числѣ сослуживцевъ нашелъ я нѣсколько отличныхъ людей, между прочими милаго Волгина. Такъ думалъ я провести жизнь свою, между дѣломъ и бездѣльемъ. Думалъ, но не хотѣлъ: безпокойная душа моя всегда чего-то искала. Пишешь бывало: 20-го января, и думаешь: что-то будетъ 1-го февраля? — какъ бы скорѣе дожить, а вѣрно что нибудь да будетъ. Единообразіе службы моей еще болѣе разжигало эту тоску невѣстности. Безконечное, вѣчное изготовленіе бумагъ

по одной и той же формѣ надоѣдало мнѣ до крайности. Я съ жадностью хватался за все, что хотя нѣсколько выходило изъ обыкновеннаго круга; удивлялся и завидовалъ тѣмъ людямъ, которые въ состояніи просидѣть шесть часовъ на одномъ мѣстѣ, и непрерывно заниматься ужаснѣйшимъ вздоромъ; въ три часа посмотреть на часы, и, сказавъ: пора обѣдать, замкнуть дѣла въ ящикъ, и поплестись домой, чтобъ завтра опять вскапывать на гору Иксионово колесо безъ повозки.

Вдругъ одно неожиданное посѣщеніе произвело нѣкоторую перемѣну въ моей безцвѣтной жизни. Въ Петербургъ пріѣхала изъ Воронежа двоюродная тетка моя, сестра Александра Яковлевича, Агаѣя Яковлевна Крымцова, съ мужемъ. Они остановились у меня. — Тетушка моя принадлежитъ къ тому ужасному виду женскаго пола, который извѣстенъ въ свѣтѣ подъ названіемъ *бой-баба*. Она неумолкная болтуня, прихотливая, упрямая, дерзкая и властолюбивая, но притомъ имѣетъ доброе сердце, услужлива и сострадательна. При всѣхъ этихъ хорошихъ качествахъ, я не могу ей простить, что она, сестра Александра Яковлевича, такъ мало на него походить. Мужъ ея, Иванъ Ильичъ Крымцовъ, коллежскій совѣтникъ и Святыя Анны втораго класса кавалеръ, есть также образцовое произведеніе не природы, а случая. О немъ можно сказать: въ чернилахъ крещенъ! Онъ служитъ тридцать лѣтъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, трудится съ утра до вечера, пишетъ всѣ опредѣленія самъ, знаетъ наизусть всѣ указы, и

приводить ихъ кстатѣ и некстатѣ, беретъ взятки безъ зазрѣнія совѣсти, и притомъ челоувѣкъ добрый, услужливый и, можно сказать, честный. Какъ! возразишь ты: взяточникъ и честный челоувѣкъ? Это сочетаніе отнюдь не есть невозможность. Крымцовъ происходитъ изъ подьяческаго племени; съ юныхъ лѣтъ привыкъ слушать толки и сужденія о безгрѣшныхъ доходахъ, о благодарности челоубитчиковъ, и т. п., привыкъ къ этому, какъ сынъ воина, слушающій рассказы отца своего о кровопролитіяхъ, пожарахъ и грабежахъ. Онъ почитаетъ гражданскую службу ремесломъ, неразлучнымъ съ платою, и не видитъ ни какого порока въ полученіи справедливаго возмездія. Взявъ *благодарность*, онъ удѣляетъ изъ нея часть бѣднымъ родственникамъ, раздаетъ нищимъ, и т. п. Но какъ согласуетъ онъ такія понятія съ законами о лихоимствѣ? Очень легко и удобно. Онъ полагаетъ, что эти законы исторгнуты у правительства столичными дѣльцами, боящимися соревнованія провинціальныхъ, и что главнѣйшій долгъ чиновника всячески беречься, чтобъ не попасть въ просакъ. Будь только чистъ на бумагѣ! говоритъ Иванъ Ильичъ. Преданіе суду, наказаніе за взятки и тому подобные случаи считаются у этихъ господъ несчастіемъ, такимъ, какъ напримѣръ, параличь, глухота и т. п., и подвергшійся преслѣдованію законовъ возбуждаетъ въ нихъ не досаду или презрѣніе, а самое гнѣвное собогѣзнованіе. «Сегодня тебѣ, а завтра, можетъ быть, и мнѣ!» думаютъ они. Большею рекомендаціею служатъ Ивану

Ильичу его благоразумная молчаливость, сопровождаемая важною миною. Всѣ полагаютъ, что онъ безпрестанно размышляетъ, но о чемъ, то еще никому не извѣстно. Онъ прѣхалъ въ Петербургъ для исходайствованія себѣ мѣста вице-губернаторскаго, а тетушка, при сей okazji, привезла четверыхъ недорослей и двоихъ сосѣдскихъ дочерей, для опредѣленія въ корпусы и въ монастырь, да нѣсколько крѣпостныхъ дѣвокъ, для раздачи на воспитаніе мадамъ въ модныя магазины. И весь этотъ звѣринецъ остановился у меня. Съ утра до ночи крикъ, шумъ, бѣготня, брань, эхо пощечинъ! Тетушка выдрала себѣ на папилютки нѣсколько листочковъ изъ моего прекраснаго изданія Горациа, и вырѣзала выкройку изъ карты Франціи, которую я не успѣлъ велѣть наклеить на холстъ. Варвары! — Къ дядюшкѣ приходятъ въ гости старыя знакомцы и сослуживцы, съ которыми я побоился бы встрѣтиться ночью въ глухомъ мѣстѣ. Однажды, вечеромъ, возвращаясь домой, всхожу на лѣстницу, и слышу ненавистный мнѣ запахъ пуншу, произведшій во мнѣ отвращеніе къ ученымъ бесѣдамъ въ Москвѣ. Вхожу въ гостиную. Тетушка, разливая чай и пуншъ, сидитъ съ какою-то кумою, отысканною на Пескахъ, бесѣдуетъ о своей горькой участи, и плачетъ. Дядя въ разговорѣ съ полицейскимъ офицеромъ, который когда-то былъ у него писаремъ въ Воронежѣ, а нынѣ управляетъ кварталомъ въ Петербургѣ, и въ числѣ обывателей своихъ имѣетъ чиновника, завѣдывающаго раздачею

мѣсть вице-губернаторскихъ. Теперь дядя ищетъ въ немъ протекціи! Они толкуютъ о политикѣ. Чего я не наслушался въ этотъ вечеръ! Общій разговоръ наконецъ обратился на комету, которая тогда видима была на небѣ, и всѣ единогласно рѣшили, что комета эта есть знаменіе Божія гнѣва на грѣшній родъ человѣческій, и предвѣщаетъ кровопролитную войну. Я имѣлъ глупость возражать этимъ мудрецамъ среднихъ вѣковъ, нажилъ себѣ названіе безбожника и фармасона, и въ послѣдствіи еще принужденъ былъ согласиться съ суевѣрами, когда возгорѣлась война въ 1812 году! — Величайшее мученіе вытерпѣлъ я съ своими роденьками въ театрѣ, и какъ этимъ происшествіемъ завязывается нить послѣдовавшихъ за тѣмъ судебъ моихъ, то и долженъ я описать эту сцену какъ можно подробнѣе.

Когда старики отдали надлежащее число самыхъ необходимыхъ визитовъ своимъ благодѣтелямъ, и тетушка разговала своихъ пріемышей, вознагѣрились они ѣхать въ театръ, и просили меня быть ихъ путеводителемъ. Для представленія тебѣ этого карикатурнаго вечера во всей точности, я долженъ сообщить и портреты дѣйствовавшихъ лицъ. Вообрази себѣ тетушку, не высокаго росту, претолстую женщину, съ широкимъ плоскимъ лицомъ, полу-калмыцкимъ носомъ и совершенно китайскими глазами; на носу и на подбородкѣ по бородавкѣ, осыненной сѣдымъ пушкомъ. Волосы взбиты подъ огромнымъ развѣвающимся чепцомъ съ крыльями; платье пунцовое, шаль яркоголу-

бая. И въ этомъ костюмѣ она переваливается съ боку на бокъ, какъ утица златокрилая. Супругъ ея, Иванъ Ильичъ, маленькій, худенькій человѣчекъ, съ неподвижнымъ форменнымъ лицомъ: оно не рябое, а истыканно чѣмъ-то, какъ будто тупымъ перомъ. Онъ причесанъ, въ пукляхъ и напудренъ. Аннинскій крестъ возлежитъ на бѣломъ атласномъ, вышитомъ цвѣточками камзолѣ. Дядя часто повертываетъ голову то въ ту, то въ другую сторону, съ значительнымъ видомъ, но весьма медленно, и при каждомъ оборотѣ нюхаетъ табакъ. И въ этой компаніи, сопровождаемой лакеемъ въ изорванномъ сюртукѣ съ галунами, отправился я въ ложу втораго яруса въ Маломъ Театрѣ. Что я вытерпѣлъ въ этотъ вечеръ! Началось съ того, что при входѣ въ ложу тетушка, не дождавшись, чтобъ я приподнялъ скамейку, занесла ногу и перешагнула, но не зная, что передъ скамейкою есть уступъ, потеряла равновѣсіе, и упала лицомъ на подушку, покрывающую перила: «Ахъ, Мати Божія!» закричала она громогласно. Всѣ зрители, которыхъ было въ театрѣ уже довольно, оборотились къ нашей ложѣ, и увидѣвъ карикатурную старуху, покраснѣвшую отъ испуга, захолопали. Къ счастью, мои провинціалы и не замѣтили, что это было на ихъ счетъ. Усѣлись. Я занялъ мѣсто на второй скамейкѣ, прижимаясь въ уголь. Вдругъ тетушгѣ сдѣлалось жарко; она спустила съ плечъ салопъ, оборотилась къ полуоткрытой двери въ коридоръ, и закричала: «Ониска! подь сюда, мошенникъ!» — «Тетушка!» сказалъ я:

«позвольте, я сниму салопъ, и отдамъ ему.» — «Что ты, батюшка, Дмитрій Сергѣевичъ! перекрестись! Что баловать этихъ дармоедовъ. Чай, заснулъ, бестія? Стоя спать, мой батюшка! Этакой негодяй!» Наконецъ явился Ониска, и получалъ барышнѣ салопъ съ родительскимъ увѣщаніемъ не садиться подъ лампою и не спать. Потому сняла она съ себя перчатки, распахнула шаль и косынку, вынула изъ огромнаго ридиюля пребольшое яблоко, и начала кушать на здоровье. Можно вообразить, какое дѣйствіе эта картина произвела въ сосѣднихъ ложахъ. По правую руку сидѣлъ съ семействомъ одинъ изъ нашихъ начальниковъ отдѣленія, человекъ степенный и добрый: и онъ не могъ удержаться отъ смѣху. По лѣвую руку, ближе къ сценѣ, были незнакомые: въ первомъ ряду — мужчина и дама въ лѣтахъ, и дѣвица, сколько можно было судить по наряду; она сидѣла ко мнѣ спиною; во второмъ ряду — двое молодыхъ людей. По движеніямъ дѣвицы, и по укорительнымъ на нее взглядамъ пожилой дамы, видѣлъ я, что она, какъ говорится, помирала со смѣху. Забавно, думалъ я, сидѣть въ одной клѣткѣ съ такими куріозами! Играли Эдипа. Шушеринъ, Яковлевъ, Семенова восхищали публику. Мои любезные спутники ничего не понимали, Тетушка, то грызя яблоко, то помахивая влѣгчатымъ платочкомъ, разглядывала публику въ партерѣ и въ ложахъ, а дядя, смотря съ бессмысленнымъ равнодушіемъ на сцену, понюхивалъ табакъ. Я, прижавшись въ уголокъ, не видѣлъ сцены, а повторялъ въ умѣ

стихи Озерова, и признаюсь въ слабости — разглядывалъ сосѣдку нашу, незнакомую дѣвицу. Я часто забавляюсь такими задачами. Идучи, напримѣръ, за неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, по улицѣ, я стараюсь, по его походкѣ, движеніямъ, одеждѣ, прическѣ, составить портретъ лица его, и отъ давнишней въ этомъ опытности, рѣдко ошибаюсь. Удивительно, какое соотношеніе имѣютъ между собою движенія человѣка, поступъ, ухватки, ростъ, выраженіе лица. Даже, кажется, и платье на одномъ уляжется такъ, а на другомъ инако, и впечатлѣніе цѣлаго выражается въ маломъ видѣ лицемъ. Такъ и я теперь разсматривалъ эту дѣвицу, и сочинялъ ей лице. На ней лѣтняя шляпка съ цвѣтами; изъ подъ шляпки выются темно-каштановыя кудри. Ушки маленькія, прильнувшія къ головкѣ: это хорошо, я не люблю большихъ, оттопырившихся ушей. Она спустила шаль, не турецкую, а какую-то повроще, и прелестнѣйшій станъ, облитый бѣлымъ платьищемъ, мнѣ представился. Плечики низпадаютъ волнистою линіею красоты. Талія несравненная. Спинка, какъ у Венеры Медицейской. Вотъ она поднимаетъ правую руку, досадно, въ бѣлой перчаткѣ, но ручка маленькая; въ рукѣ батистовый платокъ съ мѣткою L. Какъ хороша, какъ миловидна должна быть эта дѣвица! Вотъ она утираетъ слезу, извлеченную стихомъ Антигоны. Она повимааетъ, чувствуетъ прелесть стиховъ, страдаетъ и вымысленнымъ бѣдствіемъ! Вотъ она говоритъ что-то сосѣдкѣ — и по-французски. Это досадно! Она конечно

Русская, и въ русскомъ театрѣ, при представленіи русской трагедіи, говоритъ по-французски! Богъ съ тобою, точеная куклока! Я серьезно на нее осердился. — Въ это время мнѣ было почти пріятно, что Иванъ Ильичъ заговорилъ со мною. — «Позвольте спросить, почтеннѣйшій: съ окладовъ, получаемыхъ господами актрисами, производится ли равномерно вычетъ на госпиталь?» Я не имѣлъ времени сказать: не знаю; громкій смѣхъ изъ сосѣдней ложи, гдѣ сидѣлъ начальникъ отдѣленія, былъ отвѣтомъ. Я смѣшался; но въ это время тетушка завидѣла въ партерѣ знакомаго квартальнаго, и громко закричала, перевѣсясь за перила: «Кирила Григорьевичъ! все ли въ добромъ здоровьѣ? Къ намъ милости просимъ!» Этимъ довершились мои терзанія. Поднялся общій хохоть. Всѣ зрители обратились къ ложѣ. Вижу движеніе и между полиціею. «Тетушка, матушка! что вы дѣлаете? это вовсе не прилично!»—«Ахъ, отецъ родной! Да что это у васъ за политика, и съ пріятелемъ не поздоровайся! Велика бѣда!» Въ это время раздался на сценѣ громовой ударъ, поражающій Креона. «Ахъ, Боже милосердый!» вскричала тетушка крестясь: «съ нами крестная сила! Да здѣсь, пожалуй, еще пожаръ будетъ. Окаянные, прости Господи! — Нѣтъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Калачемъ не заманишь меня въ другой разъ. Входя, чуть шею не сломила; теперь до смерти перепугали, да и съ пріятелемъ нельзя слова перемолвить. Поѣдемъ, батюшка, Иванъ Ильичъ! И забава-то бусурманская! Поклоняются

ени
ь ст
зер-
чи
ль:
дт
ю
ть
ч-
т-
с-

какимъ-то болванамъ. Эй, Ониска, салогъ!» Это было проговорено съ удивительною скоростью. Я не успѣлъ оглянуться, какъ мы уже были въ корридорѣ. Мнѣ жаль было не второй пьесы, а милой сосѣдки, съ которою я успѣлъ уже помириться за французскій языкъ. Когда мы выходили изъ ложи, она повернула къ намъ головку, но я не могъ видѣть ея въ лице.

Такая мучительная жизнь продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Мнѣ опротивѣло самое жилище мое, бывшее дотолѣ пріютомъ мира и тихихъ занятій. Я не могъ ни одного вечера спокойно просидѣть дома, и по неволѣ долженъ былъ искать не развлечения, а успокоенія въ гостяхъ. Я сталъ посѣщать бывшихъ университетскихъ товарищей моихъ, просяживалъ съ ними вечера, и возвращался домой часу въ десятомъ, когда постояльцы мои давно уже спали. Въ пять часовъ утра начинался содомъ. — Я никогда не могъ постигнуть хвалимой многими добродѣтели вставать рано. Понимаю, что очень пріятно и полезно вставать рано лѣтомъ, въ деревнѣ, чтобъ заняться сельскими работами или прогуляться, и въ городѣ, когда есть дѣло важное, требующее тишины и досуга. Но вставать рано, такъ, чтобъ ничего не дѣлать, или дѣлать то, что можно сдѣлать и позже — что это за выгода, что за добродѣтель? — «Я всегда въ пять часовъ на ногахъ!» — говорить вной съ самодовольнымъ видомъ. «Да что ты дѣлаешь, несчастный?» — Брѣюсь! — У людей, занимающихся хозяйствомъ домашнимъ, особенно у женщинъ — встать рано, накричать и пере-

браниться со всеми — есть необходимая добродѣтель. Только тѣмъ; говорить, и дожь держится! — Тетушка моя вскорѣ замѣтила, что я возвращаюсь по вечерамъ домой очень поздно, и вообразила, что я развратился; цѣлыя ночи проигрываю въ карты, пью, и т. п. Въ пылкомъ ея воображеніи составила полная картина похождения блуднаго сына. Однажды, поутру, за чаемъ, нашелъ я ее въ сильномъ разстройствѣ: глаза ее распухли и покрасѣли; она умильно посматривала на образъ въ переднемъ углу комнаты, крестилась и приговаривала: «Спаси, Господи, люди твоя!» Со мною не говорила она ни слова. Я терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ спросилъ: «Что съ вами сдѣлалось, тетушка? Ужъ не больны ли вы?» Она только того и ждала. Вдругъ полился ниагарскій водопадъ упрековъ, совѣтовъ, брани, просьбъ, вздоховъ и слезъ. — Не скоро догадался я, въ чемъ дѣло; но когда узналъ, что этому виною позднія мои возвращенія, то едва удержался отъ смѣху. Никакъ не могъ я увѣрить строгой бюстительницы нравовъ, что десятый часъ у насъ отнюдь не считается позднимъ часомъ, что во многихъ, самыхъ нравственныхъ и богобоязненныхъ домахъ гости съѣзжаются не прежде этого времени, и т. д. Куда! Тетушка и слышать не хотѣла; бранила, бранила, и наконецъ объявила, что одно средство не избаловаться есть — жениться. — «Хорошо!» сказалъ я: «да чтобъ жениться, надобно имѣть невѣсту, а я еще не нашелъ.» — «Только-то, отецъ родной?» — вскричала съ восторгомъ тетушка: «за этимъ, Ми-

тенька, душа моя, дѣла не станеть. Обними меня, дружечекъ, одна моя отрада!» Обняла меня, и горько зарыдала, такъ, что эта любовь ея истинно в меня тронула. Я не стыжусь въ томъ признаться! Къ несчастію, мы слишкомъ много обращаемъ вниманія на пустякъ наружности. Тетушка дѣлала и говорила все это конечно по непреодолимой въ женщинахъ охотѣ святать, но притомъ оказывала самую искреннюю ко мнѣ привязанность. Правда, способъ ея выраженія былъ не самый изящный, не *книльский*; но должно смотреть на дѣло: если бѣ благососитанная, холодная, чопорная барыня по-французски объявила мнѣ, что совѣтуетъ *сдѣлать партію*, это было бы вовсе не смѣшно: почему жѣ было не принять этого желанія, выраженнаго *по-стенному*, но со всѣмъ пламенемъ родственной любви?

Исторію сватовства разскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Я долженъ кончить! Сію минуту присылаетъ за нами посланникъ нашъ. Видно, получимъ новое назначеніе.

Черезъ два часа. Я не ошибся. Получено приказаніе отправиться далѣе, въ Дрезденъ. Волгинъ также рѣшился ѣхать. Пробываніе въ Берлинѣ сблизило насъ еще болѣе прежняго; онъ не хочетъ разставаться со мною: ѣдемъ въ одной коляскѣ. Иваново отправляемъ съ Репейковымъ; пусть они подерутся: одинъ своимъ звѣрствомъ; другой глупостію: крайне намъ надѣли. — До привала — прости!

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Дрезденъ, 30 Августа.

Гдѣ я? гдѣ я, другъ мой? Третьяго дня былъ я еще посреди сыпучихъ песковъ бранденбургскихъ, а нынѣ очутился въ другомъ поясѣ, въ другомъ мѣрѣ! Климатъ, воздухъ, земля, все иное, все полуденное. Душа нѣжится, не одно тѣло. Удивительный перевѣздъ въ двадцать четыре часа! — Боже мой! зачѣмъ ея здѣсь нѣтъ? зачѣмъ она, небесная, не дышитъ этимъ райскимъ воздухомъ? — —

Мы пріѣхали сюда вчера къ обѣду, и тотчасъ явились къ здѣшнему русскому генералъ-губернатору. Въ канцеляріи его предъявили намъ приказаніе главнокомандующаго, чтобъ двое изъ насъ немедленно отправились въ главную квартиру нашей арміи, во Франціи, а двое остались въ Дрезденѣ впредь до приказанія. Мнѣ, какъ старшему, позволено было сдѣлать выборъ. Я спросилъ у Репейкова и Иванова, не угодно ли имъ ѣхать. Они были очень довольны моимъ предложеніемъ, и тотчасъ собрались въ дальнѣйшій путь. Мы съ Волгинымъ остаемся въ Дрезденѣ, къ большому нашему удовольствію: этотъ городъ намъ очень понравился.

Ты спросишь, можетъ быть, чѣмъ кончались похождения Иванова съ послѣднею въ своемъ родѣ графинею? Право, не знаю. Только наканунѣ нашего отъѣзда, онъ воротился домой въ большомъ разстрой-

ствѣ, не хотѣлъ ни съ кѣмъ промолвить слова, и очень обрадовался, узнавъ, что на другое утро должно выѣхать изъ Берлина. Видно, порядкомъ прочили.

Дрезденъ драгоцѣненъ мнѣ тѣмъ, что здѣсь родилась и провела молодья свои лѣта моя незабвенная мать. У ней не осталось здѣсь родственниковъ, но мнѣ кажется, будто дрезденскіе жители мнѣ не чужіе. Особенно трогаетъ меня здѣшнее нарѣчіе: оно не самое чистое и гармоническое — но имъ говорила матушка! Хозяйка дома, гдѣ мы остановились, иногда употребляетъ слова и обороты, которые меня приводятъ въ трепеть. Я привязался сердцемъ къ старушкѣ, и, къ большому ея удовольствію, сталъ называть ее Tantschen. — Мы, вѣроятно, проживемъ здѣсь недѣли двѣ. Стану писать къ тебѣ непрерывно. Скоро доберусь я до блаженнѣйшаго періода въ моей жизни!

Вскорѣ увидѣлъ я, какъ неосторожно поступилъ, давъ слово тетушкѣ, но дѣлать было нечего. На другой день, за чаемъ же, объявила она мнѣ весьма многогорѣчиво, что отыскала для меня прекраснѣйшую невѣсту, въ домѣ бывшаго губернатора ихъ провинціи, Графа Сугрובה, воспитанницу жены его, сиротку, оставленную ей на попеченіе покойнымъ братомъ, Княземъ Люлинымъ, убитымъ въ италіанскомъ походѣ. Пятьдесятъ тысячъ приданаго *чистаго* монетъ, тысячь на двадцать вещей; т. е. брилліантовъ, зо-

лота, серебра, платья и проч. Сама невѣста осьмнадцати лѣтъ, воспитана въ лучшемъ пансіонѣ, говоритъ по-французски, танцуетъ и играетъ на фортепіанѣ. «Чего жъ тебѣ больше?» прибавила тетушка: «а всего важнѣе коннекція съ знатыми, протекція по службѣ. Нѣтъ для этого лучше, какъ жениться на воспитанницѣ изъ важнаго дома. Къ намъ пріѣзжаетъ каждую весну одинъ чиновникъ, Евдокимъ Романовичъ, фамилью позабыла, осматриваетъ имѣнье Графа Устрицына въ нашей губерніи, и проживаетъ въ деревнѣ мѣсяцевъ по осьми. Жена у него премиленькая, воспитанница графа. Только каждый годъ онъ является съ новымъ чиномъ или орденомъ. У насъ, въ Воронежѣ, надъ этимъ простые люди посмѣиваются: хороша де служба, мѣсяца четыре въ годъ, а оязъ, батюшка, и ухомъ не ведеть. Того и смотри, что къ намъ же прикатитъ губернаторомъ. Вотъ что значить протекція!» Мнѣ предосадно было слушать этотъ вздоръ, тѣмъ болѣе, что тетушка говорила суицую правду; но я связанъ былъ словомъ, и долженъ повиноваться. Мало по малу привыкъ я къ этой мысли. Ну что жъ? думалъ я. Можетъ быть, и эта дѣвушка одарена отъ природы добрымъ сердцемъ, умна, образована, хороша собою. Почему не быть ей доброю женою? Къ тому же я не столько думаю о томъ, что у ней есть приданого, сколько о томъ, чего нѣтъ, т. е. о роднѣ. Мнѣ желалось бы имѣть жену для себя, жениться на одной, а не на толгѣ тетушекъ, сестрицъ, дядюшекъ, племянницъ. Эли же воспитан-

ивцы обыкновенно бываютъ одинокія. О протекціи тетушка говоритъ также не безъ основанія. Мнѣ надоѣло столоначальничество; сто разъ негодоваль я на себя, что не пошелъ хоть по педагогической части; тамъ есть какое нибудь развлеченіе, а тутъ! Чтѣ бы получить хорошее мѣсто, видное, съ карьерою? — Теперь я стыжусь этихъ глупыхъ мыслей; но тогда сердце мое было незанято, и я думаль, что оно всегда останется *свободнымъ отъ постолъ*, съ легкой руки вѣтряницы Наташи.

Я отправился съ тетушкой въ домъ Графини Сугробовой. Насъ встрѣтилъ у дверей швейцаръ довольно грубо, и не обращаль вниманія на низкіе поклоны Агаѣи Яковлевны. Она вошла въ швейцарскую, чтобъ предъ черепкомъ зеркала, обклееннымъ желтою шпалерною бумагою, поправить чепчикъ, а швейцаръ, не звоня въ колокольчикъ, которымъ обыкновенно возвѣщаютъ о прїѣздѣ значительныхъ гостей, сказалъ сонному лакею: «Поди, Степанъ, скажи Акулинѣ Дмитріевнѣ, доложить барынѣ, что воронежская прїѣхала.» Вскорѣ ввели насъ въ запыленную залу, уставленную штофною мебелью половины XVIII вѣка. Паркетный полъ во многихъ мѣстахъ разщелмлся. Въ узкихъ простѣнкахъ тянутся до потолка тускляя зеркала. Занавѣсы штофныя, мертваго цвѣта; изъ складокъ выглядываютъ пунцовыя полосы, укрывшіяся отъ вліанія солнечныхъ лучей. Люстры въ темно-сѣрыхъ чашлахъ, изъ бѣлой матеріи. Въ углу залы балансируетъ на одной ножкѣ полотерь безъ каф-

тана. Извиненіемъ этому порядку вещей можетъ служить то, что барыня, по причинѣ нездоровья, должна была воротиться съ дачи въ городъ среди лѣта — это доложилъ намъ введшій насъ Степанъ. Тетушка съ нимъ очень коротко знакома еще по Воронежу, и зоветъ его Степаномъ Васильевичемъ. Насъ провели еще чрезъ три или четыре комнаты, похожія на тѣ, въ которыхъ ночуютъ путешественники въ оставленныхъ замкахъ, въ ожиданіи привидѣній. Наконецъ отворилась дверь въ обитаемую гостиную. На диванѣ сидѣла, въ полулежачемъ положеніи, почтенная пожилая дама пріятной наружности. Подлѣ нея сидѣли, склавши руки, въ глубокомъ безмолвіи, три дамы, одѣтыя не по-домашнему, смотрѣли съ умильною участивостью на хозяйку, и едва примѣтнымъ склоненіемъ головы, придакивали ея словамъ. За диваномъ въ креслахъ сидѣлъ старичекъ, по-видимому, иностранецъ. Тетушка бросилась обнимать графиню, которая привѣтствовала ее довольно ласково, и посадила подлѣ себя. Дошла очередь до меня. «Вотъ, матушка, ваше сіятельство, и племянникъ мой, Дмитрій Сергѣевичъ! Подойди, отецъ родной, не бойся!» Я-подошелъ къ графинѣ, поцѣловалъ прекрасную бѣленькую ручку. На бѣду мою она заговорила по-французски. Ты знаешь, что я говорю по-французски довольно правильно и бѣгло, но вотъ бѣда — иногда я бываю *мьмь* на какойнибудь языкъ. Къ тому же во мнѣ есть еще одна странность: съ иностранцами говорю я на ихъ языкахъ свободно и безъ запинки, но съ русскимъ

человѣкомъ мнѣ трудно и какъ-то совѣстно говорить не по-русски. — Я едва понялъ, что мнѣ сказала графиня, смѣшался, замялся, и не могъ промолвить слова. Насмѣшливая улыбка иностранца довершила мое смятеніе. Я сѣлъ, по приглашенію графини, на краю стула, не смѣлъ поднять глазъ, мять въ рукахъ шляпу. Воображаю, какъ я былъ интересенъ! Къ тому присоединилась еще мысль, какую глупую роль я играю въ этомъ домѣ. Тетушка начала свое слово: «Ваше сіятельство изволили проговоривать мнѣ...» — Въ это время растворились двери, и въ комнату вошло нѣсколько дамъ. Онѣ бросились къ графинѣ, стали ее обнимать, цѣловать, съ выраженіемъ нѣжнѣйшей любви. Я подумалъ, что онѣ близкія ей родственницы. Когда усѣлись, я увидѣлъ, что одна изъ нихъ женщина пожилая, а двѣ молодыя, вѣроятно, ея дочери, и по разговорамъ догадался, что онѣ должны быть Француженки. Мать освѣдомлялась съ сердечнымъ участіемъ о здоровьѣ графини, увѣряла, что не спала цѣлую ночь, думая о ея болѣзни, и наконецъ отдала отчетъ въ разныхъ комиссіяхъ. Графиня благодарила ей легкимъ наклоненіемъ головы и пріятною улыбкою. Заговорили по-французски о всякомъ вздорѣ. Только я замѣтилъ, что мы съ тетужишкой и тремя безмолвными гостьями очутились уже на второмъ планѣ картины. Но торжество Француженокъ было непродолжительно. Вновь растворяются двери, входятъ двѣ молодыя барыни, богато одѣтыя. Графиня встаетъ и готовится итти къ нимъ навстрѣчу. Онѣ

• здороваются съ нею учтиво, подружески, и садятся подлѣ дивана, передъ Француженками, на которыхъ теперь уже перестали обращать вниманіе. Пошли разговоры о погодѣ, о здоровьѣ, о модахъ. «Гдѣя?» думаль я: «возможно ли, чтобъ тетушка завезла меня въ знатный домъ!» Мало по малу комната наполнилась и домашними, и гостями. Пожилой Французъ сжалился надо мною, подошелъ ко мнѣ, и заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ. Я, признаюсь въ слабости, обрадовался случаю поправить мою репутацію, и отвѣчалъ по-французски. Графиня взглянула на меня, и улыбнулась съ довольнымъ видомъ. Вскорѣ мнѣ стало еще легче, когда вошелъ молодой графъ, гвардейскій офицеръ, человѣкъ добрый и любезный, котораго я въ юности знавалъ въ Москвѣ, въ пансіонѣ профессора Рейнгарда. Онъ обошелся со мною, какъ съ старымъ знакомымъ. Мнѣ очень было пріятно, что онъ не догадался спросить, какъ я здѣсь очутился. Между тѣмъ я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою суженую. — Въ комнатѣ было нѣсколько дѣвицъ. Графиня оборотилась къ одной изъ нихъ, зашнурованной крѣпче прочихъ, и подозвала къ себѣ: «Annette, venez ici!» Аннета подошла, наклонилась къ ней. Графиня поправила ей локонь, придернула шемизетку, и сказала что-то на ухо. Аннета поцѣловала ей руку, покраснѣла, и отходя, посмотрѣла по-одиначкѣ на всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ на меня. «C'est ça!» подумаль и я по-французски. Дѣвица очень не дурная собою, хорошаго росту, статная, съ премилую

талію. Волосы свѣтлорусые; глаза, какіе изъ учтивости называются голубыми; носикъ маленкій, ротикъ небольшой, но съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. — Гости стали разѣзжаться: сперва уѣхали, кто былъ познатнѣе; потомъ поднялись безмолвные гости, разцѣловавшись съ графинею. Француженки тотчасъ заняли очистившіяся ваканціи. Тетушка нѣсколько разъ начинала заговаривать, но графиня въ этотъ день, видно, не расположена была ее слушать. Я сказалъ ей на ухо: «Пора ѣхать, тетушка! Иванъ Ильичъ чай ужъ ждетъ насъ обѣдать.» — «Изволь, дружечекъ,» отвѣчала она въ полголоса: «вишь, сегодня не выживешь этихъ проклятыхъ бусурмавокъ.» — Мы встали и приготовились проститься. «Куда такъ рано?» спросила графиня, а лице ея выражало: «ну слава Богу, поднялась матушка!» — «Пора домой, матушка, ваше сіятельство!» отвѣчала тетушка: «мы люди не столичные, обѣдаемъ во второмъ часу!» Графиня простилась со мною очень ласково, и сказала: «Надѣюсь продолжать ваше пріятное знакомство, тѣмъ болѣе, что вы и съ моимъ Мишелемъ не чужіе!» Я пробормоталъ обыкновенную *дробь*, и радъ, радъ былъ, что выбрался изъ гостиной. — «Ну вотъ, душенька, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала тетушка: «и дѣло слажено. Лиха бѣда до начину. Теперь, другъ ты мой, постарайся угодить графинѣ, такъ и все ладно будетъ.» — «Да помилуйте, тетушка, я не знаю еще, на комъ долженъ жениться.» — «Какъ не знаешь, другъ мой! А эта худенькая дѣвица въ тарлагановомъ

платѣ съ оборкою — вотъ она-то и есть Анна Ефимовна. Проклятыя Французенки не дали рта разинуть. Да мы въ другой день забремся поранѣе, и все уладимъ.» — Дома нашли мы Ивана Ильича въ большомъ разстройствѣ. Вице-губернаторское мѣсто отдало другому, именно тому Евдокиму Романовичу, который управлялъ отдѣленіемъ изъ воронежскихъ вотчинъ своего отца и благодѣтеля. Тетушка пришла въ бѣшенство: стала бранить весь свѣтъ: и начальниковъ, и подчиненныхъ, и Евдокима Романовича, и мужа своего. «Вотъ, батюшка, не пускалъ меня хлопотать. Ужъ я бы показала этимъ департаментскимъ крысамъ, что и въ Воронежѣ люди живутъ. Статочное ли дѣло! Дали мѣсто — да какое? — этому мальчишкѣ, за то только, что вошелъ въ знатную родню, прости Господи! А мой-то служить, служить! Помнишь ли, третьяго года, какъ губернаторъ уѣхалъ въ Петербургъ, а вице-губернаторъ въ уѣздъ по рекрутчинѣ, мы два дня всею губернію управляли? Великое дѣло, казенная палата! Да куда ему справиться! Ужъ кумъ Григорій Евсеичъ, прокуроръ, подѣсть его! Отольются волку овечьи слезы.» — Часа два продолжалась эта безконечная рѣчь, прерываемая рыданіемъ и обращеніемъ къ образу. — Иванъ Ильичъ вздыхалъ и понюхивалъ табакъ. Рѣшились ѣхать на другой день; къ счастью, это былъ не понедѣльникъ. Съ вечера уложились, и назавтра, къ полудню, водворилась въ моей квартирѣ прежняя тишина. Три дня чистили, мыли и оскоблили во всѣхъ углахъ. Люди те-

тушкины не только все перебили и перепортили, но и развратили было моего Аванася, человека порядочнаго и честнаго, да слишкомъ слабаго сердцемъ. Я душевно обрадовался, освободясь отъ этого нашествія шумной орды съ береговъ тихаго Дона.

Тетушка, отъѣзжая, взяла съ меня слово, продолжать начатое знакомство въ домъ Графини Сугробо-вой, не догадываясь, что совѣтуетъ мнѣ сдѣлать именно то, за что она же предастъ проклятію Евдокима Романовича. Сучецъ въ глазъ ближняго! — Да почему мнѣ и не послѣдовать ея совѣту? думалъ я. Непріятно было ѣздить *съ нею*, а одному мнѣ будетъ легче.

Молодой графъ отдалъ мнѣ визитъ, и я вторично явился въ домъ. Тутъ я познакомился и съ отцемъ его. Графъ и графиня были люди почтенные, но вели жизнь самую странную, какъ и многіе другіе, въ узахъ, сплетенныхъ обстоятельствами. Привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ жить въ разсѣянности и ничѣмъ не заниматься, они охотно услужали другимъ власть свою, какъ неспосное бремя. Въ домъ раздѣляли съ ними уваженіе и всѣ выгоды господства чужаеядныхъ растенія, Французы. Старичекъ, видѣнный мною въ первый разъ, былъ родъ Князя Мира: графъ и графиня не могли жить безъ него, совѣтовались съ нимъ во всемъ, и слушались его безпрекословно. Что скажетъ москѣ де-Латуръ? Что подумаетъ объ этомъ Францъ Осиповичъ? было обыкновенною примолвкой всякаго сужденія. Вторую роль любимицы; но только графининой, играла мадамъ Этульякъ (которую всѣ

въ домѣ звали мадамъ Тулья): она заключила съ мосьё де-Латуромъ какое-то безмолвное условіе о раздѣла между собою власти. Мосьё предоставилъ ей завѣдываніе всѣми собственными доходами и расходами графини: закупку нарядовъ, выборъ служанокъ, прискиваніе бѣдныхъ (иностранцевъ), стыдящихся просить милостыни, и доставленіе имъ пособія, и т. п. Но мадамъ Этульякъ не жила въ домѣ графскомъ, и не смѣла о томъ подумать. Она являлась каждый день, и только наканунѣ бала позволялось ей, пріѣхавъ съ дочерьми своими, оставаться ночевать, чтобъ изготовить и приладить съ вечера всѣ наряды. Игнѣе графа, въ которомъ распоряжались управители изъ крепостныхъ его людей, было въ чрезвычайномъ разстройствѣ, и иногда онъ не зналъ бы, откуда взять денегъ на самыя необходимыя потребности, если бы мосьё де-Латуръ не умѣлъ находить пособій у своихъ земляковъ, занимающихся благотворнымъ ремесломъ ростовщиковъ. Я вскорѣ замѣтилъ, что, для пріобрѣтенія милости графа и графини, должно ладить съ ихъ фаворитами, и рѣшился въ этомъ отношеніи вести роль страдательную: обходиться учтиво, молчать, и вообще показывать, будто ничего не вижу. Въ домѣ, кромѣ несмѣтливой дворни, было большое число воспитанницъ, сиротъ, калмычекъ и тому подобныхъ безгласныхъ лицъ, которыя не мѣшали министерству. Annette (Анна Ефимовна то жъ) занимала первое мѣсто между ими, потому, что капиталъ, завѣщанный ей покойнымъ Княземъ Люлинымъ, лежалъ не-

прикосновенно въ ломбардѣ; до выхода ея въ замужество. Нельзя сказать, чтобъ графъ и графиня лучше обходились съ нею по какому нибудь расчету: они совсѣмъ о томъ не думали; но я неоднократно замѣчалъ, что и самый добрый, безнорыстный человѣкъ гораздо пріятливѣе обходится съ человѣкомъ достаточнымъ, нежели съ тѣмъ, у котораго нѣтъ копейки за душою. Анна Ефимовна, по обратномъ переселеніи въ домъ графскій изъ пансіона, вскорѣ смекнула, что имѣть болѣе вѣсу, нежели прочіе, и вздумала позволять себѣ нѣкоторыя прихоти безъ согласія масье де-Латура и мадамъ д'Этульякъ. Тогда во французскомъ комитетѣ положено было выдать ее замужъ, и опредѣленіе это мало по малу внушено хозяйкамъ. Графиня начала прискивать жениха Аннетъ, и поручила эту комиссію многимъ своимъ знакомымъ. Агафья Яковлевна, которая сватовствомъ своимъ, въ Воронежской Губерніи, пристроила къ мѣсту человѣкъ десять инвалидныхъ дѣвицъ, и сгубила такое же число неопытныхъ молодыхъ людей, ухватила за эту мысль, и отрѣкомендовала меня своей благодѣтельницѣ. Меня принимали учтиво и ласково. Разумѣется, что никто не давалъ мнѣ чувствовать чего отъ меня ожидали. Аннета начала мнѣ нравиться: она была воспитана и образована довольно хорошо; много читала и умѣла разсуждать о читанномъ; любила цвѣты и птичекъ; сама поливала розы и гвоздики графинины, сама кормила канареекъ. Это мнѣ было по сердцу: я не терплю людей равнодушныхъ къ насла-

жденіямъ природою. Любя страстно музыку, я хотѣлъ узнать, далека ли въ ней Аннета. Самому спросить ее о томъ было совѣстно, но вскорѣ представился удобный случай. Графиня однажды послѣ обѣда сказала ей: «Ты совсѣмъ negliжируешь музыку, душа моя! Сядь, сыграй чтонибудь!» Аннета сѣла за флигель, и безъ прелюдій, сыграла съ удивительнымъ искусствомъ одну изъ труднѣйшихъ сонатъ Штейбельта. Это меня восхитило. Я подошелъ къ ней, и сталъ разсыпаться въ искреннихъ хвалахъ ея необыкновенному таланту. Она принимала мои комплименты съ скромнымъ самодовольствомъ. Тутъ же невзначай увидѣлъ я на флигелѣ ноты одной русской пѣсни, простой, но пріятной. Я подаль ихъ Аннетѣ, и попросилъ сыграть. Она взяла ноты, разглядѣла ихъ, и бросивъ на прежнее мѣсто, сказала съ насмѣшкою, что такая глупая вещь не стоитъ труда. Это меня огорчило: какъ можно не любить милыхъ, выразительныхъ русскихъ пѣсень? Какъ можно пренебрегать изящнымъ, потому что оно слишкомъ просто? Какъ можно отказаться отъ удовольствія сдѣлать угодное ближнему? — «Постой!» думалъ я: «будешь моею женою, я заставлю тебя любить русскія пѣсни; отучу отъ этого обиднаго, рѣзкаго тона; — всего этого достигну моимъ приѣмомъ, моею любовью: это лучшія средства довершить образованіе женщины.» Минута неудовольствія пролетѣла. Аннета, казалось мнѣ, становилась болѣе и болѣе ко мнѣ довѣрчивою, бесѣдовала о счастьи, о цѣли жизни, объ истинныхъ

удовольствіяхъ, о природѣ, о благотворительности — такъ умно, такъ мило, что я не разъ готовъ былъ открыться ей въ любви, которая начинала волновать мое сердце. Къ сожалѣнію, она говорила все это по-французски, говорила какъ по печатному; но я надѣялся, что она со временемъ, изъ любви ко мнѣ, переведетъ все это на русскій языкъ, и что всѣ сіи благородныя правила сдѣлаются наслѣдственными въ моему семействѣ. Изрѣдка сладостныя мечтанія прерываемы были непріятными порывами. Иногда замѣчалъ я на лицѣ Аннеты выраженіе злобы и досады; она умѣла вскорѣ останавливать эти движенія, старалась улыбаться, но черта вокругъ рта ея, поразившая меня съ перваго взгляда, въ эти минуты дѣлалась явственнѣе, и долго, долго не принимала прежняго вида. Раза два она отвѣчала почтенной, кроткой графинѣ очень рѣшительно, и если бъ эта рѣшительность выражена была не по-французски, то могла бы просто назваться дерзостью.

Однажды, предъ выѣздомъ всего семейства со двора, я нашелъ Аннету въ какомъ-то изступленіи: она стояла посреди комнаты, разодѣтая какъ куколка, и смотрѣлась въ трюмо: необыкновенно блѣдное лице ея покрыто было багровыми пятнами; глаза сверкали: черта вокругъ рта показалась мнѣ глубокою впадиною, и отъ этого верхняя часть лица стала похожею на мертвую голову. Она рвала въ неистовствѣ длинныя бѣлыя перчатки. Горничныя, съ красными, распухшими щеками, бѣгали вокругъ нея въ смятеніи. —

«Что съ вами сдѣлалось?» спросилъ я. — «Ничего! оставьте меня!» закричала она, ушла въ другую комнату, и захлопнула дверь за собою. «Что это? что за бѣда случилась?» спросилъ я у калмычки, которая подбирала обрывки перчатокъ съ полу. — «Ничего!» отвѣчала она: «барышня прогнѣвалась на Аксинью за то, что не къ лицу ее причесала, такъ всѣмъ досталось. Да и Аксинья такая недогадливая: вѣдь это не въ первый разъ!» — «Она вспыльчива,» подумалъ я: «не хорошо, но говорить, что это означаетъ доброе сердце. Я постараюсь, чтобъ у ней не было причинъ къ гнѣву.» Не желая приводить ее въ смущеніе, я убрался изъ дому. На другой день я нашелъ ее печальною, въ слезахъ, и съ участіемъ спросилъ о причинѣ ея горя. «Какъ мнѣ не горевать, не сердиться на себя!» отвѣчала она. «У меня такой пылкій нравъ, что всякая бездѣлица можетъ меня разстроить. И кто, видя меня въ эти минуты, вздумаетъ судить о моемъ сердцѣ....» Она залилась слезами, и закрыла платкомъ лице. Я готовъ былъ броситься предъ нею на колѣни.

Въ это время вошелъ въ комнату молодой графъ съ другимъ офицеромъ, своимъ пріятелемъ. Лице Аннеты прояснилось; она отерла слезы, и поздоровалась съ гостемъ привѣтливо, какъ будто ничего предъ тѣмъ не случилось. Какое доброе сердце! подумалъ я. За столомъ въ тотъ же день Аннета была милая, ласковѣе, вѣжливѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣда, графиня вздумала просить ее опять сыграть что нибудь.

Она, попрежнему, съѣла за Флигель, и опять начала ту же сонату. — «Помилуй!» сказалъ офицеръ молодому графу: «скоро ли ваша Аннета выучить чтонибудь иное? Вотъ полгода, что я слышу одно и то же. Вытвердила матушка, да только это и барабанить. Точно какъ свистокъ, которымъ приманиваютъ тетеревей на охотъ, все одна мелодія.» Графъ смѣшался, началъ кашлять, но тотъ его не понялъ и продолжалъ: «Эта еще, слава Богу, не поеть, а сирены-то еще опаснѣе. Поеть, поеть иная какъ чижевка въ западнѣ, пока чижики не упадутъ въ силосъ. Ужъ мнѣ эти *птицы плещутъ!* Не одного добраго товарища заставили воспользоваться первымъ числомъ сентября!» Смущеніе молодаго графа примѣтно возрастало. Наконецъ онъ наступилъ на ногу нескромному критику, и повелъ глазами въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ. «А! понимаю!» сказалъ офицеръ, усмѣхнувшись. Я былъ въ ужасномъ положеніи, но, къ счастью, это былъ послѣдній день испытанія. Волнуемый безпокойствомъ, досадою, стыдомъ, я не спускалъ глазъ съ Аннеты и офицера. На бѣду мою, графиня вздумала рассказывать мнѣ, въ двадцатый разъ, какъ она представлялась ерешинною покойной Императрицѣ. Я показывалъ видъ, что слушаю ее, а между тѣмъ глазами отыскалъ зеркало, въ которомъ видѣлъ все, что происходило у меня за сценою. Догадываюсь, что графъ успѣлъ рассказать товарищу, кто я, и зачѣмъ бываю въ домѣ. Офицеръ подошелъ къ Флигелю, и сталъ очень фамильярно перешептываться съ Анне-

тою. Она отвѣчала ему со смѣхомъ. Онъ указываетъ на меня и кланяется, будто поздравляя ее. Аннета насмѣшливо обращаетъ взоры свои въ мою сторону, морщится и кривляется, чтобъ представить меня въ карикатурѣ. Это меня срѣзало. Я едва могъ усидѣть на мѣстѣ. Къ счастью, добрая графиня въ это самое время описывала свой фрейлинскій нарядъ, и не замѣтила моего смущенія. Не помню что за тѣмъ послѣдовало. Только я былъ совершенно излеченъ отъ раждавшей любви моей. «Кокетство, вспыльчивость, упрямство,» думалъ я: «все это можетъ быть искоренено изъ сердца женщины, если только она любить и уважаетъ своего мужа, но я вижу, что Аннета ничего ко мнѣ не чувствуетъ. Богъ съ нею! Желая ей счастья, только не со мною.» — Я не скрылъ своего неудовольствія предъ Аннетою, сталъ обращаться съ нею холодно, сухо, учтиво. Она догадалась, и послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ маневровъ, оставила меня въ покоѣ. — Этимъ освобожденіемъ обязанъ я незнакомому мнѣ гвардейскому офицеру. Добрый, милый вѣтряникъ! если бъ ты зналъ, какое оказалъ мнѣ благодѣяніе!

Я не зналъ, какъ добромъ выбраться изъ этого дому, но въ тотъ же вечеръ представился къ тому удобный случай. Мосѣ де-Латуръ былъ отчаянный бонапартистъ, и громогласно объявлялъ свои мнѣнія о тогдашней политикѣ. Всѣ въ домѣ уступали, какъ по привычкѣ слушаться его безпрекословно, такъ и в по боязни: онъ былъ вхожъ у французскаго посла.

Я также молчалъ дотолѣ, но теперь, раздраженный Аннетою, не могъ удержаться, и на пламенные похвалы Императору Наполеону, сказалъ мосьё де-Латуру напрямки, что почитаю его идола геніемъ-разбойникомъ, человѣкомъ безъ чести и совѣсти, опустошающимъ Европу и проливающимъ кровь людей единственно для того, чтобъ разсадить дураковъ, своихъ братьевъ и зятьевъ, на всѣхъ тронахъ. Не знаю, откуда взялось у меня въ этотъ день французское краснорѣчіе. Латуръ пришелъ въ изступленіе. Графъ и графиня до смерти перепугались. Молодые офицеры придакивали мнѣ, и благодарили меня взглядами. Я всталъ, взялъ шляпу, поцѣловалъ руку графини, поблагодарилъ графа за его ласки, поклонился офицерамъ, бросилъ взглядъ презрѣнія на французскую челядь, и не посмотрѣвъ на Аннету, которая было ревностно приняла сторону Латура, вышелъ изъ дому. Я совершенно излечился отъ привязанности къ Аннетѣ, и теперь, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, долженъ признаться, что главною причиною этому было оскорбленное самолюбіе. Не посмѣйся она съ офицеромъ надо мною — я бы все простилъ. Благословляю судьбу!

Избавясь отъ этого наважденія, я сталъ вести прежнюю свою жизнь — единообразную, но уже не скучную. Бесѣда друзей, посѣщеніе театра, чтеніе книгъ занимали меня во все то время, которое проводилъ я не у должности. Я началъ даже любить статскую службу, и съ меньшимъ отвращеніемъ смотрѣлъ

на донесенія, отношенія, предписанія и циркуляры. Даже голодный, безвкусный воздухъ департаментскій сдѣлался мнѣ споспѣе. По крайней мѣрѣ здѣсь не бываетъ женщины! думалъ я. Некому насъ дурачить и мучить.

Недѣли чрезъ четыре случилось мнѣ, въ одно воскресенье, быть въ Строгановомъ Саду. Тогда еще былъ живъ незабвенный Графъ Александръ Сергѣевичъ, старецъ добрый, почтенный, милый, всѣми любимый и уважаемый. Какъ теперь его вижу: онъ сиживалъ, бывало, въ хорошую погоду, на широкомъ крыльцѣ дома, ведущемъ въ садъ, посреди родственниковъ и друзей своихъ; въ сырое же время, у большаго окошка по правую руку, и любовался, глядя на гуляющихъ. На галереѣ играла роговая музыка; далѣе, въ саду, полковая. Шумныя толпы расхаживали предъ домомъ вокругъ овальнаго зеленого луга, по широкой аллеѣ, уставленной скамейками. Гулянье пріятнѣйшее! Вотъ, въ это воскресенье, и я, въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, бродилъ, куда несла меня толпа, и вдругъ очутился передъ Графиней Сугробою. Прежде нежели я могъ на что набудь рѣшиться, она, какъ умная свѣтская дама, уже привѣтствовала меня: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ? что васъ не видать?». Я отвѣчалъ ей низкими поклономъ, и когда подвигалъ голову, графиня уже прошла, а за нею идетъ Анна Ефимовна, ведомая подъ руку какимъ-то червенымъ уродцемъ въ синемъ фракѣ, съ миллионною медалью. «Рекомендую вамъ жениха моего, Дмитрій

Сергѣевичъ!» сказала она мнѣ, насмѣшливо пристѣдая. «Очень радъ!» отвѣчалъ я отъ всего сердца — и они промелькнули въ толгѣ. «Ну!» подумалъ я: «для этого, я чаю, довольно было и полусонаты.» Между тѣмъ, признаюсь, эта встрѣча произвела во мнѣ какое-то непонятное волненіе. Я не любилъ Аннеты; радовался даже, что добромъ отъ нея отдѣлался, но все же мнѣ досадно было, что она невѣста. Поди, растолкуй прихоти сердца человѣческаго!

Въ то время, какъ я, проталкиваясь между гуляющими, принималъ себѣ все смѣшныя и досадныя обстоятельства моего сватовства, вдругъ что-то знакомое мелькнула предо мною. Вообрали, я узналъ дѣвицу, которая сидѣла спиною ко мнѣ въ ложѣ, въ несчастное представленіе Эдипа. Та же шляпка, та же шаль, та же платье, та же осанка, тѣ же черныя локоны, и сверхъ того — прелестнѣйшая ножка, какою только могло бы выдумать воображеніе поэта. Въ числѣ многихъ капризовъ, которыми надѣлила меня природа, не послѣднее мѣсто занимаетъ ненависть моя — къ ногамъ. Смѣйся, брани меня, а я тебѣ скажу, что никакъ не могу равнодушно слушать, когда говорятъ о ногахъ, о обуви, и т. п., и что я всѣмъ бы согласился быть въ мѣрѣ, а не сапожникомъ и не башмачникомъ. Мнѣ однажды понравилась дѣвица; я сталъ ее разглядывать, прислушиваться къ ней, и вдругъ слышу, что она говоритъ: «у меня болятъ ноги!» Довольно: я разочарованъ. Наташа Музина, узнавъ объ этой странности, пророчила мнѣ со смѣ-

хоть, что женскія ножки отмстятъ мнѣ за это, и конечно прельстятъ меня на всю жизнь. Ножки, да, а не ноги. — Я разглядывалъ ножки милой незнакомки, сколько позволяла тѣснота, измѣрялъ глазами безконечно малый слѣдъ ихъ, и вздыхалъ, помышляя, что онъ заносится пескомъ, какъ въ степи африканской. «Такой ростъ, такая осанка, такія ножки,» думалъ я: «не могутъ принадлежать не красавицѣ лицемъ,» и рѣшился поверотить въ другую сторону, чтобъ встрѣтиться съ нею. Мое желаніе вскорѣ исполнилось. Подъ знакомою шляпкою увидѣлъ я лице самое мило-видное, самое интересное, какого не только описать, но и вообразить я не въ состояніи. Когда я поравнялся съ нею, и пристально посмотрѣлъ на нее, она на меня взглянула, и казалось, хотѣла припомнить гдѣ меня видѣла. Злодѣйка! и ты женщина, и ты умѣешь видѣть, не глядя. Обвороженный херувимскимъ личикомъ, я спѣшилъ скорѣе обойти кругъ, чтобъ опять встрѣтиться съ нею, но не тутъ-то было. Она исчезла, и я, какъ нищій, проснувшійся послѣ видѣнія, подарившаго его милліономъ, въ уныніи отправился въ свою келлію. Въ слѣдующее воскресенье продежурилъ я въ Строгановомъ Саду съ четырехъ часовъ до полуночи. Незнакомки не было. Тщетно искалъ я ея на всѣхъ гульбищахъ, въ театрахъ и проч. Я находилъ только прелестный ея образъ въ глубинѣ моей души.

Довольно ли я написалъ въ нынѣшній разъ? — Я долженъ кончить, ибо чрезъ часъ отправляется

куррьеръ въ Петербургъ, а я не хочу разорять тебя вѣсовыми деньгами, какъ Ивановъ старую графиню. Ты конечно удивишься, что я, исписавъ нѣсколько листовъ, ни разу не своротилъ съ прямого пути? Письма чрезъ два, узнаешь тому причину. Прости!

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

Дрезденъ, 23 Августа.

Продолжаю мою исторію.

Въ числѣ молодыхъ людей, находившихся въ моемъ столѣ въ департаментѣ, отличалъ я одного молодого иностранца; онъ повалился мнѣ необыкновенною точностью, исправностью и прилежаніемъ: всегда приходилъ въ назначенный часъ, и не уходилъ, не кончивъ дѣла. Ума онъ былъ не обширнаго, но этого въ его должности и не требовалось. Товарищи, которымъ онъ досаждалъ своею пунктуальностію и вопросами о русскомъ языкѣ, частенько надъ нимъ трунили. Онъ все сносилъ терпѣливо, не отвѣчалъ на насмѣшки, и продолжалъ работать. Вскорѣ всѣ важнѣйшія дѣла перешли въ его руки, и онъ сдѣлался мнѣ необходимымъ. Иногда онъ смѣшилъ всѣхъ насъ спорами о русскомъ языкѣ. Однажды написалъ онъ въ проектѣ бумаги: *а посему курьера и не отправять*. Одинъ товарищъ его поправилъ: *не отправлять*.

Нѣмецъ сталъ спорить и утверждать, что курьеръ одинъ, слѣдственно и видъ глагола долженъ быть однократный. Всѣ надъ нимъ насмѣхались, но никто не умѣлъ доказать, почему онъ не правъ. Дошло дѣло до меня. Я отвѣчалъ: *не отправлять*. А почему? спросилъ германскій юноша. Я, признаться, самъ не умѣлъ сказать, почему, и отвѣчалъ: «Потому, что такъ пишутъ. Совѣтую и впредь наблюдать это.» — «Вы мой начальникъ и можете приказывать: впредь буду я писать: *не отправлять*, перестану спорить; но, признаюсь, очень хотѣлось бы знать, на какомъ основаніи это дѣлается, ибо въ свѣтѣ нѣтъ ни дѣйствія, ни вещи безъ причины, говоритъ мой отецъ.» — Мнѣ понравилось это основательное упрямство, уступающее только власти, законамъ установленной. По окончаніи года, я представилъ его къ первой денежной наградѣ, и объявилъ объ этомъ всѣмъ его товарищамъ, которые охотно согласились, что Миллеръ по справедливости заслужилъ ее. Наканунѣ Нового Года получаю списокъ наградамъ, утвержденный министромъ, и, что же? вмѣсто имени Ивана Миллера, вижу какое-то другое, мнѣ вовсе неизвѣстное. Это что? — Иду къ начальнику отдѣленія, и спрашиваю его о причинѣ перемѣны. Онъ отвѣчаетъ мнѣ запинаясь: «Это-съ.... ничего-съ.... это отъ того-съ.... извольте видѣть-съ.... Миллеръ у насъ недавно служить-съ.... Мы его представили-съ.... къ Святой Недѣль-съ....» — «Да кто этотъ неизвѣстный мнѣ Просенко, котораго поставили на мѣсто Миллера?» —

«Пожалуйте-сь говорите потише-сь.... эзекунторъ слышитъ-сь.... Это-сь.... извольте видѣть-сь.... чиновникъ-сь.... титулярный совѣтникъ-сь.... Онъ занимается-сь дѣлами у министра-сь.... то есть собственными дѣлами его сѣятельства-сь...., такъ ему нѣкогда-сь.... ходить въ департаментъ.... но онъ, ей Богу-сь, человекъ прекрасный-сь....» — «Да помилуйте, Василий Александровичъ,» отвѣчалъ я ему: «чѣмъ виноватъ Миллеръ, что Просенко трудится у министра? Какъ вамъ угодно, я пойду къ директору, а если онъ не согласится, къ самому министру.... Долгъ чести....» — «Пустое-сь.... не безпокойтесь и не горячитесь, Дмитрій Сергѣевичъ! Мы вашему Нѣмцу-сь.... удѣлимъ изъ остатковъ канцелярской суммы.» — «Позвольте отвѣчать вамъ, что онъ, во-первыхъ, не мой Нѣмецъ, а полезный чиновникъ, съ усердіемъ служащій Государю; во-вторыхъ, награду даютъ какъ милость царскую, законно заслуженную, а изъ крохъ канцелярской суммы онъ не согласится....» — «Такъ что жъ-сь? Честъ приложена-сь.» — «То-то и бѣда, что честъ не приложена. Прошу васъ всепокорнѣйше, для исполненія долга справедливости, для сохраненія порядка въ службѣ, исправить эту ошибку. Я не маю ни одной инстанціи, но не остаюся....» — «Ей Богу-сь.... трудно-сь....» — «Почтенный Василий Александровичъ! вѣрю: добро дѣлать и правду говорить трудно, но васъ любить директоръ....» — «Потише-сь.... ей Богу-сь.... эзекунторъ слышитъ-сь.... Ну такъ и быть-сь.... пой-

ду-сь, поѣду-сь.... авось либо....» Добрый и почтенный, но слишкомъ покорный обстоятельствамъ и трусливый, Василій Александровичъ отправился къ директору. Не знаю какъ, а дѣло чрезъ два часа сладили. Просенку дали награжденіе изъ суммъ экономическихъ, а Миллеръ остался въ прежнемъ спискѣ. Это его крайне обрадовало. «Ахъ! какъ ради будутъ папенька и маменька,» сказалъ онъ въ восторгѣ: «когда узнаютъ, что я награжденъ самимъ министромъ по Высочайшему повелѣнію!» — Безпристрастіе и справедливость въ распредѣленіи самыхъ неважныхъ наградъ по службѣ очень важны въ отношеніи къ общему порядку, и, могу сказать, даже въ государствѣ. Всякій начальникъ долженъ помнить, что онъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ какъ представитель правительства, и что всякая несправедливость производитъ въ сердцахъ людей злобу и ожесточеніе....

Дня чрезъ два послѣ этого, поутру, когда я еще сидѣлъ за чаемъ, Аѳанасій докладываетъ мнѣ, что пришелъ какой-то господинъ съ крестикомъ. — «Присы!» — Входитъ старичекъ небольшого роста, въ старомодномъ фракѣ, въ коротенькомъ исподнемъ платѣ, напудренный, съ косичкою; въ петлицѣ у него владимірскій крестъ, въ рукѣ камышевая трость съ золотымъ набалдашиникомъ. — «Вы господинъ столоначальникъ, коллежскій ассессоръ Дмитрій Сергѣевичъ Мстиславцевъ?» спрашиваетъ онъ у меня нѣмецкимъ произношеніемъ, съ праявѣтливою улыбкою и съ

низкимъ поклономъ. — «Къ услугамъ вашимъ,» отвѣчалъ я: «а я съ кѣмъ имѣю честь говорить?» — «Я штабъ-лекаръ, надворный совѣтникъ Фризель!» отвѣчалъ онъ съ прежнею улыбкою: «имѣю честь служить врачемъ при вашемъ департаментѣ. — «Очень радъ познакомиться съ вами безъ нужды!» отвѣчалъ я смѣясь: «въ два года службы мнѣ не случилось имѣть надобности васъ видѣть. Прошу садиться.» — «Да!» отвѣчалъ онъ, садясь: «накладно знакомиться коротко съ нашимъ братомъ. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о Фридрихѣ Велпкомъ, когда онъ увидѣлся съ знаменитымъ врачомъ Циммерманомъ: «такъ видно я очень боленъ, что вы меня посѣтили!» сказалъ онъ. Но я пріѣхалъ къ вамъ не для того, чтобъ лечить васъ, а чтобъ поблагодарить за милость, которую вы оказали племяннику моему, сестрину сыну, молодому Миллеру.» — «Я исполнилъ долгъ свой!» отвѣчалъ я. — «Долгъ! долгъ! mein lieber батюшка! Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ покойномъ приятелѣ, который говорилъ, что слово долгъ есть то же, что долгій ящикъ. — Бѣдный мальчикъ былъ очень огорченъ, узнавши, что не получитъ награжденія. Сестра моя, извините, Дмитрій Сергѣевичъ, женское дѣло, сказала ему: «Вотъ, Ваня, ты хвалился своимъ столоначальникомъ, а онъ видно таковъ же, какъ и всѣ....» Онъ не далъ ей выговорить, и сталъ жарко защищать васъ. Въ это самое время входитъ курьеръ съ повѣсткою явиться для полученія всемилостивѣйше пожалованной награды. — «Вотъ видите, маменька!»

вскричалъ онъ со слезами: «я правъ: Дмитрій Сергѣевичъ человекъ — не знаю, какъ по-руски выразить — rechtschaffen. — Это значить....» — «Я понимаю и по-нѣмецки!» отвѣчалъ я ему. «Но довольно. Такъ онъ вамъ племянникъ? Прекрасный, благородный молодой человекъ!» — «Да, да! родной племянникъ; сынъ моей сестры. Отецъ его самъ собирался прийти поздравить васъ съ Новымъ Годомъ, и поблагодарить, но я задалъ ему порошокъ отъ кашлю, и онъ не смѣетъ сегодня выйти, а завтра...» — «Помилуйте!» отвѣчалъ я: «къ чему беспокоиться.» — «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчалъ г. Фридель: «онъ непременно хочетъ познакомиться съ вами лично, ибо очень трудно найти въ нѣтъшнемъ свѣтѣ человекъ, который бы поступалъ справедливо безъ всякой посторонней мысли. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ сирійскомъ царѣ (а я этотъ анекдотъ забылъ). Позвольте зятю моему исполнить пріятный долгъ.» — «Позволю,» отвѣчалъ я: «отложить его въ долгій ящикъ. Мнѣ пріятно будетъ познакомиться съ почетнымъ вашимъ семействомъ, и я не премину самъ явиться къ сестрицѣ вашей, узнавъ отъ вашего племянника, гдѣ они живутъ.» — «На Васильевскомъ Острову въ 8-й линіи, между Большимъ и Среднимъ Проспектомъ, въ домѣ Мейера, № 683; я живу съ ними, старый холостякъ. Домъ можно узнать по большому кренделю — это вывѣска булочника. Нельзя ошибиться. Намъ всѣмъ будетъ очень пріятно покороче съ вами познакомиться. Признаюсь, я боялся

пустить къ вамъ зятя, но теперь, зная, что вы изво-
лите говорить по-нѣмецки, я очень радъ и пр.» За
этихъ послѣдовали еще три или четыре анекдота.
Наконецъ старичекъ посмотрѣлъ на часы, и сказалъ:
«Мнѣ пора къ одному больному. И такъ мы будемъ
имѣть честь....» — «Непремѣнно! А ваше имя и от-
чество?» — «Имя моего отчества,» сказалъ онъ,
улыбаясь: «Помератія, что мы Нѣмцы называемъ:
mit Erlaubniß zu sagen, Hinter-Römpfern.» — «Но
васъ зовутъ?» — «Фризель, впабъ-лекаръ, надвор-
ный совѣтникъ, а по-русски зовутъ меня Иванъ Ива-
новичъ!» — Почтенный Иванъ Ивановичъ раскла-
нился съ мною очень учтиво, и рассказавъ еще два
анекдота, одинъ въ залѣ, а другой въ передней,
отправился къ своему больному.

Боясь еще другаго посѣщенія, я посѣдѣвши пред-
упредить гостя, и на слѣдующій день, послѣ обѣда,
отправился въ указанный мнѣ домъ, вскорѣ отыскалъ
и дверь съ надписью на бумажкѣ: C. Müller, Dr. Th.
Я позвонилъ. Отворилась дверь, и вышла опрятно
одѣтая служанка съ вопросомъ: «Кого вамъ, сударь,
угодно?» — «Господина Миллера.» — «Его, сударь,
дома нѣтъ, онъ еще въ кондиціи, а хозяйка, Марья
Ивановна, дома; пожалуйста!» — Я вошелъ въ ком-
нату, убранную очень просто и очень опрятно. Мебель
старомодная. На окнахъ бѣлыя занавѣски. У одной
стѣны простое фортеціано. Надъ нимъ силуэты, видно
фамилльные, и портретъ одного вельможи, уже давно
скончавшагося. На фортеціанѣ ноты — Моцартовы

оперы, застольныя пѣсни и танцы. У одного окна передъ креслами столикъ; на немъ женская работа, и лежащая вверхъ корешкомъ книжка — видно ее только что читали. Это мнѣ напомнило матушку, и уже заранѣе приготовило къ ласковому приему. Я не успѣлъ еще осмотрѣться въ комнату, какъ вошла женщина лѣтъ сорока пяти, полная и здоровая, одѣтая по-домашнему, очень опрятно, и съ привѣтливою улыбкою спросила меня по-русски: «Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?» — «Братецъ вашъ, Иванъ Ивановичъ, сдѣлалъ мнѣ вчера честь...» — Она не дала мнѣ договорить: «Ахъ, конечно вы господинъ Мстиславцевъ! Какъ я рада васъ видѣть! Вы начальникъ и покровитель нашего Вани! Садитесь, сдѣлайте милость! Карлъ Федоровичъ *не дома* *), но онъ скоро придетъ. Скоро *половина шесть* **). Классы въ пансионѣ кончатся въ пять.» — Я узналъ въ этой бесѣдѣ всю исторію ея семейства. Мужъ ея, родомъ изъ Ширштейна, на Рейнѣ, прибылъ въ Россію лѣтъ за тридцать предъ симъ. Онъ учился богословію, и хотѣлъ быть пасторомъ, но не получивъ мѣста, пошелъ въ учителя. Былъ домашнимъ учителемъ въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ, потомъ женился и поселился на Васильевскомъ Острову, занимается преподаваніемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ и музыки въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ до-

*) Nicht zu Hause.

**) Halb Sechs.

махъ. Дѣтей у нихъ шестеро: три сына и три дочери. Отецъ хотѣлъ было, чтобъ старшій сынъ учился богословію, но не имѣлъ средствъ на отправленіе его на университетъ, какъ говорила Марья Ивановна, и такъ, по окончаніи ученія въ Петровской Школѣ, его опредѣлили въ нашъ департаментъ по ходатайству дяди, штабъ-лекаря.

Въ четверть шестаго часа явились дѣти изъ школы: два мальчика, одинъ лѣтъ двѣнадцати, другой девяти, и двѣ дѣвочки одиннадцати и восьми лѣтъ; мальчики съ кожаными сумками и аспидными досками на ремняхъ; дѣвочки съ большими тиковыми мѣшками, въ которыхъ были учебныя книги и тетрадки. Дѣти, поздоровавшись съ матерью, бросились въ другую комнату, и вскорѣ ворвались, въ другихъ передникахъ, къ чаю. Я замѣтилъ, что мать со старшими говорила по-нѣмецки, а съ младшими по-русски. — «Поди, Карлинька, въ кухню,» сказала она младшему своему сыну: «и вымой себѣ руки: ты *выглядншь* *), какъ трубочистъ съ своими черными пальцами. Да скажи Авдотѣ, чтобъ приготовила *чайныя воды* **), и *взяла прочь* ***) этотъ стулъ; у него ножка *на два* *разломилась* ****).» — Странный русскій языкъ! думалъ я про себя. Между тѣмъ накрыли на столъ сянью салфетку, принесли самоваръ и чайный приборъ

*) Du siehst aus.

**) Theewasser.

***) Wegnehmen.

****) Entzweigehrochen.

изъ бѣлаго самсонскаго фарфору съ синими цвѣточками. «Что жъ, Авдотья,» сказала хозяйка: «ты не подала *шпилькумк*?» — «Тотчасъ, сударыня!» отвѣчала Авдотья. Это что? подумалъ я. Видно слово русское, когда Авдотья понимаетъ. Очень любопытствовалъ я знать, какая вещь такъ называется, и вдругъ вижу, приносятъ полоскательную чашку. Такъ вотъ, что *шпилькумка* *)! — Ровно въ половинѣ шестаго, зазвенѣлъ колокольчикъ громче обыкновеннаго. «Это папенька!» закричали дѣти и бросились въ переднюю комнату. Вошелъ въ комнату рослый, породный мужчина лѣтъ подлѣ шестьдесятъ, въ синемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ: полное его лице, высокій лобъ, яркіе глаза и движеніе губъ означали и степенность и веселость, и умъ и доброе сердце. Онъ обратился ко мнѣ съ привѣтствіемъ на русскомъ языкѣ, которымъ говорилъ съ трудомъ. Забѣтивъ это, я отвѣчалъ по-нѣмецки. Лице старика прояснилось, и онъ сталъ выраженіями, исходящими изъ сердца, изъявлять мнѣ благодарность свою за помеченіе о его сынѣ. Слезы заблестали въ глазахъ его, когда я сталъ увѣрять, что сынъ его въ полной мѣрѣ заслужилъ оказанное ему отличіе. И мать отерла глаза при этихъ словахъ. — «Боже мой!» подумалъ я про себя: «сколько малаго надобно на то, чтобъ осчастливить добрыхъ людей! Что я значу въ свѣтѣ и въ службѣ, а отъ меня уже зависитъ счастье цѣлаго семейства. И какъ

*) Spühlkumme.

мы этия пренебрегаемъ! Какъ легкомысленно играемъ счастьемъ и спокойствіемъ ближнихъ!» Всѣ усѣлись вокругъ чайнаго столика. Опять зазвенѣлъ колокольчикъ, и появился мой знакомецъ, Иванъ Ивановичъ Фризель. Онъ крайне обрадовался, увидѣвъ меня въ кругу своего семейства, поздоровался съ сестрою и съ зятемъ, сѣлъ за столъ, роздалъ дѣтямъ по кусочку лапши и дѣвчей кожи съ поклономъ отъ дядюшки, аптекаря. Потомъ вынулъ отъ изъ кармана Берлинскія Газеты, и подавъ хозяину, сказалъ: «Твоя очередь, братецъ!» — «Какая очередь?» спросилъ я. — «Извольте видѣть, Дмитрій Сергѣевичъ,» отвѣчалъ Фризель: «насъ пятнадцать человѣкъ складывается для полученія иностранныхъ газетъ, и мы читаемъ по очереди.» — «Почему выписываете вы Берлинскія? Я полагаю всегда, что Гамбургскія лучше,» сказалъ я. — «Были лучше,» отвѣчалъ Карлъ Ѳедоровичъ: «но съ тѣхъ поръ, какъ завладѣли Гамбургомъ ненавистные Французы, и печатаютъ тамошняго Корреспондента по-поламъ съ французскимъ языкомъ, намъ грустно и больно читать ихъ.» — «Вы правы,» сказалъ я: «больно и досадно.» — Хозяйка мои между тѣмъ закурили трубки, и тщетно подчивали меня. «Вы, Русскіе,» сказалъ Миллеръ: «не любите курить табакъ, и хорошо дѣлаете, потому, что это пустая прихоть, и много денегъ вывозить изъ государства; но погодите: дойдетъ очередь и до васъ.» Мать, дѣти и я пили чай, а старикамъ сдѣлали нуншу. Досадно! подумалъ я: неужели люди не могутъ быть довольны

безъ этого гнуснаго напитка? Но, сколько я могъ примѣтить, здѣшній пившъ былъ экономическій, а не нашъ, россійскій. — Явился и мой подчиненный, окончивъ въ своей комнатѣ работу, заданную ему къ завтрашнему дню. Начались разговоры о политикѣ. Старикъ Миллеръ судилъ здраво и основательно, говорилъ о тогдашнемъ состояніи Европы, и утверждалъ, что ея спасеніе зависитъ единственно отъ нашего Государя. Фризель соглашался съ нимъ, но приправлялъ свои сужденія шуточками, пословицами и анекдотами о больныхъ и о здоровыхъ. Послѣ чаю, Миллеръ сказалъ весело: «Ну, дѣти, сегодня займемся музыкою!» — «Охотно, папенька!» отвѣчали они. — «Музыкальны ли вы *)?» спросила у меня Марья Ивановна. — «Нѣтъ, сударыня!» отвѣчалъ я: «къ несчастію, не имѣлъ я случая въ молодости выучиться музыкѣ, и теперь очень объ этомъ сожалею: музыка можетъ доставить большое удовольствіе человѣку съ чувствомъ.» — «Не только удовольствіе,» сказалъ Миллеръ: «она возвышаетъ душу, выражаетъ то, чего словами сказать нельзя. Кто не любитъ музыки, тотъ....» — «Да!» подхватилъ Фризель: «и Мартинъ Лютеръ, человѣкъ умный и просвѣщенный, говаривалъ:

Wer nicht liebt Wein, Weiber und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein lebelang **).

*) Sind Sie musikalisch?

**) Кто не любитъ вина, женщинъ и пѣнія, тотъ во всю жизнь остается дуракомъ.

Миллеръ сѣлъ за фортепiano, и заигралъ простую церковную пѣснь. Послѣ прелюдіи загѣлъ онъ ее вѣрнымъ и пріятнымъ голосомъ. Дѣти и жена ему вторили. Фризель припѣвалъ также фистулою. Миллеръ чувствовалъ, что пѣлъ: слезы благодаренія къ Творцу, выражаемаго въ стихахъ пѣсни, выступили у него на глазахъ. Голосъ его дрожалъ. По окончаніи пѣнія, нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, во время котораго Миллеръ варіировалъ на фортепiano пѣтую мелодію. «Нѣтъ!» сказалъ онъ со вздохомъ: «это не то! лучшаго голоса нѣтъ въ нашемъ хорѣ.» — «Теперь споемъ что нибудь повеселѣ!» сказалъ Фризель, будто не дослышавъ сказаннаго. — «Изволь, братъ, студентскую!» отвѣчалъ зять, и началъ:

Vom hoh'n Olymp herab ward uns die Freude,
Ward uns der Jugendtraum bescheert *).

Фризель сталъ ему вторить; но каково было ихъ удовольствіе, когда и я началъ подтягивать эту прекрасную пѣсню, слышанную мною нерѣдко у нѣмецкихъ профессоровъ въ Москвѣ! За этимъ послѣдовали: Freut euch des Lebens, и другія нѣмецкія аріи съ акомпанементомъ хора. Миллеръ пѣлъ все съ чувствомъ и выразительностью. Вдругъ взглянулъ онъ

*) Съ высренняго Олимпа виспсланы намъ радости и мечтанія юныхъ дней.

на часы, и вскричалъ: «Девять часовъ! пора ужина-
ть!»—Между тѣмъ накрыли столъ бѣлою скатертью,
поставили сыръ, масло, холодное жаркое, картофель-
ный салатъ, бутылку краснаго вина, двѣ бутылки пива
и зельтерскую кружку съ квасомъ. — «Милости про-
симъ!» сказалъ мнѣ Миллеръ: «садитесь, господинъ
Мстиславцевъ! Покушайте съ нами.» Я поблагода-
рилъ его, сказавъ, что никогда не ужинаю. — «Пу-
стое!» отвѣчалъ онъ: «молодой человекъ долженъ
ужинать. Это нужно для подкрѣпленія силъ, исто-
щенныхъ дневными трудами.» — «Скушайте хоть ку-
сочекъ *мас.жхльба* *)!» сказала пріятливо хозяй-
ка. — Миллеръ продолжалъ: «Человекъ имѣеть въ
виду надобность не только для подкрѣпленія силъ
своихъ, но и для прославленія Творца. При каждомъ
куску онъ долженъ благодарить Бога за насущный
хлѣбъ. Если бъ онъ не имѣлъ нужды въ пищѣ и пи-
тїи, то вскорѣ бы возгордился и забылъ своего Со-
здателя. А такъ онъ всякой день напоминаетъ себѣ о
своихъ обязанностяхъ.» — «А что были бъ мы, вра-
чи,» прибавилъ, улыбаясь, Фризелъ: «если бъ люди
родились безъ желудка? Это мнѣ напоминаетъ анек-
дотъ о моемъ покойномъ профессорѣ, который ча-
стенько намъ говаривалъ, что наши золотые рудники
на богатыхъ и роскошныхъ столахъ, на золотыхъ
блюдахъ.» — «Сохрани васъ Богъ отъ невоздержан-
нїа!» сказалъ Миллеръ: «а ѣсть и пить должно, и

*) Butterbrot.

хорошо.» — Засидѣвъ всѣ сложенныя руны, и ставъ предъ своими мѣстами, прочли тихую молитву. Сперва съѣлъ Миллеръ, потомъ и прочіе. Я также. Со мною обходились учтиво, правѣтливо, но безъ церемоній, и какъ съ человѣкомъ давно знакомымъ. Ужинъ приправленъ былъ нравственными и философическими замѣчаніями Миллера, и анекдотами Фризеля. Иногда всѣ собесѣдники дружно хохотали. Послѣ ужина, по произнесеніи прежнихъ порядкомъ молитвы, Миллеръ съѣлъ опять за фортепiano, и пропѣлъ нѣсколько строкъ изъ Шиллеровой Пѣсни Радости. Последніе стихи:

Eine heit're Abschiedsstunde,
Süssen Schlaf im Leichentuch —
Brüder! einen sanften Spruch
Aus des Todtenrichters Munde *)!

пѣлъ онъ съ бѣльшимъ противъ прежняго чувствомъ. Окончивъ громкимъ аккордомъ, который потерялся въ длинной руладѣ, онъ всталъ и сказалъ дѣтямъ: «Ну, пора спать! прощайте!» Я догадался, что это, между прочимъ, сказано и мнѣ, взялъ шляпу и отпавлялся. Миллеръ, жена его и Фризель дружески желали мнѣ *счастлива воротиться домой* и покой-

*) Дажь намъ кроткій часъ разлуки, тихій сонъ въ могильномъ саванѣ. Братья! Станемъ ждать утѣшительнаго изрѣченія изъ устъ Судіи умершихъ!

наго сна, и просили навѣщать ихъ въ досужее время, если мнѣ у нихъ, Нѣмцевъ, не слишкомъ было скучно.

Я пошелъ домой съ какимъ-то сладостнымъ чувствомъ. Предо мною открылся новый міръ, который я дотогъ зналъ изъ Лафонтеновыхъ романовъ и Ифландовыхъ драмъ. Я думалъ, что этотъ міръ вымышленъ поэтами, а теперь увидѣлъ, что онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Я былъ слишкомъ рано исторгнутъ изъ родительскаго дома, и съ тѣхъ поръ жилъ все между чужими, бывалъ на званыхъ и на холостыхъ обѣдахъ, но потерялъ изъ виду все, что можетъ назваться семействомъ въ точномъ смыслѣ сего слова. Иногда случалось мнѣ быть на вечерахъ, гдѣ играютъ въ карты, танцуютъ, разговариваютъ, шумятъ, смѣются, но все это было что-то принужденное и парадное. Видаль я и семейственныя картины, гдѣ одинъ или двое изъ дѣтей, любимцы мамевки, валяются на диванахъ и бранятся съ маменькою, а прочія, сандриліоны, растутъ въ дѣтской, близъ дѣвичей и лакейской, въ ожиданіи той минуты, когда мосье или мадамъ станетъ выправлять ихъ для вступленія въ свѣтъ! А здѣсь видѣлъ я повиновеніе, основанное на законахъ природы и общества человѣческаго; видѣлъ строгость, соединенную съ правосудіемъ и нѣжностью; видѣлъ дѣтскую безусловную любовь и преданность къ родителямъ; видѣлъ родителей, которые смотрятъ на дѣтей, какъ на залогъ, данный имъ Богомъ, въ которомъ они должны со временемъ дать отчетъ на Страшномъ Судѣ.

Я вскорѣ коротко познакомился въ домѣ почтеннаго Миллера, и проводилъ пріятнѣйшіе вечера въ кругу его семейства. Время протекало въ дружеской бесѣдѣ, въ занятіяхъ музыкою; иногда играли и въ бостонъ, по кофѣйкѣ; учили и бранили меня, нерожденнаго для карточной игры. Изрѣдка и читали—новыя нѣмецкія книги. Выходя изъ любезнаго круга, я чувствовалъ, что всякій разъ становлюсь добрѣе и благороднѣе.

Опишу тебѣ характеръ всѣхъ лицъ этого семейства.

Миллеръ, отецъ, человекъ ученый и умный, характера твердаго, доходящаго до упрямства, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ кротокъ и чувствителенъ, даже до слабости. Безкорыстіе, честность и праводушіе его не знаютъ предѣловъ: случается, что какой нибудь ученикъ, къ которому онъ ѣзжалъ въ Коломню, переѣдетъ на Васильевскій Островъ. Миллеръ тотчасъ *требуетъ* уменьшенія платы, ибо нынѣ нужно менѣе времени на переходъ, и не надобно нанимать извозчика. Когда его станутъ принуждать къ принятію прежней платы, онъ обидится, и въ состояніи бросить выгодное мѣсто. Въ этомъ онъ отличается отъ многихъ своихъ единоземцевъ, у коихъ расчетъ барыша есть главное дѣло во всѣхъ случаяхъ жизни. — Другое отличіе его отъ Нѣмцевъ состоитъ въ его хлѣбосольствѣ. Онъ не сзываетъ гостей, ибо полагаетъ, что въ семъ случаѣ должно изготовить великолѣпнѣйшее пиршество; но кто къ нему прійдетъ,

того накормить до отвала. И этотъ ученый, умный, благородный человекъ наполненъ странными предразсудками! Такъ, напримеръ, онъ полагаетъ, что на одномъ нѣмецкомъ языкѣ написано въ новое время что либо порядочное, и особенно ненавидитъ писателей французскихъ. Расинъ, Мольеръ и Вольтеръ называются у него miserable Kets. Баснописецъ Лафонтенъ, утверждаетъ онъ, конечно былъ Нѣмецъ, или происходилъ отъ какой нибудь нѣмецкой лотарингской или тому подобной фамилии. — Другое пристрастiе оказываетъ онъ къ Протестантской Религiи, ко всѣмъ ея обрядамъ, повѣрьямъ и даже обыкновенiямъ, сопряженнымъ съ нѣкоторыми обрядами. Я думаю, что онъ развелся бы съ своею доброю Марьею Ивановною, если бъ въ Великiй Четвертокъ (называемый у Нѣмцевъ Grün-Donnerstag) не было на столѣ красиваго супу, а 10 ноября, въ день Мартина Лютера, не подали жаренаго гуся, начиненнаго яблоками и черносливомъ. На насъ, иновѣрцевъ, смотритъ онъ не съ презрѣнiемъ, а съ какимъ-то сожалѣнiемъ. — Пришлы всему этому расскажу я тебѣ со временемъ.

Жена его, Марья Ивановна, образецъ доброй матери и хозяйки. Съ утра до самой ночи занимается она устройствомъ домашнихъ дѣлъ, неуспынно и кропотливо, но безъ крику и шуму. Напоить поутру весь домъ чаемъ и кофеемъ (Нѣмцы пьютъ поутрамъ обыкновенно кофе), отпустить дѣтей въ школу, прибрать все въ домѣ, изготовить подъ своимъ присмотромъ

обѣдъ, потомъ кофе, чай, и ужинъ, уложить дѣтей — вотъ кругъ, въ которомъ она движется. Бережливость, порядокъ и опрятность въ домѣ ея удивительныя. Разъ вошелъ я послѣ обѣда въ кухню, и изумился. Какая чистота! какой порядокъ! Полъ вымытый, кажется, сегодня, и усыпанный мелкимъ пескомъ. Кастрюли и сковороды свѣтятся на полочкахъ. Блюда, миски и тарелки стоятъ правильными рядами в столбцами. Нигдѣ ни пылинки! — Образованность ея не дальняя. Рыцарскія повѣсти, романы Лафонтена и драмы Коцебу составляютъ всю ея литературу; но она улучаетъ каждую четверть часа, чтобъ хоть присѣсть за книжку. — Женщина почтенная — но, признаюсь, я не желалъ бы имѣть такую жену. Ключницу, кухарку опрятную, бережливую и искусную можно нанять, а жена, жена, что-то выше, не только выше этихъ занятій, но должна быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и выше меня!

Братъ ея, Иванъ Ивановичъ, тебѣ уже знакомъ. Забавный оригиналъ! Въ литературѣ и эстетикѣ онъ не далѣе своей сестрицы, учился на мѣдные деньги въ какомъ-то заповѣданомъ нѣмецкомъ университетѣ, и уже двадцать пять лѣтъ не читалъ ничего, кромѣ Гамбургскихъ и Берлинскихъ Газетъ, и Anecdoten-Almanachъ. Вся его матерія-медиа состоитъ изъ четырехъ микстуръ, трехъ цорешковъ, двухъ родовъ пшеницы, и еще нѣсколькихъ домашнихъ средствъ: ревеню, гофманскихъ капель, креморъ-тартара, магnezin и т. н. Въ діетѣ приказываетъ онъ наблюдать

не качество, а количество пищи. Но онъ имѣеть довольно обширную практику, ибо очень прилежно посѣщаетъ больныхъ, и долго съ ними разговариваетъ. Всѣ его пациенты утверждаютъ, что онъ совершенно знаетъ ихъ натуру. Къ чести его сказать должно, что онъ самъ знаетъ свои силы, и при малѣйшей опасности, гдѣ полагаетъ свои средства неэффективными, проситъ призвать другаго врача. — Доброжелательство его, снисхождение и услужливость не знаютъ предѣловъ. Нѣтъ ничего хуже людей и вещей, имъ отрекомендованныхъ. Люди, отринутые всѣми за явные пороки, явятся къ нему, пошлечуть, и получить усердную рекомендацію. Узнавъ, что мнѣ случилась надобность въ коновалѣ, онъ прислалъ ко мнѣ пьянаго Нѣмца, кузнеца, который чуть было не уморилъ единственнаго моего коня. Въ другой разъ рекомендовалъ онъ мнѣ шляпный магазинъ. Я послушался, заплатилъ за шляпу въ три-дорога, и она, на другой же день, распылалась на первомъ дождѣ. Вотъ вредъ и отъ добрыхъ людей! Удивительно, какъ онъ ладитъ съ своимъ зятемъ, человѣкомъ строгимъ и часто довольно грубымъ. Видно, Миллеръ отучилъ его отъ рекомендацій.

О старшемъ сынѣ Миллера ты уже имѣешь понятие. Онъ будетъ со временемъ похожъ на отца, только навѣрное сдѣлается еще грубѣе, аккуратнѣе и — несноснѣе. Онъ отличный чиновникъ, усердный исполнитель, примѣрный подчиненный, но со временемъ я не желалъ бы быть у него въ командѣ — замучить,

окаянный! У Миллера, кромѣ видѣнных мною пятерыхъ дѣтей, есть семнадцатилѣтняя дочь, Луиза, о которой родственники наговориться не могутъ. Она живетъ въ Москвѣ, и вотъ какъ туда попала. Отецъ ея, вскорѣ послѣ женитьбы, опредѣлился въ Москвѣ домашнимъ учителемъ въ домѣ Князя Войтова. Въ этомъ домѣ родилась дочь его, въ одинъ день съ единственной дочерью князя. Дѣти росли вмѣстѣ, какъ родныя сестры. Въ то самое время, когда кончилось воспитаніе старшаго сына, при которомъ находился Миллеръ, умерла княжна. Неутѣшная мать бросилась на колѣни предъ уѣзжавшимъ въ Петербургъ Миллеромъ, и просила уступить ей въ приемыши Луизу, обѣщая, что будетъ воспитывать ее, какъ родную дочь. Миллеръ, непреклонный Миллеръ, тронулся слезами несчастной матери, и согласился оставить у ней семилѣтнюю дочь свою съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ее основательно учили нѣмецкому языку, и отнюдь не побуждали къ перемѣнѣ Лютеранскаго Исповѣданія. Княгиня на все согласилась, и въ точности исполнила данное слово. Прошлаго года она присылала Луизу въ Петербургъ, для конфирмаціи. Извѣстенъ ли тебѣ сей умилительный обрядъ Протестантской Церкви? Въ ней допускають къ причастію Святыхъ Таинъ однихъ взрослыхъ, и не прежде, какъ по испытаніи ихъ въ правилахъ Вѣры. Для сего, въ каждомъ приходѣ, пасторъ ежегодно преподаетъ юношамъ и дѣвицамъ наставленіе въ Законѣ Божіемъ; незадолго до Страстной Недѣли, ихъ испытываютъ, въ церкви, всенарод-

но, и потомъ торжественно принимаютъ въ число совершеннѣйшихъ членовъ Церкви, послѣ чего позволяется имъ сподобиться Святаго Причастія. Сей обрядъ имѣеть великое вліяніе какъ на нравственность, такъ и на просвѣщеніе въ земляхъ протестантскихъ, ибо требуетъ познанія грамоты, катихизиса и Священной Исторіи во всѣхъ сословіяхъ. — Миллеръ самъ, какъ ученый богословъ, строго проэкзаминовалъ Луизу; нашелъ, что она основательно знаетъ ученіе Протестантской Церкви, и допустилъ ее къ конфирмаціи. Въ условіи съ княгинею сказано было, чтобъ Луиза, вступивъ въ совершенный возрастъ, воротилась въ домъ родительскій, и она готова была совершенно поселиться въ Петербургъ, но вдругъ получила извѣстіе, что воспитательница ея занемогла. Миллеръ, не дожидаясь просьбы или желанія княгини, самъ отвезъ Луизу въ Москву, и оставилъ тамъ, доколѣ княгинѣ это будетъ угодно. Марья Ивановна, которой я изъявилъ сожалѣніе о томъ, что она должна жить въ разлукѣ съ дочерью, объявила мнѣ за тайну, что княгиня намѣрена отказать Луизѣ сто тысячъ рублей и каменный домъ въ Москвѣ, и прибавила: «Вотъ прекрасная невѣста будетъ!» Я любопытствовалъ знать, какова она собою. — «Красавица!» отвѣчала мать, и показала мнѣ миниатюрный портретъ ея. Я увидѣлъ длинное, сухое, смуглое лицо, съ рыжими волосами и карими, вздернутыми вверхъ глазами, съ приторною на устахъ улыбкою. Она изображена была безъ тѣней, въ древнежъ нѣ-

мецкомъ костюмѣ. — «И это дочь ваша, Луиза?» спросилъ я у матери. — «Да, Дмитрій Сергѣевичъ! и какъ похоже написана! Это работа двоюроднаго племянника моего, прехудснаго живописца Пергелюса; онъ учился въ Выборгѣ, а теперь вояжируетъ въ Римѣ.» — Жаль, что я полюбонитствовалъ!

Въ домѣ и родствѣ Миллера узналъ я еще нѣсколько оригиналовъ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ занималъ дядя Марья Ивановны, аптекаръ Штокманъ, человекъ достаточный, но до крайности своенравный, брюзгливый и скупой. Онъ прожилъ до семидесяти лѣтъ въ своей лабораторіи, не зная что дѣлается въ свѣтѣ, и лѣтъ тридцать не выходилъ со двора. Однажды, когда ученикъ въ другой какой-то аптекѣ отпустилъ рвотнаго камня вмѣсто магнезіи, и всѣхъ аптекарей потребовали въ физикатъ для принятія родительскаго наставленія — оказалось, что у Штокмана нѣтъ шляпы, и онъ принужденъ былъ взять ее напрокатъ у своего провизора. — Онъ крѣпко держался старинныхъ формъ, и крайне жаловался на развращеніе химіи и фармаціи въ новѣйшія времена. Твердо помня то, чему учился или о чемъ слыхалъ въ молодости, онъ нынѣ нерѣдко забывалъ то, что слышалъ наканунѣ. Учрежденіе адресъ-конторы совершенно сбило его съ толку. Вдругъ является къ нему полицейскій офицеръ, и объявляетъ, что, по приказанію господина военнаго губернатора и кавалера, слѣдуетъ взыскать съ него, аптекаря Штокмана, за просрочку паспорта кухарки его, кексгольмской уроженки, дѣ-

вицы Ульрики Матвѣевой Матиссонъ, шестьсотъ тридцать рублей. — Штокманъ ужаснулся, и — какъ ты думаешь — заплатилъ? — Нѣтъ! онъ, для избѣжанія разорительной уплаты, женился на этой кухаркѣ, старой, гнусной Чухонкѣ, къ соблазну и огорченію всего своего семейства и знакомыхъ.

Другой презабавный человѣкъ, видѣнный мною въ домѣ Миллера, былъ товарищъ его по университету; профессоръ, докторъ философіи Ципперлейнъ, — великій человѣкъ на малыя дѣла. Онъ посвятилъ всѣ ученые труды свои — библіографіи, то есть, вычитываетъ и выписываетъ всѣ заглавія книгъ, мѣсто и время ихъ печати, форматъ, число страницъ, а до того, что въ книгахъ находится, ему нужды нѣтъ. Составивъ множество каталоговъ, онъ воображаетъ, что имѣетъ познанія въ литературѣ, лингвистикѣ и исторіи, и, вообрази, толкуетъ о Русской Исторіи, едва умѣя подписать по-русски свое имя. Блистательный примѣръ Шлецера свелъ съ ума многихъ безталанныхъ нѣмецкихъ компиляторовъ. Меня онъ очень уважаетъ, и, угадаешь ли, за что? За то, что я происхожу, по его мнѣнію, отъ перваго русскаго типографика, Петра Мстиславцева! Впрочемъ и эти шмели полезны: спроси его о какой угодно нѣмецкой или латинской книгѣ, онъ опишетъ ее въ точности, какъ примѣты пропавшей собаки. — Но еще оригинальнѣе Ципперлейна сестра его, вдова булавочнаго мастера, Анна Ивановна, какъ по фамиліи, не знаю. Она имѣетъ обширное знакомство между петербургскими Нѣвцами,

и считается необходимою особою при всѣхъ многочисленныхъ собраніяхъ, на крестинахъ, на похоронахъ, на свадьбахъ, и т. п. Къ ней посылается приглашеніе съ вечера. Она является на другой день заблаговременно, въ бѣломъ платьѣ, которое, въ случаѣ бѣды за чаемъ или кофеемъ, можно вымыть; обыкновенно занимаетъ у хозяйки чистый чепчикъ, и повязываетъ его лентою, розовою на свадьбѣ, голубою на крестинахъ, черною на похоронахъ. На ея попеченіи находятся приготовленія чаю, кофе, шоколаду, пуншу и проч., и подчиванье гостей. У ней же, на всякій случай, въ карманѣ стекляночка со спиртомъ, для употребленія при обморокахъ и т. п. Анна Ивановна или возсѣдитъ въ боковой комнатѣ, за большимъ круглымъ столомъ, уставленнымъ самоваромъ, чашками, стаканами, бутылками и прочимъ, или суетится по всѣмъ угламъ. Въ награду за усердные труды получаетъ она отъ хозяйки фунтъ кофе, фунтовъ пять сахару, иногда и чепчикъ, служившій ей нарядомъ. Въ обыкновенное время Анна Ивановна бываетъ невидимкою, но лишь только почуветь что либо необычайное въ знакомыхъ домахъ, является какъ листъ передъ травой. Она съ веселыми радуется, съ грустными груститъ, съ печальными горько плачетъ.

Сколько еще другихъ оригиналовъ нашель я въ этомъ кругу! Только не думай, сдѣлай милость, чтобъ я составлялъ въ моихъ письмахъ безусловное похвальное слово всѣмъ петербургскимъ Нѣмцамъ. Случай позволилъ мнѣ войти въ кругъ, достойный вся-

каго уваженія, при всѣхъ мелкихъ слабостяхъ особъ, которыя его составляли. Страсти, приводящія въ движеніе сердца и души людей, свирѣствуютъ и здѣсь, между пришельцами забалтійскими. Сигсъ, гордость, дерзость, презрѣніе къ людямъ заражаютъ богатыхъ. Въ низкомъ классѣ нѣмецкихъ ремесленниковъ довольно грубіановъ; жадныхъ къ прибыли, обманщиковъ и горькихъ пьяницъ. Есть мастеровые, которые пропиваютъ и проигрываютъ въ американскомъ и маломъ танцевальномъ клубѣ весь свой доходъ, оставляя семейство въ крайности. Есть, съ другой стороны, богачи, заглушившіе въ сердцѣ своемъ всякій голосъ состраданія и человѣколюбія. Но то сиравадливо, что въ среднемъ состояніи нигдѣ не найдемъ столько честныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей, какъ между здѣшними Нѣмцами. Въ кругу нѣмецкихъ пасторовъ, врачей, ученыхъ, небогатыхъ купцевъ, служащихъ чиновниковъ можно найти особъ, которыя принесли бы честь всякому сословію. Причиною сему вообще нѣмецкое добродушіе, умеренность, бережливость, довольство малымъ; въ частности же — хорошее, сообразное съ состояніемъ воспитаніе. Дѣти растутъ подъ надзоромъ своихъ родителей, обучаются въ хорошихъ школахъ, заведенныхъ и содержимыхъ не на счетъ правительства, а собственными средствами приходоу.

Любопытно было бы составить изъ достовѣрныхъ свѣдѣній исторію и статистику нѣмецкой колоніи въ Россіи! Должно замѣтить, что переселившіеся въ Рос-

сію Нѣмцы усердно придерживаются своего Протестантскаго Исповѣданія (католиковъ здѣсь немного), и сохраняютъ употребленіе нѣмецкаго языка. Но языкъ этотъ имѣетъ въ Россіи особенное нарѣчіе, отличающееся отъ всѣхъ германскихъ нѣжностью и пріятностію. Въ Пруссіи, въ Саксоніи и т. д. говорятъ гораздо жестче, грубѣе и даже неправильнѣе, нежели въ Ригѣ, въ Дерптѣ, въ Петербургѣ. Въ нарѣчіе это вкрались и нѣкоторыя русскія слова, вѣроятно показавшіяся пріятными и выразительными первобытнымъ Нѣмцамъ въ Россіи. Таково, напримѣръ, слово *посжалуй*, которое очень часто слышишь въ нѣмецкой бесѣдѣ: Ich will, poschalui; mitgehen, и т. п. — Ничто не можетъ быть смѣшнѣе русскаго языка, употребляемаго нѣкоторыми Нѣмцами, родившимися въ Россіи. Я сообщилъ тебѣ нѣсколько образчиковъ въ рѣчахъ Марьи Ивановны Миллеръ. Къ тому должно прибавить, что произношеніе русскаго языка у нихъ довольно чистое, хотя и мягче, нежели слѣдуетъ; но конструкція, спряженіе и употребленіе словъ совершенно сбиваютъ съ толку того, кто впервые все это слышитъ. Забавны также переводы собственныхъ именъ: Карлъ и Христіанъ остаются въ своей силѣ; но Августа вѣрѣдко крестятъ въ Евстафія; Магнуса въ Максима или Матвѣя; Густавъ — Кузьма; Амалія — Пелагія, Флорентина — Вѣра, и т. д. — Достойно примѣчанія, что Нѣмцы, сохраняя религію и языкъ свой, совершенно забываютъ въ Россіи политическія свои отношенія къ приемному оте-

честву, и становятся русскими подданными не по одной присягѣ, но и въ сердцѣ и душѣ. Англичане носятъ въ Петербургѣ трауръ по смерти Англійскаго Короля; Французы сохраняютъ характеръ роялистовъ, либераловъ, и т. п.; но Нѣмецъ оставляетъ свое подданство Герцогу Ангальтъ-Кетенскому или Шварцбургъ-Зондерсгаузенскому на кронштатской брандвахтѣ. Этому виною политическое раздробленіе Германіи, и вообще нѣмецкій космополитизмъ. — Ты спросишь: отъ чего же, при этихъ похвальныхъ качествахъ Нѣмцевъ, они не пользуются въ Россіи должнымъ уваженіемъ? Отъ чего слово *Нѣмецъ*, въ устахъ Русскаго, и наоборотъ *ein Russe, ein wahrer Russe*, въ устахъ Нѣмца, есть что-то непохвальное? Первая причина этому заключается, по мнѣнію моему, въ томъ, что Русскіе и Нѣмцы достаточно не знаютъ другъ друга. Кто у насъ, Русскихъ, есть представитель нѣмецкой націи? Неуклюжій портной, грубый сапожникъ. — Съ кѣмъ изъ Русскихъ преимущественно обращаются Нѣмцы? Съ лавочниками, мясниками, рыбаками, огородниками, которые надуть Нѣмца или Нѣмку не считаютъ за большой грѣхъ. Не правда ли? — Вторая причина, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ разности и, можно сказать, въ противоположности характеровъ Россіянь и Нѣмцевъ. Русскіе — народъ по превосходству воинственный: они Спартанцы или, лучше сказать, Римляне новыхъ временъ. Что требуетъ силы, смѣлвости, пламеннаго пожертвованія, минутнаго исполненія, что объ-

щаетъ и непосредственную награду — все это прельщаетъ и занимаетъ Русскаго. Отъ этихъ добродѣтелей происходятъ и недостатки наши: легкомысліе, безпечность, лѣность, охота жить спустя рукава, иногда и на счетъ ближняго, и неспособность усидѣть за дѣломъ на одномъ мѣстѣ. Нѣмецъ, напротивъ того, разсудителенъ, терпѣливъ, хлопотунъ, педантъ, не тронетъ чужаго, но и своего ни за что не отдастъ. Спросите у Нѣмца о Русскомъ; онъ похвалитъ его съ прибавленіемъ: «очень прилеженъ и терпѣливъ для Русскаго.» Всѣ дѣла, гдѣ нужно ровное постоянство и неусыпное, неподстрекаемое свыше трудолюбіе, русскому человѣку нестерпимы. Отъ этого мы такъ мало усидѣваемъ въ наукахъ, не требующихъ порывовъ воображенія, и это было бы еще очевиднѣе, если бъ въ XVII вѣкѣ не присоединилась къ намъ Малороссія. Южные соотчичи наши гораздо насъ терпѣливѣе, постояннѣе, *усидчивѣе*, если смѣю такъ сказать. Въ числѣ десяти врачей, насчитаетъ тронхъ Нѣмцевъ, шестерыхъ Малороссіянъ и одного Русскаго. Въ военно-ученой службѣ, какъ-то: въ инженеряхъ, въ артиллеріи, въ генеральномъ штабѣ, но соразмѣрности, Нѣмцевъ гораздо болѣе, нежели Русскихъ. У насъ жалуются на то, что Малороссіяне въ статской службѣ вездѣ пролѣзаютъ; это несправедливо: онп только *пересмѣиваютъ* насъ. Русскій въ статской службѣ можетъ быть лишь хорошимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ: слетать, взглянуть, рѣшить — наше дѣло. Я не упоминаю здѣсь

о нашемъ крапивномъ сѣмени — о подьячихъ, полагая, что это есть зло, оставшееся у насъ послѣ владычества Татаръ. Подьячіе возникли въ тѣ времена темной памяти, когда, кромѣ ихъ, никто изъ мірянъ не зналъ грамоты. — — Теперь, съ другой стороны, спросите у Русскаго о начальникѣ его, Нѣмецѣ, и получите въ отвѣтъ: «Хорошій человекъ, да жаль, что Нѣмецъ.» Это происходитъ отъ несносной аккуратности, отъ педантства, отъ бережливости Нѣмцевъ, не только на свое, но и на чужое, т. е. на Государство. Есть Нѣмцы, которые не сдѣлаютъ вамъ, по словамъ и смыслу законовъ и нравственности, ни малѣйшей обиды, но между тѣмъ вытянутъ душу. Отъ бережливости недалеко до скупости и до любостыжания. Въ этомъ случаѣ господствуетъ у Нѣмцевъ необыкновенная способность — выражаемая глаголомъ: *profitieren*. Это значитъ пользоваться всѣми незапрещенными средствами къ приобрѣтенію, и отъ этого происходятъ въ нихъ мелкія пощечины о житействѣ, препятствующія порывамъ великодушія и самопожертвованія.

Вотъ каковы были, или какими показались мнѣ, люди, съ которыми привелось мнѣ имѣть тѣсныя связи! Не надобно однако думать, чтобъ рѣзкая черта раздѣляла Нѣмцевъ и Русскихъ въ Россіи. Между ими находятся нечувствительные переходы. Есть Нѣмцы, довольно обрусѣвшіе, отъ воспитанія ли въ русскихъ училищахъ, или отъ близкой связи и родства съ Русскими: они сохранили только Протестант-

ское Исповѣданіе, и на нѣмецкій языкъ смотрятъ, какъ мы на славянскій, а католики на латинскій, т. е. какъ на необходимость при богослуженіи. Есть Нѣмцы, совершенно забывшіе, особенно въ военной службѣ, нѣмецкій языкъ: они ходятъ молиться Богу въ русскія церкви, а въ лютеранскихъ только исповѣдуются и причащаются. Еще есть немногіе Нѣмцы, которые, имѣвъ русскую мать, крещены въ Греческомъ Исповѣданіи: они похожи на цыплятъ, высиженныхъ уткую; не знаютъ, оставаться ли, по натурѣ своей, на берегу, или броситься за маткою въ воду.

Довольно ли нагѣлъ я тебѣ о Нѣмцахъ, въ пристрастіи къ которымъ ты меня упрекаешь? Но кто виноватъ въ своей судьбѣ! Первымъ другомъ, первою благодѣтельницею моею, какъ я тысячу разъ тебѣ говорилъ, была Нѣмка, и она-то сблизила меня съ этою націею, сдѣлала меня не слѣпымъ, а снисходительнымъ къ ея слабостямъ, и внушила душевное уваженіе къ ея добродѣтелямъ.

Признаюсь тебѣ, что нѣздѣшніе германскіе Нѣмцы нравятся мнѣ петербургскихъ. Не отъ того ли это происходитъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло преимущественно съ почтилювами, трактирщиками, лоньланеями, для которыхъ всякій русскій путешественникъ есть *пушной зверь*? Стрѣльба по нашимъ кошелямъ производится безпрестанно.

Повидимому, я долженъ вскорѣ разстаться съ любимымъ Дрезденомъ, гдѣ жилъ, въ бесѣдѣ съ Волгинымъ и другими земляками, довольно весело и при-

ятно. Говорять, что намъ поручено будетъ какое-то дѣло во Франкфуртѣ на Майнѣ. Поѣду и туда. Мнѣ все равно, гдѣ ни жить. Здѣсь я ни съ кѣмъ не свелъ короткаго знакомства, и этому причину, какъ кажется, я самъ. Примѣчаю, что люди бѣгають моей угрюмости, называютъ меня скрытнымъ, мизантропомъ, гордецомъ и Богъ знаетъ чѣмъ. Пусть! Одна старушка, Tantchen, любитъ меня искренно, сколько мнѣ кажется, и горюетъ при помышленіи, что я выѣду изъ Дрездена. Но и то можетъ быть, что ей милъ не я, а червонцы и талеры мои. — Нѣтъ! не стану оскорблять ея этою мыслию. Лучше обману себя, и буду воображать, что она меня любитъ безкорыстно, нежели обижу ее подозрѣніемъ въ противномъ.

Сказываютъ, что появленіе капризовъ, упрямства, прихотей въ болѣзни, послѣ совершеннаго ослабленія и безчувствія, есть знакъ возвращенія здоровья. Такъ, можетъ быть, и эти припадки угрюмости, досады, подозрѣній, послѣ безмолвнаго моего унынія, предвѣщаютъ скорое излеченіе. Излеченіе? Не то ли это, что забвеніе? Ахъ нѣтъ! не забывать, не забывать любви! Это одно, что мнѣ дорого въ жизни! И пусть одно это чувство приведетъ въ движеніе сердце мое предъ тѣмъ мгновеніемъ, когда ему должно будетъ остановиться навѣки!

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

ФРАНКФУРТЪ НА МАЙНѢ, 12 Сентября.

Сказанное мною въ прежнемъ моемъ письмѣ сбылось. Мы получили приказаніе ѣхать во Франкфуртъ; собрались, не разсуждая долго; пустились въ путь, чрезъ три дня прибыли сюда, и остановились въ трактирѣ zum goldenen Ross, на площади, усаженной деревьями. Путешествіе наше было тихо и единообразно, но не скучно. Я чувствовалъ, что капризы мои продолжались, но Волгинъ, это существо неземное, все изгладилъ своею кротостью и терпѣніемъ. Видя, что меня томить какая-то скрытная грусть, онъ очень нѣжно, съ душевнымъ участіемъ, сталъ освѣдомляться о причинѣ моей печали, и я напелъ большое удовольствіе въ томъ, что сообщилъ ему изустно все, что написалъ или еще напишу тебѣ. Этотъ рассказъ какъ-то смягчилъ мое сердце, притушилъ жале, которое непрерывно меня терзало. Я думаю, если бъ съ самаго выѣзда изъ Россіи Волгинъ былъ моимъ спутникомъ, то я не забылъ бы моей грусти — ахъ нѣтъ! — а питалъ бы ее съ меньшими терзаніями. Еще обязанъ и исполнить священный долгъ: оправдать бѣдную старушку, Tantechen, которую я, въ припадкѣ мизантропіи, вздумалъ было подозрѣвать въ корыстолюбіи. Вѣновать! Небо, видно въ наказаніе за мою недовѣрчивость, послало на меня въ Дрезденѣ болѣзнь, не важную и не продолжитель-

ную, но я двое суток пролежалъ въ постелѣ, и въ это время успѣлъ удостовѣриться въ искренности и истинной ко мнѣ привязанности моей хозяйки. Она не отходила отъ моей постели, пеклась обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ, и когда я, разставаясь, вздумалъ прибавить пять червонцевъ къ суммѣ, показанной въ поданномъ мнѣ счетѣ, она расплакалась, увѣряя, что я ее обидѣлъ. Мы помирились съ нею, и разстались искренними друзьями. Виновать, кругомъ виновать предъ доброю Tantschen! Исключи обидное ей мѣсто изъ прежняго нисьма моего, если ты его не бросишь.

Въ прошедшемъ нисьмѣ моемъ написалъ я многое въ похвалу петербургскихъ Нѣмцевъ, а здѣсь, на каждомъ шагу, благословляю небо, что оно сподобило меня родиться Русскимъ. Во-первыхъ, одно имя: *Русскій*, сдѣлалось нынѣ въ Европѣ почетнымъ титуломъ. *Russen von der Armee* или *von der Gesandtschaft!* — предъ этими магическими словами снимаются всѣ шляпы, поднимаются флагбаумы, и грозное: *be-zahlen* замираетъ въ устахъ мытарей. Александръ Первый владычествуетъ на берегахъ Рейна и Майна такъ же, какъ и на берегахъ Волги и Оки. — Во-вторыхъ, ты не повѣришь, какое наслажденіе быть въ чужой землѣ съ землякомъ, съ другомъ! Мы бесѣдуемъ громко, и никто насъ не разумѣетъ. Въ эти минуты мнѣ кажется, что я съ нимъ въ какомъ-то лѣсу, и что всѣ люди вокругъ насъ суть не иное что, какъ движущіяся деревья. — Въ-третьихъ, привязанность къ отечеству — воля твоя — есть дѣло природы,

а не связей общественныхъ. Все, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ Россію, производитъ въ душѣ неизъяснимо-сладостное чувство. А *она*? скажешь ты. Ахъ! *она* неразлучна съ воспоминаніемъ о Россіи, о Петербургѣ; она цвѣтокъ полуденный, но возникшій подъ лучами русскаго солнца, взлелѣянный тамъ, куда сердце мое стремится при каждомъ біеніи.

— Вообрази что со мною было въ Дрезденѣ. Я прихожу однажды вечеромъ къ нашему генераль-губернатору. Мнѣ говорятъ, что онъ у всеобщей. Тутъ я вспомнилъ, что съ самаго выѣзда изъ Петербурга не бывалъ въ церкви. Я просилъ человѣка проводить меня. Уже издали, слышавъ запахъ ладана и отголоски пѣнія, я ощутилъ въ душѣ невольное волненіе. Но когда я вступилъ въ небольшой храмъ греческій, когда увидѣлъ нашъ иконостасъ, теплящійся въ дыму отъ каддила предъ образами лампады и свѣчи, и священника въ облаченіи; когда пѣніе церковное, поразивъ слухъ мой, возбудило во мнѣ толпу воспоминаній, — я ощутилъ въ груди моей какое-то давленіе: мнѣ казалось, что душа моя готова вылетѣть, что какая-то неизвѣстная сила меня душитъ; вдругъ я залился слезами, и упалъ на плечо неизвѣснаго мнѣ человѣка. Меня вынесли на свѣжій воздухъ; я оправился, выплакалъ свое чувство, и молилъ, какъ величайшей милости, позволенія воротиться въ церковь — но служба между тѣмъ уже кончилась. — Не стану изыскивать и толковать прочинъ этого явленія!

Здѣсь, во Франкфуртѣ, мы живемъ, что называется, *на юру*. Городъ этотъ есть не иное что, какъ одна большая гостиница, состоящая изъ множества отдѣленій, именуемыхъ: Weidenhof, Weidenbusch, zum gömischen Kaiser, zum weissen Schwan, и т. п. Всякъ, кто ѣдетъ изъ Франціи и во Францію, съ юга Европы на сѣверъ, съ запада на востокъ, рѣдко минуетъ Франкфуртъ. Отъ этого здѣсь средоточіе новостей, слуховъ, и т. п. Отъ этого здѣсь ежедневно встрѣчаются новыя лица, и на другой день пропадаютъ. Здѣшніе Нѣмцы вправдѣ нѣ еще менѣе, нежели въ Саксоніи. Кажется, здѣсь все основано на расчетахъ: всякъ того и глядитъ, какъ бы пожить на счетъ ближняго или дальняго, то есть нашего брата, пришельца. Языкъ народный здѣсь грубъ и неправиленъ до крайности. Вообрази, въ одной нѣмецкой бесѣдѣ представили рѣшеніе спорнаго вопроса о какомъ-то правилѣ нѣмецкаго языка нашему Волгину, родившемуся въ Кронштадтѣ, и учившемуся въ Петербургѣ, въ Петровской Школѣ! — Жидовъ здѣсь множество. Большой свѣтъ состоитъ изъ дипломатовъ и банкировъ. Дипломаты, по роду службы своей, должны быть молчаливы и скромны, и отъ этого-то, я думаю, въ числѣ ихъ проскакиваетъ такъ много посредственныхъ или вовсе ничтожныхъ людей. Молчить — хорошій чиновникъ! говорить начальники. Молчить — слѣдственно размысливаетъ! толкуетъ толпа, и вотъ движущійся истуканъ, обвѣшанный свѣтленькими цацами на разноцвѣтныхъ ленточкахъ, выходитъ въ

люди. Наконецъ увидать ошибку: если у него есть протекція, дадутъ хорошенькое мѣсто, въ сторонкѣ; нѣтъ протекціи, считается въ вѣдомствѣ до опредѣленія къ должности. — Сверхъ того члены Германскаго Сейма всегда возбуждаютъ во мнѣ невольное чувство съгха. Я вспоминаю о собраніяхъ Нѣмецкихъ Чиновъ въ XVII вѣкѣ. Поднимается бывало гроза со стороны Франціи. Съѣзжаются посланники въ Регенсбургъ, и начинаютъ разсуждать, на какихъ стульяхъ сидѣть въ конференціи, на синихъ или на зеленыхъ, а между тѣмъ Французы завоевали уже нѣсколько областей! Нынѣ, къ счастью Германіи, эти времена прошли. — Другая несносная каста здѣшнихъ жителей — богатые кушцы и банкиры. Я золъ вообще на этотъ сортъ Нѣмцевъ, и не безъ причины, а здѣсь были бы они мнѣ несносны, если бъ я даже любилъ имъ подобныхъ. Я обѣдалъ у одного такого ходячаго сундука. Скука, натяжка смертная! Здѣсь выведена, въ тепломъ жидовскомъ гнѣздѣ, стая извѣстныхъ въ мірѣ банкировъ. Я видѣлъ одного изъ нихъ на бульварѣ. Лице и приемы самые обыкновенные. Бывшій со мною знакомецъ, указавъ на милліонщика, сказалъ: «Вотъ несчастнѣйшій человекъ въ свѣтѣ!» — «Почему?» спросилъ я. — «Потому,» отвѣчалъ онъ: «что люди, воображая его богатство, ждутъ отъ него чего нибудь чрезвычайнаго, а между тѣмъ, онъ все тотъ же Жидъ, ни хуже ни лучше пнаго. И все, что въ другомъ протистительно и хорошо, кажется имъ въ этомъ Жидѣ нестерпимымъ и дурнымъ.» — Здѣсь видѣлъ я на

практикъ доказательство, сколь справедливо изрѣченіе, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Еврейскій банкиръ ворочаетъ милліонами, имѣеть рѣшительный голосъ на всѣхъ биржахъ, переписывается съ Кастельре и Меттернихомъ, и — не можетъ добиться до того, чтобъ его выбрали въ члены франкфуртскаго клуба (casino). Онъ обѣщаль дать за это двѣсти тысячъ гульденовъ на постройку новаго дома для казино. «Нѣтъ!» говорятъ члены: «онъ все же поганый Жидъ; не хотимъ имѣть его!» Хоть не умно, да по крайней мѣрѣ упрямо!

Бывшіе ваши товарищи, Репейковъ и Ивановъ, находятся во Франціи при временныхъ администраціяхъ. Бѣдный Ивановъ попался подъ команду къ какому-то русскому генералу изъ Нѣмцевъ, и этотъ жестоко его приструнилъ. Пишетъ, пишетъ бѣдненькій съ утра до ночи. Едва дадутъ время пообѣдать. Ему обѣщанъ, по окончаніи комиссіи, чинъ осьмага класса, и надежда на высокоблагородіе водить размашистымъ перомъ его. — Репейковъ, за грубость къ просителю, два раза сидѣлъ подъ арестомъ, и, говорятъ, поирисмирѣлъ. — Мы работаемъ здѣсь покажѣсть въ ликвидаціонной комиссіи: разбираемъ претензіи Нѣмцевъ, по распискамъ нашихъ офицеровъ, стоявшихъ у нихъ на квартирахъ. Попадаются акты весьма любопытные; такъ, на примѣръ, вчера одинъ Эйзенахскій биргеръ прислалъ слѣдующую расписку, полученную имъ отъ одного армейскаго штабсъ-капитана, и съ переводомъ:

Uebersetzung:

Веселая голова 3; Schwere Rationen . . . 3
Не ходи мимо сада . . . 4; Leichte Rationen . . . 4
Дороженьки не тори . . 8; Beköstigt HH. Offiziere 8
Худой славы не клади 44; dito Unter-Offiziere und
Gemeine 44 *).

Впрочемъ эта квитанція еще милостива: есть дру-
гя, въ которыхъ постояльцы даютъ аттестатъ хо-
зяину, хозяйкѣ и всѣмъ домашнимъ, иногда не весьма
выгодный. Не повимаю, что за удовольствіе находили
такъ дурачить Нѣмцевъ, которые насъ усердно под-
чивали! Правда, такихъ расписокъ немного, но лучше
было бы, если бъ онѣ вовсе не встрѣчались.

Большое удовольствіе доставляютъ мнѣ прогулки
вокругъ города. Прежде всего Франкфуртъ окруженъ
былъ валомъ и широкимъ рвомъ, какъ и всѣ старин-
ные нѣмецкіе имперскіе города. Великій Герцогъ
Франкфуртскій (Дальбергъ) срылъ сіи укрѣпленія, и
на мѣстѣ ихъ устроилъ прекрасное гульбище. Теперь
весь Франкфуртъ опоясанъ не аллеєю, а англійскимъ
садомъ. Въ самомъ городѣ большое движеніе, и во
время ярмарки оно дѣлается еще значительнѣе. За-
бавно мнѣ смотрѣть на здѣшнихъ самодержавныхъ
патриціевъ, которые воображаютъ себя Богъ знаетъ

*) Т. е. тяжелыхъ раціоновъ 3; легкихъ раціоновъ 4.
продовольствовано гг. офицеровъ 8; унтеръ-офицеровъ и
рядовыхъ 44.

чѣмъ. Одинъ извѣстный банкиръ есть главнокомандующій всей Франкфуртской арміи. Отставной прусскій ротмистръ командуетъ всею кавалеріею. Другіе, столь же знаменитые мужи, засѣдаютъ въ государственномъ совѣтѣ и въ законодательномъ сословіи. Одинъ изъ этихъ Солоновъ, на дняхъ, прогуливаясь по загороднымъ аллеямъ, вздумалъ ломать сучья прекрасныхъ липъ. Къ нему подошелъ полицейскій сторожъ, и учтиво объявилъ, что здѣсь запрещено портить деревья. «Вотъ еще!» закричалъ онъ: «я членъ законодательнаго сословія, имѣю право составлять уставы для цѣлаго государства нашего, и не смѣю сломать прутика съ дерева!» Какое презрительное понятіе о правахъ! Надудость и невѣжество этихъ господъ и несносны и смѣшны.

Здѣсь сохранились еще многіе обычаи и повѣрья старины. Однажды, рано поутру, просыпаюсь я при громкихъ звукахъ какой-то нескладной музыки. Слышатся, при колокольномъ звонѣ, рѣзкіе, несогласные тоны флейты, трубы и кларнета — точно споръ въ какомъ нибудь комитетѣ. Неприятная эта симфонія чрезъ четверть часа умолкла, но я уже не могъ уснуть. Волгинъ проснулся также, и мы ломали головы, что бы это могла быть за музыка. Трактирный слуга разрѣшилъ наше недоумѣніе, объявивъ, что это музыка печальная, по случаю погребенія одного Франкфуртскаго гражданина. «Да она слышалась все на одномъ мѣстѣ?» сказалъ я. — «Точно такъ,» отвѣчалъ онъ: «она производилась съ колокольной церкви Св. Ека-

терины. При каждом погребальномъ шествіи, которое идетъ мимо церкви, понамарь (Küster) съ женою и служанкою всходятъ на колокольню, и играютъ на духовыхъ инструментахъ прежалкую мелодію!» — «Прежалкую,» сказалъ и я: «она разбудила меня сегодня.» — «Что дѣлать!» сказалъ слуга: «таково здѣсь обыкновеніе. Доходы у понамаря малые, семья большая.» — «Такъ за это еще платятъ?» спросилъ я. — «Разумѣется!» отвѣчалъ онъ: «на другой день понамарь подаетъ счетъ вдовѣ покойнаго гражданина.» Я хотѣлъ позабавиться надъ этимъ обычаемъ, но вспомнилъ, что и у насъ, въ Петербургѣ, совершаются нѣмецкія похороны также не въ самомъ серьезномъ видѣ. Я почти увѣренъ, что тебѣ этотъ обрядъ не извѣстенъ. Мнѣ случилось познакомиться съ нимъ самымъ комическимъ образомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ знакомства моего съ домомъ Миллера, умеръ дядя Марья Ивановны, чудакъ аптекаръ Штокманъ, человекъ достаточный. Его отпѣвали не на дому и не въ церкви; а въ училищной залѣ при церкви. Меня пригласили быть въ числѣ *несущихъ гробъ*, чтобъ не сказать, носильщиковъ (Träger). Я явился къ назначенному въ билетѣ времени, въ пять часовъ по полудни; но въ залѣ еще никого не было, и стоявшій у дверей Чухонецъ, сторожъ, объявилъ мнѣ, что если приглашаютъ въ пять часовъ, то это значитъ, что должно явиться въ шесть. «Впередъ буду помнить!» отвѣчалъ я, пошелъ прогуляться по проспекту, и едва не прогулялъ похоронъ. Посмотрѣлъ

на часы: ужъ четверть седьмого. Я поспѣшилъ къ церемоніи. Въ сѣняхъ нашелъ я Анну Ивановну, съ черною на чепчикѣ лентою, красную, съ выкатившимися глазами, въ ужасныхъ хлопотахъ. Увидѣвъ меня, она закричала: «Ну, слава Богу, что вы явились, Дмитрій Сергѣевичъ! давно пора; вась одного ждутъ. Ужъ пасторъ скоро будетъ *речь держать* *)». Я не успѣлъ оправдаться, какъ она пода-ла мнѣ бѣлыя лайковыя перчатки и лимонъ. «Надѣньте перчатки!» сказала она. — «А лимонъ съѣсть, что ли?» спросилъ я. — «Ахъ, нѣтъ!» отвѣчала она: «до шутокъ ли теперь? Лимонъ извольте держать въ рукѣ, а если угодно, положите въ карманъ.» Я исполнилъ послѣднее, и хотѣлъ итти въ залу. — «Постойте же! Надѣньте шарфъ!» Съ симъ словомъ она надѣла на меня чрезъ плечо черный шелковый шарфъ съ большимъ бѣлымъ бавтомъ. — «Это что?» спросилъ я въ изумленіи. — «Такъ бываетъ на всѣхъ порядочныхъ похоронахъ. Подайте шляпу; я наволою крестъ. Эхъ, эхъ! и шляпа-то круглая! — Шарфъ я вамъ выкроила пошире другихъ, въ три полотнища; станетъ на домино въ маскарадъ. Завтра пришлите ко мнѣ съ Аванасемъ; я перешью. Или лучше въ венеціанъ? — Вотъ готово! Ступайте же скорѣе.» — Сказавъ это, она втолкнула меня въ двери. Посреди огромной залы, на черномъ катафалкѣ, стоялъ закрытый черный гробъ, съ серебряными херувимчиками, окруженный

* Die Rede halten.

большими горящими свѣчами. По обѣимъ сторонамъ сидѣли уже семеро сотрудниковъ моихъ въ шарфахъ: осьмой стулъ, обитый черною фланелью, оставленъ быть для меня. Кистеръ указалъ мнѣ мѣсто, съ плачевно-учтливою ужимкою. Я сѣлъ, и началъ разглядывать собраніе. Съ одной стороны сидѣли мужчины въ траурѣ; съ другой женщины, въ черныхъ платьяхъ и чепчикахъ. Забавно было смотрѣть на лица, сложенные по формѣ погребальной. Тѣ самыя женщины, которыя вовсе не заботились объ аптекарѣ во время его жизни, теперь сидѣли съ умильными лицами, вздыхая поглядывали на гробъ, и утирая бѣлыми платочками глаза, говорили сосѣдкамъ: «Кто бы могъ это подумать!» Иванъ Ивановичъ Фризель, уходившій покойника дядюшку, стоялъ въ углу залы, въ глубокомъ траурѣ съ плезезами, и разговаривалъ съ какою-то деревянною физиономіею: я послѣ узналъ, что это гробовой мастеръ. Фризель, вѣроятно, рассказывалъ какой нибудь анекдотъ, ибо его собесѣдникъ не разъ оскаливалъ закуренные зубы. Вдоль стѣны, ближе другихъ къ дверямъ, стояли какія-то неизвѣстныя мнѣ лица, также въ черной одеждѣ, по физиономіи горести равномерно принадлежащія къ фамиліи. Потомъ увѣдомили меня, что это дальніе родственники, отринутые фамиліею по разнымъ поводамъ, и являющіеся только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и по уважительнымъ причинамъ. Неутѣшная вдова, бывшая кухарка, сидѣла въ глубокомъ траурѣ на первомъ мѣстѣ, и бессмысленно смотрѣла на гробъ,

какъ на потушій очагъ. Подлѣ нея одно мѣсто было пустое: никто изъ дамъ не хотѣлъ сѣсть близъ этой родственницы. Вдругъ все собраніе поднялось. Пасторъ почтеннаго вида выступилъ на средину, и произнесъ рѣчь, исполненную правилъ благочестія и нравственности, сочиненную искусно и краснорѣчиво. Я слушалъ его со вниманіемъ. Во всемъ собраніи господствовало глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое дамскими всхлипываніями. По окончаніи обряда, я думалъ, что должно будетъ поднять гробъ и понести на дроги, и уже выступилъ впередъ. Но вижу, всѣ сѣли, и я сѣлъ на прежнее мѣсто. Вдругъ распахиваются обѣ половинки дверей, и церковные сторожа, въ черныхъ кафтанахъ, вносятъ на большихъ подносахъ шоколадъ, пуншъ и вино. Анна Ивановна кричитъ вслѣдъ за пуншевымъ подносомъ: «Матвѣя! прежде всѣхъ поднеси господину штатгъ-физикъ!» Мужчины взяли по стакану пуншу; дамы начали прихлебывать шоколадъ и сладкое вино. Засимъ внесли подносы, наполненные конфетами въ черныхъ бумажкахъ съ бѣлыми выпушками. И дамы и кавалеры, забывъ недавнюю горестъ, стали хватать конфеты горстями, и совать въ большіе ридикюли и карманы. И у каждаго изъ оглашенныхъ членовъ фамиліи явилось въ рукѣ по стакану пуншу — тутъ я догадался, что побуждаетъ ихъ такъ усердно воздавать честь покойному. Шумные разговоры и изрѣдка хохотъ смѣнили господствовавшее дотолѣ безмолвіе. Угощеніе было втрое продолжительнѣе рѣчи. Наконецъ, когда ничего не осталось

на подносахъ, кистеръ подалъ знакъ. Мы подступили къ гробу, подняли его и поцесли внизъ къ дрогамъ. Тутъ опять зарыдали позади насъ. Гробъ поставили на выдвинутую изъ дрогъ доску, прикрѣпили къ ней ремнями, вдвинули подъ низенькій балдахинъ, какъ сковороду въ печь, и дроги отправились на Воиновское кладбище, въ сопровожденіи десятка и болѣе наемныхъ четвероногихъ каретъ, везомыхъ лошадыными скелетани.

Возможно ли заниматься такими предметами, о которыхъ я теперь пишу! Вижу, что возможно. Я долженъ продолжать тебѣ исторію моей жизни въ Петербургѣ, но никакъ не могу приступить къ тому, ибо теперь приближаюсь къ разсказу о самомъ интересномъ и мучительномъ для меня времени. — До слѣдующей почты!

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Франкфуртъ на Майнѣ, 16 Сентября.

Ты конечно удивишься, что я, описывая семейство и кругъ знакомства добраго Миллера, вовсе не упоминалъ о дѣвцѣхъ, какъ будто жилъ все это время въ богадѣльнѣ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Виновать! Въ этомъ кругу были и дѣвчаны, но, къ счастью или къ несчастію моему, онѣ меня не интересовали.

Соч. Греча. — Т. II.

Отличительнѣе всѣхъ была романтическая Матильда (по-русски ее звали Матреною Христіановною) Шмитъ, дочь экзекутора какой-то коллегіи: Бѣлокурая, невысокаго роста, довольно плотная дѣва, бѣлолицая, съ голубыми на выкатѣ, всегда къ потолку обращенными глазами, съ круглымъ картофельнымъ носомъ, широкимъ ртомъ и толстою короткою шеей. Она всегда бредила послѣднимъ изъ читавшихъ ею романовъ, и мѣняла каждую недѣлю предметъ своихъ вздоховъ и мечтаній. Она воображала въ то время, когда я узналъ ее, что вскорѣ явится бѣлокурый юноша (ein blonder Jüngling) и поведетъ ее къ вѣнцу; но юноша не являлся, и она вскорѣ вздумала обратить голубое пламя своихъ взглядовъ на меня, темнорусаго, и довольствоваться моими гнѣдыми глазами за неизмѣнимъ лазоревыхъ. Какъ жаль, что я тогда не зналъ Иванова! Можетъ быть, пламенный Пигмаліонъ женскаго пола оживилъ бы этого чурбана-Галатею! Я отдался отъ нѣжной страсти Матильдиной тѣмъ, что избранилъ любимыхъ ея писателей: Лафонтена назвалъ вялымъ, водянымъ и единнообразнымъ, а Жанъ-Поля, котораго она сама едва понимала, скучнымъ, безтолковымъ, педантомъ и безвкуснымъ. За это получилъ я прозваніе: *подлая натура* (gemeine Natur), и стрѣлы ея привяли другую дирекцію, въ новаго экзекуторскаго помощника, о которомъ Матильда увѣряла, что у него глаза, исполненные души (seelenvolle Augen), а онъ просто былъ всякій день на-веселѣ. Другія дѣвицы были еще незначительнѣе. Нѣкоторыя

были довольно хороши собою, другіе *поросиль*; но ни тѣ, ни другія не произвели во мнѣ впечатлѣнія. Одна умная дѣвица жаловалась мнѣ, что имъ очень трудно вести себя въ свѣтѣ: тихую, скромную, называютъ душою, неподвижною — безотвѣтною; острую и умную — кокеткою и дерзкою. «Какъ же намъ быть?» спросила она наконецъ. — «Поступать по врожденному вамъ чувству, вести себя безъ принужденія, по характеру вашему, по положенію вашему въ обществѣ; всего же болѣе остерегаться крайностей.» Конечно, безпрерывныя атаки чувствительной Матильды смѣшны и даже нестерпимы; но несносны и тѣ дѣвочки, которыя всю бесѣду свою съ мужчинами ограничиваютъ словами: *да-съ, нѣтъ-съ, не знаю-съ*. — Поговоришь съ нею раза два, да и отстанешь.

Впрочемъ, я въ другое время, можетъ быть, и позабавился бы этою кукульною комедіею, а тогда мнѣ было совсѣмъ не до того. Возгаралась война 1812 года. Всѣ мы были въ крайнемъ волненіи, не зная, чѣмъ это кончится; однако надежды не теряли. Мысль о чужомъ владычествѣ въ Россіи не могла никому войти въ голову, и всѣ жители Петербурга готовы были скорѣе утопиться въ Финскомъ Заливѣ, нежели поддаться корсиканскому разъзднику. Разумѣется, что въ то время было не безъ трусовъ. Особенно были дѣятельны разглашенія дурныхъ вѣстей между живущими въ Петербургѣ иностранцами: Богъ знаетъ, гдѣ были источники этихъ нелѣпыхъ лжей, но намъ приходилось безпрерывно исторгать ядовитыя растенія,

возникшія изъ свѣтъ, неизвѣстно кѣмъ брошен-
ныхъ. Въ домѣ Миллера ожидали меня каждый день,
какъ ангела-благовѣстника. Вхожу, бывало, и ста-
ричь кричить: «Ну что, господи́нь Мстиславцевъ?
Все пропало! Говорятъ армія наша разбита, Кутузовъ
взятъ въ плѣнь, Платовъ и Витгенштейнъ убиты.
Непріятель во Псковѣ и въ Ригѣ!» — «Вздорь!» вос-
кликнулъ я велегласно: «арміи наши цѣлы, и горятъ
мужествомъ и бодростью. Французы ирутъ, какъ
мухи. Скоро имъ конецъ будетъ. Всѣ генералы наши
живы и здоровы! Ура! наша возьметъ!» — «Ура!»
воскликнулъ старикъ: «Что жъ, Марія! сдѣлай
пуншу!» Правда, я самъ не всегда былъ точно увѣ-
ренъ въ томъ, что говорилъ; но какое-то неизъясни-
мое внутреннее чувство меня ободряло. Частенько
побранивался я съ добрымъ, но легковѣрнымъ Фри-
зелемъ. Онъ лечилъ во многихъ купеческихъ домахъ
на Острову, и нерѣдко приносилъ оттуда ложныя
вѣсти и глупыя толки, внушаемыя и невѣжествомъ, и
своекорыстіемъ для дѣйствіи на курсъ. Мое при-
сутствіе сдѣлалось въ домѣ необходимымъ. Разъ од-
нако мой кипячій патріотизмъ чуть не поссорилъ меня
съ Миллеромъ. Онъ говоритъ мнѣ: «Все это хорошо,
что вы рассказываете; но Французы прямо и быстро
идутъ на Москву: они возьмутъ ее непремѣнно.» —
«Такъ что жъ?» отвѣчалъ я: «пусть возьмутъ, а мы
въ будущемъ году возьмемъ Парижъ!» — «Ну какъ
можно нести такой вздоръ, господи́нь Мстиславцевъ!
Вотъ этижъ вы, Русскіе, все портите. Мало того,

чтобъ не пускать въ Москву, мало того, чтобъ выгнать непріятеля изъ Россіи — нѣтъ! хотять взять Парижъ! И когда говорятъ объ этомъ? когда ножъ у горла! — Извините! а это хвастовство не отъ васъ бы мнѣ хотѣлось слышать!» — «Помиримся, когда придетъ реляція о взятіи Парижа!» отвѣчалъ я: «да знаете ли, какъ мы теперь сильвы? Вся Россія превратилась въ армію. Увидите, какъ погонять Французовъ!» — «Парижъ, Парижъ!» бормоталъ Миллеръ съ досадою. — «Ну полно сердиться, почтеннѣйшій! Почему намъ въ этомъ общемъ горѣ и не помечтать? Вашъ же Виландъ говорить:

Ein Wahn, der mich beglückt,
Ist einer Wahrheit werth, die mich zu Boden druckt *).

«Правда!» отвѣчалъ онъ со слезами. «Ну, такъ и быть! выпьемъ за здравіе покорителей Парижа! Какъ ты думаешь, Фризель?» — «Прибавьте рому въ мой стаканъ, сестрица!» отвѣчалъ Фризель: «ура! вивать Александръ въ Парижъ!» — Я думаю, что стихомъ изъ любимаго поэта можно было бы завербовать Миллера въ ополченіе.

Безпокойство въ домѣ Миллера поутихло, когда было получено письмо отъ старшей его дочери, долготѣ жившей въ Москвѣ. Она писала изъ Нижняго

*) Благодѣтельная мечта стѣбитъ истины, которая меня убиваетъ.

Новгорода, что благотельница ея, Княгиня Войтова, вновь опасно занемогла, и, боясь вторженія Французовъ въ Москву, удалилась въ Нижній. — Дня чрезъ три прихожу къ нимъ, по обыкновенію, послѣ обѣда, и вижу всѣхъ въ волненіи. Фризелъ стоитъ у окна, и въ безмолвіи барабанитъ по стеклу. У Марьи Ивановны глаза покрасѣли; она отираетъ передникомомъ отставшія слезинки. Миллеръ, держа въ рукахъ какое-то письмо, ходитъ по комнатѣ съ улыбкою торжества. — Марья Ивановна, увидѣвъ меня, залилась слезами: «Ахъ, Дмитрій Сергѣевичъ! какая плачевная вѣсть! Княгиня Войтова приказала долго жить! Дочь пишетъ объ этомъ.» — «Дай ей Богъ царствіе небесное!» сказалъ Миллеръ: «она была женщина истинно благородная и праводушная. Такихъ немного осталось въ этомъ свѣтѣ.» — «А моя бѣдная Луиза!» возразила Марья Ивановна. — «Бѣдная?» сказалъ Миллеръ: «бѣдная? Что ты, жена! Да я только теперь узналъ, какое сокровище выростила въ ней княгиня на утѣшеніе нашей старости.» — «Нѣтъ! все пропало!» продолжала Марья Ивановна: «сто тысячъ рублей и каменный домъ...» — «Честь, совѣсть, безвозмездное исполненіе священнаго долга — это все при ней осталось.» — «Да что все это значитъ?» спросилъ я наконецъ. «Вотъ что!» отвѣчала Миллеръ: «Княгиня была больна, но не опасно. При жизни своей она неоднократно говорила, что составитъ состояніе Луизы. Я отъ этого не прочь: у наследниковъ осталось бы еще во сто разъ болѣе. Но вдругъ бо-

лѣзнь ея взяла опасный оборотъ; больная лишилась языка, и чрезъ два дня скончалась, не сдѣлавъ ни какого распоряженія. Моя дочь закрыла глаза своей благодѣтельница, похоронила ее, сдала все имѣніе управителю, оставивъ у себя одно колечко, сплетенное изъ волосъ княгини, нашла попутчицу въ Петербургъ *на долмихъ*, и ѣдетъ къ намъ. — Благодареніе Богу! Онъ возвратилъ мнѣ дочь безъ ста тысячъ рублей, а съ благородною душою. И теперь, если она себя найдетъ жениха, то можетъ быть увѣрена, что онъ любитъ ее самоё. — «Четыре камчатныя скатерти и восемь дюжинъ салфетокъ,» бормотала про себя сквозь слезы Марья Ивановна: «два атласные салона на лисьемъ мѣху, соболя пелеринка, четыре дюжины ложекъ, брилліантовыя серьги, золотыя часы съ цѣпочкою — все осталось тамъ, Богъ знаетъ для кого! А княгиня дала это моей дочери *теплою рукою* *). Бѣдная Луиза!» — «Въ самомъ дѣлѣ бѣдная,» думалъ я: «привыкла роскошничать въ знатномъ домѣ; фигура ужасная, какъ я видѣлъ на портретѣ трудовъ Пергелиуса, и за душою ни гроша. Бѣдная Луиза!» — «И какъ она объ этомъ пишетъ!» сказалъ Миллеръ: «умно, скромно, и во всемъ письмѣ, на четырехъ страницахъ, ни одной грамматической ошибки, ни описки. Хоть бы въ Берлинѣ сочинить такое письмо, а не въ Нижнемъ-Новгородѣ. Поглядите, господинъ Мстиславцевъ!» — Я посмотрѣлъ на письмо,

*) Mit warmer Hand, т. е. заживо, при жизни.

и увидѣть прекрасный, ровный почеркъ. Слогъ письма былъ простъ и благороденъ; нѣжная душа, не приторная, не книжная, видна была во всѣхъ выраженіяхъ. — «По крайней мѣрѣ, не дура,» думалъ я: «и это что выбудъ да значить.»

Наступилъ Александровъ день 1812 года, и вдругъ разнеслась вѣсть о Бородинской Битвѣ. Разказывали различно: одни говорили, что это была побѣда рѣшительная; другіе утверждали, что за нами осталось только поле сраженія. Одно то было достовѣрно, что русская грудь безстрашно встрѣтила натискъ превосходнаго силами врага, и что съ сей минуты можно было надѣяться спасенія отечества. Но какиимъ мракомъ покрылся горизонтъ нашъ послѣ этого свѣтлаго луча, проглянувшаго на минуту! Москва взята! Эта ужасная вѣсть поразила всѣхъ, какъ бы громовымъ ударомъ. Незнакомые дѣлали другъ съ другомъ глубокую печаль. Знакомые, встрѣчаясь на улицахъ, не говорили ни слова, пожимали руку одинъ у другаго, и взглянувъ на небо, расходились. Между тѣмъ въ сихъ изліяніяхъ народнаго чувства можно было предвидѣть залогъ будущихъ успѣховъ и славы Россіи. Всѣ чувствовали, мыслили, какъ одинъ человекъ, а это единство мысли и чувства и составило нашу народную силу. Здѣсь, во Франкфуртѣ, вздумалъ придратъся ко мнѣ одинъ жалкій космополитъ, герръ фонъ Франценбергъ, камергеръ замѣтной Испанской Королевы, супруги Іосифа Наполеона. Я стоялъ въ большомъ кругу разнородныхъ посѣтителей ка-

зово, и рассказывалъ имъ событія 1812 года съ пылкимъ чувствомъ, какое должно одушевлять всякаго Русскаго при воспоминаніи о дняхъ славы и бѣдствій. — Вдругъ подходитъ къ намъ сахарный камергеръ, и говоритъ мнѣ съ самодовольною улыбкою: «Согласитесь однако, милостивый государь, что вы всѣми успѣхами своими въ 1812 году обязаны морозу!» — Нѣмцы, Англичане, Голландцы обратили на меня несмыслиющіе взгляды. — «Точно!» отвѣчалъ я. «У насъ съ Іюля мѣсяца начала дѣйствовать такая стужа, что мы всѣ смерались въ одинъ пребольшой комъ, отъ котораго Наполеонъ не могъ ни силою, ни ласкою оторвать ни одного изъ насъ, и этимъ комомъ его приколотили до полусмерти.» Слушатели захохотали, а камергеръ удалился, повертывая въ петлицѣ ленточку ордена Калитравы, и бормоча сквозь зубы: «Шутна ничего не доказываетъ!»

Въ концѣ сентября небо начало проясняться. Мы усмотрѣли, что не напрасно молились Богу, не напрасно довѣряли правотѣ нашего дѣла, мудрости и кротости Государя. Отлегло отъ сердца. — Получивъ свѣжія извѣстія объ успѣхахъ нашихъ армій, о сомнительномъ положеніи Французовъ въ Москвѣ, о необходимости, въ которой находится Наполеонъ бѣжать сломя голову изъ Россіи, я постѣпшилъ къ добродушному Миллеру, чтобъ утѣшить, развеселить его. — Миллера не было дома. Марья Ивановна встрѣчаетъ меня съ веселою улыбкою. «Поздравьте насъ, Дмитрій Сергѣевичъ!» — «Съ чѣмъ, Марья Ивановна?» —

«Луиза наша прѣхала сегодня. Мой Карлъ Оедоровичъ, я думала, съ ума сойдесть. Теперь у насъ все пойдетъ иначе. Авось либо и пристроимъ ее. Да мой старикъ и слышать объ этомъ не хочетъ: дочь должна-де оставаться у родителей; они старѣются, теряютъ силы; она обязана ходить за ними. Правда, правда; но мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы привести ее *модъ челчикъ* *). Когда отецъ опять *услышитъ ее* *кратъ и плть*, тогда еще болѣе заушрямится. Вотъ какая бѣда и съ доброю и хорошенькою дочерью! У насъ есть нѣмецкая пословица: маленькія дѣти — маленькія заботы; большія дѣти — большія заботы **). А вамъ, какъ кажется моя Луиза, Дмитрій Сергѣевичъ?» — «Да я еще не видалъ ея, сударыня!» — «Ахъ, да! я и забыла! Тотчасъ позову. So komm doch, Louise! Дмитрій Сергѣевичъ will deine Bekanntschaft machen ***). Авдотья! позови Елисавету Карловну!»

Я любопытствовалъ видѣть ее, ожидая нѣчто въ родѣ Матрены Христіановны; но растворилась дверь, и вошла въ комнату — кто бы ты думалъ? — моя незнакомка въ представленіи Эдвина и въ Строгановомъ Саду!

*) Unter die Haube bringen, т. е. выдать замужъ.

**) Kleine Kinder, kleine Sorgen; grosse Kinder, grosse Sorgen.

***) Поди же сюда, Луиза! Д. С. хочетъ съ тобою познакомиться.

ПИСЬМО ОДИНАДЦАТОЕ.

ФРАНКОФУРТЪ НА МАЙНЪ, 16 Сентября.

Вчерашне письмо прекратилъ я на томъ пунктѣ, съ котораго началась новая жизнь моя. Я боялся дойти до этого мѣста въ моей исторіи, откладывалъ, замедлялъ разсказъ, вставлялъ постороннія описанія; но теперь загвса расторгнута, и *однимъ* предметъ, *одна* мысль, *одно* чувство будетъ господствовать въ моемъ повѣствованіи.

Вообрази: входитъ моя незнакомка, въ простомъ, бѣломъ, утревнемъ платьѣ, въ черномъ передникѣ, съ чернымъ платочкомъ на шеѣ, существо самое милостивое, какое только вымыслить можно, и привѣтствуетъ меня непринужденно, съ пріятнѣйшею на устахъ улыбкою. Я было смѣшался, но примѣтивъ, что она меня не узнала, вскорѣ собрался съ духомъ. Начались обыкновенные разговоры. Луиза говоритъ самымъ чистымъ московскимъ нарѣчіемъ — говоритъ о обыкновенныхъ предметахъ тихо и какъ-будто слушающая самоѣ себя; но когда рѣчь пойдетъ о чемъ нибудь выше всѣдневнаго житейскаго круга, лице ея воспламеняется, глаза свѣтлѣють, голосъ получаетъ какую-то особую выразительность. Не требуй отъ меня описанія ея лица, ея стана, ея поступи. Все это случилось въ моей памяти въ неизобразимый идеаль, и — что покажется тебѣ еще страннѣе — я самъ не могу себѣ представить точнаго ея портрета. Мое во-

ображеніе такъ упрямо, что не одна Луиза — даже отецъ, мать, дядя существуютъ въ душѣ моей только мыслию о нихъ, а не образомъ. Фигуры Ивана Ильича, Агаѣи Яковлевны, Анны Ефимовны, Матрены Христіановны, — всѣхъ лицъ, незатрагивавшихъ моего сердца, даже всякаго сторожа въ департаментѣ, живы въ моемъ воображеніи, а то, что мнѣ милѣе всего — есть лицъ безъ образа. Завидую тѣмъ, которые не лишены блага видѣть любезныхъ своихъ въ земномъ облаченіи. О Луизѣ скажу тебѣ только, что мнѣ чрезвычайно нравилось въ ней движеніе устъ ея, особенно какая-то черта на правой сторонѣ рта, играющая въ то время, когда она смѣется, или шутитъ, или дразнитъ. Эта черточка живетъ одна въ моемъ воображеніи; но тщетно стараюсь я сдѣлать изъ нее *пунктъ отишестетя*, чтобъ дорисовать цѣлое! Иногда, но очень рѣдко, бываютъ минуты, что мнѣ кажется, будто я успѣлъ схватить нѣкоторыя черты, но онѣ вдругъ исчезаютъ, и я остаюсь въ прежней мглѣ.

Вотъ я уже открылъ тебѣ все, все — и начало, и причину моихъ страданій. Не таково было мое впечатленіе: я хотѣлъ разсказать тебѣ постепенно и въ порядкѣ, какъ изъ едва видной искорки, затлѣвшейся въ душѣ моей, возникло это пламя, которое потухнетъ только съ жизнью моею; какъ прелесть наружная, кротость и благородство души, рѣдкая образованность ума, рѣзкость сердца, возбуждали во мнѣ сначала вниманіе, затѣмъ уваженіе, потомъ привязанность братскую, наконецъ пламеннѣйшую любовь

къ женщины, которая соединяетъ въ себѣ все, что можно было когда либо порознь представить себѣ въ самомъ пылкомъ воображеніи!

Первый день свиданія съ нею останется для меня памятнымъ до конца жизни. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, какими начинается знакомство, я обратилъ рѣчь на Москву. Глаза Луизы засверкали и вскорѣ наполнились слезами. — «Нѣтъ мнѣеи Москвы!» сказала она съ глубокимъ чувствомъ: «гдѣ я провела счастливые годы молодости, тамъ теперь кучи пепла, слѣды грабежа и убійства! Думали ль мы о томъ за годъ предъ симъ, когда, казалось, всё удовольствіи, всё наслажденія жизни баловали московскихъ жителей? Тогда мы полагаемъ, что это благоденствіе не будетъ имѣть конца! И теперь мнѣ кажутся всё извѣстія объ опустошеніи и пожарѣ Москвы какинъ-то вымысломъ, мечтою, сновидѣніемъ. Какъ можно, чтобы не было Москвы! Можетъ ли безъ Москвы быть Россія, а можемъ ли мы существовать, когда Россіи не останется?» Мнѣ чрезвычайно понравилось это русское чувство въ полу-нѣмецкой Луизѣ. Никто изъ семейства Миллерова не желалъ зла нашему отечеству, но всё они говорили о Россіи, какъ приницы, которые вскорѣ могли бы и забыть это горе. У Нѣицева, есть оригинальное на сей случай выраженіе: *der Sache eine andere Ansicht abgewinnen*. Это значить: вертѣть предметъ до того, что найдешь въ немъ утѣшительную или спосную сторону. И мнѣ чрезвычайно было больно, когда эти частныя,

достойные всякаго уваженія люди иногда начинали разсуждать, что будетъ, когда Наполеонъ завладѣтъ приморскими областями Россіи. Случалось, что они обращались съ вопросами объ этихъ предположеніяхъ и ко мнѣ. — «Не завладѣтъ!» отвѣчалъ я рѣшительно и съ досадою. — «Aber doch.» — «Нѣтъ! Нѣтъ! Kein Aber und kein Doch!» — И это одно дотолѣ огорчало меня въ кругу добраго семейства, а теперь, теперь нашелъ я себѣ помощь. Луиза говорила о Россіи, о Москвѣ, какъ пламенная русская патриотка, и, подобно мнѣ, не могла постигнуть, чтобы русскій народъ когда либо могъ покориться чужеземному владычеству, и отказаться отъ любви къ законнымъ своимъ Государямъ.

Около шести часовъ, по обыкновенію, воротился домой Миллеръ. Луиза бросилась къ нему на шею съ пламеннымъ выраженіемъ дѣтской любви. Онъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ. «Ну вотъ, господинъ Мстиславцевъ,» сказалъ онъ: «вотъ моя Луиза! Она сохранила въ кругу Русскихъ нѣмецкое сердце; посреди забавъ и наслажденій богатствомъ, не забывала, что она дочь бѣднаго учителя, и теперь такъ же прилежно будетъ смотрѣть, чтобы не пригорѣлъ супъ убогаго ея семейства, какъ бывало наряжалась предъ саженымъ зеркаломъ, чтобы ѣхать на балъ. Только не думай, любезная Луиза, чтобы и у насъ было безъ удовольствій! И у насъ бываютъ вечеринки, балы, концерты, маскарады. Но теперь не до того!» Теперь всѣ чувствованія, помыслы и дѣла наши должны быть

обращены къ Богу съ испрошеніемъ у Него милости и спасенія роду человѣческому.» — «И избавленія Москвѣ!» примолвила Луиза въ полголоса. — Явился Фризелъ, съ коробомъ анекдотовъ и вѣстей. Пришелъ и строгій мой помощникъ. Послѣ чаю занялись, по обыкновенію, музыкою. Луиза прекрасно играетъ на фортепіанѣ, но, привыкши въ Москвѣ къ шести-октавнымъ инструментамъ, безпрестанно сбивается на пяти октавахъ съ половиною, составляющихъ фамильное фортепіано. Она и поетъ, голосомъ не звучнымъ, не обширнымъ, но вѣрнымъ и пріятнымъ, по выраженію души. Сперва пѣли, по обыкновенію, пѣснь церковную, потомъ дуэты и хоры патріотическіе, нѣмецкіе. «Потѣшь нашего русскаго друга!» сказалъ Миллеръ, улыбаясь: «спой ему что набуду по-русски.» — И Луиза запѣла: «Выйду ль я на рѣченьку,» совершенно простонароднымъ русскимъ напѣвомъ. Тутъ пришла моя очередь плакать. Я не стыжусь этихъ слезъ!

Такъ вросель этотъ незабвенный вечеръ, которымъ началась цѣль подобныхъ вечеровъ. Я принуждалъ себя ходить къ Миллеру, попрежнему, не болѣе разу, много двухъ въ недѣлю. Непреодолима, непонятная сила влекла меня туда ежедневно. Я убѣждалъ себя, что не надобно забывать другихъ пріятелей; что должно посидѣть и дома, заняться чтеніемъ и т. п.; но въ другихъ обществахъ я былъ не веселъ и разсѣянъ, дома не могъ ничѣмъ заниматься. Я любилъ Луизу всею силою души моею, не думая, что

влюбленъ въ нее: она мнѣ казалась милою сестрою, безъ которой мнѣ жить не можно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго знакомства нашего, я вспомнилъ о ея портретѣ. «Скажите, пожалуйста, Марья Ивановна!» обратился я къ матери: «какъ вы можете утверждать, что портретъ, намалеванный вашимъ Выборгскимъ Пергелемъ, похожъ на Елизавету Карловну? У ней волосы темные, а онъ написалъ рыжіе; лице у ней, правда, не круглое, да все же не похоже на оношко готической церкви, какъ на его портретъ. Смотрить она, какъ всѣ порядочные и необезобразянные люди, просто, прямо, а его фигура выняла глаза къ небу, какъ Матрена Христіановна во прочтеніи Вертера. И нарядъ уродливый.» — «Радя Бога, не говорите этого, Дмитрій Сергѣевичъ!» возразила Марья Ивановна боязливо: «если услышать такое сужденіе у насъ, на Васильевскомъ Острову, то приставить караульнаго къ Исакиевскому Мосту, чтобъ не пускать васъ сюда! Пергеліусъ считается у насъ первымъ живописцемъ. Онъ идеализировалъ Луизу, утверждая, что у ней выраженіе лица слишкомъ обыкновенное, а костюмъ далъ онъ ей съ портрета принцессы Матильды въ замкѣ Каноссѣ — помнится, такъ, Луиза?» — «Такъ позволте же и мнѣ, если вашъ Пергеліусъ воротится въ Петербургъ, на обратномъ проѣздѣ изъ Рима въ Выборгъ, поставить часоваго на Исакиевскомъ Мосту, чтобъ сей великій Финнъ не лишился славы, перейдя на нашу сторону!» — Луиза взглянула на меня съ

выраженіемъ: «не горячитесь: онъ намъ родня; мамелькъ это непріятно!» и я замолчалъ. — Въ самомъ дѣлѣ, я замѣтилъ, что Васильевскій Островъ есть особый городъ, отстоящій отъ Петербурга, въ умственномъ отношеніи, далѣе Риги и Ревеля. Нѣмцы, населяющіе эту часть столицы, совершенно чужды остальнымъ ея жителямъ, не Нѣмцамъ: у нихъ свои понятія о всѣхъ предметахъ, свои геройскіе подвиги, свои великіе люди, и горе тому, кто дерзнетъ усомниться въ правильности зарѣчныхъ приговоровъ! Ты можешь возразить, что и наша Академія Художествъ, русская по превосходству, находится на Васильевскомъ Острову. Такъ, но она составляетъ островъ на острову, и похожа на русскую миссію въ Пекинѣ.

Еще памятно мнѣ, изъ первыхъ дней нашего знакомства, одно происшествіе — памятно такъ, какъ будто бы оно случилось вчера. Въ половинѣ октября прихожу къ Миллеру, и въ передней встрѣчаю Анну Ивановну. Первый взглядъ на чепчикъ — нѣтъ ленты ни какой, и я сбился съ толку. «Что у васъ сегодня?» спросилъ я. — «Капусту рѣжутъ!» отвѣчала она съ какою-то торжественностію. — «Капусту рѣжутъ?» спросилъ я въ недоумѣніи. — «Ну, да?» отвѣчала она: «Es wird Kohl geschnitten.» Вхожу въ комнату. Посреди ея поставленъ большой столъ, накрытый скатертью. На столѣ пирамида кочней бѣлой капусты. Вокругъ стола сидятъ Марья Ивановна, Лумза, Магрена Христіановна и еще двѣ нештатныя родствен-

ницы, и крошатъ капусту на деревянныхъ кругахъ. Въ углу бочка, въ которую Анна Ивановна складываетъ накрошенную капусту слоями, пересыпаетъ солью и анисомъ, и перекладываетъ лимонными кружечками. Дворникъ убиваетъ эту смѣсь тяжелымъ пестомъ. «Милости просимъ, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала Марья Ивановна: «помогите намъ заготовить зимній запасъ. Вѣдь и вамъ придется покушать этой кислой капусты.» — «Охотно!» отвѣчалъ я, замѣтивъ, что можно подсѣсть къ Луизѣ. — «Садитесь сюда!» сказала мнѣ Матрена Христіановна, выкативъ глаза болѣе обыкновеннаго, и указывая на пустое мѣсто по правую свою руку. — «Нѣтъ! позвольте, я сяду подлѣ маменьки!» отвѣчалъ я, взявъ стулъ, и помѣстился между Марьей Ивановной и Луизою. Матрена Христіановна взглянула на меня какъ Медея, взяла лежавшій на столѣ брусокъ, и стала оттачивать ножъ. Анна Ивановна подала мнѣ деревянный кружокъ, ножъ и кочень. «Поучите меня, Елисавета Карловна!» сказалъ я тиховько. — «Я сама не умѣю!» отвѣчала она, также въ полголоса: «я испортила два кочня, и мнѣ ужъ не разъ доставалось за это.» — «Вотъ какъ надобно рѣзать капусту!» сказала Марья Ивановна: «не спрашивайте у нашей московской бѣлоручки!» Она положила кочень на мой кружокъ, взяла ножикъ и стала учить меня. «Понимаю!» отвѣчалъ я, взявъ ножикъ, и началъ скоблить и царапать кочень. «Не такъ! не такъ!» закричали всѣ: «надобно придерживать лѣвою рукою.» — «Хорошо! хоро-

шо!» отвѣчалъ я: «ужь пригляжусь!» Я сталъ приглядываться, но, по какому-то странному влеченію, приглядывался все къ ручкамъ Луизы. «Что за пальчики!» думалъ я: «нѣжненькіе, бѣленькіе; кончики ихъ покраснѣли отъ дѣйствія капусты; ноготки какъ точеные, и ямочки на каждомъ суставчикѣ. Что подумаютъ, когда увидятъ, что я разглядываю одну ее! Посмотрю и на другихъ. Вотъ увѣсистыя, жилистыя лапы чувствительной Матильды: пальцы толстыя, короткіе, какъ грѣчневики; на каждой рукѣ по одному уродливому ногтю. Вотъ и длинныя когти ея сосѣдки, сущія грабли. — А у Луизы! И эта нѣжная рука приговорена крошить капусту!» — «Ай! ай! что это?» закричала Марья Ивановна: «вы обрѣзали себѣ палець, Дмитрій Сергѣевичъ!» Въ самомъ дѣлѣ я до того заглядѣлся на пальчики Луизы, что не видалъ и не чувствовалъ, какъ ранилъ себя въ палець лѣвой руки. «Луиза! принеси поскорѣй англійскаго пластыря и тряпочку!» сказала Марья Ивановна. Матрена Христіановна, не поднимая, противъ обыкновенія, глазъ съ своего кочня, проворчала: «Вотъ что значить глядѣть не туда, куда надобно!» Луиза принесла всѣ хирургическія аппараты, взяла мою руку въ свои, приложила къ неважной ранѣ моей обрѣзокъ англійской тафты, обвязала батистовою тряпочкою, и сверхъ того черною тафтою. — По окончаніи перевязки, поцѣловалъ я ей руку, а она, по нашему, по-русски, поцѣловала меня въ щеку. Все это происходило чинно, тихо, какъ должно; но два измѣнническіе звука

всполонили весь кауственный комитетъ, кромѣ президентиши, Марья Ивановны, которая находила очень позволительнымъ и полезнымъ, чтобъ молодой человѣкъ изъявилъ благодарность ея дочери. — «Мочи нѣтъ, какъ жарко!» сказала распаленная гнѣвомъ Матрена Христіановна. — «Отъ этого хоть взбѣсится!» сказала изсушенная добродѣтелью сосѣдка. — «Какъ угодно!» отвѣчалъ я: «только вижу, что мнѣ не написано на роду крошить каушту, а даромъ сидѣть подлѣ трудолюбивыхъ совѣстно.» — «Прочитайте намъ что нибудь!» сказала Марья Ивановна. — «У меня въ ридикюль прекрасная книга!» сказала Матрена Христіановна, радуясь, видно, что я при чтеніи не буду смотрѣть на пальчики Луизы, вытащила засаленный томъ въ бурой напкѣ (изъ бібліотеки ученаго Геверта), и подала мнѣ. Я развернулъ книгу: Euridane, die Tochter der Hölle (*Эвридана, дочь ада*). «Это слишкомъ страшно,» сказалъ я. — «Нѣтъ!» закричала Матрена Христіановна: «эта книга прекрасная, чтобъ читать *)!» — «А чтобъ рвать ее?» спросилъ я, развернулъ наудачу, и прочиталъ: «Тамъ стоитъ Донъ Мануэль, супругъ мой. Вотъ онъ подходитъ ко мнѣ съ кровавою салфеткою: видишь ли, онъ несетъ въ рукѣ вѣчный молочный супъ, который хочетъ вымыть мнѣ на голову **).» — Нѣтъ!

*) Ein schönes Buch zu lesen.

**) - Dort steht Don Manuel, mein Gemahl. Sieh, jetzt tritt er näher, er kömmt auf mich zu mit der blütigen Ser-

воля ваша, я не охотникъ до вѣчнаго супу. Къ тому же эта книга самая трагическая, а мое саксо-русское произношеніе нѣмецкаго языка нередко возбуждало немалый смѣхъ въ слушателяхъ. Прочту чтонибудь по-русски.» — «Фи, по-русски!» сказала Матрена Христіановна: «никакъ можно мыслить и чувствовать по-русски!» — «Извините,» отвѣчалъ я: «по-русски нельзя только рѣзать ножами канусты; мы еерубимъ.» Она вздернула носъ и фыркнула, какъ кошка, а я вынулъ изъ кармана книжку Вѣстника Европы, и началъ читать Свѣтлану Жуковскаго. Марья Ивановна слушала съ удовольствіемъ; Луиза съ умиленіемъ и восторгомъ. Прочія собесѣдницы занялись *клатшемъ*.

Klatsch, Klatschen; Klatscherei — нѣмецкія слова, которыя трудно перевести на русскій языкъ. Это означаетъ болтовню, пересуды, сплетни, ограничивающіяся вздоромъ и пустяками: слухи, кто съ кѣмъ поссорился, кто за кѣмъ волочится, у кого хлѣбъ въ печи пересидѣли, кого кухарка обокрала, ит. п. Видя, какъ люди сами на себя наваливаютъ и хлопоты, и труды, и заботы; какъ они стараются отяготить и голову, и желудокъ; какъ жадно ищутъ средства убить то, чего ни за какія сокровища возвратитъ нельзя — время и здоровье, я неоднократно мыслялъ, что судьба

vlette — siehst du nicht, er trägt die ewige Milchsuppe in der Hand, die er mir über den Kopf giessen will! — Euridane, die Tochter der Hölle. Hamburg und Mainz, 1803, 2 ter Th. S. 193.

еще очень милостиво распредѣляла общую сумму за ка въ человѣчествѣ, и что люди напрасно на нее жалуются. Особенно женщины надѣлала она избыткомъ времени: что было бы съ ними, если бѣ не было моды и суетней, занимающихъ половину ихъ существованія? Не думай, чтобъ я хотѣлъ совершенно лишити ихъ удовольствія наряжаться и болтать! Желаніе нравиться есть врожденное чувство въ женщинахъ: двухлѣтняя дѣвочка охотно подходитъ къ зеркалу, и драпруется косыночкой. И умная, образованная, возвышенная душою Луиза не чужда охоты наряжаться. Она одѣвается теперь очень просто, какъ дочь бѣдныхъ родителей, и никогда не показываетъ, чтобъ ей это было трудно и непріятно, послѣ роскошной жизни въ домѣ Княгини Войтовой; но женскія замашки неволью прорываются. Иногда приношу я къ нимъ иностранные журналы. Луиза охотно читаетъ все умное и хорошее, но когда получить отъ меня кипочку журналовъ, то неволью и какъ бы невзначай вытаскиваетъ всегда прежде другихъ журналъ съ модными картинками, разглядываетъ, лобуется и толкуетъ. Что ты будешь съ ними дѣлать! — Другая страсть женскаго пола, болтать и пересуживать, мнѣ кажется, порождена положеніемъ въ свѣтѣ. Онѣ занимаются болтовнею, потому что не имѣютъ дѣлъ важнѣйшихъ. Едва ли половина изъ нихъ завѣдываетъ домашнимъ хозяйствомъ, но и при этихъ занятіяхъ есть досужее время. Достаточныя и свѣтскія женщины наполняютъ сей промежутокъ нарядами и болтовнею;

женщины средняго состоянія, немнѣющія возможности удовлетворять страсти къ нарядамъ — одною болтовнею. Дайте женщинамъ такое воспитаніе, чтобъ онѣ могли занять умъ и сердце достойнымъ безсмертнаго челоуѣка образомъ — и прекратится половина сплетней и пересудовъ. Внушите въ нихъ любовь къ чтенію, познакомьте, кромѣ обыкновенныхъ женскихъ работъ, съ рисованіемъ, музыкою, и — новое поколѣніе возрастетъ образованнѣе, умнѣе, основательнѣе прежняго. Давъ жеяскому полу свободу, которой онъ лишенъ былъ въ древности, мы не умѣли надѣлать женщинъ упражненіями, кромѣ тѣхъ, которыми онѣ занимались въ гаремахъ. А какъ это дѣйствуетъ на дѣтей! — Не думай, чтобъ я хотѣлъ посвятить женщинъ въ ученое сословіе! Упаси, Боже! Тогда намъ придется съѣсть за пядьцы! Я желалъ бы, сохранивъ въ нихъ нѣжность чувства, дѣтскія забавы тряпочками и берюльками, дать лучшее направленіе ихъ душевной способности. А теперь, чѣмъ ограничивается образованіе женщинъ, и въ пансіонахъ и дома? Строгимъ правиломъ: «tenez-vous droite et parlez français!»

Этотъ приговоръ произнесенъ и надъ Луизою? спросишь ты. Ахъ, къ несчастію моему, нѣтъ! Она составляетъ исключеніе изъ этого правила, и если бъ могла довершить свое воспитаніе, то сдѣлалась бы образцемъ, идеаломъ совершенной женщины. Я говорю: довершить, т. е. познакомиться съ обязанностями своими въ званіи супруги и матери. Дѣвщцы, при

всѣхъ прекраснѣйшихъ начадахъ, кажутся мнѣ кадетами и юнкерами, которые доверяютъ свое образованіе въ полку, а это зависѣть будетъ отъ капитана, котораго пошлетъ имъ судьба.

Перечитывая написанныя мною страницы, вижу, что я сдѣлалъ удивительный скачекъ, отъ кауэсты къ образованію женщины! — И правъ ли я въ послѣднемъ? Правъ по теоріи, но на дѣлѣ не правъ. Я требую высшаго образованія отъ женщины, между тѣмъ какъ едва ли найду двухъ, трехъ мужчинъ, которые стоили бы такихъ женъ, которые могли бы цѣнить ихъ достоинства. И въ самомъ дѣлѣ: достойны ли мы сами того, чтобы женщины были образованнѣе, выше нивѣшняго? Не стану говорить о порочныхъ, о домашнихъ тиранахъ, о невоздержныхъ, развратныхъ, и т. н.; обратю взоры на *добрыхъ* людей. Вотъ четыре человека сидятъ уже четыре часа за бостомомъ, и просидятъ еще четыре. Всѣ помыслы ихъ ограничиваются случайнымъ распределеніемъ пятидесяти двухъ раскрашенныхъ листочковъ; всѣ желанія стремятся къ тому, чтобы выиграть рублей пять! — Вотъ этотъ до обѣда размышляетъ, какъ бы пообѣдать, что бы съѣсть и выпить, а послѣ обѣда толкуютъ о томъ, что съѣлъ и выпилъ. А третій изнурился въ услугахъ глупому вельможѣ, теряетъ время, здоровье, иногда и совѣсть, чтобы волучить чинъ осьмаго класса. Дайте этимъ людямъ женъ потише благородныхъ и образованныхъ, и онѣ будутъ проклинать свое образованіе, будутъ завидовать свѣтскимъ бездущ-

сдѣлалось?» спросил испуганный Волгинъ. — «Это она! это Луиза!» — и слезы полились изъ глазъ мнѣ, грудь моя облетѣлась. Чѣмъ долѣе смотрю на эту фигуру, тѣмъ болѣе нахожу въ ней сходства съ моимъ гениемъ мучителемъ и учительемъ! Я простоялъ передъ нею долго, долго. Волгинъ проголодался, и съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Позволь оставить тебя здѣсь; ты сытъ воображеніемъ, а я еще покаместъ человекъ земной — пора обѣдать!» — Я пошелъ за нимъ въ трактиръ, въ раздумьѣ. Послѣ обѣда продежурилъ я въ дѣрзави до сумерекъ. Теперь долженъ я идти въ ратушу — но лица только отдѣлаю, поиду къ ней опять. Хозяинъ трактира привелъ ко мнѣ искуснаго рисовальщика. Я послалъ его туда, объяснивъ ему все, чего онъ хочетъ — только бы онъ успѣлъ схватить черты Луизы, которая, не понимая какъ, родилась жъ изображеніи художника. Луиза! у меня будетъ твой портретъ! —

Я долженъ продолжать мой разсказъ, но не знаю съ чего начать, и какъ кончить. Трудно было мнѣ приступить къ описанію обстоятельствъ любви моей — откуда возьму силы, чтобъ изобразить ужасное время разочарованія и разлуки!

Однажды пригласили меня...

Нѣтъ! не могу! Сообщаю вѣрную выписку изъ журнала, веденнаго мною въ то время. Теперь все пишется въ умѣ моемъ, и я не могу говорить о Луизѣ иначе, какъ съ выраженіемъ пламенной моей страсти — а тогда этого еще не было.

18 Октября 1813.

Вчера поутру Аванасій подагь мнѣ запечатанное письмо, привнесенное наканунѣ артельщикомъ. Оно нѣмецкое, слѣдующаго содержанія:

«Господина коллежскаго ассессора Мстиславцева всепокорнѣйше просятъ пожаловать сегодня къ нижеподписавшимся на балъ и ужинъ.

К. Х. Кибицъ и комп.»

«Это что?» подумалъ я. «Цѣлая компанія проситъ меня къ себѣ на балъ и на ужинъ! Но, можетъ быть, это только коммерческая привычка подписываться такимъ образомъ. Я слыхалъ, что одинъ кунецъ, вступающій въ бракъ, подписалъ подъ контрактомъ: *такой-то и компанія*. Да какъ вздумалъ богатый Кибицъ пригласить нашего брата, бѣднаго, неважнаго чиновника? Я знаю его болвана сына, но никогда съ нимъ не дружилъ. Почему жъ не вѣзть? Это было бы неучтиво. Жаль, что балъ назначенъ сегодня. Мнѣ хотѣлось бы побывать у Миллера. Я давно у него не былъ — уже четыре дня. И что скажетъ Луиза, когда явлюсь послѣ такого долгаго времени! Поспорить и помирися. Вотъ дѣвица — какихъ вѣрно не найду у Кибица! Впрочемъ, заберусь къ Кибицу моравѣе, чтобъ ранѣе отдѣлаться. Къ Миллеру непременно пойду завтра.»

Вечеромъ я принарядился, какъ могъ. Въ Петербургѣ я еще не бывалъ на балахъ, и такъ отвыкъ отъ башмаковъ, что едва могъ ступить. Смѣшно! —

Молодой Кибичъ не дурень собой, статень, ловокъ; но что за голова, что за сердце! Онъ учился, какъ и почти все здѣшніе шведскіе купцы, въ Петровской Школѣ, не дошелъ только до третьяго класса снизу, говорить дурно по-русски и по-французски, не знаетъ ни о наукахъ, ни о свѣтѣ ни какого понятія, но свѣтъ, дерзость, гордь, шель за пятерыхъ, умѣть мастерски править пристяжную, играть во все игры и выигрывать, и танцуетъ очень хорошо. Онъ гдѣ-то увидѣлъ Луизу, и посредствомъ Ивана Ивановича Фризеля, своего лейбмедика, познакомился въ домѣ Миллера. И я обязакъ знакомство съ этимъ почтеннымъ семействомъ Фризеля, но не разъ прокидывалъ его за рекомендаціи: мнѣ казался онъ человѣкомъ, который не можетъ, перейдя черезъ улицу, не принести домой на саногѣ дегтя. Признаюсь, мнѣ присутствіе Кибича не нравилось: я досадовалъ на то, что онъ говоритъ съ Луизою, что она ему отвѣчаетъ. Это были начала ревности, возникавшей въ душѣ моей безъ моего вѣдома. Между тѣмъ Луиза скоро меня усмоконала, показавъ, что не можетъ уважать Кибича. Должно признаться, что онъ произвелъ начало этого неуваженія къ себѣ отнюдь не тѣми качествами, которыя должны бы были внушить къ нему презрѣніе. Луиза просила меня говорить съ нею иногда по-французски, чтобъ она не совершенно забыла этотъ языкъ, изгнанный изъ древне-германскихъ чертоговъ. Мнѣ было это не очень пріятно, но чего не сдѣлаешь, чтобъ угодить милой дѣвицѣ? Я приносилъ къ ней

книги русскія и французскія, и мы положили о русской литературѣ говорить по-русски, о французской по-французски. Бесѣды наши происходили въ отсутствіи отца, въ общемъ кругу. Кибичъ перѣдко былъ слушателемъ, но не весьма усерднымъ, зѣвалъ, ворочался, прерывалъ разговоръ. Однажды говорили мы съ Луизою о читанномъ ею путешествіи по Америкѣ, и о какой-то странной породѣ лошадей, которыя тамъ водятся. Кибичъ, услышавъ слово *cheval*, поднялъ уши и разинулъ ротъ — предметъ знакомый. Я толковалъ, какъ умѣлъ, отличія этой породы отъ другихъ. Вдругъ Кибичъ спросилъ по-французски: «*Où que cela est?*» — «*Quoi? что?*» спросилъ я. — «*Où que cela est?*» повторилъ онъ. Тутъ я понялъ и отвѣчалъ: «*En Amérique.*» — Луиза не могла не засмѣяться, и съ тѣхъ поръ Кибичъ началъ упадать въ глазахъ ея. Женщины! милыя женщины! думалъ я: какъ вы несправедливы и въ справедливости своей!

Другой селадонъ былъ инженерный поручикъ фонъ-Крумгольцъ, родомъ изъ Эстляндіи, и потому называвшійся Барономъ фонъ-Крумгольцомъ. Долговязая, сухая фигура, блѣлокурый до крайности, съ свѣтло-сѣрыми глазами и темнорусыми бровями. Онъ говорилъ только по-нѣмецки, а по-русски едва умѣлъ объясняться съ своимъ денщикомъ; но, къ счастью, онъ обыкновенно молчалъ. По этой причинѣ не могу тебѣ сказать, умнѣ ли онъ или глупѣ. Знаю только, что онъ игралъ во многихъ петербургскихъ нѣмецкихъ обществахъ важную роль, за отсутствіемъ дру-

гихъ военныхъ юношей. Матильда обращала свои легкоконные глаза то на Кибница, то на Круммгольца, и чаще останавливались на послѣднемъ: blond und ein Militair *)! — За этимъ обыкновенно слѣдовали два взгляда, одинъ съ выраженіемъ презрѣнія на меня, другой злобный на Луизу.

Третій кандидатъ былъ шестидесяти-пяти-лѣтній вдовецъ, отставной маіоръ Мюльштейнъ, обрусѣвшій Нѣмецъ, твореніе глупое, пьяное и злое. Бывъ принужденъ оставить службу, и имѣя порядочное состояніе, онъ не зналъ чѣмъ заняться, и бросился въ мистику, сталъ читать бредни среднихъ и новыхъ временъ, вздыхать, выворачивать глаза, и бранить всѣхъ людей, погрязшихъ въ суетѣ земной. Бѣднымъ не удѣлялъ онъ ни копѣйки, но ссужалъ деньгами подъ ручные заклады, и бралъ жидовскіе проценты. Онъ вздумалъ и самъ сочинять богословскія книги, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о богословіи, ни о какой грамматикѣ, и познакомился съ Миллеромъ, чтобъ вѣрискать, при его помощи, нѣсколько нужныхъ текстовъ, и напечатать свое сумасбродное мараевье. Я сержусь на природу, когда вижу, что сѣдины покрываютъ глупую голову — что бы ей позеленѣть? Это тяжелое твореніе вздумало обратить страстные взоры свои на прекрасную Луизу. Мюльштейнъ неоднократно толковалъ о блаженствѣ быть женою маіора и Божія человѣка. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ глядѣлъ на

*) Бѣлокурый и военный

этого Симена. Къ счастью, онъ разсердилъ Миллера, сказавъ, что Лютеръ былъ безбожникъ. «Вонъ!» закричалъ рьяный лютеранинъ: «убирайся, гнусный лицемеръ!» Мюльштейнъ вышелъ изъ дому, взглянувъ на Миллера съ иезуитскою злобою. — Потомъ узналъ я, что этотъ уродъ женился на бѣдной сиротѣ, прекрасной, добродѣтельной, воспитанной, и она чрезъ шесть мѣсяцевъ легла въ могилу!

Тебѣ страннымъ кажется, что я этого человѣка поставилъ въ число искателей Лунзы? Ахъ, я хотѣлъ тебѣ сказать, что это милое существо дѣйствовало равно на всѣхъ и на каждаго! И нечувствительный, макулатурный Цишерлейнъ глядѣлъ на нее съ умилѣніемъ: «Точно уютное, стереотипное изданіе на веленовой бумагѣ, безъ опечатокъ!» говорилъ онъ: «когда гляжу на нее, мнѣ всѣ прочія дѣвицы кажутся переплетеными въ свиную кожу.» Эти библиографическія нѣжности были не очень нѣжны, но я слушалъ ихъ съ удовольствіемъ: предметомъ ихъ была Лунза.

И такъ, скажешь ты, Лунза есть идеалъ земнаго совершенства? въ ней нѣтъ ли какихъ недостатковъ и слабостей? — Нѣтъ! я не говорю этого. Я находилъ въ ней много не такъ, какъ бы желалъ; иногда сердился на нее, случалось, что и журилъ ее, но ей изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ отдаю пальму. Недостатки ея — легко возбуждаемая ревность и еще привычка думать, если смѣю такъ выразиться. Когда она была къ мнѣ недовольна, то не сказывала ему этого, не спорила съ нимъ, не старалась объясниться, а

переставала съ нимъ говорить, смотрѣла на него угрюмо, и во всѣхъ приемахъ своихъ показывала неудовольствіе и досаду. Правда, что это въ ней скоро проходило, и кроткіе лучи милыхъ глазъ ея вновь проглядывали сквозь густыя тучи; но мнѣ эта слабость казалась несноснѣе всего. Не могу понять этого свойства нѣкоторыхъ людей, но думаю, что если бы Луиза была моею женою, то я успѣлъ бы исцѣлить ее отъ этой привычки. Въ похвалу ей скажу, что и въ этомъ неудовольствіи она равно была угрюма со всѣми, и обыкновенно отговаривалась головною болью. Отецъ, мать и другіе этому вѣрили, но любовь, слѣзная любовь проникательна. — Что касается до ревности, то говорятъ, что это необходимая лигатура въ самомъ чистомъ женскомъ сердцѣ, и если только женщина умна, добра и дѣйствительно любима своимъ мужемъ, то ревность ея скрывается въ глубинѣ.

Ты конечно не получалъ отъ меня письма безтолковѣе, пестрѣе, несвязнѣе нынѣшняго. Прости великодушно! Это лирическій беспорядокъ любви. Когда я помышляю о Луизѣ, когда стараюсь припомнить всѣ обстоятельства тогдашней моей жизни, — мысли, чувствованія, картины, самыя разнообразныя возникаютъ въ душѣ моей, и я не знаю съ чего начать, чѣмъ продолжать, боюсь кончить. Но довольно уже того, что я теперь кое-какъ могу писать о быломъ времени. Долго не былъ я въ состояніи составить хотя одну понятную фразу о томъ, что наполняетъ все существо мое. И теперь невольно перелѣблю отъ предметовъ

близкихъ къ отдаленнымъ, находя между тѣми и другими умственную связь, которая не видна вамъ, людямъ порядочнымъ и разсудительнымъ! И время смѣшивается въ сихъ воспоминаніяхъ: періодъ знакомства моего съ Луизою заключаетъ въ себѣ слишкомъ два года, а мнѣ иногда кажется онъ одною свѣтлою, яркою точкою; иногда же продолженіемъ цѣлой жизни. Луиза! Луиза! ты отторгнута отъ моего сердца, ты не существуешь для меня въ семъ мірѣ, но тебѣ обязанъ я всѣмъ блаженствомъ, всѣми истинными наслажденіями въ жизни; безъ тебя я бы только зналъ, а не чувствовалъ, не постигалъ бы, что душа моя бессмертна!

Говорятъ, что бракъ есть гробъ любви. Да какой любви! Въ отношеніи къ той любви уваженія, умиленія, обожанія, которая пламенѣетъ во мнѣ къ женщинѣ добродѣтельной и возвышенной надъ туманною атмосферою земною — мысль эта есть оскорбленіе всего, что свято въ мірѣ. Но супружество съ Луизою? Это превышаетъ мои понятія; для этого нѣтъ у меня выраженій, нѣтъ мѣста ни въ сердцѣ, ни въ умѣ! Иногда могу я вообразить Луизу своею женою по истеченіи лѣтъ десяти брака. Женщина еще прекрасная собою, миловидная, кроткая, тихая, окруженная счастливыми дѣтьми, помощница моя въ несеніи жизненнаго ига, утѣшительница моя въ горести, участница въ радостяхъ! Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! тогда страшно было бы умереть!

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ.

СТРАСБУРГЪ, 4 Октября.

Я видѣлъ ее, видѣлъ Луизу, видѣлъ ее вчера, увижу сегодня. Какое сладостное утѣшеніе послано мнѣ Провидѣніемъ небеснымъ! Я вижу Луизу.

Ты не понимаешь меня — выслушай! — Въ комиссіи нашей встрѣтилось затрудненіе по расчету съ Страсбургскою Ратушею, и начальникъ отправилъ меня съ Волгинымъ въ Страсбургъ, для приведенія этого дѣла въ ясность. Надѣмся кончить дня чрезъ три. Мы поѣхали съ удовольствіемъ, ибо франкфуртскія лица намъ уже до крайности надоѣли. Сюда прибыли мы вчера поутру, и поработавъ въ ратушѣ, вышли погулять по городу, въ сопровожденіи наемнаго лакея. Сперва взобрались мы на колокольню собора, одну изъ высочайшихъ въ свѣтѣ. Я, признаюсь, полѣзился итти далѣе платформы, и пока другіе взбирались выше, перевертывалъ листы въ лежащемъ тамъ альбомѣ путешественниковъ, находилъ имена знаменитыя и знакомыя, наконецъ подмахнулъ и свое, съ парфюмъ, изображающимъ букву L. Съ Волгинымъ было на вершинѣ башни презабавное приключеніе. Круглая лѣстница идетъ до извѣстной высоты внутри башни, но на самомъ верху, гдѣ башня слишкомъ стѣсняется, она обведена узенькою улиткою снаружи. Я бы ни за что не пошелъ вверхъ на такой высотѣ: непременно сдѣлалось бы со мною голово-

круженіе; но Волгинъ, поставившій себѣ въ непремѣнную обязанность написать свое имя на маковѣ, бодро взвился до самаго нѣльзя, и исполнилъ свое желаніе. Но вотъ бѣда: за нимъ шель толстый Англичанинъ, и вдругъ увидѣлъ между желѣзными перилами узенькой лѣстницы; чѣмъ тѣшится старался онъ продраться, тѣмъ глубже желѣзные вручья входили въ мягкіе бока его; наконецъ онъ остановился и хотѣлъ отступить, но не тутъ-то было: ни назадъ, ни впередъ — и бѣдный Волгинъ затеръ былъ на этой ужасной высотѣ! При помощи сторожа, чрезъ четверть часа вытащили несчастнаго годдема изъ клещей, и Волгинъ спустился ко мнѣ, на платформу. Посмѣиваясь надъ этимъ забавнымъ случаемъ, мы отправились въ лютеранскую Церковь Св. Фомы, видѣли тамъ знаменитый мавзолей маршала де-Сакса и нетлѣвныя тѣла какихъ-то нассаускихъ герцоговъ, лежащія въ гробахъ съ стеклянными крышками. Между тѣмъ, какъ я разглядывалъ группу надъ могилою маршала, Волгинъ пошелъ осмотрѣть другіе монументы, и вдругъ позвалъ меня. «Посмотри, пожалуйста, Дмитрій Сергѣевичъ, какъ хороша эта статуя на монументѣ профессора Шенелина!» Я обратился туда, и увидѣлъ, въ нишѣ надъ урною, плачущую женскую фигуру изъ бѣлаго мрамора, въ обыкновенный ростъ. Подхожу ближе — и что? — точный портретъ моей Луизы представляется глазамъ моимъ. Я смутился, сердце мое сильно забилося, дыханіе остановилось, меня начало душить, и я съ трудомъ произнесъ: «Это она!» — «Что съ тобою

ныя кукланъ в тяжелыя домашнимъ кухаркамъ! Что жъ выходитъ изъ всѣхъ этихъ противоборствующихъ толкованій? То, что нынѣшнее образование обонихъ половъ есть неизбежное слѣдствіе нашего гражданскаго быта и нашей природы человѣческой; что число умныхъ, благородныхъ, выпреннихъ людей въ обонихъ полахъ не велико, и что для счастья ихъ должно желать только—чтобъ сродныя души могли найти другъ друга въ томлѣ шумнаго свѣта. А какъ часто мы видимъ, что случай приковалъ ибжное, благородное существо къ грубому, дикому варвару; что человекъ, достойный счастья въ мирѣ, долженъ влачить жизнь съ бездушнымъ твореніемъ, которое выдали за него, какъ продаютъ товаръ лицомъ! — Не знаю какъ, а предчувствую, что со временемъ, когда общество человѣческое усовершится, устранены будутъ сіи гибельные союзы, отравляющіе благополучіе цѣлыхъ поколѣній.

Вечеръ того дня кончился, какъ обыкновенно, музыкою и холоднымъ ужиномъ. Луиза усердно хозяйничала, и никто не могъ бы догадаться, что за три или четыре недѣли предъ симъ легионъ служанокъ исполнялъ ея повелѣнія. Она занималась домашними трудами съ какою-то легкостью и веселостью, которая заставляла бы и меня полюбить досадную домашность кухонную. Обращеніе ея было свободное, откровенное, со всѣми равное; меня, какъ казалось, она предпочитала, потому что могла вдоволь наговориться со мною по-русски и по-французски. Съ ибмецкими своими родственницами и подругами обходи-

лась: она уживчиво и привѣтливо, безъ изъясненій страстной дружбы, но и безъ гордости, которая легко могла бы зародиться въ душѣ мѣтѣ безсмертной. Впрочемъ дѣвочки ея не любили. Свободное, вѣжливое, умеренное обращеніе ея съ мужчинами называлось у нихъ кокетствомъ. «Sich mal das russische Fräulein an *)» слыхалъ я не разъ. Сами онѣ не умѣли говорить съ мужчинами не жеманясь и не краснѣя искусственно, а между собою безпрестанно перешептывались, пошучивались и дразнили другъ друга, поглядывая утрадкою на насъ, кандидатовъ супружества. Глухая маперъ, которую я находилъ здѣсь во многихъ, не-русскихъ домахъ! Но крайней мѣрѣ наши русскія барышни, того же класса, сидятъ какъ ступы въ своемъ кругу, не смѣютъ поднять глаза, и безмолствуютъ, зная, что онѣ маперъ, который ждетъ кумца. Не достаетъ только на шеѣ дравчика съ надписью: «десять тысячъ наличными и на столько же приданого!»

Разумѣется, что, по приездѣ Луизы, домъ Маллера поживился. Начали являться и молодые люди, бѣльшею частію неважные и безгласные, все Нѣмцы. Одинъ изъ нихъ обращалъ на себя общее вниманіе — Карлъ Камаровичъ Кибницъ, прикащикъ конторы москотальныхъ товаровъ, сынъ богатаго кушца, который началъ свое коммерческое поприще продажей бутылокъ, потомъ раза три обанкрутился, а теперь производить торгъ на милліоны, особенно хлѣбомъ.

*) Посмотри, пожалуй, на русскую барышню.

Въ восемь часовъ подъѣхалъ я къ освященному дому Кибница, въ Коломнѣ; — странно, что этотъ Нѣмецъ живетъ не на Васильевскомъ Острову. Гостей было еще немного — тѣмъ лучше! Я не люблю входить въ многолюдныя общества. Великое дѣло привычка! Я нигдѣ случай испытать себя въ тысячѣ случаевъ, и не знаю что такое трусость. Пройду на Островъ по Невѣ, лишь только она станетъ, и не боюсь того, что ледъ хруститъ подъ моими ногами; нынѣшнею весною, я, послѣдній передъ ея вскрытіемъ, перешелъ по вѣтхой корѣ; брожу одинъ ночью по глухимъ улицамъ, не думая объ опасности; вхожу бодро и смѣло даже въ кабинетъ министра; но никакъ не дерзаю войти въ большое общество. Блескъ свѣчей ослѣвляетъ меня; мнѣ кажется, что всѣ на меня смотрять; боюсь быть неловкимъ, смѣшнымъ, и отъ того конечно въ самомъ дѣлѣ смѣшномъ и неловкомъ; ищу хозяина или хозяйки, и, по близорукости моей, иногда обращаюсь съ притвствіемъ къ чужимъ людямъ. — Здѣсь, къ счастью, мнѣ не долго было искать хозяина. Высокій, красноносый толстякъ, съ выраженіемъ глуности и подлости на лицѣ, стоялъ въ передней, и подавалъ рюмку водки квартальному надзирателю изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ. «Здравія желаемъ Кашнару Христофоровичу!» гаркнулъ рачитель спокойствія, выпилъ духомъ, крикнулъ и закурилъ *маслохлебомъ*, какъ говорить Нѣмцы. Кибницъ взглянулъ на меня смесиво, какъ на незнакомаго, но сынъ подошелъ къ нему, сказалъ что-то на ухо, и онъ бросился ко мнѣ на

встрѣчу. «Очень радъ съ вами познакомиться, господинъ коллежскій ассессоръ! Я давно искалъ этого очастія! Вы истинно меня изволили обязать, принявъ дружеское мое приглашеніе. Долгъ мой требовалъ бы, чтобъ я самъ къ вамъ явился, но вамъ извѣстны мои дѣла — и т. и.» — Не постыгая причинъ этой учтивости, и приписывая ее безразборчивому гостеприимству, я поблагодарилъ его за приглашеніе, и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ залу. Молодые люди прохаживались по залѣ группами. Въ гостиной сидѣли дамы. Въ другой, большой комнатѣ разставлены были нарочные столы, и за двумя уже занимались. Знакомыхъ нѣтъ; вдругъ, вижу, входитъ Мишурскій, умный и любезный шалунъ, непремѣнный членъ всѣхъ баловъ и вечеринокъ, историческій лексиконъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ въ Петербургѣ, ежедневная газета всѣхъ происшествій. Онъ расхохотался, увидѣвъ меня. «Какъ ты здѣсь очутился?» — «Ей, ей, не знаю!» отвѣчалъ я: «меня пригласили, и принимаютъ очень учтиво и привѣтливо!» — «А я знаю, почему!» продолжалъ онъ, смѣясь: «старикъ Кибичъ, услышавъ о тебѣ отъ своего сына, который познакомился съ тобою у какого-то Нѣмца, спросилъ, гдѣ ты служишь. Сынъ отвѣчалъ: «въ департаментъ.» — «Не въ провіантскомъ ли?» спросилъ отецъ съ трепетомъ. «Да, въ провіантскомъ!» отвѣчалъ сынъ, не умѣющій отличить и сеята отъ иштейной конторы. — «Знаю на балъ! непременно звать! Человѣкъ онъ нужный!» — «Вотъ тебя и возвали!» — «Такъ нѣтъ здѣсь нѣчего

дѣлать, когда меня пригласили по ошибкѣ!» — «Э, братецъ, пустое! Тебѣ можно бѣ было совѣститься, когда бѣ ты въ самомъ дѣлѣ служилъ по провинцiальной части, потому, что тогда могли бѣ снздать, будто Кибицъ тебя задариваетъ, а теперь ты можешь попировать у него, не нарушая вѣрноподданнической присяги.» — «Хорошо,» отвѣчалъ я: «яобуду съ частъ мѣста, и уѣду.» — «Вотъ еще!» сказала Мишурскiй: «уѣзжай, когда соскучишься, а пока весело, оставайся. Ты здѣсь найдешь много предметовъ и къ размышленiю и къ забавѣ. Посмотри, какiя лица, какiя фигуры! Видишь ли эту нару, которая расхаживаетъ, взявшись за руки, по залѣ? Это валачь съ женою!» — «Понимаю, что ты?» — «Да, валачь, то есть глупый и плохой врачъ. Онъ учился въ какомъ-то университетѣ, не кончалъ курса, и объявленъ былъ неспособнымъ заниматься врачеванiемъ. Что жъ? опредѣлился моновождь къ кавалерiйскую дивизию, но вскорѣ его оттуда выгнали потому, что за лошадей должно отвѣчать. Теперь онъ какъ-то досталъ лекарскую степень, и, при помощи дерзости, безстыдства и шарлатанства, сдѣлался домашнимъ лекаремъ во многихъ важныхъ домахъ.» — «И его терпятъ?» — «А какъ не терпѣть? Посмотри на его плотную, длинную фигуру; на это строгое, темнобурое лицо, исцятанное желтыми рубчиками, какъ кладбище могилами; послушай, какъ важно онъ толкуетъ своимъ провинциальнымъ нарѣчiемъ о медицинѣ и хирургiи; какъ грозно проклинаетъ всѣхъ иностранныхъ врачей; какъ влеледосто

разсказывает *некрологи* всѣхъ своихъ больныхъ, полагая, что это слово значить то же, чте *биографіи*; какъ смиренно жалуется, что ему нѣкогда пообѣдать и выснаться отъ большой практики. И въ самомъ дѣлѣ, онъ платитъ большія деньги курьерамъ разныхъ вѣдомствъ, чтобъ они пріѣзжали за нимъ будто отъ генераловъ, сенаторовъ и министровъ, когда онъ обѣдаетъ въ гостяхъ. Можно объ закладъ побиться, садясь за столъ, что въ половинѣ обѣда подойдетъ къ нему слуга съ докладомъ: «Харитонъ Семеновичъ! за вами курьеръ пріѣхалъ отъ генерала такого-то!» — «Боже мой!» говоритъ онъ: «и пообѣдать не дадутъ въ покоѣ! Вотъ, что значить слава и практика!» Встаетъ, уѣзжаетъ, и чрезъ полчаса возвращается съ увѣдомленіемъ: «Слава Богу, графу легче! Еще удалось захватить во-время.» Не правда ли, молодець въ своемъ дѣлѣ?» — «Хорошъ!» отвѣчалъ я. — «Ну, а каковъ этотъ кирасирскій полковникъ фонъ-Думм-дрейстъ, съ женою?» — «Что ты? да это ея дядя! Я самъ слышалъ, какъ она его величаетъ: Onkel Dumm-dreist!» — «Такъ! онъ ей и дядя, и мужъ, то есть женился на дочери родной своей сестры. Въ Ливоніи такая мода, и жена въ первый годъ брака, по старрой привычкѣ, обыкновенно величаетъ мужа дядею. Вообще чины племянника, двоюроднаго брата, дяди, дѣда внучатнаго (Gross-Onkel), раздаются въ Ливоніи и Эстляндіи по достоинствамъ, а не по точному родству. Тамашній дворянинъ, отдавая малолѣтнаго земляка въ корпусъ, называетъ его племянникомъ

(Neveu). Когда племянникъ выйдетъ въ офицеры, и возвысится чиномъ наравнѣ съ дядюшкою, онъ производится въ Cousin (двоюродный братъ); поступивъ въ генералы, получаетъ титулъ Onkel (дядя), а если взберется еще выше, даютъ ему названіе Gross-Onkel. Званія эти теряются такимъ же порядкомъ. Министръ или главнокомандующій, лишившійся своего мѣста, опять поступаетъ въ простые Onkel, и если не поправится въ короткое время, ему угрожаетъ титулъ Cousin, и даже Neveu глядитъ изъ-за этого!» — «Я думалъ,» сказалъ я Мишурскому: «что буду здѣсь въ нѣмецкой купеческой компаніи, а нахожу такую смѣсь, какъ въ Ноевомъ Ковчегѣ. Какъ очутился здѣсь этотъ полковникъ? Откуда взялись эти важныя фигуры со звѣздами?» — «Полковникъ здѣсь потому, что младшій сынъ Кибница служитъ въ его эскадронѣ юнкеровъ — видишь ли, вотъ этотъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, блѣдный, съ красными на лицѣ пятнами! Въ этихъ молодыхъ лѣтахъ онъ уже такъ успѣлъ во всѣхъ мѣтарствахъ, что не могли его держать въ конторѣ и отдали въ полкъ. А въ кавалеріи такой молодчикъ находка: будетъ славный ремонтеръ. — Созвѣздія же сіи суть два отставные губернатора, проживающіе здѣсь до окончанія дѣла. Ихъ приглашаютъ, какъ декорачію, на купеческіе балы, свадьбы и другія пирושки: они играютъ роль *плато* на убранномъ столѣ. Вскорѣ явятся еще нѣсколько экземплярровъ. — Не думай однако, любезный Дмитрій Сергѣевичъ, что ты увидишь здѣсь домъ порядочнаго нѣмецкаго купца!

Нѣтъ, эти господа пошныиенге и образованге Кибица. Здѣсь же заключили между собою тѣсный союзъ богатство, легко и съ грѣхомъ пополамъ нажитое, глупое тщеславіе, невѣжество и безвкусіе. Впрочемъ люди не омотрять на это со вниманіемъ. Молодые люди ради случая потанцовать, старики поиграть въ бостонъ и поуживать. Матушки вывести въ свѣтъ дочерей своихъ, а дочки людей посмотрѣть, себя показать. Вотъ наприимѣръ, вступаетъ въ залу вереница затянутыхъ дѣвъ вождѣ за насѣдкою. Вотъ другая дама является со взводомъ танцоровъ, которыхъ, по просьбѣ Кибица, забрала въ разныхъ канцеляріяхъ и конторахъ. Украшеніе баловъ, гвардія, увы! теперь за горами и за долами! Остались одни запасные Думдрейсты и тому подобные. Вотъ являются единственно *военные* усы Петербурга — переведенный въ гусары изъ безсмертныхъ волонтеровъ, бывший губернской секретарь Сладкой! Каковъ!» — Въ этихъ разговорахъ мы пошли по иллюминированнымъ заламъ, и вдругъ очутились въ небольшой комнатѣ, съ диванами, освѣщенной лампадою въ алебастровой вазѣ. Надъ диваномъ висѣлъ женскій портретъ — лицо миловидное, томное, съ выраженіемъ страданія. Мишурскій не далъ мнѣ времени спросить. «Этотъ портретъ второй жены Кибица, женщины прекрасной, умной, добродѣтельной! Она вышла за вдовца Кибица, понуждаемая просьбами бѣдныхъ своихъ родителей, и черезъ полтора года онъ уходилъ ее своимъ зѣрствомъ. Первая жена его, мать этихъ двухъ сорванцовъ, была грубая,

необразованная женщина. Увидишь непременно, что онъ вскорѣ женится. Онъ и сегодня жаловался на невозможность *держатъ* большой домъ и вести компанію безъ жены. Поздравляю ту, на которую надеть жребіи!» — Я вздрогнулъ невольно. — Мы воротились въ залу, которая, между тѣмъ, наполнилась народомъ. Вдругъ, въ одной группѣ, вижу Матрену Христіановну, въ красномъ платьѣ, въ перьяхъ, цвѣтахъ, побрякушкахъ. Я подошелъ къ ней съ привѣтствіемъ. — «Я ужъ догадывалась, что найду васъ здѣсь!» сказала она, вздернувъ носикъ по обыкновенію, и значительно посмотрѣла въ сторону. Я взглянулъ туда, увидѣлъ добрую мою Марью Ивановну Миллеръ съ Луизою, и душевно обрадовался. Разумѣется, что я подошелъ къ нимъ, и началъ разговаривать. Кибичъ конечно имѣеть иногда свѣтлыя минуты: онъ не только пригласилъ на балъ это почтенное семейство, въ которомъ принимаютъ его сына, но и послалъ за ними свою карету. Марья Ивановна говоритъ, что Карлъ Федоровичъ вздумалъ было отнѣкиваться, но взглянувъ на дочь, которая однако не говорила ни слова, согласился ѣхать. Его ужъ усадили за конѣчный бостонъ въ боковой комнатѣ, гдѣ позволено курить. Какъ мила и хороша была Луиза, въ бѣломъ платьицѣ, причесанная просто, съ розаномъ на головѣ! Не понимаю, отъ чего мнѣ эта дѣвица такъ нравится! Я желалъ бы имѣть такую сестру; но если бъ она была моею сестрою, я искоренилъ бы въ ней эту страсть къ свѣту, къ уве-

селеніямъ, къ танцамъ. Она такъ великодушна и благородна, что родителямъ своимъ никакъ не даетъ замѣтить, сколь многого лишилась, возвратясь къ нимъ въ домъ; но при каждомъ извѣстіи о собраніяхъ, при словахъ: балъ, танцы, у нее, какъ говорится, *ушки смѣются*. «Знаете ли, Дмитрій Сергѣевичъ,» сказала мнѣ Луиза: «мы совѣстились ѣхать сегодня на балъ, полагая, что вы къ намъ будете, и я, вѣтряница, забыла попросить брата, чтобъ онъ васъ предупредилъ. Легкое ли дѣло прогуляться съ Литейной на Васильевскій Островъ!» — «Конечно прогуляться даромъ не легко; но видите ли, Елисавета Карловна, судьба ко мнѣ милостивѣе, нежели я заслуживаю. Я измѣнилъ вамъ сегодня, а она не лишила меня удовольствія васъ видѣть.» — «Я не умѣю отвѣчать на комплименты,» сказала Луиза: «но заплачу за нихъ, раздѣливши съ вами удовольствіе, которымъ уже съ четверть часа наслаждаюсь. — Прислушайтесь къ французской бесѣдѣ, съ правой стороны!» прибавила она въ полголоса: «это заѣзжіе изъ нашей Москвы бѣлокаменной!» Я обратилъ туда глаза, и увидѣлъ молодого человѣка, хорошо одѣтаго, разговаривающаго съ дамою среднихъ лѣтъ по-французски. Произношеніе ихъ было довольно чистое, но употребленіе словъ и составъ фразъ самые странные, напимѣръ: *Mon oncle, qui est un homme humide, s'est refroidi en chemin; il voyageait sur des longs, et pourtant il faisait deux stances par jour. — Voyez cette dame, en mouchoir blanc. Votre volonté, elle n'est*

pas jolie. La pauvre ne danse pas; personne ne la soulève *)» — Луиза, закрываясь платкомъ, поминала со смѣху. — «Не правда ли, смѣшно?» сказала она, когда кавалеръ и дама встали съ своихъ мѣстъ и удалились. — «Какъ вы можете надъ этимъ смѣяться?» отвѣчалъ я. «Помните ли, какъ несправедливо вы осудили молодаго нашего хозяина за одну неловкую французскую фразу? Зачѣмъ же равнодушно слышите изъ русскихъ устъ: *я озлбши, мы устави, илныи братъ*, или когда Крумигольцъ говорить: *мой лошадь*? Ошибка въ чужомъ французскомъ языкѣ производить смѣхъ, а по-русски позволяется говорить, какъ угодно! Не то досадно, что говорятъ дурно, а что вообще у насъ говорятъ некстати и безъ нужды по-французски.» — «Да вы и забыли, Дмитрій Сергѣевичъ, что сегодня среда, нашъ французскій день: сегодня не должно говорить по-русски.» — «Вижу, вижу, куда вы клоните! Вамъ хочется поговорить по-французски, чтобъ блеснуть предъ другими! Но я, вы знаете, не мастеръ этого дѣла, и боюсь попасть въ одну шеренгу съ этимъ сосѣдомъ.» — «Ахъ, какъ вы сегодня уврамы! Это слѣдствіе двѣдцатаго года: *patriotisme renforcé!*» — «Я мыслилъ и говорилъ такъ до 1812 года, въ 1812 году, и буду

*) Дядюшка, человекъ сырой, простудился дорогою. Онъ ѣхалъ на долгихъ, и все же проѣзжалъ по двѣ станции въ день. Посмотрите на эту даму, въ бѣломъ платкѣ. Воля ваша, она не хороша. Бѣдняжка не танцуетъ; никто ея не поднимаетъ.

продолжать до 1912-го. Люблю французскій языкъ, французскую литературу, читаю почти исключительно французскія книги; но говорю съ Русскими по-русски, и менѣе всего стану говорить по-французски на этомъ базарѣ. Да, правда, съ вами есть причина говорить не по-русски — извольте, заговорю по-нѣмецки. *Mein Fräulein...*» — «Ахъ, какіе вы!» сказала, съ досадою улыбаясь, Луиза. Въ это время подошла къ ней молодой Кибичъ, и подвѣлъ ее на мазурку. *Au plaisir!* сказала она, разсмѣявшись, и пошла въ кругъ. Я остался подлѣ Марьи Ивановны, которая слѣдила глазами свою Луизу. И всѣ прочія матушки не спускали глазъ съ мазурки, въ которой намешривали ихъ дочки. Когда дочка кончитъ фигуру, матушка обыкновенно подзоветъ ее къ себѣ: «*Raichne! venez ici!*» поправитъ ей волосы, придержитъ платье, и скажетъ что нибудь въ полголоса. Мнѣ эти балы кажутся конною влощадью, а матушки цыганами и барышниками. И для кого это? Для насъ, неблагодарныхъ! — Луиза танцуетъ прекрасно, легко, съ граціею, но слѣшкомъ искусственно, смѣшномъ старательно. Марья Ивановна нѣсколько разъ заговаривала со мною о танцахъ, желая узнать мое мнѣніе. Я молчалъ. Кончилась мазурка, и Луиза къ намъ воротилась. — «Какъ здѣсь; въ Петербургѣ, дѣвицы странно танцуютъ!» сказала она, оборотясь ко мнѣ: «съ какою-то небрежностью; онѣ не танцуютъ, а ходятъ.» — «А мнѣ это и нравится!» отвѣчалъ я. — «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила она въ изумленіи, — «Въ са-

мень дѣлѣ: танцваніе въ обществѣ есть удовольствіе, а не дѣло искусства и тщеславія. Должно танцовать хорошо, но не слишкомъ хорошо.» — «Прекрасно!» отвѣчала она: «къ чему жѣ намъ учать въ дѣтскихъ лѣтахъ, къ чему строго взыскивають за каждую ошибку?» — «При ученіи всегда требуютъ болѣе, нежели въ послѣдствіи нужно будетъ. Намъ заставляютъ въ чистописаніи выводить кудрявыя буквы, малевать по правиламъ; въ жизни этого не требуется, но отъ навыка въ малеваніи буквъ, мы приобрѣтаемъ почеркъ ровный и красивый. Занимаясь правилами слога, мы сочиняемъ похвальные слова, картинныя описанія и т. п., между тѣмъ какъ въ свѣтѣ придется намъ писать одні дѣловыя бумаги и кое-какія письма. Что вышло бы, если бы мы вздумали дружескія записки сочинять по образцамъ рѣчей Цицерона и Демосоена? Тамъ и въ танцахъ: вы, при всемъ искуствѣ, не будете танцовать такъ хорошо, какъ, напримѣръ, Колосова, а между тѣмъ отъ излишнихъ усилій лишитесь непринужденности и простоты, необходимыхъ спутницъ граціи.» — «Какой же вы философъ!» отвѣчала она. — «Только кандидатъ философіи. Спросите у доктора философіи Циперлейна: онъ вамъ скажетъ то же, что странно печатать илльй романъ готическими буквами in folio. Я допускаю совершенство только въ истинно изящныхъ искусствахъ, въ музыкѣ, въ рисованіи!» — «Довольно уроковъ!» прервала Луиза: «и чтобы показать вамъ, что вы проповѣдовали не даромъ, прошу

протанцовать со мною этотъ кадрилъ.» — «На бѣду, я не могу имѣть этого счастья. Я не танцую.» — «Возможно ли? Нѣтъ, вы шутите!» — «Увѣрю васъ, что не танцую, и никогда не танцовалъ. Еще увѣрю васъ, что я теперь въ первый разъ въ жизни объ этомъ сожалею.» — «Жаль и мнѣ!» сказала Луиза. Къ ней подошелъ Круммгольцъ съ приглашеніемъ. «Извините,» отвѣчала она: «я устала въ мазуркѣ, и должна пропустить этотъ танецъ.» — «А на предбудущій?» спросилъ онъ, выпяливъ глаза. «Извольте!» — Милая, добрая Луиза! подумалъ я: она остается для того, чтобъ утѣшить меня въ моемъ танцевальномъ невѣжествѣ. Я въ самомъ дѣлѣ вчера въ первый разъ досадовалъ, что не умѣю танцовать. Въ юности моей презиралъ я танцы, какъ дѣло ничтожное, никакъ не хотѣлъ учиться, а теперь о томъ сожалею, и завидую — Круммгольцу! Время перваго кадриля промелькнуло мигомъ, и Луиза полетѣла во второй. Она доказала на дѣлѣ, что пользуется моими уроками: танцевала такъ же легко и граціозно, какъ прежде, но гораздо простѣе, и слѣдственно лучше. — Послѣ танца я сказалъ ей: «Вотъ теперь могу похвалить васъ: танцуйте такъ всегда, и вы побѣдите всѣхъ соперницъ!» И въ самомъ дѣлѣ ей не давали отдохнуть. — Какое для меня счастье, что я нашелъ здѣсь этихъ милыхъ людей! Безъ нихъ я умеръ бы со скуки. Мишурскій исчезъ, а изъ остальныхъ я части не знаю, а другой знать не хочу. Въ числѣ молодыхъ конторщиковъ и прикащиковъ нѣмецкихъ есть многіе обра-

зованные, благовоспитанные, любезные люди (такъ, наприимѣръ, известный въ германской литературѣ переводчикъ Ботлера, Солтау, долгое время служилъ въ одной купеческой конторѣ въ Петербургѣ), но сколько притомъ несносныхъ, дерзкихъ невѣждъ! Всего менѣе понятна мнѣ смесь многихъ изъ этихъ господчиковъ! Чѣмъ имъ гордиться? породою ли? познаніями ли? заслугами ли? красотою ли? богатствомъ ли? А посмотрѣть, такъ кажется, и чортъ имъ не братъ! Бѣдные! если бѣ они знали, какъ это смѣшно и глупо! — Да и я хорошгъ: вздумалъ ѣскать ума, чувства, образованія на балѣ, тамъ, гдѣ требуются только проворныя ноги и голова, не боящаяся круженій! Боже мой! какъ мелки люди, что они выдумали такія увеселенія! Самая извинительная сторона баловъ есть та, что молодые люди знакомятся здѣсь съ дѣвицами, и что отъ этого происходятъ союзы брачныя, необходимые и полезныя въ обществѣ. Такъ! но это только исключеніе. Не танцоръ молодой, легкой и вѣтряный, женится на дѣвицѣ, которую онъ кружить въ вальсѣ, и которая ему кружить голову, а какойнибудь бостонистъ, который мимоходомъ на нее взглянетъ. Между танцующими же зараждаются одніи страсти, бесполезныя и пустыя, если онѣ не мучительны и не убійственны! — Вотъ я опять впадаю въ любимую свою привычку, отъ которой Левадинъ тщетно старался меня отучить, — извлекать ядъ изъ вещей невредныхъ, находить дурное тамъ, гдѣ едва есть слѣды къ тому, и хотѣть своими умничаньями

передѣлать весь свѣтъ! Посмотрю на это съ другой стороны. Нѣсколько десятковъ людей разнаго состоянія, возраста и пола, собираются для того, чтобы часа на три забыть привычную прозу глупой жизни. Дѣвицы, нѣсколько дней до бала, радуются мыслию объ этомъ вечерѣ; воображаютъ, какъ онѣ будутъ хорошо одѣты, какъ милы и любезны, сколько побѣдъ ихъ ожидать. Молодые люди не съ меньшимъ любопытствомъ и удовольствіемъ посѣщаютъ въ веселый кругъ — гдѣ ждутъ ихъ прелестныя дѣвицы; гдѣ можно будетъ вдоволь усладить глаза и слухъ; гдѣ можно наговорить множество учтивостей, и болѣе нежели учтивостей, той милой кандидаткѣ любви и брака, съ которою въ другое время едва можно вскользь увидѣться. А матушки? Онѣ наслаждаются еще пламеннѣе дочекъ, ибо молодыя дѣвицы, по крайней мѣрѣ большая ихъ часть, предаются удовольствіямъ бала безъ умысла и расчетовъ, а въ родительницахъ эти удовольствія подстрекаются еще соревнованіемъ, пересудами и удовлетвореннымъ самолюбіемъ. О батюшкахъ говорить нечего: они разгуливаютъ по знакомымъ, вѣчнозеленымъ лугамъ, съ тузами, королями и королевами.

Баль продолжался до трехъ часовъ. Тогда съѣли за великолѣпный ужинъ. Я не садился, а рассказывалъ по заламъ съ другими молодыми людьми. Къницы, и отецъ, и сынъ, сегодня заслужили мою благодарность. Какъ учтиво и предупредительно обходились они съ семействомъ почтеннаго Миллера! Старикъ

повелъ къ столу Марью Ивановну, а сынъ Луизу. Старика Миллера уподчивали сверхъ его обыкновенія! — «Согласитесь, господинъ Мстиславцевъ,» сказалъ онъ, когда я подошелъ къ нему: «что богатство въ рукахъ неглупаго человѣка вещь прекрасная! Передо мною стоитъ бутылка вина, котораго одна рюмка, по воскресеньямъ, могла бы развеселить меня на всю недѣлю!» Иванъ Ивановичъ Фризель убиралъ мастерски, толкуя сосѣду своему, Думдрейсту, какъ вредно для здоровья ужинать неумѣренно. «Правда!» отвѣчалъ Думдрейстъ: «ужинь вреденъ; это должно поправить!» и валивалъ себѣ и доктору шамоанскаго. — Матушки изволили кушать на здоровье, а дѣвицы поклевывали, какъ цыплята, и подчивали кочующихъ кавалеровъ съ своихъ тарелокъ.

Человѣкъ предполагаетъ! Я думалъ, что останусь у Кибца на балѣ не долѣе одного часу, а вотъ пятый часъ утра! Послѣ ужина опять дачались танцы. Луиза проваивсовала раза два по залѣ; тогда Марья Ивановна объявила ей, что пора ѣхать домой. Я проводилъ ихъ въ переднюю, отыскалъ ихъ салоны, укуталъ и посадилъ въ карету. Миллеръ былъ очень веселъ: все припѣвалъ съвозъ зубовъ, а Фризель, пытаясь рассказывать анекдоты, останавливался на словищѣ предисловія: «это напоминаетъ мнѣ» — и начиналъ смѣяться, самъ не зная чему. Выпроводивъ добрыхъ моихъ пріятелей, я воротился въ танцевальную залу. Свѣчи горѣли тускло; шлы носилась облаками; наряды красавиць поблекли и разстроились.

Кавалеры устали. Батюшки и матушки зѣваютъ. — Какая скука! подумалъ я, отыскалъ свою шляпу, и скрылся.

Сегодня всталъ я утомленный, съ головою болью. Всю ночь снился мнѣ балъ. Все вокругъ меня вертѣлось. Всѣ дамы похожи были на Луизу Миллеръ. Какъ вздорны бываютъ сновидѣнія!

Вотъ видишь, какъ я чувствовалъ и мыслилъ въ то время. Я былъ привязанъ къ Луизѣ всею душою; находилъ удовольствіе въ одномъ ея обществѣ, но самъ не замѣчалъ, что люблю ее страстно. Иногда, какъ ты видишь, я и бранилъ ее, и когда былъ правъ (а это не всегда случалось), Луиза старалась поправиться. Обхожденіе наше было короткое, непринужденное, какъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Домашніе смотрѣли на взаимную нашу привязанность, какъ на дѣло самое обыкновенное, ибо я и прежде искренно любилъ все семейство. Между тѣмъ должно было испытать и нѣкоторыя огорченія въ любви — не отъ нея, а отъ чужихъ особъ, отъ прличій свѣтскихъ и обстоятельствъ. Это началось съ департамента. Однажды занимаюсь я прилежно дѣломъ, и слышу, что за спиною у меня говорятъ двое изъ чиновниковъ моего стола. *Первой*: «Работай, братъ! работай! вкатай себя въ чахотку, а все толку не будетъ.» *Другой*: «А почему?» — *Первой*: «Какъ почему! Развѣ ты Нѣмецъ? Будь Русскій хоть пяти ня-

дей во лбу, ничего не получить. Ужъ хоть бы перекреститься въ Нѣмецкую Вѣру!» — *Другой* (въ полголоса): «Нѣтъ, братъ! тутъ не Нѣмецъ ворожить, а хорошенькая сестрица. Она вывозить брата! Что за глазки!» Это меня взбѣсило. Я отличалъ Миллера за его труды, прежде нежели зналъ кого либо изъ его родственниковъ. Теперь онъ трудился не менѣе прежняго, но, равно какъ и всѣ прочіе, не получалъ ни какой награды. Клеветники! Разумѣется, что я обходился съ нимъ, какъ съ знакомымъ, спрашивалъ при всѣхъ о здоровьѣ его семейства, приказывалъ кланяться, общалъ прійти, иногда отвозилъ его изъ департамента съ собою. И это дѣлалъ я безъ всякаго закрытія, гласно, всенародно, — а лѣнивцы и завистники изъ этого вывели заключенія, достойныя ихъ собственныхъ правилъ и образа мыслей. «Воображаютъ, будто я влюбленъ въ Луизу,» думалъ я: «какой вздоръ!» Надобно было прекратить это, ибо и Луиза могла бы пострадать отъ нелѣпыхъ толковъ злонамѣренности. Я объявилъ Миллеру отцу, что служба въ нашемъ департаментѣ, единообразная, форменная, не можетъ способствовать къ дальнѣйшему образованію хорошаго статскаго чиновника, и что должно для его Вани пріискать другое мѣсто. «Въ этомъ я совершенно полагаюсь на васъ, господинъ Мстиславцевъ,» отвѣчалъ онъ: «вы это ближе моего знаете, и конечно все сдѣлаете къ лучшему.» — Мнѣ удалось уладить это очень скоро. Узнавъ, что есть вакансія въ Комисіи Составленія Законовъ, я

бросился къ своимъ знакомымъ, сталъ просить, ходатайствовать, и молодого Миллера вскорѣ приняли, особенно потому, что тамъ не требовалось познанія русскаго языка. Жалованья дали ему вдвое противъ того, что онъ имѣлъ у насъ, и всѣ были довольны. Тягостно это было мнѣ только потому, что я лишился въ немъ трудолюбиваго помощника, и потому еще, признаться, что не могъ получать ежедневно вѣстей о Луизѣ. Не правы ли были *немножко* мои чиновники?

Съ Миллеромъ старикомъ было у меня около того времени странное объясненіе, которое могло показать мнѣ, сколь мало мнѣ можно имѣть надежды вступить въ его семейство. Однажды я прихожу къ нимъ, на перепутьѣ, въ ихъ обѣденное время. Они обѣдали обыкновенно въ часъ по полудни, потому что занятія Миллера и классы въ школѣ начинались въ два часа. Я иногда заходилъ къ нимъ въ это время, присосѣживаясь къ Марьѣ Ивановнѣ, и завтракала въ ожиданіи моего обѣда. Вотъ я, какъ сказалъ, прихожу къ нимъ въ часъ: это было во вторникъ, на первой недѣлѣ Великаго Поста. Они уже сидѣли за столомъ. Когда я вошелъ, мнѣ дали, по обыкновенію, мѣсто подлѣ Марьи Ивановны. «Покушайте съ нами,» сказалъ Миллеръ: «въ честь нѣмецкой масляницы — теплыхъ булокъ.» — «Покорнѣйше благодарю!» отвѣчалъ я: «только сегодня я ѣсть не буду!» — «Непрагмѣнно будете,» сказалъ Миллеръ: «это кушанье бываетъ у насъ однажды въ цѣлый годъ.» — «Но въ

такое время, когда мнѣ нельзя раздѣлать его съ вами.» — «Какъ нельзя? Вы часто съ нами кушаете въ эту пору?» — «Но не въ эти дни: вчера наступилъ Великій Постъ.» — «Вотъ хорошо!» сказалъ Миллеръ съ досадою: «я не зналъ, что вы такъ суевѣрны! Постъ! Великій Постъ! Странно! въ наше просвѣщенное время! — Вы вѣрно шутите, господиш. Мстиславцевъ! Покушайте, сдѣлайте милость!» — «Увѣрю васъ, что не могу.» — «Помилуйте! что за грѣхъ съѣсть булку на коровьемъ маслѣ, съ молокомъ? Вѣдь въ другое время вы не отказались бы? А одинъ день не такой же ли, какъ и другой?» — «Грѣхъ не въ томъ, чтобъ съѣсть скромную булку, а въ томъ, чтобъ нарушить постановленіе Церкви, къ которой я принадлежу.» — «Да гдѣ вы это взяли? Я вамъ докажу....» — «Извольте доказывать что вамъ угодно, но ѣсть скоромное въ Великій Постъ, особенно на первой недѣлѣ, противно моимъ правиламъ.» — «Прекрасныя правила! Какое слабоуміе! полагать въ этомъ Вѣру!» — «Я пересталъ бы уважать самого себя, если бъ не исполнялъ предписаній Церкви именно въ такихъ мелочныхъ вещахъ. Намъ предписывается воздержаніе отъ пищи въ это время года, въ воспоминаніе страданій нашего Спасителя, и мы будемъ столь слабы, что не рѣшимся отказаться отъ употребленія мяса, молока и прочаго! А когда лекаръ предписываетъ намъ діету, какъ усердно мы слѣдуемъ его совѣтамъ!» — «Лекарь другое дѣло: онъ требуетъ этого по причинамъ физическимъ, по

требованіямъ науки. А здѣсь....» — «Позвольте: какъ мнѣ можно будетъ исполнять важныя заповѣди Божіи, пожертвованіе самимъ собою, вспоможеніе врагу моему и тому подобныя дѣла, требующія умерщвленія моихъ врожденныхъ наклонностей и страстей, когда я не имѣю силы отказаться на нѣсколько дней отъ куска мяса?» — «Какъ угодно!» сказалъ Миллеръ: «фанатиковъ и суевѣровъ не переспоришь!» Съ сими словомъ началъ онъ наливать въ тарелки хваленое кушанье (скоромныя булки, на розовой водѣ, разваренныя въ молокѣ, съ масломъ коровинымъ, сахаромъ и корицею), приговаривая притомъ: «Не понимаю, какъ матушка ваша, Нѣмка, не успѣла поселить въ васъ понятій здравыхъ.» — «Матушка» отвѣчала я: «старалась внушить мнѣ понятія о безусловномъ исполненіи лежащихъ на мнѣ обязанностей. Она сама водила меня въ русскую церковь, и заставляла въ точности исполнять всѣ обряды нашего исповѣданія. Никогда не позволяла она мнѣ провѣщать ее въ церковь лютеранскую (не такъ, какъ здѣсь, въ Петербургѣ, иностранныя гувернантки возятъ ввѣренныхъ имъ малолѣтнихъ русскихъ дѣвицъ съ собою въ иновѣрческія церкви). Матушка даже сама наблюдала посты со всѣмъ нашимъ семействомъ, и я, уже лишась ее, узналъ, что въ Протестантской Церкви нѣтъ постовъ, и что она дѣлала это изъ любви ко мнѣ, чтобъ не подать мнѣ повода къ соблазну.» — Заговоривъ о матушкѣ, я не умѣлъ бы кончить, если бъ не прервалъ меня Миллеръ, на лицѣ кото-

раго изображались возрастающіе съ каждою минутою гнѣвъ и досада. — «Это что!» закричалъ онъ, обратясь къ Луизѣ: «ты не ѣшь молочныхъ булокъ? И ты вздумала поститься!» — «Нѣтъ, папенька,» отвѣчала Луиза со страхомъ: «это не потому; я вообще не люблю молочнаго кушанья. Да и эти булки на розовой водѣ съ корицею и съ масломъ мнѣ противны.» — «Вздоръ!» вскричалъ отецъ еще громче: «ѣшь! Я выведу изъ тебя этотъ русскій, московскій духъ! Жеманишься, сударыня! Ты дочь лютеранскихъ родителей, ты Нѣмка, и должна ѣсть то, что мы ѣдимъ. Хорошій примѣръ твоимъ будущимъ дѣтямъ!» — Луиза, вздохнувъ, положила несчастную булку на тарелку, и удерживая слезы, начала ѣсть черезъ силу. — Марья Ивановна, сжалившись надъ дочерью, хотѣла образумить мужа. «Можетъ быть,» сказала она: «Луизѣ и не придется подавать въ этомъ примѣръ своимъ дѣтямъ; если они, напримѣръ, будутъ Русскіе по отцу.» — «Русскіе! Луизины дѣти, мои внуки Русскіе!» вскричалъ Миллеръ: «никогда! никогда! Я сдѣлалъ уже непростительную глупость, что оставилъ Луизу въ русскомъ домѣ, гдѣ она набралась всякихъ суетвѣрій, примѣтъ, предрасудковъ. А выдать ее за Русскаго — ни за что! Чтобъ внучата мои были Русскіе, чтобъ они говорили не по-нѣмецки! Да я прокляну ее и весь родъ!» Это сказалъ онъ въ совершенномъ изступленіи. Всѣ мы испугались. Марья Ивановна перемѣнила разговоръ. Черезъ нѣсколько времени Миллеръ поуспокоился, и даже самъ

сказалъ, улыбаясь: «Какъ я разгорячился! какъ будто и въ самомъ дѣлѣ! Но мысль о томъ, что Луиза будетъ вѣнчаться не въ лютеранской церкви, для меня невообразима и нестерпима. Прежде свезите меня на Волково Поле. Это убьетъ меня.» — «Да никто этого и не хочетъ,» сказала Марья Ивановна: «никто о томъ и не помышляетъ. Я такъ думала только.» — «Полно! полно!» сказалъ Миллеръ: «забудемъ это, и, ради Бога, не напоминайте мнѣ о такихъ вещахъ. Basta! Сегодня надобно веселиться. Пойдемъ въ маскарадъ, а завтра на Красный Кабакъ. Вы, господинъ Мстиславцевъ....» — Я смутился. — «Ахъ, виновать! Ваша вѣра.... — Вольно же вамъ,» прибавилъ онъ, улыбаясь: «говорить со мною всегда по-нѣмецки. Я часто вовсе забываю, что вы Русскій. Извините меня, пожалуйста,» продолжалъ онъ: «можетъ быть, я въ глупой горячности сказалъ вамъ лишнее. Но войдите въ наше положеніе! Фамилія наша родомъ изъ Шпейера. Прадѣдъ мой былъ человекъ зажиточный и уважаемый: ему принадлежали богатая помѣстья близъ города; въ самомъ городѣ были у него домъ и двѣ фабрики. Въ концѣ XVII вѣка, Король Лудовикъ XIV, уничтоживъ Нантское Постановленіе, изгнавъ изъ государства своего нѣсколько сотъ тысячъ честныхъ и трудолюбивыхъ подданныхъ, началъ, какъ лютый тигръ, на сосѣдственныхъ нѣмецкія области, опустошилъ ихъ огнемъ и мечемъ, принуждая жителей принять Католическое Вѣроисповѣданіе, и переселиться во Францію. Мой прадѣдъ не могъ ис-

полнить этого, бросилъ пепелище предковъ, оставилъ на расхищеніе врагамъ все свое имѣніе, и бѣжалъ съ женою и двумя дѣтьми. Онъ поселился на правомъ берегу Рейна, откуда могъ видѣть прежнее свое отечество. Дѣдъ мой, бывший десяти лѣтъ, когда случилось съ ними это бѣдствіе, не разъ описывалъ мнѣ ужасы тогдашняго времени: какъ неистовые враги сожгли древніе нѣмецкіе города, Вормсъ и Шпейеръ, какъ нарушили покой спавшихъ въ могилѣ императоровъ, и черепами ихъ играли въ кегли; какъ католическіе монахи, сопровождаемые драгунами, насильно обращали протестантовъ въ свою вѣру. При этихъ повѣствованіяхъ обращалъ онъ потухающіе глаза свои къ югозападу, и говорилъ: «Дѣти! мы не измѣнили вѣрѣ отцевъ нашихъ, бросили все земное достояніе, и сохранили вѣрность нашему исповѣданію. И вы, если хотите быть счастливы въ этой жизни и блаженны въ будущей, сохраните завѣтъ умирающаго дѣда, который, на окровавленныхъ развалинахъ отечественнаго города, поклялся пребыть неизмѣннымъ въ своей религіи; который могъ бы воротить земное достояніе отца своего, но предпочелъ ему странническій посохъ и нищенскую суму, для снисканія достоянія небеснаго!» — Слова эти вѣчно будутъ раздаваться въ моей душѣ. Обстоятельства заставили меня переселиться въ Россію, но время и пространство не имѣютъ дѣйствія надъ тѣмъ, что выше пространства и времени. Какъ братъ мой, оставшійся въ Германіи, такъ и я, живущій въ гостепріимной и благодѣтель-

ной Россіи, пребудетъ вѣрны преданіямъ семейства, и передадимъ ихъ во всей чистотѣ нашимъ дѣтямъ.» Глаза старика при сихъ словахъ блистали какимъ-то необыкновеннымъ огнемъ. Марья Ивановна смотрѣла на него съ умиленіемъ, утирая слезы. Луиза потупила взоры. Иванъ Карловичъ усердно хлебалъ молоко съ булками, чтобъ доказать свое протестантское правовѣріе.

Я оставилъ въ тотъ день домъ Миллера ранѣе обыкновеннаго. Дорогою размышлялъ я о силѣ преразсудковъ надъ людьми умными, просвѣщенными и добродѣтельными. Миллеръ находилъ страннымъ, что я наблюдалъ постъ, предписываемый Греческою Церковью, а самъ не хотѣлъ, чтобъ дочь его отказалась отъ противнаго ей кушанья, только употребительнаго между протестантами! Слабость человѣчества! Но какъ пагубна можетъ быть эта слабость въ отношеніи къ семейству, къ судьбѣ дѣтей! Онъ произнесъ проклятiе надъ дочерью, когда бъ она дерзнула выйти замужъ за Русскаго! — Теперь не понимаю, какъ эти слова не поразили меня въ то время, какъ они не распалили искры, тлѣвшей въ моемъ сердцѣ! Но такова сила красоты, соединенной съ умомъ, добродѣтелью и невинностью: я не чувствовалъ, что влюбленъ въ Луизу. Вспышка отца казалась мнѣ только смѣшною. — Нынѣ мнѣ страннымъ кажется, какъ я въ то время не испыталъ моего счастья, не посватался на Луизу: при помощи Марьи Ивановны и ея брата, которые меня искренно любили, мнѣ удалось бы,

можетъ быть, побѣдить глухой предрасудокъ Миллера. Я не богатъ, но состояніе мое достаточно для прокормленія меня съ *доброю* женою. На встряплицу и мотовку не станеть шереметевскаго имѣнія, но Луиза не такова.

Между тѣмъ все вошло въ прежній порядокъ. На Страстной Недѣлѣ не ходилъ я къ Миллеру, чтобъ опять не подать ему повода къ досадѣ, особенно когда бы онъ вздумалъ кормить меня зеленымъ супомъ *). Но разговѣлся я у нихъ. Миллеру до того жалко было меня и совѣстио предо мною, что онъ порусски похристосовался со мною, и даже позволялъ это всѣмъ домашнимъ. Марью Ивановну обнялъ я, какъ добрую попадю, но у Луизы только поцѣловалъ руку: она внушала въ меня чувство почтенія, неизъяснимаго и непреодолимаго.

Вскорѣ потомъ надъ семействомъ добраго Миллера разразилась гроза. Прихожу къ нимъ однажды послѣ обѣда, и застаю старика, сверхъ обыкновенія, дома. Онъ сидѣлъ на софѣ, глядѣлъ въ землю, потиралъ табакерку, и еллевывался на обѣ стороны — знакъ, что онъ не веселъ и встревоженъ. Марья Ивановна сидѣла подлѣ него, и молча плакала. Луиза глядѣла на родителей своихъ съ безпокойствомъ и участіемъ. Старшій сынъ въ раздумѣ ходилъ по комнатѣ. Фригель, какъ всегда, при семейномъ горѣ, стоялъ въ безмолвіи у окна, и барабанилъ по стеклу. — «Что

*) См. выше, стр. 94.

это?» спросилъ я, поздоровавшись: «здоровы ли вы, Карлъ Федоровичъ!» — «Здоровъ, слава Богу,» отвѣчалъ онъ: «и празденъ по неволѣ.» — «Какъ такъ?» — «Да, такъ: я лишился мѣстъ въ двухъ пансіонахъ.» — «Двухъ тысячъ пяти сотъ рублей въ годъ!» сказала, рыдая, Марья Ивановна. — «Помилуйте, почему?» спросилъ я. — «Такъ угодно Богу!» сказалъ Миллеръ: «больно и жестоко было бы *заслужить* такую бѣду; но пострадать невинно, быть жертвою злобы и клеветы — это удѣлъ и торжество честнаго человѣка и добраго Христіанина!» Сказавъ это, онъ всталъ съ софы, сѣлъ къ фортепиану, и заигралъ Лютерову пѣснь:

Eine feste Burg ist unser Gott *).

Между тѣмъ Марья Ивановна и Фризель рассказали мнѣ въ чемъ дѣло. Маіоръ Миольштейнъ, раздраженный Миллеромъ, поклялся отмстить ему, и долго искалъ къ тому случая. Наконецъ удалось ему достать тетрадку одного изъ учениковъ того пансіона, въ которомъ Миллеръ преподавалъ нѣмецкій и латинскій языки. Онъ нашелъ, что Миллеръ, исправляя грамматическія ошибки ученика, написалъ: göttlich, вмѣсто: Göttlich, и что отдѣльныя слова, заданныя имъ для склоненія и спряженія латинскаго, вмѣстѣ взятая, составляли предосудительный смыслъ. Самъ

*) Господь сила моя и крѣпость.

онъ по-латыни не понималъ, и положился въ этомъ на одного аптекарскаго ученика, который изъ отдѣльныхъ именъ и глаголовъ составилъ, за пять рублей, самую революціонную фразу. Сочинивъ о такомомъ безбожномъ дѣлѣ, при помощи пьянаго подьячаго, доносъ, и испестривъ текстами; лицемѣръ хотѣлъ подать оный правительству; но внявъ мнѣнію подьячаго, что въ семь случаевъ произведено будетъ формальное слѣдствіе, и что каверзы, клевета и ложь непременно обнаружатся, онъ рѣшился дѣйствовать *партикулярнымъ* образомъ: отправился къ содержателямъ пансіоновъ, показалъ имъ свою бумагу, и до того настраивалъ ихъ, что они, иностранцы, не имѣющіе ни о законахъ, ни о судопроизводствѣ нашемъ ни какого понятія, рѣшились отказать Миллеру отъ мѣста, чтобъ самизъ не поиасть въ бѣду. Хлопоты (называемые здѣшними Нѣмцами *die Chlapoten*) удерживаютъ многихъ изъ нихъ отъ надлежащаго изслѣдованія дѣла, отъ исковъ и т. п. Такимъ образомъ честный, благонамѣренный, трудолюбивый человѣкъ лишился пропитанія отъ гнусной клеветы подлаго и глупаго лицемѣра! «Да какъ этотъ мерзавецъ досталъ тетрадку?» спросилъ я. «Не знаю,» отвѣчалъ Фризелъ: «но по всему видно, что эта тетрадка молодаго Шмита, брата Матреры Христіановны.» — «Что ея нѣсколько дней не видать?» сказала Марья Ивановна: «я бы у ней пораспросила.» — «Нечего спрашивать!» перебилъ я: «это ея штуки. Вотъ вамъ благодарность за хлѣбъ за соль!» Я видѣлъ, что это было слѣдствіе ревности

Матрены Христіановны, но не могли понять, какую она могла нѣтъ цѣль, губя семейство Миллера. Это открылось послѣ.

«Нѣтъ!» сказалъ Миллеръ, вставъ изъ-за фортепiana: «хоть бы меня въ Сибирь сослали, я не въ состояніи начинать имени прилагательнаго прописною буквою. Полноте унывать и плакать! Богъ не оставитъ честныхъ людей. Станемъ довольствоваться однимъ блюдомъ; отпустимъ служанку; наймемъ квартиру подешевле; забудемъ, что есть въ свѣтѣ театръ и Крестовскій Островъ, а со временемъ, дастъ Богъ, и оправимся. Мой прадѣдъ не упалъ духомъ, лилась богатаго состоянія, и вотъ Богъ донинѣ прокоримилъ его праправнучатъ. А эти два пансіона — великое дѣло! Сдѣлай пуншу, жена!» — Марья Ивановна утерла слезы, и повиновалась. Съѣли за чай. Старикъ поразвеселился. Пошла музыка, и вечеръ кончился какъ обыкновенно, только тише, умильтельнѣе, нежели прежде. — Луиза меня восхитила. Уважая горестъ родителей, она сначала не говорила ни слова, но лишь только первая улыбка промелькнула на устахъ Миллера, она этимъ воспользовалась, стала разговаривать, шутить, смѣяться; пѣла болѣе и лучше, нежели когда нибудь, и наконецъ развеселила все общество.

Черезъ нѣсколько дней оказались побудительныя причины подвиговъ Матрены Христіановны. Къ Миллеру пріѣхала одна богатая помѣщица, и объявила ему, что имѣя надобность въ хорошей гувернанткѣ для дѣтей своихъ, желаетъ взять Луизу, дастъ ей три

тысячи рублей въ годъ, брать съ собою въ Полтавскую Губернію, и обѣщать составить счастье такой достойной и несчастной дѣвчѣ. — «Да кто вамъ рекомендовалъ мою дочь?» спросилъ изумленный Миллеръ. «Одна прехорошая дѣвчѣ, мамзель Шингль.» Марья Ивановна во время этого разговора не знала что думать, что дѣлать, на что рѣшиться. Луиза, сказывавшая, поблѣдѣла, но съ покорностью ждала рѣшенія отца. Миллеръ отвѣчалъ помѣщичь: «Мы душевно благодарны вамъ, милостивая государыня, за ваше благосклонное мнѣніе о нашей дочери. Но отпустить ее отъ насъ, отдать ее въ услуженіе — мы не можемъ. Она, правда, росла не у насъ, но тогда, лилась ея на время, я исполнялъ священный долгъ благодарности, и притомъ она жила у своей благодѣтельницы, какъ родная дочь; для денежной же прѣбыльи разстаться съ моею дѣвчонкою, — нѣтъ, Луиза, доколѣ у отца твоего есть кусокъ ржаного хлѣба, онъ будетъ дѣлить его съ тобою! Не оставлю меня! Закрой мнѣ глаза!» Луиза бросилась къ нему въ объятія; онъ со слезами прижалъ ее къ своему сердцу. И незнакомая барыня прослезилась. «Послѣ этого я предложила бы вамъ десять тысячъ; но уважая причины, побуждающія васъ отказать мнѣ, съ сожалѣніемъ васъ оставлю!» сказала она и ушла. — Вотъ, какими образомъ прѣмудшіе и безкористіе уничтожили ковы зависти и злобы! Матрена Христіановна вообразила, что Луиза отбивается у ней жениховъ, и рѣшилась удалить ее. Женихи въ самомъ дѣлѣ не

давались чувствительной Матильдѣ: электорскій помещиикъ за невоздержаніе высланъ былъ за городъ; Крумгольцъ рѣшительно объявилъ, что не женится на недворянкѣ, и далъ знать, что у него запасена уже, въ благословенной Эстляндіи, *Cousine Gustchen*; остался одинъ юный Кибницъ, человекъ предостойный такой невѣсты; но рысьи глаза ревнивой любви замѣтили особенное вниманіе всѣхъ возможныхъ Кибницовъ къ Луизѣ. Двоюродный братъ Матрены Христіановны, знаменитый паретникъ, открылъ ей за тайну, что Кибницъ заказалъ ему карету съ везелемъ: L. K. — Мысль, удалить ненавистную соперницу, содѣлалась господствующею въ душѣ ея, и ни какия средства не казались ей для того слишкомъ низкими. Ты спросишь, какъ я узналъ все это? Матрена Христіановна сдѣлала повѣренною своихъ сердечныхъ страданій и хитрыхъ замысловъ Анну Ивановну; та пересказала брату, а братъ сообщилъ мнѣ въ благодарность за ободранную латвискую грамматику XV вѣка, которую я купилъ на толкучемъ рынкѣ за двадцать копѣекъ, и подарилъ ему. Мысль о томъ, чтобъ Кибницъ могъ когда либо познаться на Луизѣ, казалась мнѣ необыкновенною: я зналъ, что она его презираетъ, и что никто въ домѣ Миллера его не любитъ.

Я былъ очень огорченъ страданіями добраго семейства, принималъ душевное участіе въ скорби почтенныхъ людей, но навочъ мнѣ былъ не въ состояніи. Раза два возникала въ душѣ моей идиотская мысль: что, если бъ я былъ богатъ, и женившись на Луизѣ,

доставилъ этимъ любовнымъ мнѣ существамъ жизнь спокойную и вѣрную? Но эта мысль, теперь не знаю почему, замирала въ душѣ моей, не оставляя ни какого слѣда. Къ тому же упрямства Миллера не могъ бы я преодолѣть ни какими сокровищами. Еще скорѣе рѣшился бы онъ отступить отъ своихъ правилъ для женика небогатаго. — Въ этихъ заботахъ, темныхъ мечтаніяхъ, неясныхъ ожиданіяхъ чего-то въ будущемъ, прелетало время на тяжелыхъ крыльяхъ. Вдругъ....

Прости, любезнѣйшій! До слѣдующей почты!

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

ФРАНКФУРТЪ НА МАЙНѢ, 18 Апрѣля 1816.

Ты жалуешься на большіе промежутки въ моей перепискѣ, на немноготу, краткость и сухость моихъ писемъ, которыя, какъ говорятъ Волгитъ, *короче утманнаго носу*. Ахъ, другъ мой! Я не въ состояніи продолжать начатое: Въ послѣднемъ длинномъ письмѣ, отъ 4 Октября, приступилъ я къ описанію катастрофы, которая сдѣлала меня несчастнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ. Теперь рѣшился я окончить мое повѣствованіе, во что бы то ни стало, но вдругъ не могу приступить къ тому: я намѣренъ сначала побесѣдовать съ тобою о нынѣшнемъ моемъ жить-бытьѣ.

Зиму провели мы въ непрерывной работѣ по различнымъ расчетамъ, искамъ и т. п. Жили мы довольно тихо, въ небольшомъ кругу добрыхъ земляковъ. Посѣщенія казино, театра и прогулки вокругъ города занимали насъ въ свободные часы. Зима здѣсь довольно кроткая, и часто я оставался, когда надлежало бы написать: *такого-то Января*, а окна въ комнатѣ моей были растворены. Снѣгъ выпадаетъ только на короткое время. Ты знаешь, какъ у насъ, въ Россіи, досадно бываетъ наступленіе осени: надоеніе листьевъ, утренніе морозы и туманы, и первый снѣгъ говорятъ намъ, что наступило время заключиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ душевныхъ комнатахъ. Здѣсь, напротивъ, легкіе морозы и снѣгъ были для насъ самымъ пріятнымъ явленіемъ. Мы нашли въ одномъ мѣстѣ бульвара поляну, огражденную соснами и елями отъ теплыхъ вѣтровъ и лучей солнечныхъ, гдѣ снѣгъ лежитъ долѣе обыкновеннаго. Это мѣсто называли мы Россією, и туда направляли мы ежедневныя прогулки: — Иногда случается мнѣ и ѣздить въ разныя мѣста, но дѣлавъ службы: я побывалъ въ Кобленцѣ, Висбаденѣ, Дармштатѣ, Гейдельбергѣ, Страсбургѣ, и проч. Ѣзда здѣсь не скорая, но пріятная: не должно на станціи дожидаться лошадей; на каждой верстѣ встрѣчается деревня или мѣстечко; вездѣ можно имѣть хорошую пищу и всѣ удобства жизни, не возя съ собою погребъ и кладовыя, и не прибѣгая къ гостеприимству людей: незнакомыхъ. Я завелъ себѣ колысочку, и катался вдоволь. Уединеніе

миѣ пріятно и усладительно. Дорогою я читаю, размышляю, мечтаю, припоминаю себѣ прошедшее, и гляжу на портретъ Луизы, вклеенный въ мою записную книжку. Нерѣдко засыпаю я, смотря на эти милыя черныя, какъ Дошъ-Карлосъ изошелъ кровью, не смущая глазъ съ портрета обожаемой Елисаветы. Милому гению моему обязанъ я, въ здѣшнихъ дальнихъ краяхъ, добрымъ дѣломъ, которое усладило мою душу. Тебѣ извѣстно, если не на практикѣ, то по наслыжкѣ, какъ мило любящему человѣку имя его любезной, и все, что ему о ней напоминаетъ. Фамилія *Миллеръ* есть конечно самая обширная въ Германіи, и потому миѣ часто случается и слышать, и читать, и писать ее. Никогда не пропускаю я представленія Шиллеровой трагедіи: «Коварство и Любовь», въ которой имя героини Луиза Миллеръ. Мало этого. Въѣду въ какой нибудь городишко, и, какъ суевѣрный мечтатель, загадываю: если въ этой улицѣ есть вывѣска съ подписью «Миллеръ», то Луиза теперь здорова, довольна, можетъ быть, и воспоминаетъ о прѣжнихъ дняхъ. Когда это сбывается, я чувствую въ груди моей услажденіе; когда же нѣтъ, миѣ становится грустно; но въ обоихъ случаяхъ рядъ воспоминаній, которыхъ и десятой доли я не сообщилъ тебѣ, проходить въ моей памяти, терзаетъ мое воображеніе и истѣляетъ сердце. Влюбленные — дѣти, говорятъ люди. Точно! да одни дѣти и знаютъ блаженство! — Такимъ образомъ сидѣлъ я однажды, въ раздумьѣ, въ приемной залѣ страсбургскаго военнаго губернатора,

ночтеннаго, заслуженнаго прусскаго генерала, и перелистывагь книги актовъ, лежавшія на столахъ. Въ то время получено было изъ главной квартиры приказаніе окончить, какъ можно скорѣе, всѣ нерѣшенныя дѣла, и въ управленіи губернатора работали день и ночь. Вотъ я сижу и ищу въ книгахъ, нѣтъ ли имени мнѣ любезнаго. Есть Шмиты, Мейеры, Шульцы, Дюбуа, Жерары, Лефебры; вотъ и Миллеръ, Лудвигъ Миллеръ. Какое у него дѣло? подумалъ я. Посмотрѣлъ, и вижу, что это дѣло уголовное, что этотъ человекъ, виѣсть съ четырьмя другими, приговоренъ къ смерти за приверженность къ непріятелю, за явное, предсудительное пристрастіе къ Императору (т. е. Наполеону). Дѣло произведено экстраординарнымъ уголовнымъ судомъ, и ждутъ только утвержденія военнаго губернатора, для исполненія приговора. «Какъ ужасно!» подумалъ я: «почтенный генералъ, великодушный воинъ, принужденъ командовать гильотиною!» Любопытствуя узнать порядокъ здѣшняго военнаго суда, я сталъ читать дѣло, и, что же? вскорѣ увидѣлъ, что жизнь этого Миллера и еще четверыхъ человекъ другихъ находилась въ опасности — отъ ошибки. Они преданы были суду, какъ пришельцы изъ Германіи, за приверженность къ Императору — Александру, преданы суду въ Іюнь прошлаго года, по приказанію французскаго бонапартовскаго министра полиціи. Судъ кончилъ дѣло, но исполнить приговоръ не успѣли по случаю приближенія союзныхъ войскъ. Судьи скрылись, а дѣло лежало до сихъ поръ безъ

всякаго дѣйствія, между тѣмъ какъ несчастные томилсь въ темницѣ. Нынѣ военный губернаторъ предписалъ представить ему въ наискорѣйшемъ времени всѣ нерѣшенныя дѣла: въ числѣ ихъ поступило и это. Въ канцеляріи не замѣтили *чиселъ*, и поднесли дѣло, какъ готовое, къ исполненію. Не загляни я въ *самое дѣло*, приговоръ, основанный на существующихъ во Франціи законахъ, непременно былъ бы утвержденъ и чрезъ двадцать четыре часа исполненъ. Я содрогнулся, велѣлъ доложить о себѣ генералу, и извинясь предъ нимъ, что вздумалъ со скуки читать дѣла, до меня некасающіяся, объявилъ о томъ, что нашелъ въ бумагахъ. Почтенный воинъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. Послали за секретарями, за докладчиками, за прокуроромъ. Вскорѣ все объяснилось. Добрые люди, погрѣшившіе отъ поспѣшности (они проработали напролетъ нѣсколько ночей), до смерти перепугались, узнавъ, въ какую непростительную ошибку попали въ торонахъ, и искренно благодарили меня за открытіе. — На третій день былъ я съ дѣлами въ кабинетѣ генерала, и когда кончилъ докладъ, вышелъ вслѣдъ за нимъ въ приемную залу. Вдругъ подбѣгаютъ къ вамъ пять челоуѣкъ, въ рубищахъ, въ длинныхъ бородахъ, и бросаются предъ нимъ на колѣни, благодаря за спасеніе ихъ отъ поносной смерти. Генералъ смѣшался, сталъ ихъ поднимать, и сказалъ съ чувствомъ: «Вы не мнѣ этимъ обязаны! (оборотясь ко мнѣ) вотъ вашъ спаситель: его благодарите!» — Они бросились ко мнѣ. Я кинулся въ кабинетъ генерала,

и захлопнул за собою двери. Тамъ вынулъ я изъ-за пазухи портретъ Луизы, и глядя на ту, которая была причиною спасенія несчастныхъ, проливалъ сладостныя слезы. — Боясь еще подобныхъ сценъ, я выбрался изъ дома губернаторскаго, и выѣхалъ изъ города, сдавъ дѣла другому. Если генералъ не заслужилъ благодарности, то я еще менѣе: несчастные обязаны были спасеніемъ невидимому ангелу-хранителю. Въ этомъ случаѣ я былъ похожъ на принца въ Лессинговой трагедіи, который, пылая страстію къ Эмиліи Галотти, рѣшалъ всѣ дѣла въ волю Эмиліи.

Теперь наступила здѣсь весна — прекраснѣйшая, какую себѣ вообразить можно. Все цвѣтетъ, красуется и благоухаетъ. Все время, кромѣ опредѣленнаго на занятія по службѣ, проводимъ мы на свѣжемъ воздухѣ. Лѣтомъ намѣренъ я пожить въ Эмсѣ, съ Волгыннъ, которому предписано пользоваться тамошними теплыми водами.

Разскажавъ тебѣ о здѣшней жизни моей все, что могу, вижу, что я непремѣнно долженъ кончить начатую повѣсть о прошломъ годѣ. Постараюсь.

22-е число Іюля прошлаго года было послѣднимъ изъ новъхъ блаженныхъ дней. Это были именины доброй Марьи Ивановны. Въ прежніе годы праздновала она этотъ день дружескою вечеринкою, на которой танцевали, играли, пѣли, уживали добрые пріятеля, а нынѣ, послѣ жестокаго переворота въ судьбѣ ихъ, шельзя было объ этомъ думать. Не желая угостить пріятелей своихъ хуже прежняго, она рѣшилась не

угощать ихъ вовсе. Мы условились ѣхать гулять за городъ; наняли вчетверомъ, съ сыномъ Миллера и Фризелемъ, шлюпку, и отъ Малой Нѣвы отправились; всѣмъ помочь, на Благинъ Островъ. Нагулявшись досыта по окрестнымъ мѣстамъ, мы къ вечеру расположились на крайней оконечности острова, съ которой видъ простирается на Финскій Заливъ—видъ величественный, несравненный. Солнце тихо садилось на западъ, ярко освѣщая съ одной стороны Крестовскій Островъ, съ деревнею, съ другой Старую Деревню, съ прекрасною церковью на кладбищѣ. Вправо, въ тѣни, брандвахта и флагъ, развѣваемый вечернимъ вѣтеркомъ. — Разостлали коверъ на травѣ, близъ самаго берега. Закурились трубки, закипѣлъ самоваръ. Марья Ивановна разливала чай. Луиза изготовляла хлѣбъ съ масломъ. Старикъ тольковалъ. Я бесѣдовалъ попеременно то съ ними, то съ женщинами, то съ дѣтьми. Могло ли обойтись безъ пѣнія? Миллеръ вспомнилъ какую-то старинную пѣсню на лѣтній вечеръ, и спѣлъ ее. Мы всѣ повторили хоромъ послѣдній стихъ. Затѣмъ послѣдовало молчаніе, которое прервалъ младшій изъ дѣтей. «Ахъ, маменька,» закричалъ онъ: «посмотрите, какая у меня большая тѣнь!» — Миллеръ, улыбаясь, посмотрѣлъ на малютку, и сказалъ протяжно:

Wie der Schatten früh am Morgen,
Ist die Freundschaft mit dem Bösen:
Stund' auf Stunde nimmt er ab.

Aber Freundschaft mit dem Guten
Wächset wie der Abendschatten,
Bis des Lebens Sogne sinkt *).

Съ послѣднимъ словомъ онъ дружески меня обнялъ. Такое выраженіе искренней любви добраго, почтеннаго человѣка меня тронуло. Луиза смотрѣла на это съ видимымъ на глазахъ удовольствіемъ. «Неужели,» думалъ я: «добрые мои друзья полагали, чтобъ я могъ оставить ихъ въ несчастіи? Чувствую, что теперь болѣе и болѣе къ нимъ привязываюсь.» Ночь наступила. Мы уложили весь походный скарбъ свой въ шлюпку, сѣли тѣсненько, и отправились домой. Вечеръ былъ обворожительный. Шумъ городской слышался издали. Плескъ весель вторилъ пѣснямъ нашимъ. Послѣдніе лучи солнца скользили по зеркальной поверхности Невы. На восточномъ небѣ висѣли черныя тучи, а подъ ними верхи колоколенъ и домовъ еще были освѣщены. Быстрыя шлюпки рѣяли по гладкой водѣ, оставляя за собою серебристую ленту. Я сидѣлъ подлѣ Луизы. Непривычная къ прогулкамъ по водѣ, московская дѣвица вздрагивала при каждомъ необыкновенномъ колебаніи шлюпки, и

*) Дружество съ злымъ человѣкомъ подобно утренней тѣни: она съ каждымъ часомъ уменьшается, но дружество съ человѣкомъ добрымъ возрастаетъ подобно вечерней тѣни, доколѣ не закатится солнце жизни.

я долженъ былъ ее поддерживать. Я исполнялъ эту обязанность хранителя красоты и невинности съ спокойствіемъ братскимъ. Мнѣ казалось, что это такъ быть должно. Только замѣчалъ я, что когда лодка долго не покачивалась, мнѣ становилось скучновато. — Мы вышли на берегъ, когда уже наступила ночь. Издали слышались перекаты грома. Я проводилъ друзей моихъ, и самъ отправился домой, въ сладостныхъ, но самыхъ невинныхъ мечтаніяхъ. Всю ночь мнѣ снилось, что я качаюсь въ лодкѣ.

На другой день, только я засѣлъ за работу въ департаментѣ, позвали меня къ директору. Онъ объявилъ мнѣ, что получено высочайшее повелѣніе отправить изъ нашего министерства четверыхъ чиновниковъ за границу для занятія мѣстъ въ учреждаемыхъ тамъ временныхъ управленіяхъ, и что министру угодно было избрать въ то число меня, потому что я знаю нѣмецкій и французскій языки. — «Извольте объ этомъ подумать,» прибавилъ онъ: «и завтра дайте мнѣ знать, согласны ли вы ѣхать. Въ противномъ случаѣ назначимъ другаго. Это совершенно отъ васъ зависитъ. Служба ваша продолжится тамъ нѣсколько лѣтъ. Признаюсь, мнѣ трудно разстаться съ вами, но я не хочу мѣшать вашему счастью.» — Я вышелъ изъ директорской въ глубокомъ размышленіи. Последнія слова его: «вашему счастью,» отзывались въ моемъ слухѣ. Вашему счастью? Что это за счастье? Поѣздить по чужимъ краямъ приятно и полезно, и я всегда ждалъ этого удовольствія; но счастье ли это? Награды

чиномъ, орденомъ, деньгами — счастье ли? Гдѣ жъ оно? И въ эту минуту, какъ бы дѣйствиємъ волшебной силы, какъ бы отъ удара электрическаго, я увидѣлъ то, о чемъ дотолѣ мечталъ неясно, увидѣлъ, что я люблю Луизу всѣми силами моей души, что привязанъ къ ней всѣмъ существомъ моимъ, что безъ нея не могу не только быть счастливымъ, но и дышать свободно! Взять изъ Петербурга, оставить ее, не видать ее нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ она — нѣтъ! нѣтъ! Вотъ счастье, вотъ оно! Но упрямство ея отца — что я? Нѣтъ, не могу вообразить того, чтобъ она когда либо была моею — предоставляю это судьбѣ. Видѣть ее, глядѣть ей въ глаза, говорить съ нею, слушать ее, бесѣдовать съ нею, какъ было донныѣ — вотъ счастье! И вотъ отъ чего, теперь я вижу, мой безпокойный характеръ нынѣ такъ утихъ. Вотъ отъ чего я такъ доволенъ! Я бываю у нихъ два, иногда три раза въ недѣлю. Разставаясь вечеромъ, уже расчитываю, сколько часовъ осталось до другаго свиданія. И съ какимъ удовольствіемъ принимаюся за наши увѣсистыя дѣла департаментскія! Маленькое дѣло не возбуждаетъ во мнѣ такого удовольствія, а при большомъ думаю: когда дойду только до половины, тогда уже три раза увижу Луизу. И неужели это любовь? Неужели я влюбленъ? Ахъ, точно! я люблю эту милую дѣвицу, какъ только любить можно; люблю давно, самъ того не прииѣчая. А какъ теперь начну припоминать всѣ обстоятельства нашего знакомства, всѣ движенія моего сердца, порывы ревности,

тоску въ разлукѣ — вижу, что искра эта давно таетъ въ глубинѣ души моей. Эти мысли занимали меня все утро. Я воротился домой и съѣлъ обѣдать. «Что съ вами случилось, Дмитрій Сергѣевичъ?» спросилъ съ участіемъ Аванасій: «не больны ли вы?» — «А что?» — «Да вы ничего не кушаете.» — «Я позавтракалъ у пріятеля,» отвѣчалъ я. — «Видно, плотненько,» сказалъ Аванасій, убирая со стола. Это было въ субботу, когда я обыкновенно проводилъ вечера у Миллера. Въ пять часовъ пошелъ я къ нимъ. Лишь только повернулъ съ Исакиевского Моста налево, встрѣчаю Марью Ивановну въ сопровожденіи Анны Ивановны. Онѣ идутъ куда-то поспѣшно, разговаривая между собою. Перовнявшись съ ними, я имъ поклонился. «Ахъ, это вы, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала Марья Ивановна съ радостнымъ взглядомъ: «какъ мнѣ пріятно васъ видѣть! Вы насъ любите, и конечно раздѣлите нашу радость. Поздравьте насъ: Елисавета Карловна невѣста!» — «Какъ!» спросилъ я въ изумленіи. — «Да, точно такъ,» продолжала Марья Ивановна, въ пылу материнскаго торжества, не замѣчая моего смущенія: «невѣста! И вотъ мы идемъ съ Анной Ивановной на Гостиный Дворъ, закупить кое-чего. Мы вовсе этого не ожидали. Слово изъ пистолета выстрѣлило. Сегодня поутру пишетъ господинъ Кибницъ, и сватается.» — «Какъ,» сказалъ я: «этого мальчишка?» — «Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Боже! Отецъ его, Кашпаръ Христофоровичъ. Онъ, правда, чело-вѣкъ не молодой, но солидный. Состояніе его извѣстно.

Вот говорить пословица русская: голенький охъ, а за голенькимъ Богъ! Мы горевали съ Карломъ Федоровичемъ, когда онъ лишился мѣста, а теперь хоть бы и вовсе мѣсть не было.» — «Свадьба будетъ чрезъ три недѣли и на радостяхъ....» — «А Елисавета Карловна?» спросилъ я съ трудомъ. — «Она дома!» отвѣчала Марья Ивановна: «разумѣется, что это сватовство ее смутило; оно всегда такъ, дѣвичье дѣло. Но лишь только взглянула на отца, то и согласилась. Подите къ ней сами, поздравьте ее. Мы скоро воротимся.» — Сказавъ эти слова, Марья Ивановна поклонилась мнѣ ласково, и отправилась въ подлежащій путь съ своею помощницею.

Не помню, долго ли стоялъ я въ совершенномъ оцѣпенѣннн. Въ глазахъ у меня потемнѣло; все вокругъ меня вертѣлось; мнѣ казалось, что подъѣздъ Кадетскаго Корпуса, у котораго я остановился, упадетъ мнѣ на голову. Чрезъ нѣсколько времени улеглось это физическое волненіе, и вопросы: гдѣ я? что я? что слышалъ? что будетъ? затолпились въ умѣ моемъ. Теперь не помню что я самъ отвѣчалъ себѣ тогда на эти вопросы; но это было мучительно, тягостно, нестерпимо; сердце мое, казалось мнѣ, остановилось; я чувствовалъ судорожное движеніе на устахъ, какъ бы къ невольному смѣху. Между тѣмъ я прошелъ по набережной довольно далеко, миновалъ Академію Художествъ, и вскорѣ поворотилъ въ десятую линію. Когда я увидѣлъ издали тотъ домъ, въ которомъ два года жили мои радости, надежды, очарованія, какая-то

сладость пролилась въ мое сердце, и съ тѣмъ вмѣстѣ возникла во всей ясности мысль, чего и какъ я лишаюсь. Луиза! я не дерзалъ мечтать, что ты будешь моею женою! Луиза, существо небесное, недосягаемое и мысли моеѣ — ты будешь женою другаго! Такъ вотъ любовь со всѣми ея терзаніями! Такъ это чувство уваженія, привязанности, благоговѣнія, которое питалъ я къ женщиנѣ добродѣтельной и прекрасной — была любовь! Я проснулся — на краю пропасти.

Вотъ я подошелъ къ дому. Вскожу на крыльцо, берусь за ручку замка; не смѣю поворотить ее, опускаю руку; берусь снова, и со всѣмъ напряженіемъ силъ отворяю дверь. У второй двери я позвонилъ. Мнѣ отперли. Авдотья готовится поздороваться со мною, какъ обыкновенно, но взглянуть на меня, чего-то пугается, и не говоря ни слова, выпускаетъ меня въ комнату. Вхожу. Луиза сидитъ за работою, подлѣ нея сестры и младшій братъ. Дѣти, увидѣвъ меня, встали и, по обыкновенію, побѣжали ко мнѣ навстрѣчу. Она подвѣла глаза съ палець, увидѣла меня и вздрогнула; яркій румянецъ пробѣжалъ по лицу ея. Не знаю, откуда взялись у меня силы, откуда взялся духъ заговорить съ нею. — «Здравствуйте, Елисавета Карловна!» сказалъ я (ахъ! дотогѣ называлъ я ее, какъ и всѣ домашніе, просто Луизою): «я пришелъ къ вамъ проститься. (Она молчала). Сегодня получилъ я приказаніе начальства отправиться за границу. Буду завтра, позже всего послѣ завтра. Буду на нѣсколько лѣтъ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣ-

тяться съ вашею матушкою; она сказала мнѣ—сказала мнѣ, что вы дома. И такъ и...» — «Неужели вы и впрямь ѣдете?» спросила печально старшая изъ сестеръ ея. — «Точно ѣду, милая Юлія,» отвѣчалъ я: «и долженъ ѣхать. — Поклонись отъ меня папенькѣ и дяденькѣ, и братцу, которыхъ я, вѣроятно, не увижу.» Дѣти со слезами бросились цѣловать меня. Луиза стояла безмолвная; лице ея то блѣднѣло, то краснѣло; синія губы дрожали; на глазахъ видны были слѣды слезъ. Я подошелъ къ ней, взялъ ея руку, прижалъ ее къ губамъ своимъ, и сказалъ: «Будете ли вы меня помнить?» — «До негмы!» отвѣчала она, зарыдала и бросилась въ свою комнату. Я еще разъ поцѣловалъ дѣтей, и вышелъ изъ дому. — —

На другой день явился я къ директору, сказалъ, что рѣшаюсь ѣхать, получилъ отъ него деньги на дорогу, и свезъ къ Волгину, прося его все устроить къ великому путешествію. Онъ охотно за это взялся. Это было въ воскресенье. Въ понедѣльникъ надлежало явиться къ министру, а во вторникъ поутру отправиться. Желаніе увидѣть Луизу еще разъ, увидѣть такъ, чтобъ она не могла меня пригнѣтить, мучило меня. Я пошелъ въ лютеранскую Екатерининскую церковь, въ которой она бывала у обѣдни каждое воскресенье, со всѣмъ своимъ семействомъ; забрался на хоры, завернулся въ шпатель, и смотрѣлъ на всѣхъ входящихъ. Ни Луизы, ни кого изъ фамиліи Миллера нѣтъ въ церкви. Кончилась проповѣдь.

Начались провозглашения объ умершихъ, родившихся, въ бракъ вступающихъ. Вдругъ — вообрази мой ужасъ — слышу объявленіе о предстоящемъ вступленіи въ бракъ кунца Кибица съ дѣвицею Луизою Миллеръ. Не знаю, какъ я не закричалъ. Это было все неожиданно. По окончаніи службы, оглушенный, убитый, уничтоженный, вышелъ я изъ церкви, и пробираясь въ толгѣ по паперти, слышу разговоръ двоихъ молодыхъ людей. «Что сегодня не было въ церкви хорошенькой Миллеръ?» — «А какъ можно ей быть? Сегодня провозгласили ее невѣстою. Въ такой день не прилично ей быть въ церкви.» — «Такъ вотъ причина!» думалъ я. «Видно, судьбѣ не угодно, чтобъ я ее видѣлъ, и такъ не буду искать этого; буду даже избѣгать.» Не помню, какъ я провелъ тотъ день. Я горѣлъ нетерпѣніемъ выгнать изъ Петербурга. Мнѣ казалось, что всѣ знаютъ о моей страсти, о моемъ несчастіи. Я боялся услышать ея имя. На другой день поѣхали мы на дачу къ министру, для принятія его приказаній. Онъ обонелся съ нами очень благосклонно, но былъ пораженъ моею блѣдностью. «Здоровы ли вы?» спросилъ онъ у меня. «Здоровъ,» отвѣчалъ я. — «Если вы больны, то можете остаться: мы приищемъ кого нибудь на ваше мѣсто.» — «Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство! я совершенно здоровъ. Буду охотно; я только усталъ; не спалъ ночь, и т. п.» — Насъ отпустили. Этотъ день я весь провелъ у Волгина, чтобъ какъ нибудь не пришлось ко мнѣ простаться. Во вторникъ, поутру, когда

я, сдать квартиру хозяину, готовился съѣсть на дрожки, чтобъ ѣхать къ Волгину, у котораго назначено было сборное мѣсто, вдругъ отворяется дверь, и входитъ Фризель. Я смутился. Добрый старикъ ни о чемъ не догадывается. «Помилуйте, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказалъ онъ мнѣ: «что вы вамъ сдѣлали, что вы оставляете своихъ друзей? Вы ѣдете за границу, а мы о томъ не знаемъ ни слова. Сегодня поутру въ пять часовъ разбудилъ меня курьеръ съ приказаніемъ министра посѣтить васъ, и узнать, точно ли вы здоровы, для предпріятія такой далекой поѣздки. Я будто съ облаковъ свалился. Вы ѣдете? Вы нездоровы? А мы ничего объ этомъ не знаемъ. Вотъ я поспѣшно одѣлся и прикатилъ къ вамъ. Вижу, что если бъ опоздалъ пятью минутами, то повсе не засталъ бы васъ.» Я очень обрадовался длинной рѣчи словоохотнаго старика, собрался между тѣмъ съ духомъ, и отвѣчалъ ему: «Я ѣду по приказанію начальства. Въ субботу приходилъ я къ вамъ проститься, но никого не засталъ дома — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ сказали. Въ воскресенье п вчера я захлопотался, готовился въ дорогу, ѣздилъ къ министру, а теперь чрезъ часъ долженъ быть уже за заставой. Радуюсь, что вы меня навѣстили. Нездоровье мое, причиненное хлопотами и бессонницею, напрасно встревожило почтеннаго нашего начальника. Я здоровъ совершенно. Благодарю васъ за посѣщеніе. Простите. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ вашимъ, Карлу Федоровичу, Марьѣ Ивановнѣ, дѣтямъ.» — Я хотѣлъ

при сихъ словахъ обнять его, чтобъ скрыть свое волненіе душевное, но онъ уклонился. «Ради Бога, скажите мнѣ, что съ вами сдѣлалось? Вы самъ не свой. Оставайтесь денька на два. Министръ согласится. Порадуйтесь счастію нашего семейства: Луиза выходитъ замужъ за богатаго человѣка, который составитъ счастье всѣхъ ея родныхъ.» — Я не имѣлъ силы прервать его, не могъ устоять на ногахъ, и съѣлъ; онъ съѣлъ подлѣ меня, и продолжалъ: «Вообразите, въ субботу, поутру, на другой день послѣ нашей пріятной прогулки, зять мой получаетъ отъ богатаго господина Кибница преучтивое письмо, въ которомъ онъ сватается на Луизѣ. Онъ и сестра моя пришли въ изумленіе. Милліонщикъ, и беретъ за себя бѣдную дѣвушку! Они тотчасъ объявили о томъ Луизѣ. Бѣдненькая, вовсе не ожидая этого, до смерти перепугалась. Ей сдѣлалось дурно, да, къ счастью, я воротился домой въ это время. Она попохала спирту, и объявила отцу и матери, что не станетъ препятствовать счастію семейства, и идетъ за Кибница. — Только васъ не было, почтеннѣйшій Дмитрій Сергѣевичъ, чтобъ разделить общую нашу радость!» — «И Луиза попривыкла къ этой мысли?» спросилъ я. — «Нѣтъ еще,» отвѣчалъ онъ равнодушно: «и въ тотъ вечеръ, въ субботу, ей было очень тяжело. Но это пройдетъ. Знакомый мой и предобрый больной, ювелиръ Гленцеръ, сообщилъ мнѣ, что Кибницъ заказалъ ему брилліантовый гребень, эсклаважъ, серегъ, перстней, и Богъ знаетъ чего для своей невѣсты.

Свадьба чрезъ три недѣли. Жаль, что васъ здѣсь не будетъ.» — Не знаю, что сдѣлалось бы со мною при продолженіи этого разговора, но въ эту минуту, къ счастью, явился посланный отъ Волгина, съ объявленіемъ, что ждутъ одного меня. Я обнялъ добраго Фризеля; и не помню какъ вышелъ изъ дому, сѣлъ на дрожки, пріѣхалъ къ Волгину, и чрезъ часъ мы были уже за городомъ.

Какое ужасное, мучительное время! Волгинъ, Ивановъ, мой Аванасій, всѣ думали, что я боленъ; всѣ совѣтовали мнѣ воротиться: сердце мое говорило мнѣ то же, но разсудокъ мой и въ этой мглѣ одержалъ верхъ. Изъ Нарвы написалъ я къ тебѣ письмо, по которому ты конечно почелъ меня сумасшедшимъ. Только при переѣздѣ чрезъ границу увидѣлъ я, что существую; почувствовалъ необходимость бесѣдовать безпріятственно о моей жестокой судьбѣ, въ твою вѣрную грудь излить мое горе.

Что я чувствую теперь? Волненіе страсти улеглось, но тоска, по-прежнему, щемитъ мое сердце. Живу мыслию только въ прошедшемъ, а о настоящемъ, о будущемъ и подуматъ не смѣю. Переписка съ тобою принесла мнѣ большое облегченіе. Не знаю что будетъ со временемъ. Иногда кажется мнѣ, что я споненъ, что я забывъ минувшее, и я начинаю радоваться этому: — вдругъ какая нибудь бездѣлица коснется моего слуха, поразитъ мои глаза — ударитъ въ сердце; оно забьется, и прежняя страсть возникнетъ

во мнѣ со всею своею силою, и мучительною и уладительною. — — —

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Эмсъ, 26 Августа (7 Сент.) 1846.

Я ожилъ, если не душою, то, по крайней мѣрѣ, тѣломъ. Ты помнишь, какъ я описывалъ тебѣ Франкфуртъ скучный, негостеприимный. Весною развлекался я непрерывными поѣздками въ разныя стороны; за мѣсяць предъ симъ переселился сюда, къ милому моему Волгину, въ долину спокойствія, тишины, здравія и счастья. Мѣстечко Эмсъ лежитъ на берегу рѣки Ланы, впадающей въ Рейнъ выше Кобленца, и издревле славится своими теплыми водами. Здѣсь живемъ мы въ пріятномъ кругу; посреди красотъ природы, книгъ и журналы, и все, что необходимо для жизни умственной. Если счастье друга, счастье благороднаго человѣка, котораго мы любимъ и уважаемъ душевно, можетъ облегчить наше собственное страданіе, то я нынѣ только въ половину долженъ чувствовать свое горе. Волгинъ, мой милый, добрый Волгинъ любить и — счастливъ! Выслушай его романъ.

Никто изъ насъ такъ не скучалъ по Россіи, какъ ояъ. Я конечно вторилъ бы ему усердно, если бъ не боялся возвращенія въ отечество, угрожающаго растравить раны моего сердца. Волгинъ, живя во Франк-

фуртъ, сторожилъ всѣхъ проѣзжихъ Русскихъ, знакомился съ ними, бесѣдовалъ, водилъ по городу и окрестностямъ, и не отпускалъ безъ какого нибудь подарка на память. Въ началѣ іюня узнаеть онъ, что одинъ нашъ почтенный землякъ, котораго онъ видалъ нѣсколько разъ въ обществахъ въ Петербургѣ, пріѣхалъ съ своимъ семействомъ во Франкфуртъ, на пути къ теплымъ водамъ, и остановился въ трактирѣ Вейденгофъ. Волгинъ немедленно бѣжитъ туда (это было послѣ обѣда), входитъ въ указанную ему комнату, и видитъ, что пріѣзжій, съ женою и дочерью, дѣвицею, сидитъ порусски за самоваромъ. Этой картины отечественной бѣдный мой изгнанникъ давно не видалъ. Еще не поздоровавшись съ пріѣзжими, онъ вскричалъ: «Боже мой! неужели я въ Россіи, между своими?» заплакалъ и бросился обнимать людей, ему почти вовсе неизвѣстныхъ. Это движеніе сблизило ихъ. Пріѣзжіе въ ту же минуту узнали и полюбили Волгина. Онъ просидѣлъ у нихъ до глубокой ночи, бесѣдуя порусски о Россіи, какъ въ родномъ семействѣ. На другой день явился онъ къ нимъ поутру, водилъ и возилъ по Франкфурту, показывалъ всѣ достопамятности историческаго города, и снабдилъ маршрутомъ и инструкціею для поѣздки въ Эмсъ, куда они собирались, обѣщая имъ вскорѣ туда пріѣхать. Они отправились дня чрезъ три, и онъ полетѣлъ вслѣдъ за ними, не зная что такъ сильно влечетъ его туда. Въ Эмсѣ старики пользовались ваннами, а Волгинъ былъ со-

бесѣдникомъ дѣвицы, спутникомъ ея на прогулкахъ; вскорѣ узнавъ ее, нашелъ въ ней то, чего давно искала душа его: вѣжное сердце, тихій нравъ, умъ необыкновенный, рѣдкую образованность: Пламенная, вѣжнѣйшая любовь вспыхнула въ его сердцѣ, чистомъ и нешорочномъ. Онъ увидѣлъ, что и дѣвица къ нему равнодушна; они открылись другъ другу во взаимной любви, и онъ на ней посватался. Родители ея уже любили его, какъ сына, и послѣ нѣсколькихъ пустыхъ, но необходимыхъ въ такомъ случаѣ возраженій, обручили юныхъ счастливецъ. Но имъ предстояло жестокое испытаніе — разлука на нѣсколько мѣсяцевъ. Волгинъ, удерживаемый службою, не могъ провожать ихъ въ Сиа и въ Парижъ; они уѣхали, а онъ остался въ тоскѣ и одиночествѣ. Они условились увидѣться въ концѣ августа въ Штутгартѣ, и въ тамошней русской церкви обвѣнчать любящихся. — Все это происходило въ продолженіе одной моей отлучки. Возвращаясь во Франкфуртъ, на другой день по выѣздѣ невѣсты, и нахожу Волгина совершенно нерожденнымъ: сперва онъ только сострадалъ моимъ мученіямъ; теперь онъ ихъ понимаетъ. Мы проводимъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ о томъ, что намъ всего дороже въ свѣтѣ. Ольга и Луиза — вотъ предметы нашихъ разговоровъ, вздоховъ — надежды и отчаянія. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ, входитъ онъ ко мнѣ въ комнату, въ смущеніи, держа въ рукъ распечатанное письмо. «Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ я: «не дурныя ли вѣ-

сти? — «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «ничего! я немножко испугался, и хочу съ тобою посоветоваться. Сего утра пришла давно ожидаемая мною почта изъ Сиа, и я получилъ письмо отъ моей Ольги Павловны.» — «Ну что, здорова ли она? Родители ея, что ли!» — «Нѣтъ, ничего; тамъ все, слава Богу, здорово и благополучно. Но ея письмо меня встревожило. Представь себѣ, любезный, написано такъ, какъ бы написала по-русски мадамъ Сталь: слогъ чистый, благородный, возвышенный, правильность необыкновенная; вообрази, ни одной грамматической ошибки; всѣ запятые на мѣстахъ. Невозможно, чтобъ это написала женщина!» — «И безъ *post scriptum* (т. е. безъ приписки)?» спросилъ я. — «Нѣтъ! она приписала поклонъ къ тебѣ, незнакомому, но весьма ей известному.» — «Ну, такъ успокойся;» отвѣчалъ я: «это письмо написано ею самою. Женщина не можетъ сочинить письма безъ приписки.» — «Меня не то беспокоитъ,» сказалъ онъ: «она ли писала письмо, а эта необыкновенная правильность слога, эти познанія въ молодой дѣвицѣ. Добро бы она написала хорошо по-французски: это необходимая часть въ воспитаніи русской дѣвицы; но женщина писать умно и хорошо по-русски, этого я отъ роду не слыхалъ. Ну, что я буду дѣлать съ ученою женою? Ты знаешь, я не профессоръ, не литераторъ! — И какъ она меня обманула! Въ разговорахъ со мною она никакъ не показывала своихъ познаній: слушала мои рассказы объ исторіи и памятникахъ здѣшнихъ странъ со внима-

ниемъ и терпѣніемъ. Реѣа два, правда, случалось, что она приноминала мнѣ годы какихъ-то историческихъ происшествій, но и то, какъ будто не доверяя себѣ, какъ будто спрашивая. Посмотрѣлъ бы ты на нее въ женской бесѣдѣ: сидитъ съ этими разряженными полудурьями, и толкуетъ иресеріозно о модахъ, слушаетъ внимательно ихъ пересуды и толки. А сама такая умница, такая ученая!» — «Не бойся учености и ума, милый Волгинъ!» отвѣчалъ я ему. «Слыханное ли дѣло, чтобъ грамматика и логика помѣшали домашнему счастью? Неужели для того, чтобъ любить мужа и семейство, непременно надобно не знать, гдѣ поставить *ъ* или *е*? — Женщина-писательница, крикунья въ мужскихъ бесѣдахъ, нестерпимая неадаптивомъ въ женскомъ обществѣ, — можетъ быть несносною; но женщина образованная, съ познаніями, и притомъ скромная и кроткая, есть радость и украшеніе семейства. Помни, что первая воспитательница, и наставница дѣтей есть родная мать. И моя матушка мыслила и писала привильно, и Луиза...» — Но онъ не слушалъ меня, сѣлъ въ кресла, и усталъ слезаице глаза свои на милыя черты.

Въ концѣ Юля прѣѣхали мы съ нимъ сюда, въ Эмсъ. Каждый кустокъ, каждая травна напоминали ему милую его Ольгу; три раза въ недѣлю получалъ онъ отъ нея письма, нѣжныя и умныя, нѣкоторыя даже безъ приписокъ. Я радовался его счастью, но притомъ живѣе чувствовалъ свое горе: мнѣ казалось, счастливѣе не такъ уже страдалъ мнѣ, какъ прежде. По-

сѣтителей въ нынѣшнемъ году здѣсь много, но не было людей для насъ интересныхъ. Я искалъ познакомиться въ какомъ нибудь семействѣ, ибо, признаюсь тебѣ, всегдашняя бесѣда холостая и мужская, притомъ между иностранцами; мнѣ до крайности надоѣла. Дѣти и женщины необходимы въ обществѣ. Когда мнѣ случалось жить по нѣскольку дней въ чужихъ городахъ, гдѣ я не зналъ никого, кромѣ нашихъ одинокихъ чиновниковъ, я выходилъ по вечерамъ на городское гульбище, и заводилъ бесѣду съ дѣтьми: между взрослыми одинъ роялистъ, другой либераль; одинъ ученый, другой невѣжда, и т. д., а дѣти космополиты; шести, осмилѣтній ребенокъ одинъ и тотъ же въ Саратовѣ, въ Страсбургѣ, въ Рио-Жанейро и въ Пекинѣ. Я разговаривалъ съ малютками, подчивалъ ихъ сладостями, дарилъ игрушкими, и глядя на ихъ забавы, иногда и самъ принимая въ нихъ участіе, короталъ скучное время досуга. Разумѣется, что маленькія Луизы были надѣляемы щедрѣе, нежели Юльхенъ и Мальхенъ. Въ Эмсѣ, гдѣ не живутъ, а только съѣзжаются на воды, дѣтей малолѣтныхъ не было. Надобно было искать общества между взрослыми дѣтьми, между женщинами. Долго не могли мы найти ничего по сердцу. Вдругъ судьба надъ нами сжалилась. Въ Эмсѣ всѣ посѣтители водъ обѣдаютъ въ пребольшой залѣ, за однимъ длиннымъ столомъ. Кто пріѣхалъ прежде, тотъ занимаетъ мѣсто въ верху стола; за нимъ садятся пріѣзжающіе въ послѣдствіи, и по мѣрѣ опорожненія верх-

нихъ мѣсть, подвигаются выше и выше, такъ, что въ продолженіе всего дѣла сидишь почти всегда съ одними и тѣми же людьми. Вотъ мы, съ Волгинымъ, однажды за обѣдомъ, толкуемъ между собою о своихъ радостяхъ и горестяхъ, и сообщаемъ другъ другу замѣчанія на застольныхъ товарищей. Человѣкъ сто сидятъ чинно, чопорно, кушаютъ и пьютъ опрятно и умеренно, разговариваютъ другъ съ другомъ въ полголоса, или молчатъ. То ли дѣло у насъ, въ Россіи, посадить сто человѣкъ за сытный столъ, и подать, какъ здѣсь, вина вдоволь! Какой бы веселый шумъ подняли! Въ этихъ разговорахъ примѣчаю я, что двѣ, сидяція насупротивъ насъ, молодыя, милостивыя дамы, поглядываютъ на насъ, и говорятъ между собою. Прислушиваюсь — говорятъ по-французски: должны быть Русскія или Француженки. Я вдругъ заговорилъ громко по-русски; онѣ слушаютъ, но видно, что звуки эти имъ незнакомы. Такъ Француженки. При первомъ случаѣ я подаль одной изъ нихъ блюдо съ чѣмъ-то, извиняясь по-французски, что не могу поподчивать чѣмъ нибудь получше. Дама видимо обрадовалась, услышавъ звуки роднаго языка, и отвѣчала мнѣ учтиво. Разговоръ завязался. «Позвольте спросить,» сказала моя новая знакомка: «на какомъ языкѣ вы говорите. Мы съ сестрицею слушаемъ, слушаемъ, и не можемъ отгадать.» — «Мы говоримъ по-русски, сударыня;» отвѣчалъ я: «вы, по видимому, Француженки, и звуки эти должны вамъ быть знакомы.» — «Мы точно Француженки,» отвѣ-

чала она: «но живемъ въ Бельгiи, въ Антверпенѣ, куда ваши войска не заходили.» — «Такъ вы недавно сюда прiѣхали?» — «Только вчера, и вообразите, сестрица уже четыре раза принималась плакать. Ей предписано пользоваться эмскими водами; она оставила мужа, дѣтей, и отправилась со мною, въ обществѣ одного антверпенскаго купца, который ѣхалъ сюда съ женою. Въ Кельнѣ онъ занемогъ, и мы, боясь пропустить благоприятное время года, рѣшились ѣхать однѣ. Здѣсь мы совершенно какъ въ землѣ непріятельской. Никто насъ не понимаетъ и понимать не хочетъ, вида, что съ нами нѣтъ защитника, мужичны. Я писала къ Антверпену къ моему мужу, чтобъ онъ какъ нибудь удосужился, но пока получу отвѣтъ, мы здѣсь пропадемъ.» — Такимъ образомъ началось наше знакомство. Послѣ обѣда узналъ я, что старшая изъ нихъ, Сесарина, жена одного иностраннаго консула въ Антверпенѣ, а другая, Сюзанна, замужемъ за богатымъ купцемъ: обѣ онѣ женщины умныя, милыя, образованныя. Не повѣришь, какъ легко свести знакомство, заключить даже тѣсную дружбу на водахъ! Здѣсь виднѣлся безпрестанно: поутру вѣстѣ ѡдемъ воду у источника, и вѣстѣ прогуливаемся; потомъ вѣстѣ обѣдаемъ, опять вѣстѣ ѡдемъ воду, прогуливаемся и ужинаемъ. Не прежде, какъ чрезъ пять дней замѣтили и мы и онѣ, что во все это время были неразлучны. «Какъ назвать наше знакомство?» спросила живая Сесарина. — «Что лучше братства!» сказалъ я. «Вы наши сестры —

«Вот и все тутъ!»— Это имъ понравилось, и съ тѣхъ поръ дѣйствительно мы обходились, какъ близкіе родственники, и Сесарина писала къ мужу, чтобъ онъ не беззаконился ѣхать въ Эмсъ, ибо Провидѣніе послало бѣднымъ путникамъ усердныхъ защитниковъ и покровителей. Мы ѣздили съ сестрицами своими въ Кобленцъ, Нассау, Нейвидъ, Висбаденъ, Швальбахъ и въ другія прекрасныя мѣста Таунусскаго Хребта. Онѣ сдѣлались повѣренными нашихъ сердечныхъ тайнъ: читали съ Волгаными письма его невѣсты въ переводѣ; меня утѣшали самымъ нѣжнымъ соболѣзнованіемъ. Другіе посѣтители, особенно посѣтительницы воль, поглядывали на насъ съ двусмысленною усмѣшкою. А намъ какое дѣло! «*Вся чиста чистымъ,*» говоритъ Апостолъ.

Вчера пріѣхали мужья нашихъ милыхъ сестеръ. Мы съ ними познакомились и подружились, какъ съ давнишними пріятелями. Сегодня всѣ они уважаютъ во-своихъ. Благословляю тотъ часъ, въ который мы познакомились съ этими любезными женщинами. Дружеская ихъ бесѣда нерѣдко разсѣвала грусть мою. Одно обстоятельство, за недѣлю предъ симъ, меня встревожило и повергло въ уныніе, возбудивъ въ душѣ моей мучительныя мысли. Одинъ изъ нашихъ земляковъ приходитъ ко мнѣ, и показывая письмо изъ Риги, въ которомъ побуждаютъ его къ уплатѣ ничтожнаго долгу, просить ссудить его деньгами. Я взглянулъ на письмо, и вижу знакомую подпись Е. Е. Kiebitz, изъ Риги. Меня обдало холоднымъ потомъ.

И такъ онъ живетъ въ Ригѣ, и такъ — — — Жадный этотъ ростовщикъ пишетъ, что крайняя нужда заставляетъ его просить объ уплатѣ долга, и грозитъ, въ случаѣ неуплаты, просить начальство. Крайняя нужда Кибицу — въ трехъ стахъ рубляхъ! Я отдалъ послѣднія мои деньги, чтобъ освободить пріятеля отъ сношеній съ этимъ извергомъ. Вся веселость Сесарины, все участіе Сюзанны, всѣ утѣшенія Волгина долгое время были тщетны для развлеченія моего послѣ этого удара, которымъ вновь растравились мои душевныя раны.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, ты, вѣроятно для уменьшенія моихъ страданій, спрашиваешь меня, увѣренъ ли я, что Луиза меня любитъ. Не знаю. Я никогда не открывалъ ей на словахъ того, что чувствовалъ, ибо и самъ не понималъ своихъ ощущеній. Не знаю, но послѣдній взглядъ ея, послѣднія слова: «*до мотилы!*» проливаютъ утѣшеніе въ мое сердце. *За* могилкою узнаю все, все!

ПИСЬМА ЛУИЗЫ МИЛЛЕРЪ КЪ С. Н. КРИНОВОЙ, ВЪ НИЖНЕМЪ
НОВГОРОДѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ярославль, 47 Сентября 1842.

Сегодня твои именины, милая Сонюшка, и я не могу отказаться отъ удовольствія душевно тебя поздравить, желать тебѣ утѣшенія въ жизни, — а счастья? Оно улетѣло съ жизнію нашей благотворительницы, и долго, долго не воротится. Но если существуетъ еще правосудіе въ здѣшнемъ мірѣ, ты будешь счастлива! Прошлаго, третьяго года, какъ весело праздновали мы этотъ день въ домѣ незабвенной! А теперь?... Все покрылось какимъ-то ужаснымъ, темнымъ облакомъ. Я съ трепетомъ и боязнію смотрю въ будущее; настоящее слишкомъ страшно....

Путешествіе наше идетъ весьма медленно и скучно. Хоть то хорошо, что молчаливая моя спутница оставляетъ меня въ покоѣ. Она безпрерывно гладитъ отвратительную свою собаченку, которая, помнишь ли, какъ бѣшеная, кинулась на тебя; смотреть ей умилно въ мутные глаза, и изрѣдка обращается ко мнѣ съ словами: «Согласитесь, сударыня, что мой Факиръ необыкновенная собачка: какъ умно глядеть — все понимаетъ! Какъ обрадуется мой Василій

Антроповичъ, когда мы счастливо вернемся въ Петербургъ. Чай, стосковался по насъ, любезный? Проклятые Французы!» — За этимъ слѣдуетъ глубокое молчаніе, часа на два. — Воспоминанія прошедшаго времени занимаютъ и утѣшаютъ меня въ дорогѣ. Образъ милой моей благодѣтельницы всегда у меня передъ глазами. И ты, добрая, благородная душа, такъ рано должна была переселиться отсюда въ настоящее свое отечество! думаю я. — Такъ двигаемся мы мало по малу, съ ночлега до ночлега. Вездѣ видно необыкновенное движеніе. По дорогѣ проходятъ отряды войскъ и картіи пѣвальныхъ. Всѣ станціи и селенія наполнены бѣгствующими жителями счастливой домыгъ Москвы. Старики, женщины, дѣти, въ уныніи и отчаяніи, ѣдутъ; ѣдутъ, сами не зная куда. Но русское гостепримство вездѣ встрѣчаетъ несчастныхъ странниковъ; вездѣ готовы имъ квартира, столъ и всѣ пособія; вездѣ находятъ они знакомцевъ и родныхъ въ близкихъ сердцу землякахъ. Крестьяне охотно отводятъ прѣѣжимъ свои хижины, и кормятъ ихъ, чѣмъ Богъ послалъ, не зная кто ихъ гости, и будетъ имъ заплачено. За нѣсколько верстъ отсюда остановилась въ деревнѣ неизвѣстная женщина съ двумя маленькими дѣтьми, и вдругъ занемогла. Крестьянинъ, хозяинъ ея, тотчасъ кинулся въ городъ къ знакомому лекарю, и привезъ его къ больной; самъ ѣдитъ за лекаремъ, а жена и сестра его ходятъ за больною и за дѣтьми. Остановясь въ томъ же домѣ, я спросила у нихъ, кто эта барыня. «А и Богъ вѣсть!» отвѣчала

хозяйка: «видно, помѣщица; такая бѣленькая, нѣж-
ленькая; платье на ней хорошее, да денегъ нѣтъ
ни копѣйки. Вышь поторопилась бѣжать, сердечная;
только бы дѣтенокъ-то увезти отъ Франгузовъ. Да и
отсюда такъ и норовается. Пустите-де къ роднымъ въ
Петербургъ. Статочное ли дѣло, матушка? Когда болѣзнь
отляжетъ, мой и самъ свезетъ ее на родину.» — Я
желала бы привести сюда нѣкоторыхъ знакомыхъ
мнѣ въ Петербургѣ иностранцевъ, которые, не зная
русскаго языка; не видавъ русскаго народа вблизи,
судятъ о немъ по-своему; указала бы на этихъ без-
корыстныхъ и великодушныхъ благотворителей, и
сказала бы имъ: «Вотъ каковы тѣ, о которыхъ вы
такъ криво и безсовѣстно толкуете, которыхъ изоб-
ражаете или дикарями, или свирѣпыми варварами!»

И такъ я ѣду въ Петербургъ, въ родное мое се-
мейство, къ которому привязана всѣмъ сердцемъ. Я
уважала и любила бы папеньку и маменьку, если бы
они были и чужіе, но, признаюсь, я ихъ любиваюсь.
Въ Москвѣ, въ кругу русскомъ, привыкла я къ об-
разу жизни, мыслей и занятій, который ни мало не
похожъ на то, что ожидаетъ меня тамъ, въ домѣ вѣ-
нецкомъ. Это замѣтила я уже прошлаго года, про-
бывъ мѣсяца два гостею въ Петербургѣ. Не думай,
однако жъ, милая Sophie, чтобъ эта боязнь проис-
ходила отъ мысли, что я лишюсь довольства, въ ко-
торомъ жила донныѣ. Богъ свидѣтель, это не то! Я
страшусь только, что своими мнѣніями, привычками и
поступками не успѣю угодить моимъ родителямъ. Ну,

если они подумают, что я недовольна состоянием, въ которомъ родилась, если подумаютъ, что и жалко о прошедшемъ, и людей, отъ которыхъ ожидала богатства и свѣтскихъ благъ, предпочитаю тѣмъ, кои даровали мнѣ жизнь и ее украсили; если я буду виновна, что они станутъ негодовать на мою благодѣлницу? Упаси, Боже! — Не скажу, однако жъ, чтобы я равнодушно разставалась съ мечтаніями о довольствѣ и изобиліи; которыхъ въ жизни моей были уже не мечтаніями, а существенностью. Меня восхищала мысль, что при выдѣлѣ части, обѣщанной мнѣ всею благодѣлницею, я приду въ состояніе уладить жизнь моихъ родителей. Я составила было въ умѣ своемъ прекрасный планъ: хотѣла продать домъ, назначенный мнѣ въ Мрексѣ, и на эти деньги купить домъ въ Петербургѣ, деревянный, на Васильевскомъ Острову, съ садомъ; въ домѣ завести полную библиотеку, купить лучший олимпель у Феверьера для мамочки; развести фруктовой садъ, огородъ, птичникъ для мамочки. Она любитъ занятія хозяйствомъ домашнимъ, и часто жаловалась, что въ нашемъ доѣѣ и пороки нельзя держать. И всѣ мы искали бы въ этотъ доѣѣ спокойно, счастливо, весело. — Вотъ почему и горю о потерянномъ богатствѣ, которое исчезло у меня въ рукахъ, какъ золото, когда проснешься. — — Но теперь ожидаетъ меня другая жизнь. Постараюсь, дѣтскимъ послушаніемъ, искреннею любовью къ родителямъ, точнымъ исполненіемъ всѣхъ лежащихъ на мнѣ обязанностей, заставить ихъ забыть, что я не привезла

нить богатства, котораго они ожидали. Я твердо рѣшилась побѣдить все прежнія свои привычки, прихоти и желанія, и совершенно войти въ то состоянiе, въ которомъ родилась. Не знаю, успѣю ли я въ своемъ намѣренiи. Уповаю на Бога.

Это письмо пишу я къ тебѣ изъ грязной избы, въ которой мы остановились ночевать. Все лунное дома въ городѣ заняты. Я хотѣла непремѣнно еще *сегодня* тебя поздравить. Теперь часъ двѣнадцатый ночи. Сальный огарокъ гаснетъ, и я по неволѣ должна кончить прiятную бесѣду съ тобою. Завтра, чѣмъ свѣтъ, ѣдемъ далѣе, и ведемъ черезъ двѣ будемъ въ Петербургъ.

Прости, прости, милая Соношка! Пиши ко мнѣ.
Цоми

вѣрную твою

Луизу Миллеръ.

P. S. *Bien de choses* всѣмъ, кто обо мнѣ захочетъ вспомнить.

ПИСЬМО ВТОРОЕ,

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 4 Октября 1812.

Вотъ я и въ Петербургъ, у своихъ! Слава Богу! Цопутчица моя, живущая въ Галерномъ Селенiи, привезла меня къ самому дому, гдѣ живутъ мои родители,

и горя нетерпѣннѣе представить своему Василію Антроповичу Факира здраваго и невредимаго, почти вытолкнула меня изъ повозки; мои вещи и счетъ общала она прислать на другой день. Это было въ семь часовъ вечера. Послышавъ стукъ повозки, всѣ мои любезные бросились на крыльцо. Вотъ радость, какой я описать не умѣю! Маменька горько плакала, приговаривая: бѣдная, бѣдная Луиза! Папенька былъ мною, кажется, доволенъ. Въ послѣдній день я съ самаго утра твердила: der, die, das; werden, war, wird, wurde, würde, worden, geworden, gewesen sein, — и право, изряднехонько говорила съ нимъ по-нѣмецки весь вечеръ, такъ, что онъ, въ знакъ особенной милости, раза два заговаривалъ со мною по-русски. Только, на другой день, показалось мнѣ, что у меня отъ этой бесѣды вскочили прыщики на языкѣ. — Я нашла въ домѣ нашемъ все по-прежнему. Всѣ здоровы, довольны и веселы, сколько обстоятельства позволяютъ. — Вчера поутру привезли мои вещи. Маменька разрыла и чемоданъ и сундукъ, и не очень довольна была моимъ скарбомъ: она искала великолѣпнаго платья, дорогихъ украшеній. — Я не говорила ей, что мы съ тобою продали все это въ Нижнемъ, и запаслись необходимымъ, а объявила, что всѣ мои хорошія вещи остались въ Москвѣ; что эти платья, ситцевыя и камотовыя, эти обыкновенные прочныя передники, косынки и прочее, мы заготовили въ дорогу. Ей что-то не вѣрится. Можетъ быть, отъ того, что я лгачъ не умѣю. Желала бы я видѣть человека, болѣе всего

нану сестру, которая бы говорила всегда и вездѣ правду. Въ школѣ учать насъ: говори, что знаешь, а дома твердятъ: не показывай ни мыслей, ни чувствъ своихъ! Какъ же исполнять и то и другое? Я рѣшилась не говорить только той правды, которая можетъ огорчить или обидѣть другихъ. Но показывать чувства, выражать мысли, которыя не мои, никакъ не могу.

Маменька хотѣла нѣсколько дней полегѣять, понѣжить меня послѣ дороги; но я рѣшительно объявила, что отнюдь не устала (и это правда), и съ нынѣшняго же утра занялась хозяйствомъ. Одѣлась я, какъ у насъ въ Москвѣ ходила Марья Дмитріевна: въ бѣломъ домашнемъ платьѣ, съ чернымъ передникомъ и косынкою, въ маленькомъ чепчикѣ. Черный нарядъ мнѣ по сердцу и для того, что это какъ бы траурное платье по княгинѣ. Сегодня, одѣваясь предъ овальнымъ зеркаломъ въ старинной золотой рамѣ, я невольно, но право безъ большаго сожалѣнія, вспоминала, какой другой нарядъ надѣвала я прошлаго года въ Москвѣ, когда ѣздила на вечера, на балы. Какъ весело я тамъ прыгала между князьями и графинями, и частенько слышала свое прозваніе: *la jolie Allemande!* Теперь, полно въ первой парѣ показывать фигуры. Стой передъ очагомъ, и вари вассерсупъ! Чтѣ бы въ кухню убогаго нѣмецкаго учителя привести одного изъ нѣжныхъ московскихъ вздыхателей, и указать на бѣдненькую кухарочку? Ахъ, сто тысячъ рублей! какъ вы украшаете человѣка! Счастлива я еще, что

не вѣрила всему что слышала, или что тѣ, которые мнѣ твердили о своихъ чувствахъ, не возбудили во мнѣ ни какихъ. Жаль только, что я затеряла книжку Аглаи, гдѣ напечатаны были стихишки премиленькіе: они очень явно ко мнѣ относились.

Въ домѣ родителей моихъ особенно нравится мнѣ необыкновенное востоянство, отсутствіе всякихъ перемѣнъ. Какъ было прошлаго, третьяго года, такъ и теперь. Всѣ мебели прежнія, и всѣ на тѣхъ же мѣстахъ. Тотъ же порядокъ жизни, тѣ же блюда на столѣ. И въ этомъ есть какое-то благополучіе: не желаешь чужаго, не ищешь лишняго, а благодарить Бога за то, что есть. У меня только невможно побаливаетъ голова — я думаю, отъ табачнаго дыму, но къ этому можно привыкнуть. Одно лишь перемѣнилось у насъ въ домѣ съ прошлаго года: къ намъ вхожъ одинъ Русскій, какой-то Мстиславцевъ, Дмитрій Сергѣевичъ; онъ начальникъ брата въ департаментѣ. Долженъ быть хорошій человекъ, когда и папенька его хвалитъ. Дядюшкѣ я, признаюсь, не вѣрю: ему всѣ люди кажутся херувимчиками на вербѣ. — Любопытна я узнать этого новаго знакомца. Говорятъ, онъ сегодня послѣ обѣда къ намъ будетъ. Прости, ma chère Sophie! Пора кончить: я должна выгладить свою шемизетку.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

19 Октября 1839.

Я уже совершенно привыкла къ моей новой жизни, милая Сосюшка, и могу тебя увѣрить, что даже полюбила ее. Тихая, скромная, единообразная жизнь въ домѣ моихъ родителей пріятна и усладительна сердцу общою любовью, довѣренностью и доброжелательствомъ. Я выучилась уже готовить разное кушанье (раза два, правда, и поиспортила), знаю цѣны припасамъ, только не умѣю торговаться. Когда рыбакъ или огородникъ, запросивъ за товаръ втрое болѣе, и получивъ отказъ, станетъ божиться и перекрестится, я не могу ему не вѣрить; но тутъ матушка помогаетъ: «Что ты врешь!» закричитъ она: «я знаю, что это стоитъ. Бери, или ступай вонъ!» — «Для васъ, матушка, Марья Ивановна, извольте, такъ и быть; ей, ей, изъять!» И уступаетъ за настоящую цѣну, а прежде перекрестился, — какъ бы, кажется, не повѣрить! — Всего труднѣе было мнѣ пойти на рынокъ. Это случилось третьяго дня поутру. Матушкѣ что-то нездоровилось, и она послала меня съ служанкою. Я надѣла самую простую шляпку, закуталась въ салопъ, и пошла съ трепетомъ, моля Бога, чтобъ не встрѣтить дорогою знакомыхъ. Этого со мною не случилось, но мнѣ казалось, что всѣ встрѣчавшіеся со мною знали кто я и куда иду. Всѣ такъ пристально

смотрѣли мнѣ въ глаза. Въ мясныхъ рядахъ, вообрази, нашла я одну почтенную даму, живущую неподалеку отъ насъ, статскую совѣтницу, докторшу, изъ Нѣмокъ: она торговалась и бранилась съ купцами, какъ ключница. Это меня поободрило: видно, подумала я, это здѣсь въ тонѣ. — Счастье, что я съ нею встрѣтилась; не то сгорѣла бы со стыда, идучи домой, когда служанка несла за мною въ кулькѣ четверть телятины и индѣйку. Ко всему можно привыкнуть! Сегодня я уже пребодро пошла на рынокъ. Впрочемъ, надобно сказать и то, что я здѣсь живу на Васильевскомъ Острову, не въ самомъ городѣ. По ту сторону Невы, ни одна молодая женщина или дѣвица не пойдетъ одна, безъ лакея; всѣ стануть на нее указывать пальцами, а на Острову, въ нѣмецкой колоніи, и генеральскія дочки нерѣдко ходятъ по улицамъ одиѣ единехоньки, съ работнымъ мѣшечкомъ на рукѣ, въ гости къ своимъ пріятельницамъ, и никто не находитъ это страннымъ, никто не посмѣетъ ихъ обидѣть. Хорошо же, что мы живемъ не на той сторонѣ!

Я видѣла хваленнаго Мстиславцева, и должна сказать правду, сколько мнѣ кажется, онъ заслуживаетъ любовь и уваженіе нашего семейства. Но, при первомъ съ нимъ свиданіи, я чуть было не падѣлала глупостей. Помнишь ли, я рассказывала тебѣ о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, котораго я видѣла въ петербургскомъ театрѣ, въ степной компаніи, прошлаго года, когда пріятельница покойной княгини повезла меня посмотрѣть игру Семеновой? Мнѣ столько наговорили

о Мстиславцевѣ; что я горѣла нетерпѣніемъ его видѣть. Вотъ онъ приходитъ къ намъ. Я бросилась въ свою комнату, чтобъ переодѣнуть передникъ; матушка кличетъ меня; я вхожу въ комнату, и — кого вижу? того самого молодого человѣка! Я чуть-было громко не захохотала: въ ту минуту живо представились мнѣ двѣ карикатуры, съ которыми онъ сидѣлъ въ домѣ. Удерживаясь отъ смѣха, я стала улыбаться, чтобъ скрыть невольное свое движеніе. Онъ, кажется, ничего не примѣтилъ; да онъ меня тогда въ театрѣ и не видѣлъ. — По-видимому, онъ человѣкъ не глупый, знающій, но кажется мнѣ слишкомъ суровымъ. Одно мнѣ въ немъ очень понравилось — онъ пламенный русскій патриотъ! Я не люблю людей, особенно мужчинъ, равнодушныхъ къ славѣ и счастью своего отечества. Мнѣ кажется, что человѣкъ, который не любить своей родины, своего Государя, не можетъ быть ни добрымъ сыномъ, ни другомъ, ни братомъ. Мои родные любятъ Россію, но только умомъ; а Мстиславцевъ привязанъ къ ней сердцемъ, и даже боится судить о ея недостаткахъ, какъ сынъ о недостаткахъ родной матери. — Онъ усвоиваетъ и учащаетъ насъ извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, и о Чибелѣ Франдузовъ. На дняхъ принесъ онъ съ собою книжку новаго журнала: «Сынъ Отечества,» и читалъ намъ многое. Мнѣ показалось, что я, не-прежнему въ Москвѣ, и живу въ старинномъ кругу. Въ бесѣдѣ съ Мстиславцевымъ я, что называется, *оттекли дуну*, наговорила по-русски. Домашніе мои, правда,

говорить по-русски, но съ ними я охотнѣе говорю по-нѣмецки.

Вотъ все, что я могу написать въ нынѣшній разъ, милая Сонюшка! Не требуй у меня новѣстей о модахъ. Во-первыхъ, теперь здѣсь не до того: всѣ толкуютъ о войнѣ и о Французахъ; во-вторыхъ, я ничего не вижу. У насъ, правда, бываютъ иногда дѣвщины, но онѣ въ модахъ очень отстаютъ; носить за новостъ то, что мы съ тобою носили въ Москвѣ прошедшею зимою. Эти дѣвщины предобрыя и премилыя; только я не могу къ нимъ привыкнуть — такія странныя! Ихъ можно сравнить съ элигелемъ, у котораго недостаетъ двухъ среднихъ октавъ: тоны или низкіе, грубые, или ужъ самыя высокіе. Онѣ, въ мысляхъ и разговорахъ своихъ, переходятъ отъ вещей возвышенныхъ вдругъ къ самымъ низкимъ: заговорятъ о брусникѣ, и вдругъ потомъ о вѣчныхъ розахъ эдемскихъ; о гармоніи сферъ, и о балалайкѣ; у одной въ рюмочкѣ наша я томъ Вертера и поваренную книгу — она читала ихъ поперебѣнно. Съ мужчинами она говорить боится, и какъ будто не любитъ; отвѣчаютъ имъ только: да и мамъ, а между собою то и дѣло, что толкуютъ о женихахъ, дразнятъ другъ друга гѣмъ или друглѣмъ, и въ-подтишка поскѣвываются. Я къ этому никакъ не могу привыкнуть. Признаюсь въ слабости: я люблю слушать бесѣды умныхъ мужчинъ, и спрашиваю чего не понимаю, не вмѣшиваясь однако въ ихъ сужденія. Женскія же рѣчи мнѣ иногда до крайности надоедаютъ. — Но это *малоде* никогда не

обудется въ отношеніи къ тебѣ. Цѣна же мнѣ, что ты дѣлаешь, мыслишь, чувствуешь. Помни, наши санищенныя узы насъ соединить — память о нашей благодѣтельности!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

25 Мая 1813.

Малая Совнопка! Ты недогушишь на меня, что я рѣдко пишу къ тебѣ. Я виновата и виновата. Давно должно было бы переслать къ тебѣ тригоду по условію, но что мнѣ было писать? У насъ все идетъ по-прежнему, по-старому. Я живу истинно-счастливо въ кругу добрыхъ моихъ родныхъ, которые меня искренно любятъ. Иногда случается помѣха, недоразумѣніи, объясненія, но все это обыкновенно кончится ничѣмъ. И такъ уже обжиться здѣсь, что мнѣ кажется, будто иногда не выходила изъ этого круга, и даже привыкла къ ужаснымъ лаптямъ, котрые, подъ именемъ женскихъ башмаковъ, нѣтъ на всю нашу землицю сторожатъ того департамента, въ которомъ лечитъ дедушка. Эта вещь была для меня тягостна въ сѣхъ другихъ въ Москвѣ, поминишь ли, имѣлъ на насъ съ тобой башмачники. Краса — истинный аргистъ въ своемъ родѣ, а здѣсь — невольно объ этомъ. Можетъ быть, у тебя такая же антипатія къ башмакамъ, какъ

у нашего доброго Дмитрія Сергѣевича: такъ лучше замолчу. Кстати о Дмитрїи Сергѣевичѣ. Ты не повѣринишь, во сколько кратъ жизнь въ нашемъ домѣ сдѣлалась прїятнѣе и веселѣе — отъ этого новаго знакомства. Онъ человѣкъ умный, образованный, могу даже сказать, ученый. Сначала онъ показался мнѣ насмѣшникомъ, и я его очень боялась; но, узнавъ его покороче, я увидѣла, что только нравственно-дурное можетъ возбудить его досаду и понудить къ злымъ насмѣшкамъ. Слабыя же и смѣшныя стороны человѣчества онъ, правда, замѣчаетъ очень скоро, но такъ же скоро и охотно извиняетъ. Онъ молодѣтцами, а внушаетъ невольное уваженіе строгостью и честностью своихъ правилъ, откровенностью и прѣмодушіемъ. Я было вздумала, въ началѣ нашего знакомства, показать ему, что не имѣю надобности въ его урокахъ, но это его ни на что не остановило. Онъ продолжалъ журить и учить меня — такъ, что я къ этому привыкла, и теперь, начиная что либо, часто думаю: что скажетъ объ этомъ Дмитрїи Сергѣевичѣ? Иногда я просто спрашиваю у него совѣта, и онъ говоритъ мнѣ все мнѣше безъ околичностей и комплиментовъ. Еще замѣтила я въ немъ странную особенность. Онъ не сочинитель, а судитъ очень хорошо объ авторахъ, о стихахъ и о прозѣ; не живописецъ, а умѣетъ чувствовать красоты живописи; не музыкантъ, а едва ли кому уступить въ самомъ нѣжномъ и утонченномъ музыкальномъ чувствѣ; не умѣетъ ступить шагу въ танцахъ, а ведумаетъ критиковать меня—

и, что удивительно, по всей справедливости. — Относи все это на счетъ его ума, я долго пыталась узнать, доброе ли у него, сострадательное ли сердце. Случай вскорѣ представился. Дядюшка рекомендовалъ намъ одну хорошую швею, вдову недавно умершаго чиновника, оставшуюся по смерти мужа, со множествомъ дѣтей, въ величайшей бѣдности. Мы давали ей работу, и доставляли отъ нашихъ знакомыхъ. — Однажды поспорила я очень жарко съ Дмитриемъ Сергѣевичемъ на счетъ невѣрности мужчинъ; и готовилась сказать ему напрямки, что всё они эгоисты и неблагодарные. Этотъ споръ прервался тѣмъ, что меня позвали въ мою комнату: пришла-де швея съ заказанною ей работою. Выходя съ досадою изъ гостиной, я забыла порядочно притворить двери, и швея увидѣла всѣхъ кто сидѣлъ у насъ. Подавая мнѣ рукавички, косыночки и т. п., она все поглядывала въ двери съ видимымъ безпокойствомъ. Двери захлопнулись, и она вздохнула. Окончивъ расчетъ со мною, она пошла было, но вдругъ остановилась, и спросила у меня: «Не ошиблась ли я, сударыня? У васъ сидитъ Метиславцевъ, Дмитрий Сергѣевичъ?» — «Точно онъ: а что?» спросила я. — «Ахъ; сударыня! Какъ я рада, что хоть маленько его увидѣла. Это не человекъ, а ангелъ Божій! Безъ него, я пропала бы въ свѣтъ! Когда онъ узналъ о смерти моего мужа и о бѣдности моей, то самъ вызвался быть моимъ ходатаемъ, а покойникъ служилъ въ другомъ отдѣленіи. Всѣ меня бросили. Онъ одинъ рѣшился хлопотать за бѣдныхъ сиротъ.

По его старанию, оставили за мною квартиру, и на динях выйдет пенсiонъ. Двухъ мальчиковъ и дѣвочку поѣхали съ мной въ казенныя заведенiя. Прямой благодѣтель!» — «Не хотите ли вы его видѣть, поговорить съ нимъ?» — «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчала она со страхомъ: «онъ такой строгой! Я было пошла къ нему поклониться, но онъ принялъ меня очень сухо, и сказалъ, что я ошиблась, что все это дѣлаетъ директоръ и начальникъ того отдѣленiя, въ которомъ служилъ покойный мужъ мой. Напрасно я плакала и просила его выслушать мою благодарность, позволить привезти къ нему широтокъ. Куда! Разсердился до того, что слезы у него на глазахъ выступили.» — Бѣдная женщина, тщетно повокавъ глазами образа въ комнату, перекрестилась глядя на дверь, и сказавъ: «дай ему Богъ всякаго благополучiя!» отправилась домой. Вернувшись въ комнату, я уже другими глазами глядѣла на спорщика. — «И такъ, Луиза!» сказалъ онъ: «всѣ мужчины злые, изверги, неблагодарные?» — «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчала я: «есть добрые и благородные!» И въ эту минуту, если бъ не стыдно было, усердно бы его поцѣловала. Онъ не отвѣчалъ, но улыбулся съ гордостью, думая, видно, что его умъ, его разсужденiя меня образумили, и не зная того, что онъ убѣждалъ меня своимъ сердцемъ.

Должно сказать и то, что если бъ я здѣсь не знала Метиславцева, то, можетъ быть, скоро перестала бы думать, что въ вымышленномъ поколѣнии мужчинъ есть хорошие люди. Въ одною изъ арканскихъ полей писемъ

я, виновата, позабавилась на счётъ здѣшнихъ дѣвицъ. Но мужчины — эти властители мира — какъ они бываютъ молки, жалки и смѣшны! Ты знаешь, по моимъ письмамъ, знакомецъ нашихъ, Кибница и Барова Крумгольца. Вотъ люди, вотъ мужчины! Отгадай что въ нихъ есть общаго? Страсть къ лошадямъ! Когда попадутъ на этотъ любимый пунктъ — все прочее забыто. Кибницъ съ торжествомъ повѣствуетъ, какъ лихо онъ на бѣгу обогналъ какого-то извозчика, Шарикова, а Крумголецъ толкуетъ, какъ онъ, еще въ родительскомъ домѣ, усмирилъ буйнаго коня, насыпавъ ему гороху въ лѣвое ухо. Рассказывая это, онъ воображаетъ себя лошадыю, склоняетъ голову на правый бокъ, и трясетъ ею, какъ усмиранный имъ щипецъ. Милый предметъ! И, вообрази, при этихъ повѣствованiяхъ конные герои обращаются къ намъ, женщинамъ, и заставляютъ насъ рѣшить спорные пункты! И Кибницъ и Крумголецъ горды и спесивы — но Кибницъ хвастаетъ своимъ богатствомъ и числомъ артельщиковъ у отца его, а Крумголецъ чванится стариннымъ дворянствомъ и предками, которыхъ онъ по-французски называетъ *mes ânes* — вольный переводъ: *мои Annes*.

Довольно ли *médiance* въ моемъ письмѣ? Я соблазлась бы высказать все это, а пуще въ компанiи, но на письмѣ, въ бесѣдѣ съ тобою, позволяю себѣ иногда позабавиться на счётъ ближняго. Говорить (и это довольно справедливо), что мужчины природные наши враги. Я по неволѣ похвалила одного; теперь посмѣя-

лась на счетъ двоихъ — и это такъ быть должно. — Но какая нотация досталась бы мнѣ, если бы объ этихъ дружескихъ сообщеніяхъ узналъ Дмитрій Сергѣевичъ!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

24 Октября 1843.

Если бы я не была увѣрена въ томъ, что ты, со времени нашей разлуки, не выѣзжала изъ Нижняго Новгорода, то могла бы подумать, что ты пожила здѣсь, въ С. Петербургѣ, и у нынѣшнихъ любезныхъ моихъ подругъ выучилась искусству дразнить. Такъ ты и въ правду воображаешь, что я равнодушна къ Мстиславцеву? Если истинно уважать благороднаго человѣка, искренно довѣрять ему, охотно его слушать и слушаться — значитъ быть къ нему равнодушною, то — признаюсь, ты права. Но если ты разумѣешь подъ равнодушіемъ что либо сильнѣе, пламеннѣе, то жестоко ошибаешься, душа моя! — Я многимъ ему обязана: съ нимъ могу наговориться досыта по-русски и по-французски (жаль только, что онъ при другяхъ никакъ не хочетъ говорить со мною по-французски); отъ него получаю хорошія книги; ему могу иногда повѣрять и маленькія мои недоумѣнія и страданія, будучи увѣрена, что найду въ совѣтъ, и наставленіе,

и участіе; но вотъ и все тутъ. Къ тому еще могу прибавить, что врядъ-ли какой дѣвицѣ удастся тронуть его сердце. Добрыя мои подруги, видя, какъ онъ коротокъ въ нашемъ домѣ, видя, какъ всѣ его любятъ и уважаютъ, вздумали услужить ему, и донесли мнѣ за тайну, что онъ года два тому назадъ былъ влюбленъ въ одну знатную дѣвицу, былъ и помолвленъ съ нею, но поссорился въ ея домѣ за сужденія свои слишкомъ смѣлыя, и принужденъ отказаться отъ руки богатой невѣсты, а она между тѣмъ вышла замужъ. Мнѣ досадно было это слышать; я не хотѣла было вѣрить, но всѣ обстоятельства сватовства и разрыва были мнѣ ообщены такъ подробно и положительно, что я не могла сомнѣваться. Такъ и онъ вѣтряникъ, какъ всѣ мужчины? думала я: такъ и онъ можетъ увѣрять дѣвицу въ любви, и потомъ забыть ее совершенно, даже ни однимъ неосторожнымъ вздохомъ не показать что онъ въ жизни своей чувствовалъ? Любопытство мое было возбуждено до крайности. Однажды, будто невзначай, я назвала фамилію того знатнаго дома, изъ котораго была эта дѣвица. Вижу въ немъ невольное движеніе; краска пробѣжала по лицу, какъ блескъ молніи. «Такъ! это правда!» подумала я: «о мужчины!» — Я не могла смотрѣть на него равнодушно, не могла отвѣчать ему по обыкновенію, думая, что и онъ вѣроломный, что онъ въ состояніи или забыть любовь свою или увѣрять въ любви, которой не чувствуетъ. Прошло около недѣли въ этомъ мучительномъ недоумѣніи. Вотъ я, при чтеніи какого-то романа,

въ которомъ сказано было, что всякъ долженъ хоть разъ въ жизни влюбиться, вдругъ обратила къ нему вопросъ: «А вы, Дмитрий Сергѣевичъ, были ли когда нибудь влюблены?» — Онъ ни мало не смѣшался, и отвѣчалъ, улыбаясь: «виновать!» И онъ можетъ говорить такъ холодно? подумала я: неблагодарный! — «На девятнадцатомъ году отъ реду, въ продолженіе шести недѣль вдыхалъ я по премиальной дѣвницѣ: свидѣтельствомъ тому могутъ служить вамъ два мадригала и акростики Наташѣ, напечатанные въ *Журналѣ для милыхъ*. Не она вышла замужъ, и любовь моя испустила послѣдній вздохъ.» — «И только?» — «Только! Потомъ задумала было моя родственница женить меня. Я сдѣлала шлюпость, согласилась; хотѣлъ принудить себя полюбить мою суженую, и, вазалось, начиналъ уже, но вдругъ заглѣтилъ, что она меня не любитъ, что сердце у ней не такоо, какъго я вижу, и разстался съ нею.» — «А можно ли узнать, кто была ата послѣдняя?» спросила я съ безпокойствомъ. — «Воспитанница Графини Сугробовой; она теперь за мужемъ за какимъ-то тайоженнымъ.» — Такъ! это та самая. И онъ высказалъ мнѣ это съ обыкновеннымъ своимъ чистопердечіемъ и простодушіемъ. Гора свалилась у меня съ сердца. Но право, не отъ ревности или чего нибудь подобнаго. Я уважаю Мстиславцева болѣе всего за его честность, правдивость и благородство: онъ никогда не говорилъ ни малѣйшей неправды, а тутъ вдругъ я предвидѣла, что онъ испортитъ добрую свою славу въ моемъ воображеніи;

думала, что я должна буду и его поставить въ рядъ тѣхъ неблагодарныхъ, лукавыхъ людей, которые играютъ нашими сердцами. Слава Богу, нѣтъ! Пусть онъ останется нечувствительнымъ, только бы не выказывалъ того, чего самъ чувствовать не можетъ. — Вотъ я съ нимъ помиралась въ сердцѣ своемъ. — Онъ замѣтилъ мою угрюмость; догадывался, что онъ самъ отчасти тому причиною, и старался узнать въ точности, отчего я нѣсколько дней была не въ духѣ. Я успѣла отшутиться. Страшные люди! негодуютъ на насъ за то, что мы бываемъ невеселы, печальны, угрюмы, необходимы. Да наша ли это вина! Стѣсненіе и принужденность, въ которыхъ мы осуждены жить, заставляютъ насъ скрывать въ глубинѣ души наши мысли, чувства, радости и огорченія, и тогда можетъ ли быть светло и гладко на ея поверхности? Мужчины счастливы насъ: они имѣютъ тысячи развлеченій, тысячи другихъ заботъ и утѣхъ, а мы должны жить съ своимъ бѣднымъ сердцемъ. У нихъ выское чувство вырывается наружу; у насъ, чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ глубже затанавливается въ нашей груди. Они насъ не понимаютъ, и мучатъ вопросами и сомнѣніями. Мы же, и я этому удивляюсь, совершенно ихъ понимаемъ, и нѣкоторые изъ насъ могутъ любить ихъ. — Ахъ! если бы отъ меня зависѣло создать сердце мужчины!

Какъ же я затолковалась о сердцахъ! Но это самое пусть тебѣ покажетъ, какъ я равнодушна. Въ страсти рассуждать было бы невозможно.

Р. S. Еще въ одномъ я должна оправдать М. Въ прежнемъ письмѣ я говорила, что онъ не сочинитель. Нѣтъ, онъ поэтъ, и очень чувствительный и краснорѣчивый. По моей просьбѣ; онъ премило перевелъ съ французскаго языка любимый мой романъ. Перешлю къ тебѣ по первой почтѣ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

18 Мая 1845.

Мы привыкли къ нашему бѣдствію, милая Сонюшка! Трудно было намъ съестъ потерю двухъ важныхъ мѣстъ. Маменька горевала неумолчно. Теперь поутихла печаль, и теплая вѣра въ помощь всеблагаго Провидѣнія всѣхъ насъ утѣшила и успокоила. Мнѣ было представлялся случай помочь добрымъ моимъ родителямъ: меня приглашали ѣхать гувернанткою въ Малороссію. Я загнушила въ себѣ неважность къ этому званію, готовилась согласиться, но маменька рѣшительно объявилъ, что не отпустить меня отсюда. И въ самомъ дѣлѣ, смѣю ли оставить моихъ родителей? Они старѣются, дряхлѣютъ, и могутъ ли деньги замѣнить имъ попеченія благодарной дочери?— А трудиться для нихъ, помогать имъ въ несеніи бремени житейскаго—какое это услажденіе!— Впрочемъ наши дѣла поправляются. Дмитрій Сергѣевичъ прискалъ уже намъ одно хорошее мѣсто въ кадет-

скомъ корнуетъ, гдѣ онъ будетъ въ безопасности отъ злобныхъ доносовъ. — Добрый, любезный Дмитрій Сергѣевичъ! Какъ часто замѣчаю я въ немъ порывы помочь намъ какимъ нибудь образомъ, и эти порывы вдругъ останавливаются мыслию, что онъ можетъ оскорбить насъ своею помощью. Но его участіе, его утѣшительная бесѣда насъ утѣшаютъ и, могу сказать, счастливаютъ. Папенька съ нимъ нерѣдко спорилъ, и иногда довольно откровенно, такъ, что иной могъ бы и осердиться; но онъ забывалъ все при первомъ ласковомъ словѣ. Теперь старику крайне предъ нимъ совѣстно: онъ старается изгладить неприятныя впечатлѣнія, и обходится гораздо привѣтливѣе прежняго. Маменька все та же — души въ немъ не слышитъ. Брату моему онъ доставилъ мѣсто очень выгодное. Словожъ: онъ намъ истинный, вѣрнѣйшій другъ. — Послѣ этого перестань, пожалуйста, шутить на его счетъ. Право, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ обыкновенныхъ молодыхъ людей, которыхъ мы съ тобою видали на вечеринкахъ и на балахъ. Изъ уваженія къ нему, я успѣла уже нѣсколько разъ побѣдить въ себѣ угрюмость или, какъ это называется по-французски: *mauvaise humeur*, которой онъ не терпитъ. Трудно, очень трудно, но возможно, и когда преодолѣешь, какъ это пріятно! Желалось бы мнѣ симъ принужденіемъ совершенно стучить себя отъ этой слабости. Можетъ быть, успѣю. — Прости, милая Sophie! Лечу къ тебѣ мыслию! Мыслию ношуся надъ могилою незабвенной моей

благодѣтельница! Ахъ, если бь ея желанія были исполнены, я не тосковала бы теперь о жребіи моихъ родителей!

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

23 Июля 1845.

Ты часто жалуешься, что письма мои не веселы, и на тебя наводятъ грусть. Нынѣ встала я въ самокъ веселомъ, пріятномъ расположеніи духа, и хочу воспользоваться кратковременнымъ досугомъ, чтобъ написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Вчера праздновали мы день именинъ маменьки прогулкою по нескимъ островамъ. Кто не бывалъ въ Петербургѣ, тотъ не можетъ вообразить себѣ, какъ милы *арморскія* его окрестности. Первое мое удовольствіе посѣщать эти прелестныя мѣста, и я очень обрадовалась, что, вмѣсто обыкновенной вечеринки, будетъ въ этотъ день прогулка! Мы ѣздили всѣмъ семействомъ одни — одни, т. е. съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ. Онъ сдѣлался у насъ въ домѣ совершенно роднымъ, и безъ него радость у насъ не въ радость. И вчера папенька обошелся съ нимъ дружелюбнѣе, нежели когда либо. Это меня порадовало, и когда мы ѣхали домой, когда мнѣ въ шляпкѣ пришлось сѣсть подлѣ него, когда время утекало въ дружескомъ, братскомъ разговорѣ, странная мысль, но очень пріятная, усладительная,

вспынула въ думѣ моей. «Что,» подумала я — «если бы и вѣрны.» —

Меня кличетъ матушка. Кончу послѣ.

Софія! Софія, другъ мой! Что сдѣлалось со мною въ этотъ часъ, который прошелъ съ той минуты, какъ я прервала письмо мое? Софія! не оставь меня! Другъ мой! я вывъ себя отъ недоумѣнія и испуга. Изнемогаю подъ бременемъ самыхъ мучительныхъ ощущеній и мыслей. Дай ожениться.

Вотъ какъ это было. Меня позвали въ гостиную. Наменька сидѣлъ на софѣ, держа въ рукѣ распечатанное письмо. Маменька стояла подлѣ него, и весело улыбалась. «Луиза!» сказала наменька: «это письмо касается тебя. Ты совершенно свободна располагать своимъ сердцемъ и рукою. Скажу тебѣ, что на тебѣ сватается...» — «Кто?» спросила я съ изумленіемъ. — «Господинъ Клябцъ — не сынъ, а отецъ его, человѣкъ достаточный и почтенный.» Я остолебѣла. «Да, милая Луиза!» подхватила маменька: «мы тебя не принуждаемъ. Дѣлай, что хочешь. Господинъ Клябцъ человѣкъ богатый, милліонщикъ. Выищедь за него замужъ, ты получишь въ десять разъ болѣе того, что хотѣла дать тебѣ княгиня. И въ намекъ бѣдномъ состояніи, при наступленіи старости, при

этой большой семьѣ....» — она говорила еще много чего-то, но я едва себя помнила. Въ головѣ у меня застучало, а сердце какъ будто остановилось. Вдругъ я вспомнила о моихъ желаніяхъ, планахъ, мечтахъ, какъ хотѣла пожертвовать всѣмъ что имѣла, благу и спокойствію моихъ родителей; какъ сто разъ произносила въ душѣ клятву не дорожить ничѣмъ для ихъ счастья. Теперь явился случай. Но отъ чего это мнѣ такъ тяжело? Не знаю. Но чѣмъ тяжеле жертва, тѣмъ она святѣе, тѣмъ угоднѣе Богу. И я вдругъ прервала рѣчь маменьки словами: «иду, иду за него!» бросилась къ ней на шею, и зарыдала. Она заплакала также. И папенька подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня съ радостными слезами, и сказалъ: «Дай Богъ тебѣ счастья, Луиза!» — Мнѣ счастья? мнѣ? На что имѣ! Имѣ, имѣ хочу я доставить счастье. — Пусть будетъ такъ. — Я еще не ознакомилась съ этою мыслию. Можетъ быть, скоро привыкну. У кого бы мнѣ спросить совѣта? Сонюшка моя разлучена со мною. У *кого* — нѣтъ! Ахъ, нѣтъ! у *кого* не спрошу. Что со мною сдѣлалось? Отъ чего я боюсь *его*? Отъ чего страшусь *его* увидѣть? А притомъ, какъ бы мнѣ хотѣлось услышать слова отрады и утѣшенія изъ устъ его! Я душевно его — нѣтъ! нѣтъ! Я не люблю его! — Софія! Софія! растолкуй мнѣ, что со мною сдѣлалось. Я сама себя не понимаю. Вотъ прошелъ часъ послѣ объясненія съ моими родителями, а я еще не могу опомниться. Ужасно! ужасно! — Оканчиваю это письмо, и еще сегодня отправляю на почту, чтобъ ты ско-

рше могла отвѣчать мнѣ. Ахъ, Софія! найди мнѣ утѣшеніе. Я очень, очень несчастна!

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

16 Августа 1845.

Ты конечно не можешь понять причины долгаго моего молчанія, любезная Софія! А я не понимаю, какъ и теперь ивѣла духъ взяться за перо, чтобы описать тебѣ странныя и непонятныя для меня происшествія истекшихъ трехъ недѣль. Я, помнится, отправляла къ тебѣ письмо въ субботу, 23 Іюля. Такъ кажется? Да, такъ точно. Ты видѣла изъ тогдашнихъ немногихъ строкъ, написанныхъ мною въ какомъ-то изступленіи, что мнѣ предстояло — быть женою человѣка, котораго я не знала, котораго и зная, не могла бы уважать. Но участь добрыхъ моихъ родителей налагала печать молчанія на уста мои и сердце. Я повиновалась долгу своему, и видно, это твердое намѣреніе, пожертвовать своею жизнію благу моихъ родителей, было угодно Всемилосердому: чаша сія прошла мимо. Благодареніе Богу! Теперь я могу доказать любовь мою къ отцу и матери, не жертвуя собою.

Извѣстіе о сватовствѣ Киббца меня оглушило. Я не помнила самой себя. На другой день, въ воскресенье, хотѣла я пойти къ обвѣдѣ, чтобы усердно по-

молиться Богу и выплываться; но мнѣ объявили, что это не водится; что въ тотъ день возглашаютъ всему приходу о моей помолвкѣ, и я не должна являться въ публикѣ, какъ бы на позорище. Что дѣлать? Я просидѣла утро дома, занимаясь — чѣмъ бы ты думала? — приготовленіемъ наряда на тотъ день. Мы были приглашены Кибидомъ къ обѣду. Не знаю что и какъ я скропала. Голова у меня кружилась; въ глазахъ тускло; руки дрожали. Одно утѣшало меня — это радость маленьки! Мысль о томъ, что любезная ея Луиза выходитъ замужъ, и притомъ за богатаго человѣка, восхищала ее до крайности. «Боже мой!» думала я про себя: «какъ сильно люди, по мѣрѣ приближенія къ старости, привязываются къ благамъ земнымъ! Матушка всегда была умѣренна, бережлива; но довольна своимъ состояніемъ; скупости и жадности къ богатству я въ ней никогда не замѣчала. А теперь, какъ она радуется, какъ восхищается мыслью, что я буду богата! Неужели мы всѣ къ старости сдѣлаемся такими же?» Утро этого дня было безконечно длинно. Въ двѣнадцать часовъ получили мы отъ Кибиды записку, въ которой онъ извинялся, что, по внезапному стеченію неожиданныхъ важнѣйшихъ дѣлъ, не можетъ исполнить пріятнаго долга сдѣлать намъ визитъ, но проситъ непремѣнно обѣдать у него въ пять часовъ, обѣщая прислать, по обыкновенію, карету. «Вотъ купцы!» сказала папенька, поморнѣвъ: «у нихъ банковыя и биржевыя дѣла важнѣе жизни и души! Ну, какъ можно не удосужиться на

четверть часа, чтобъ посѣтить свою невѣсту? Странные люди! Мнѣ трудно будетъ привыкать къ этому образу жизни.» — «А мнѣ-то какво?» подумала я про себя. — «И что это за обѣдъ, въ пять часовъ! Словно въ сумасшедшемъ домѣ! — Нѣтъ! я просто пообедаю теперь, и до женихова обѣда успѣю еще проголодаться.» — Эти недружелюбныя слова, это неудовольствіе папеньки не предвѣщали мнѣ добра въ будущемъ, но признаюсь, утѣшали меня нѣкоторымъ образомъ: мнѣ казалось, что лучъ надежды промелькнулъ въ этомъ темномъ лабиринтѣ. Мы приодѣлись и ждали кареты — конечно съ различными чувствованіями. Въ исходѣ пятаго застучало по мостовой. Я невольно вздрогнула — мнѣ показалось, что дроги подъѣзжаютъ къ крыльцу. Мы поѣхали. Странно было, что, вмѣсто лакея, стоялъ на запяткахъ артельщикъ съ бороною, въ русскомъ кафтанѣ. Но экипажъ былъ прекрасный. Папенька съ видимымъ удовольствіемъ покачивался на эластическихъ подушкахъ; приговаривая: «что ни говори, а богатство, право, вещь не дурная!» — «Прекрасная вещь!» прибавила маменька, съ улыбкою поглядывая на меня. Въ передней встрѣтилъ насъ молодой Кибницъ учтиво, но холодно, и повелъ въ гостиную, извиняя отца, который занимался въ конторѣ. Въ гостиной нашли мы нѣсколько мужчинъ и трехъ незнакомыхъ дамъ, одну пожилую и двухъ молоденькихъ. Онѣ привстали, и поклонились намъ сухо, съ какими-то выраженіемъ досады. Начались разговоры о погодѣ и тому

недобномъ. Разглядывая дамъ, я замѣтила въ нихъ большое сходство съ портретомъ второй жены г. Кибица, висѣвшимъ въ этой комнатѣ, и начала догадываться кто онѣ. Въ послѣдствіи я узнала, что это дѣйствительно мать и сестры покойницы. Кибиць пригласилъ ихъ, чтобъ мы были не однѣ женщины въ его домѣ. Вниманіе не лишнее, но и не очень *делкатное*. Приятно ли имъ было видѣть ту, которая должна занять мѣсто ихъ дочери и сестры? — Черезъ нѣсколько времени явился самъ Кибиць. Я затрепетала, ожидая какихъ нибудь объясненій и т. п. Но страхъ мой былъ напрасенъ. Онъ поцѣловалъ руку маменькѣ, спросилъ насъ о здоровьѣ, сказалъ, что радуется, видя насъ у себя, и непосредственно послѣ этого обратился къ одному изъ гостей съ словами: «Паденіе курса ужасное: восемь и пятнадцать тридцать вторыхъ!» Тотъ отвѣчалъ, и у нихъ завязался разговоръ жаркій, но мнѣ вовсе непонятный. По взглядамъ маменьки я видѣла, какъ ей неприятно равнодушіе моего жениха, а я благодарилъ небо за это равнодушіе! — Черезъ полчаса пошли къ столу. Никто не думалъ вести дамъ, и мы отправились на одинъ конецъ длиннаго стола, а Кибиць съ мужчинами на другой. Меня посадили на первомъ мѣстѣ, прямо противъ Кибица. По правую руку сѣла маменька, по лѣвую теща Кибица, за нею дочери, и т. д. Столъ накрытъ и убранъ былъ великолѣпно. — У маменьки, я видѣла, глазки разбѣжались при взглядѣ на золотой десертный сервизъ, на фарфоровыя тарелки и миски,

на прекрасѣйшій граеный кристалъ, на тонкое столовое бѣлье. Сначала господствовало за столомъ молчаніе, но послѣ первыхъ двухъ блюдъ пошли разговоры, все громче и громче. Кибицъ наливалъ себѣ и другимъ разныхъ винъ, хвалился богатствомъ своего погреба, и при догадкѣ о малѣйшемъ сомнѣніи гостя, хватался за бумажникъ въ боковомъ карманѣ, чтобъ показать записку, при которой получиль ихъ изъ-за моря. Помнится, онъ называлъ это фактурою. Изъ нашего общества одинъ дядюшка пользовался изобиліемъ стола. Папенька былъ недоволенъ и скученъ, кушалъ мало, и пилъ почти одну воду — онъ не привыкъ обѣдать такъ поздно. Маменька также не кушала, но, кажется, по другой причинѣ: все, видѣнное ею, слишкомъ ее поражало. Я была въ состояніи, кадаго описать не умѣю. Мнѣ чудилось, что я приговорена къ смерти, и что могу сосчитать минуты, сколько мнѣ осталось жить. Сосѣдки наши за столомъ были также молчаливы и печальны. Вдругъ Кибицъ, посреди обѣда, обратился къ тещѣ своей съ сими словами: «Каролина Петровна! Помните ли вы, за четыре года предъ симъ вы у меня обѣдали точно такъ, какъ сегодня — только на мѣстѣ мамзель Миллеръ, сидѣла Лоттхенъ. Какъ времена переменяются!» Сказавъ это, онъ захохоталъ и выпилъ бокалъ вина. Бѣдная старушка залилась горькими слезами. Мнѣ въ эту минуту представилось, что этотъ жребій ожидаетъ и меня, что и на моемъ мѣстѣ сидеть другая, и родители мои осиротѣютъ. Я, въ не-

вольномъ движеніи души, забылась до того, что обвиняла несчастную мать, и смѣшала мои слезы съ ея слезами. Опомнясь, я осмотрѣлась, и вижу; дочери ея глядятъ на меня пріятливо и уныло; папенька также обратилъ на меня глаза, увлажненные слезами. «Добрая Луиза!» шепчетъ мнѣ маменька. Но прочіе не обращали вниманія на эту семейную сцену. Они громко толковали о баркахъ и куляхъ. — Часа черезъ два, Каролина Петровна, знакомая съ обычаемъ этого дома, встала изъ-за стола, и пригласила насъ въ другія комнаты. Мужчины остались въ столовой. Дѣвицы дружжелюбно взяли меня подъ руки, и повели въ отдаленную залу, къ флигелю. На немъ лежали еще ноты, нетронутыя со времени кончины ихъ сестры. Старушки наши познакомились, сѣли на диванъ, и заговорили, а мы занялись музыкою. Обѣ сестры прекрасно играютъ на фортепианѣ. Сыгравъ очень искусно нѣсколько трудныхъ пѣсь à quatre mains, онѣ просили меня сдѣлать имъ то же удовольствіе. Музыка настроила душу мою въ какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ доголѣ, непонятномъ тонѣ. Я охотно согласилась на ихъ предложеніе; сѣла, начала играть, играла, играла — вдругъ, какъ будто издали слышу голосъ маменьки: «что съ тобою, Луиза!» и болѣе ничего уже не помнила. Я очнулась, говорятъ, чрезъ нѣсколько минутъ, на рукахъ новыкъ моихъ знакомокъ. Маменька терла мнѣ виски спиртомъ. Какъ пріятель былъ этотъ сонъ безъ видѣній! Не таково ли усыпленіе смерти? На вопросы мои, что случилось,

мнѣ сказали, что я заиграла русскую пѣсню, заиграла такъ, что всѣхъ привела въ умиленіе, и вдругъ лишилась чувствъ. — Я векоръ оправилась.

Передъ диваномъ стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ. Каролина Петровна готовила чай. Вдругъ толпа гостей съ громкимъ хохотомъ ввалилась въ комнату. Всѣ они раскрасѣлись. У каждаго была во рту трубка или сигарка. Папенька былъ блѣденъ, молчаливъ, и даже не курилъ. Дядюшка, глядя на него, опѣшилъ, и забылъ обыкновенную свою веселость. Когда отпили чай, гости сѣли за карточные столы, и намъ векоръ объявили, что карета готова. Между тѣмъ смерклося. Мы поѣхали, не простясь съ хозяиномъ, который не обращалъ на насъ ни какого вниманія. Шелъ дождь, дулъ вѣтеръ; темнота ужасная, какъ въ Октябрѣ. Сначала всѣ молчали. Дядюшка первый прервалъ безмолвіе похвалою великолѣпному столу и гостепрѣимству Кибица. Маменька воспользовалась этимъ, и стала исчислять всѣ выгоды богатства. Дядюшка пошелъ далѣе: смѣло утверждалъ, что всѣ физическія болѣзни и нравственные пороки человѣка происходятъ отъ убожества, и что никто не можетъ такъ знать и чтить Бога, какъ человѣкъ богатый, осыпанный дарами Провидѣнія. Я не противорѣчила этимъ софисмамъ. И папенька молчалъ, но лишь только дядюшка кончилъ похвальную рѣчь золоту, онъ произнесъ съ глубокимъ чувствомъ:

« Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend sass,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte *)!»

Эти слова показали маменькѣ и дядюшкѣ, что рѣчи ихъ неумѣстны и неосновательны, а въ мое сердце пролили цѣлебный бальсамъ надежды. Всѣ молчали до самаго приѣзда домой. Прощаясь со мною, маменька обнялъ меня съ вѣжностью, и казалось, хотѣлъ что-то сказать.

Дня три протекли безъ всякихъ происшествій. Я не слыхала ни слова о Кибицѣ. Однажды только замѣтила я, что дядюшка, вошедъ въ комнату, началъ говорить: «вообразите, нашъ добрый» — маменька подала ему знакъ, и онъ замолчалъ въ смущеніи. Я боялась спрашивать. Въ одно утро, когда мы всѣ си-

*) «Кто не обливалъ слезами дневной своей пищи, кто, плача, не проводилъ безъ сна мучительныхъ ночей на одрѣ своемъ, тотъ не знаетъ васъ, небесныя силы!» — (Wilhelm Meisters Lehrjahre, Bd. 3. Cap. 13). На французскій языкъ эти стихи переведены слѣдующимъ образомъ:

Toi, qui jamais ne baignais de tes pleurs
Les mets de tes festins, ni ton lit de douleurs,
Qui ne veillais jamais dans l'ombre et la souffrance,
Attendant le retour d'un jour lent à venir,
Va, tu ne connais pas la céleste espérance!
Va, tu ne connais pas le céleste avenir!

дѣли за чайнымъ столомъ, папенька обратилъ рѣчь ко мнѣ: «Добрая моя Луиза! Я не стыжусь признаться, что поступилъ слишкомъ поспѣшно и, въ моихъ дѣлахъ, неизвинительно. Я принялъ предложеніе господина Кибица, сообщилъ тебѣ, получилъ твое согласіе, объявилъ ему, а самъ не зналъ его коротко. Теперь вижу: онъ человѣкъ богатый, въ своемъ дѣлѣ свѣдущій, можетъ быть, и честный по-своему, но тебѣ въ мужья не годится. Я рѣшился ему отказать. Больно сдѣлать это по объявленіи тебя его невѣстою, но лучше снести легкое оскорбленіе честолюбія, нежели пожертвовать ему благомъ своего дѣтища. Я наблюдаю за тобою, и вижу, что ты чувствуешь отвращеніе къ этому человѣку; вижу, что ты согласилась пойти за него единственно для того, чтобъ осчастливить твоихъ родителей. Знай же, что наше счастье въ твоёмъ счастьи! Ты свободна!» — Я была вѣдъ себя отъ радости и восторга, бросилась обнимать папеньку и маменьку, и благодарить ихъ, признаюсь, слишкомъ откровенно. Маменька молчала: еще разъ исчезли любимыя ея мечтанія о богатствѣ и изобиліи! Папенька сѣлъ писать къ Кибицу. Вдругъ является полицейскій офицеръ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ. — Папенька, который боится полиціи какъ огня, измѣнился въ лицѣ, и спросилъ, чего имъ угодно. Незнакомый отвѣчалъ ему очень учтиво по-нѣмецки, что они пришли по дѣламъ конкурсной массы (кажется, такъ) купческаго дома Кибица и компаніи; что Кибицъ вчера объявилъ себя банкротомъ и

уѣхалъ въ Ригу, что все его имѣніе описано, и имъ поручено отобрать подарки у его невѣсты. — Папенька былъ въ самомъ непріятномъ, затруднительномъ положеніи. Онъ собрался кое-какъ съ духомъ, и отвѣчалъ посланнымъ, что г. Кибицъ третьяго дня прислалъ къ нему нѣсколько корзинъ и ящиковъ (а я этого и не знала), но что онъ отправилъ ихъ обратно, сказавъ, что будетъ время давать подарки послѣ свадьбы. — Посланные откланялись, а мы остались въ самомъ досадномъ положеніи: согласились имѣть зятемъ Кибица, когда онъ былъ богатъ, а теперь, когда онъ въ несчастіи, отрекаемся отъ него. Никто не зналъ что дѣлать. Но это уладилось само собою. Черезъ часъ принесли отъ Кибица письмо, въ которомъ онъ, извѣщая о прекращеніи своихъ платежей и всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, объявлялъ, что ѣдетъ въ Ригу, и просилъ сохранить его въ нашей благосклонной памяти. Это былъ обыкновенный купеческій циркуляръ. Внизу было приписано рукою Кибица: «Получивъ обратно подарки, посланные мною дочери вашей, всепокорнѣйше благодарю за вниманіе, и если случится вамъ какое либо дѣло въ Ригѣ, прошу не оставить вашу довѣренность.» — Родители мои свободно вздохнули. Я ожила вновь. Къ обѣду явился дядошка, и разсказалъ все обстоятельство банкротства. Кибицъ, въ сообществѣ съ другими иностранными куццами, взялся поставить хлѣбъ къ нашей арміи, обманулъ правительство, и взявъ деньги, не поставилъ ничего. На все его имѣніе на-

ложень секвестръ. Въ Ригѣ наряжена слѣдственная коммиссія, и онъ долженъ туда ѣхать. — Теперь объяснился намъ и странный пріемъ въ его домѣ, въ воскресенье. Онъ заготовилъ письмо, въ которомъ сватался на мнѣ, въ пятницу, обыкновенный почтовый день. Въ воскресенье поутру получилъ онъ нарочнаго изъ Риги съ извѣстіемъ, что дѣла приняли дурной оборотъ, что правительство догадывается о плутняхъ, и т. д. Онъ смутился этимъ извѣстіемъ, но не терялъ еще надежды. Сватовство на мнѣ было дѣло коммерческое, то есть, въ домѣ надобно было имѣть хозяйку, которая, не будучи отвратительно дурна собою, умѣла бы говорить по-французски и по-русски, чтобъ принимать нужныхъ и почетныхъ людей; но такъ какъ эта спекуляція была не главнѣйшая, а подчинялась расчетамъ провіантскимъ, то Кибницъ и не считалъ за нужное прилежно ею заниматься. Вотъ причина его холодности, разсѣянности и даже неуваженія ко мнѣ, которое меня въ душѣ радовало. На другой день онъ спохватился, и послалъ подарки, но, къ счастью моему, они попались въ руки папеньки. На третій день получена имъ была другая эстафета, съ извѣстіемъ, что все пропало, и что онъ, для избавленія себя отъ строгаго взысканія, долженъ самъ ѣхать въ Ригу. Онъ извѣстилъ объ этомъ несчастіи всѣхъ своихъ знакомыхъ циркуляромъ, и мы получили одинъ экземпляръ. —

Страшно подумать, на краю какой ужасной пропасти я стояла! Еще три недѣли — и твоя Луиза

была бы несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ! Богъ спасъ меня! Мои старики увидѣли, съ какимъ чело-вѣкомъ готовились вступить въ союзъ, и ужаснулись: Папенька обходится со мною вдвое ласковѣе и нѣжнѣе прежняго, а маменька и не упоминаетъ о поте-рянной надеждѣ жить въ довольствѣ и изобиліи.

Я обрадовалась, что кончила этотъ мучительный рассказъ, но перечитывая написанное мною, вижу, что не упомянула о главнѣйшемъ — что не говорила о немъ. Ахъ, Софія! его, нашего вѣрнаго друга, добраго Дмитрія Сергѣевича, нѣтъ уже съ нами. Я назвала его *другомъ* — пусть онъ останется въ моемъ сердцѣ подъ этимъ именемъ. Никогда не забуду я того, что однажды сказала мнѣ незабвенная моя благодѣтельница: *On ne s'attendait que le bonheur perdu*^{*)}). Теперь я чувствую справедливость этого изрѣченія сильнѣе, нежели когда нибудь. Я такъ привыкла къ его бесѣдѣ, къ его дружеской откровенности, къ его предупредительному вниманію, даже къ какой-то власти, которую онъ приобрѣлъ надо мною, что мнѣ казалось, будто это никогда не прекратится, будто это такъ быть должно, и иначе быть не можетъ. И именно, наканунѣ того дня, въ который разрушилось мое тихое, незавидное для другихъ счастье, я чувствовала

*) Люди знаютъ только то счастье, котораго уже лишились.

это сильнѣе, нежели когда нибудь, и даже мысль о томъ, что онъ можетъ быть для меня болѣе, нежели братомъ, закралась въ мою душу. На другой день....

Нѣтъ, нѣтъ! не стану притворяться! Скажу тебѣ всю правду, что при этомъ ужасномъ потрясеніи всего существа моего, открылась тайна, которая дотошѣ таилась въ глубинѣ души моей.

И я его увидѣла, увидѣла — и простилась съ нимъ навѣки! Послѣ обѣда, въ тотъ самый день, когда я думала, что рѣшилась судьба моя, сидѣла я одна дома, и работала за пяльцами. Это занятіе было мнѣ въ то время болѣе всѣхъ по сердцу: во-первыхъ, оно не жѣщаетъ думать о другомъ; во-вторыхъ, можно отвѣчать на вопросы, не поднимая глазъ. Вотъ я сижу, работаю, прислушиваюсь къ разговорамъ дѣтей, и мысляю ношу въ прошедшемъ. Зазвонилъ колокольчикъ. Я думала, пришелъ кто нибудь изъ домашнихъ. Отворяется дверь, и онъ входитъ въ комнату, блѣдный, разстроенный. Я не знала что со мною будетъ. Поздоровавшись съ дѣтьми, онъ объявилъ мнѣ дрожащимъ голосомъ, что уже видѣлъ маменьку, что онъ пришелъ проститься, что ѣдетъ по службѣ за границу. — Дѣти бросились прощаться съ нимъ; я почувствовала горячія губы его на моей рукѣ, отвѣчала на его слова — не помню что — и бросилась въ свою комнату. Тамъ, въ одиночествѣ, я наплакалась. Воротилась матушка, пришли домой и другіе; но никто не упоминалъ о немъ — всѣ были заняты инымъ.

Маленькій братъ мой вздумалъ было рассказывать, и я задрожала, но смѣтливая Юлія подала ему знакъ, и онъ замолчалъ. На другой день папенька спросилъ: «Что не видать Мстиславцева?» — «Я видѣла его,» отвѣчала маменька: «вчера, идучи на гостинный дворъ, и сказала ему о нашей радости. Онъ, казалось, шелъ къ намъ.» — Я не имѣла силы вмѣшаться въ разговоръ, и вышла изъ комнаты. Смущеніе мое, вѣроятно, было замѣчено. Съ того времени никто въ домѣ не упоминалъ о немъ. И доннынѣ всѣ хранятъ о немъ глубокое молчаніе. Дядюшка, какъ я уже сказала выше, началъ уже однажды говорить, и вѣроятно объ немъ, но другіе перебили рѣчь его. Я не знала бы что съ нимъ сдѣлалось, если бъ братъ мой надо мною не сжалился. Къ счастью, онъ человѣкъ холодный и недогадливый, и потому не замѣтилъ моего смятенія, когда заговорилъ о немъ со мною. Онъ дѣйствительно уѣхалъ по дѣламъ службы за границу, и на нѣсколько лѣтъ. Сначала онъ отказался было отъ этого порученія, но потомъ вдругъ перемѣнилъ мысли, просилъ отпращенія какъ милости, не могъ дожидаться минуты отъѣзда, и будто бѣжалъ изъ Петербурга, хотя былъ очень разстроены въ здоровьѣ. Это рассказали брату бывшіе его товарищи. — Братъ мой душевно сожалѣетъ о немъ, какъ о другѣ, благодѣтелѣ и наставникѣ своемъ, какъ объ *одномъ* человѣкѣ въ свѣтѣ, который успѣлъ приобрести его уваженіе и довѣренность. Я слушаю рассказы брата съ сердечнымъ умиленіемъ. И теперь вдвое благословляю судьбу, что

не лишилась свободы, что не отдала руки своей другому: сердце мое может заниматься своими мечтаниями. А онъ — онъ — его послѣдній взглядъ, его слова, исполненные чувства, дрожащій звукъ его голоса — мнѣ поруками, что и онъ меня не забудетъ. — Полагая, что я замужемъ, воображая, что я къ нему равнодушна, онъ, въ чужихъ краяхъ, найдетъ, можетъ быть.... Нѣтъ! нѣтъ! не найдетъ! Не правда ли, онъ и искать не станетъ?

Что говорить объ этомъ мои родители? Ничего. Маменька, чудится мнѣ, иногда хочетъ заговорить, но значительный взглядъ папеньки заставляетъ ее молчать. Вѣроятно, они догадываются, что мы были другъ къ другу равнодушны. Пусть! Я не знала въ мѣръ челоуѣка, котораго могла бы болѣе уважать, и прежде, нежели узнала самое себя, въ состоянїи была отдать руку мою другому. Но нынѣ рука моя неразлучна съ сердцемъ: я могу молчать, страдать, умереть, по никогда не обману ни его, ни другаго!

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПИСЕМЪ МСТИСЛАВЦЕВА.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

ФРАНКОУРЪ на Майнѣ, 8 Сентября 1816.

По обыкновенному порядку вещей, слѣдовало бы мнѣ благодарить тебя за увѣдомленіе, содержащееся въ письмѣ твоёмъ отъ 12-го Августа; но на этотъ разъ дозволю мнѣ быть неблагодарнымъ. Тетушка Агафья Яковлевна часто выводила меня изъ терпѣнія, но столь же часто заставляла забывать небольшія ея слабости, порожденные пылкимъ нравомъ и дурнымъ воспитаніемъ, а не злымъ сердцемъ. И теперь, когда ея не стало, я помню только ея добродушіе, любовь ея ко мнѣ, желаніе видѣть меня счастливымъ, и совѣщусь, что иногда потрунивалъ надъ нею. И добрый Иванъ Ильичъ пережилъ ее только двумя недѣлями! Дай имъ Богъ царствіе небесное! Утѣшительна мысль, что тамъ, какъ говорить Кремневъ, *на всемірной перекличкѣ*, есть иные вѣсы, не нашего, человеческого издѣлія, и что на тѣхъ вѣсахъ взвѣшиваются помыслы и дѣянія людей.

Ты требуешь инструкцій въ разсужденіи полученнаго мною наслѣдства? Дѣлай что хочешь. Даю тебѣ полную волю. Только, пожалуйста, постарайся узнать, каковъ управитель, завѣдывающій деревнею, и если

онъ строгъ, жестокъ, смѣши его. Домъ въ Воронежѣ можно продать — что мнѣ съ нимъ дѣлать? Если что выручишь этою продажею, или изъ доходовъ съ имѣнія, ввеси въ ломбардъ, а билеты оставь у себя. Мнѣ деньги не нужны. Я даже боюсь ихъ: разсѣрю какънибудь. Сдѣлай дружбу, согласишься быть моимъ опекуномъ.

Хотя я вижу, что завѣщаніе тетушки и Ивана Ильича совершенно по формѣ, какъ должно, и хотя почти увѣренъ, что они не имѣютъ родственниковъ кромѣ меня, но все же прошу тебя, постарайся узнать, нѣтъ ли въ свѣтѣ какого либо потомка знаменитаго рода Крышцовыхъ, чтобъ и какънибудь не одѣлилъ его. Повторяю тебѣ: на что мнѣ это имѣніе? У меня есть все, что нужно, а того, что мнѣ не дано, не куплю ни за какія сокровища въ мірѣ.

Здѣсь поговариваютъ о томъ, что нѣкоторые чиновники, за излишествомъ, будутъ отправлены назадъ, въ Россію. Я не прочь отъ этого. Годъ, проведенный мною за границею, оставилъ въ душѣ моей нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. Къ счастью, вездѣ есть добрые люди — только бы судьба позволила ихъ отыскать. — Милыя наши антверпенскія знакомки, какъ я уже писалъ тебѣ, уѣхали во-свои. Волгитъ отправился въ Штутгартъ, и воротился съ молодою, любезною женою. Я видѣлъ ее — скажу одно: онъ былъ достоинъ такой жены. Больше не могу объ этомъ распространяться. Раны сердца моего вновь раскроются. Не знаю, какъ ворочусь въ Петербургъ, какими гла-

зами буду смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ былъ счастливъ! Хорошо, что ея тамъ нѣтъ. Со временемъ, можетъ быть, утихнетъ моя тоска. Но теперь, теперь — я страдаю еще такъ, какъ въ ту минуту, когда разстался съ нею. — До могилы! до могилы!

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТРАВНИКЪ, 18 Сентября.

Вотъ я и на обратномъ пути въ отечество! — На другой день по отправленіи къ тебѣ послѣдняго моего письма, получилъ я извѣщеніе, что, по распоряженію высшаго начальства, долженъ ѣхать въ Петербургъ, на прежнее мѣсто. Со мною отправленъ былъ одинъ изъ нашихъ чиновниковъ, несомнѣнный педантъ въ мірѣ, фонъ-Шницъ, который заставилъ меня съ сожалѣніемъ вспоминать о товариществѣ Иванова и Репейкова. — Трудно мнѣ было разстаться съ Волгинымъ. Я взялъ съ него обѣщаніе, скоро воротиться домой. Онъ охотно исполнить это: супруга его горитъ желаніемъ оставить Германію, а чего не сдѣлаешь для любезной женщины!

Я имѣю всѣ причины быть довольнымъ своею поездкою въ Германію. Меня наградили сверхъ заслугъ и ожиданій, и если бѣ чинъ и три ордена, въ томъ числѣ два иностранные, могли сдѣлать человѣка счастливымъ, то мнѣ ничего не осталось бы желать въ

свѣтъ. Содержаніе получалъ я очень хорошее и слишкомъ достаточное, но не вывезъ изъ Франкфурта ни крейцера: надобно было поддержать русскую славу! Какъ часто, сидя съ Волгинымъ за многочленнымъ общимъ столомъ (table d'hôte), приказывали мы, на послѣдній нашъ червонецъ, подать шампанскаго, и подчивали сидѣвшихъ подлѣ насъ Нѣмцевъ, изъ коихъ каждый имѣлъ доходу во сто разъ болѣе нашего. Они принимали изъ рукъ нашихъ бокалы съ ужимкою благодаренія, и съ досадою, что должны тѣмъ же отблагодарить русскимъ богачамъ. «Что, если бѣ они знали,» говаривалъ Волгинъ, нагѣнивая бокалы: «что у насъ до перваго числа въ наличности всего два гульдена? Ура, Россія! Послѣдняя копѣйка ребромъ стоитъ!» —

Видно, на роду моемъ было написано, чтобъ я испыталъ всю тяжесть нѣмецкой аккуратности и скупости, и отъ кого? не отъ настоящаго Нѣмца, а отъ полу-русскаго, рижскаго уроженца. Надѣясь на исправность фонъ-Шпица, я предоставилъ ему въ пути хозяйственную часть. Онъ торговался, бранился и чуть не дрался на каждой станціи за крейцеръ и за два. Къ обѣду велѣлъ подавать самое дешевое, останавливался въ самыхъ гнусныхъ шинкахъ. Мое терпѣніе вскорѣ истощилось. На великую силу дотащились мы до Фульды, и тамъ, за обѣдомъ, онъ открылъ мнѣ, что намѣренъ остановиться на недѣлю въ Ригѣ, гдѣ имѣетъ домъ; что онъ просилъ на то соизволенія начальства, и непременно получить. Я испугался мысли

ѣхать на Ригу, жить въ Ригѣ, и сталъ упрашивать его, чтобъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Тщетно! Я ѣхамъ въ его коляскѣ, и долженъ былъ слушаться. Видя его непреклонность, я рѣшительно объявилъ, что не хочу съ нимъ ѣхать; приказалъ Аванасью вынуть изъ коляски мои чемоданы, и ввѣлъ мѣста въ дилижансѣ. Фонъ-Шпицъ былъ въ отчаяніи, что принужденъ будетъ ѣхать одинъ, безъ моего пособія. Я исполнялъ свое намѣреніе: пустился въ Гамбургъ, оттуда пріѣхалъ сюда, и теперь готовлюсь отправиться на корабль въ Кронштадтъ. Море бушуетъ. Говорятъ, опасность большая. Мнѣ все равно. Совѣстно было бы погубить съ собою Аванася, и я спросилъ его, рѣшается ли онъ ѣхать со мною моремъ. — «Какъ изволите!» отвѣчалъ онъ: «я васъ не оставлю: одинъ конецъ!»

Я нанялъ мѣста на одномъ англійскомъ кораблѣ, и если вѣтеръ будетъ благопріятный, завтра пушусь въ путь. Такимъ образомъ я мѣную Риги. Боже мой! я долженъ избѣгать ея!

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 4 Октября.

Не пугайся, взглянувъ на мой почеркъ. Рука моя ослабѣла отъ жестокой болѣзни. Едва оправаясь, пишу къ тебѣ. Не знаю еще, чѣмъ кончу это письмо.

Путешествіе мое изъ Травемюнда въ Кронштадтъ было одасно, мучительно, ужасно, но, къ счастью, не продолжительно. На пятый день по отбытіи, остановились мы у Кронштадтской брандвахты. Я былъ измученъ усталостью, безсонницею и морскою болѣзнію. Вышелъ на берегъ, я было ожилъ, услышавъ вокругъ себя звуки русскаго языка, увидѣвшись и поговоривъ съ однимъ старымъ пріятелемъ, морскимъ офицеромъ; но физическая природа вскорѣ взяла верхъ. Въ Кронштадтъ нацелъ я увѣдомленіе, что для меня въ Петербургѣ нанята прежняя квартира, и горѣлъ нетерпѣніемъ ѣхать. Здѣсь заведено новое перевозное судно, движимое парами, но я не засталъ его въ тотъ день, и не желая прождать до другаго утра, рѣшился ѣхать на катерѣ. Погода утихла. День былъ ясный. Мы отправились въ довольно большой компаніи разнаго народа. Съ невыразимымъ чувствомъ ожиданія, надежды и страха, смотрѣлъ я на знакомыя окрестности: вотъ видѣнъ вдали Петергофъ; вотъ блѣдется Стрѣльна и Сергіевская Пустынь. Зелень поблекла. Берега подернуты темнострою оболочкою. Приближаемся къ Петербургу. Голова у меня закружилась; мнѣ стало жарко; я безпрестанно черпалъ холодную воду изъ рѣки, и утолялъ палищую меня жажду. Вотъ влѣво башни, при входѣ въ Галерную Гавань. Открылся видъ на Неву: влѣво Горный Корпусъ, вправо Новое Адмиралтейство и Англійская Набережная. Вдали Исаіевскій Мостъ. Тоска, ужаснѣйшая тоска зацепила мое сердце. Катера ходятъ

до Сената, но одна бывшая съ нами женщина просила высадить ее на берегъ на Васильевскомъ Острове. Подъѣхали къ берегу. Предо мною явилась улица 10 и 11 лнйй. Отчалили и вскорѣ пристали къ набережной у Сената. Что было послѣ этого — не помню. Чудится мнѣ трясеніе дрожекъ, какіе-то смѣшанные голоса, клики — — и все утихло....

Черезъ нѣсколько времени (послѣ узналъ я, что это было въ десятый день по прїѣздѣ изъ Кронштадта) открылъ я глаза, и мнѣ представились знакомые цвѣточки, очень искусно намалеванные на потолокъ моей давнишней спальни. Осматриваюсь. Окна заставлены ширмами. Я лежу въ постелѣ; подлѣ постели столикъ съ лекарственными стеклянками, питьемъ и т. п.; въ ногахъ сидитъ какая-то женщина въ чепчикѣ; меня держать за руку. Посмотрю — это Иванъ Ивановичъ Фризель: правою рукою щупаетъ онъ мнѣ пульсъ, а въ лѣвой держитъ часы, и считаетъ біенія. На лицѣ его написаны боязнь и ожиданіе. Я хотѣлъ что-то сказать, но мнѣ удалось только вздохнуть. «Слава Богу!» сказалъ онъ по-нѣмецки: «онъ приходитъ въ себя.» Я слышалъ и видѣлъ, но собственно ничего не чувствовалъ — казалось, что органы чувствъ у меня отдѣлены отъ мозга. Мнѣ это чудилось сновидѣніемъ, но прїятнымъ, усладительнымъ. — Всмотриваюсь въ лице женщины, и узнаю, что это старая моя знакомка, Анна Ивановна. Иванъ

Ивановичъ сказалъ ей что-то, она кивнула головою въ отвѣтъ ему, и онъ вышелъ. Я уставилъ на нее глаза, и припоминалъ себѣ все, что со мною было. Мало по малу я понялъ, гдѣ нахожусь и въ какомъ положеніи. Вотъ висятъ, на прежнихъ мѣстахъ, портреты отца моего, матери и дяди. «Незабвенные друзья мои!» думалъ я: «неужели мнѣ пришла пора съ вами увидѣться? Или долженъ я еще томиться въ этомъ мѣрѣ?» — — — Долго не могъ я вымолвить слова. Анна Ивановна, видно, примѣтила внутреннее мое движеніе по лицу, подошла ко мнѣ, и подала какого-то питья. Это меня освѣжило. «Ахъ, хорошо!» сказала я. — «Слава Богу!» вскричала она: «вы говорите! Слава Богу!» — Силы мои возвращались понемногу. Часа два прошло, и я уже могъ и понимать и самъ говорить. Вошелъ мой Аѳанасій, и, увидѣвъ, что я въ памяти, перекрестился со слезами, и сказалъ: «Ахъ, сударь! мы не думали, что васъ Богъ на ноги поставитъ. Худы вы были, худы!» — На вопросъ мой, какъ все это сдѣлалось, онъ отвѣчалъ, что я, выходя у Сената изъ катера, вдругъ лишился чувствъ. Онъ съ трудомъ освободилъ меня изъ рукъ усердной полиціи, которая хотѣла было взять меня на свое родительское попеченіе, посадилъ на дрожки, и привезъ на квартиру. Послали дать знать о моей болѣзни въ департаментъ. Добрый Василій Александровичъ тотчасъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ и привезъ Фризеля. Я былъ въ безпамятствѣ. На другой день открылась жесточайшая горячка, причиненная, какъ

полагали, сильною простудою на морѣ. Фризель, не надѣясь на свои познанія, пригласилъ двухъ первыхъ врачей петербургскихъ къ себѣ на помощь, и самъ только исполнялъ ихъ предписанія. Анна Ивановна была у меня сидѣлкою, въ ожиданіи того, что ей придется варить кутью на мой похороны. По ея словамъ, я находился нѣсколько дней на краю могилы, и медики потеряли было всю надежду возвратити меня къ жизни. — Рѣчи Анны Ивановны лились рѣкою: бѣдняжка девять сутокъ молчала! Я слушалъ ее со вниманіемъ, съ жадностью и съ какою-то боязнію. Вскорѣ заговорила она о семействѣ Миллера—этого-то я ждалъ и страшился. — «Ваша болѣзнь,» говорила она: «всѣхъ перепугала. Карлъ Федоровичъ приходитъ дважды въ день, чтобъ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. На третій день вашей болѣзни, я было занемогла, такъ Марья Ивановна просидѣла ночь у вашей постели. Вы были очень безпокойны. Это ее чрезвычайно огорчило, и она съ тѣхъ поръ все плачетъ. Елисавета Карл...» — «Какъ?» спросилъ я, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ: «развѣ она здѣсь?» — «А гдѣ жъ ей быть! Вотъ добрая дочь! Еще на прошлой недѣлѣ предлагали ей ѣхать въ Москву, въ институтъ, классною дамою! Куда! викакъ не хочетъ! Рѣдкая дѣвица!» — Здѣсь?... дѣвица?... что я слышу! такъ она свободна? Эта мысль подѣйствовала на меня съ волшебною силою. Въ глазахъ у меня прояснѣло. Дыханіе сдѣлалось свободнѣе. Сердце стало биться съ большею силою. Анна Ива-

новна, не замѣчая моего волненія, продолжала: «Елисавета Карловна, тайкомъ отъ родителей, приказала отслужить молебень о вашемъ здоровьѣ, въ Андреевскомъ Соборѣ — это мнѣ сказывала Авдотья. Иванъ Карловичъ самъ бѣгаетъ въ аптеку. Да и малютки всѣ заботятся о вашемъ здоровьѣ. Братъ Карла Фёдоровича, прѣзжій, не можетъ надивиться этой любви, этой привязанности.» — Быть не можетъ, думалъ я про себя: очень помню, что Луиза выходила за Кибница. Вѣрно, это остатки моихъ болѣзненныхъ свиданій. Мучительное недоумѣніе! Спрошу! — «А что дѣлаетъ господинъ Кибницъ, то есть, отецъ?» спросилъ я. — «Богъ его знаетъ!» отвѣчала она. «Умалъ какъ камень въ воду. Ну, ужъ надѣлалъ хлопотъ! Вздумалъ присвататься, а чрезъ четыре дня отказался. Хорошо, что такъ кончилось. И съ богатыхъ-то было бы житье незавидное, а съ банкротомъ! Пусть его въ Ригѣ бьется, какъ рыба объ ледъ. Всѣхъ было стубилъ!» — Каждое слово было для меня каплею цѣлительнаго бальсама. Она продолжала говорить: рассказывала о прѣздѣ какого-то родственника изъ-за моря; о свадьбѣ Крумгольца, о томъ, что Матрена Христіановна развелась съ своимъ мужемъ послѣ двухъ мѣсяцевъ супружества, о производствѣ Ивана Карловича въ титулярные совѣтники, о высылкѣ Мюльштейна за городъ; но я едва понималъ ее — все носился въ какомъ-то морѣ неизъяснимаго услажденія, душевнаго блаженства. — Чрезъ нѣсколько времени вновь явился Фризелъ съ другимъ

докторомъ. Они обрадовались, увидѣвъ меня въ памяти, но испугались моего пульса. Я былъ въ сильномъ волненіи. Догадавшись, что этому причиною рассказы Анны Ивановны, они жестоко ее пожурили, и запретили говорить со мною. Мнѣ было все равно: я зналъ главное. Луиза свободна — моя Луиза свободна! Эта мысль заглушала во мнѣ всѣ прочія. Смерклось. Я уснулъ сладкимъ сномъ, и наслаждался пріятнѣйшими мечтаніями. Просыпаюсь на другой день, и вижу у постели моей другую женщину, мнѣ вовсе неизвѣстную. Анну Ивановну смѣнили за болтовство. Я былъ подъ самымъ строгимъ арестомъ: видѣлъ только врачей моихъ, безмолвную сидѣлку и изрѣдка Аванася. Въ другой комнатѣ слышались иногда шаги и шопотъ. На пятый день послѣ того, что я очнулся, мнѣ позволили встать съ постели — это было третьяго дня. Пришелъ Миллеръ съ женою и съ сыномъ. Какое пріятное, утѣшительное свиданіе! Мы почти ничего не говорили. Они плакали; я рыдалъ какъ ребенокъ. Послѣ этого посѣщенія, мнѣ предписано было отдохнуть сутки. Сегодня позволили писать. Вотъ я кое-какъ исписалъ листъ. Подожду отсылать на почту. Сберусь съ силами в кончу. Завтра мнѣ позволено выѣхать.

8 Октябр.

Другъ мой! Ты принималъ участіе въ моихъ горестяхъ, ты раздѣлялъ мои страданія. Теперь пора-

дуйся моему счастью, раздѣли со мною мое блаженство. Сбылось все, чего я только могъ надѣяться въ самыхъ смѣлыхъ порывахъ моего воображенія.

Дай мнѣ собраться съ духомъ. Все перескажу тебѣ съ вачала до конца. Извини, если разсказъ мой будетъ нескладенъ и безтолковъ. Я едва самъ себя помню.

Вчера Иванъ Ивановичъ объявилъ мнѣ, что я могу выѣхать въ каретѣ. Я обрадовался этому, какъ заключенный извѣстію о вынискѣ его изъ тюрьмы. «Куда жъ вы поѣдете?» спросилъ старичекъ съ улыбкою, въ которой замѣтно было нѣкоторое лукавство: «не къ намъ ли?» — «Для чего жъ и нѣтъ?» отвѣчалъ я, стараясь казаться равнодушнымъ: «я обязанъ визитомъ вашей сестрицѣ.» — «Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ любителѣ водки,» сказалъ Иванъ Ивановичъ: «который спросилъ у челоуѣка квасу, и на отвѣтъ, что дома есть только ромъ, сказалъ: «ну, подай хоть рому!» Я боюсь, чтобъ это свиданіе не разстроило васъ слишкомъ. Позвольте, я провожу васъ.» — «Съ удовольствіемъ!» отвѣчалъ я. Мы поѣхали — это было въ двѣнадцатомъ часу утра. Слишкомъ годъ не видалъ я Петербурга; радовался, что вижу опять тѣ же улицы, тѣ же дома, тѣ же лица на улицахъ; но главная мысль, что увижу Луизу, мою Луизу, свободную, ту же, что и прежде, только съ обѣщаніемъ помнитъ меня до могилы, заглушила всѣ прочія. По мѣрѣ приближенія къ ихъ дому, мнѣ все становилось страшнѣе и страшнѣе. Сердце мое

стѣснялось. Дыханіе занималось. Еще странно: по приближеніи къ дому, и когда мы всходили на крыльцо, мнѣ казалось несбыточнымъ, чтобъ я могъ увидѣть Луизу. Входимъ въ комнату. Кто-то вскрикиваетъ — и я въ изнеможеніи отъ радостнаго восторга, упадаю предъ Луизою. Меня подняли, посадили на софу — и вотъ я сижу подлѣ нея, держу ее за руку, вижу ея ангельскій ликъ, гляжу ей въ глаза. И она смотритъ на меня съ нѣжнымъ участіемъ. Мы не можемъ говорить. Входитъ Марья Ивановна; я хочу встать и пойти къ ней на встрѣчу, но она меня предупреждаетъ, заставляетъ сѣсть по-прежнему, и садится подлѣ меня въ кресла. — «Что жъ вы не здороваетесь съ Луизою?» говоритъ она. Я отвѣчаю въ смущеніи: «Я уже поздоровался съ Елисаветою Карловною!» — «Полно, полно, Дмитрій Сергѣевичъ! Нѣтъ надобности притворяться — я все знаю.» — «Что жъ такое вы знаете?» спросилъ я въ недоумѣніи. — «Что вы благороднѣйшій человѣкъ,» отвѣчала она съ чувствомъ, какого я въ ней дотогдѣ не замѣчалъ, и притомъ по-нѣмецки (это ея торжественный и официальный языкъ): «и что Луиза вась достойна. Дѣти мои! Богъ послалъ на всѣхъ насъ испытаніе, чтобъ мы въ горести и страданіи увидѣли, какъ искренно любимъ другъ друга, какимъ образомъ можемъ быть счастливы. Я видѣла, Дмитрій Сергѣевичъ, какъ нѣжно и великодушно вы пожертвовали своею склонностью, когда могли думать, что это нужно для нашего счастья. Луиза! и твоѣ намѣреніе за-

быть человека тебѣ любезнаго, выйти за другаго — единственно для того, чтобъ усладить старость твоихъ родителей, отъ меня не укрывалась. Къ несчастію, я увидѣла все это, когда уже поздно было. Я молчала, какъ и всѣ. Богъ услышалъ мою тайную молитву. Вы къ намъ возвратились; но въ какомъ ужасномъ состояніи! Извѣстіемъ о вашей опасности братецъ перепугалъ всѣхъ насъ. Мы къ вамъ бросились, и нашли васъ въ безсмысленствѣ. На третью ночь болѣзни пришлось мнѣ сидѣть у вашей постели. Вы тихо уснули, и я, чтобъ не задрѣмать, позвала вашего Аванася, и стала спрашивать его о вашемъ путешествіи. Этотъ добрый человекъ открылъ мнѣ все, и самъ того не зная. Онъ разсказалъ мнѣ, въ какомъ разстройствѣ вы оставили Петербургъ, какъ всякое воспоминаніе о нашемъ домѣ васъ и утѣшало и огорчало. Онъ подалъ мнѣ бумажкичъ вашъ, и въ немъ увидѣла я портретъ ея съ надписью: *До мамы!* И вдругъ вы заговорили во снѣ: «Нѣтъ! нѣтъ! не ѣду на Ригу; она тамъ; утоплюсь въ морѣ!» Аванасій растолковалъ мнѣ, что вы поѣхали моремъ, боясь какой-то встрѣчи въ Ригѣ. Я догадалась. Онъ мнѣ еще много кое-чего разсказывалъ: о какомъ-то наслѣдствѣ, о четырехъ стахъ душалъ; но это было дѣло постороннее. Главное я узнала: вы любите Луизу, и она любитъ васъ — *дѣти мои! я васъ благословляю!*» —

Вообрази! при сихъ словахъ она сложила наши руки. Я чувствовала не радость, не восторгъ, но

какое-то унылое, томное услаждение. Мысль о смерти въ послѣдніе дни такъ часто представлялась моему воображенію, что мнѣ теперь казалось, будто я уже умеръ, будто ангель, въ видѣ Луизы, срѣтаетъ мою душу! Я ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Первый изъ насъ опомнился Иванъ Ивановичъ. — «Прекрасно! неподобно, сестрица!» сказалъ онъ: «это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о принцессѣ Стратонисѣ, которая также вышла замужъ за конвалесцента. Только, подумала ли ты о твоёмъ мужѣ? Что скажетъ Карлъ Фёдоровичъ? Со времени прѣзда брата, онъ сдѣлался еще ревностиѣе къ своей религіи, къ своей націи.» — «Пустое!» закричала Марья Ивановна съ отважностью, какой я въ ней прежде не замѣчалъ. «Какъ можно изъ предразсудковъ губить свое дѣтище и все семейство? Хорошъ былъ лютеранскій ея женихъ! Я успѣю уговорить его, а братъ его еще мнѣ поможетъ: онъ души въ Русскихъ не слышитъ.» — «Что это за братъ?» спросилъ я съ безпокойствомъ. — «Братъ мужа моего,» отвѣчала Марья Ивановна: «онъ прѣхалъ къ намъ выгнаннымъ лѣтомъ изъ-за моря. Много тамъ горя натерѣлся. Онъ живетъ у насъ — человекъ добрый и тихій. Они оба скоро воротятся домой. Статочное ли дѣло, мѣшать счастьемъ дочери!» —

Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ. Марья Ивановна поблѣднѣла: храбрость ея была непродолжительна. Всѣ мы были въ смущеніи, въ недоумѣніи, въ страхѣ.

Входитъ Миллеръ съ братомъ своимъ. «Ну, слава

Богу, Дмитрий Сергѣевичъ!» говорить онъ, увидѣвъ меня: «слава Богу, что я васъ у себя вижу!» Съ этими словами приближается онъ ко мнѣ, чтобъ обнять меня; но братъ его опережаетъ, и бросается предо мною на колѣни, съ восклицаніемъ: «Это онъ! это онъ!» — Всѣ испугались. «Кто онъ?» спрашиваетъ Миллеръ. — «Онъ! онъ! тотъ русскій чиновникъ, о которомъ я сто разъ твердилъ вамъ, который въ Страсбургъ спасъ меня и товарищей моихъ отъ гиліотины! Благодаритель мой! наконецъ я васъ нашелъ. Богъ услышалъ мои молитвы.» — «Я не знаю, не помню васъ!» отвѣчалъ я ему, и это была правда: я въ самомъ дѣлѣ не помнилъ его лица. — «А я помню!» отвѣчалъ онъ: «вы не хотѣли слышать изъясненія нашей благодарности, убѣжали въ другую комнату, потомъ тайкомъ вышли изъ дому и уѣхали изъ Страсбурга. На другой день выступила оттуда и союзная армія. Никто не могъ сказать мнѣ вашей фамиліи. Но это вы, вы!» — «Перестаньте запыряться!» сказала Миллеръ: «вы спасли моего брата отъ смерти, вы доказали его невинность!» — «Ахъ, вѣтъ! не я!» отвѣчалъ я: «а вы, Луиза!» — Засимъ разсказалъ я все, какъ было, и въ жару повѣствованія забылся до того, что говорилъ Миллеру открыто, явно о любви моей къ его дочери, какъ будто бы это уже было ему извѣстно. Разсказъ мой всѣхъ привелъ въ умиленіе. «И такъ вы все еще любите дочь мою?» спросилъ Миллеръ. Я затрепеталъ и не могъ отвѣчать. — «Такъ возьмите ее и будьте счастливы!» — «Карлъ

Федоровичъ!» сказала Марья Ивановна въ подголоса: «ты забылъ объ одномъ.» — «Знаю и не забылъ!» отвѣчалъ онъ: «но хоть бы онъ былъ Татаринъ, онъ заслужилъ Луизу! Онъ спасъ моего брата, онъ человекъ благородный! Ты будешь съ нимъ счастлива, моя Луиза!»

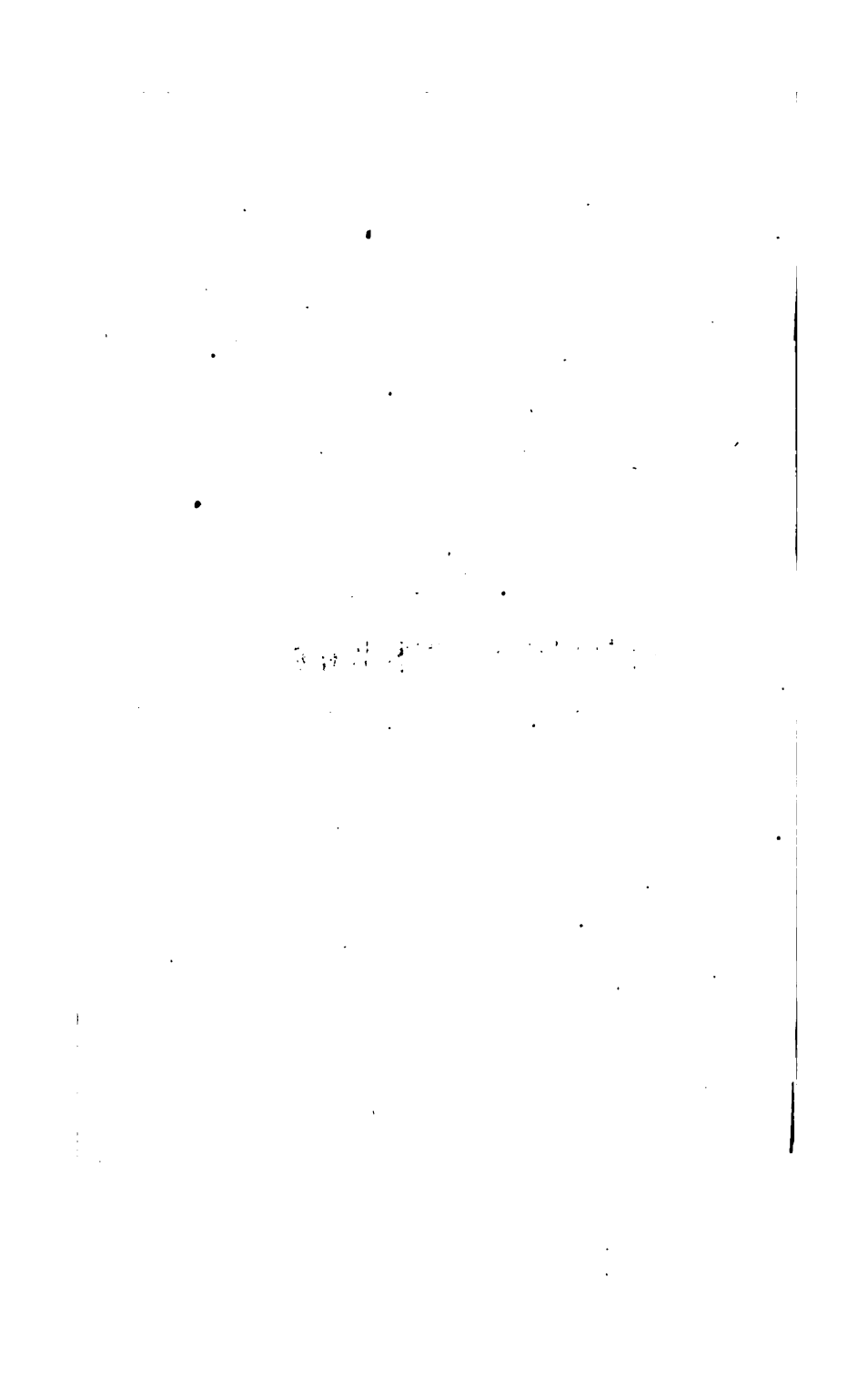
Что за этимъ послѣдовало, того не только написать, но и припомнить я не въ состояннн. Весь вчерашннй день провелъ я у нихъ, и разставаясь послѣ вечера, прожитаго по-старому, въ первый разъ поцѣловалъ свою невѣсту.

Возвратясь домой, бросился я на колѣни предъ изображеннми моихъ почившихъ друзей, и молилъ ихъ благословить бракъ мой, основанный на пламенной любви къ благороднѣйшей женщинѣ.

Сегодня всталъ я, обновленный силами и здоровьемемъ. Первымъ долгомъ счелъ написать къ тебѣ, и подѣлиться моимъ счастьемъ.

Со временемъ сообщу тебѣ подробности. Теперь живу въ неземномъ мирѣ, наслаждаюсь счастьемъ неизъяснимымъ, и благославляю свою *поѣздку въ Германію!*

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.



ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.



ПОЪЗДКА

ВО

ФРАНЦІЮ, ГЕРМАНІЮ И ШВЕЙЦАРІЮ.

въ 1817 году.

Письма къ А. Е. Измайлову.

I.

Корабль «Изъ тронъ моя.» На якорѣ близъ Борнгольма. 24 Мая 1817.

Разставаясь съ вами, почтеннѣйшій Александръ Ефимовичъ, я далъ вамъ слово быть въ дорогѣ вѣрнымъ вашимъ сотрудникомъ въ изданіи «Сына Отечества,» сообщеніемъ извѣстій о моемъ странствіи. Исполненіе этого обѣщанія кажется мнѣ нынѣ гораздо

труднѣе, нежели какъ я думалъ прежде. Мнѣ весьма непріятно говорить о себѣ предъ публикою, которой очень мало нужды знать, гдѣ въ такое-то время находился прежній ея поденщикъ. Притомъ же я привыкъ смотрѣть на всѣ предметы глазами прозаика. Воображеніе мое очень упрямо: оно никакъ не хочетъ ни украсить, ни увеличить видимыхъ мною предметовъ, когда они не занимаютъ ума, не трогаютъ моего сердца. По сей причинѣ долженъ я опасаться, что вы найдете замѣчанія мои слишкомъ сухими въ сравненіи съ описаніями другихъ путешественниковъ: у меня нѣтъ того волшебнаго стограннаго стеклышка, сквозь которое эти добрые люди видятъ чудеса тамъ, гдѣ мнѣ представляются только самыя обыкновенныя вещи. Съ другой стороны долженъ я ожидать упрековъ и въ томъ, что не довольно точно изображаю тѣ дѣйствительно важныя и величественныя предметы, которые мнѣ здѣсь представляются: ихъ такъ много и они столь разнообразны, что я не знаю, съ котораго начать. Наконецъ и выходитъ, что я долженъ подвергнуться первому изъ исчисленныхъ мною неудобствъ: говорить о себѣ, представлять предметы такими, какъ они мнѣ кажутся и.... Но длинное мое предисловіе васъ утомило.

«Ну къ чорту вкусъ и умъ! пишите въ добрый часъ.»

восклицаете вы изъ-за тысячи верстъ — повинуюсь.

Въ прошедшій понедѣльникъ, 14-го Мая, въ пять часовъ по полудни, отправился я изъ Петербурга на катеръ къ эскадрѣ. Могу ли надвѣяться, что въ точности изображу чувства, которыя волновали меня въ сія минуты разлуки со всѣмъ тѣмъ, что меня привязываетъ къ жизни?... Вскорѣ памятникъ Петра Великаго, Исакиевскій Мостъ, Набережная Васильевского Острова, Новое Адмиралтейство и Галерный Портъ скрылись отъ глазъ нашихъ. Сѣрые берега Ингерманландіи и Кареліи окружали горизонтъ. Подулъ вѣтерокъ; гребцы поставили паруса, и въ десять часовъ прибыли мы къ Кронштадту. — Не выходя на берегъ, пристали мы на рейдѣ прямо къ кораблю: «Не тронь меня,» на который назначены. Не могу довольно сильно изобразить вамъ дружелюбія и ласки, съ которыми приняли меня Гг. командующіе кораблемъ и всѣ офицеры. Вамъ извѣстно давнишнее мое предубѣжденіе въ пользу морскихъ офицеровъ: оно основано не на какой либо съ ними связи, а на точной увѣренности, что ни въ одномъ родѣ службы нѣтъ у насъ столько людей истинно благородныхъ, образованныхъ ученіемъ, добродушныхъ и особенно между собою дружныхъ. Свѣтъ недавно видѣлъ блистательныя тому доказательства въ подвигахъ Головинна и Рикорда. Дружба Хвостова и Давыдова, неразлучныхъ въ жизни и смерти, также должна возбудить искреннее къ нимъ уваженіе. Такая дружба соединяетъ почти всѣхъ ихъ, и они готовы доказать ее при первомъ случаѣ. Причины этому очевидны:

главнѣйшая изъ нихъ есть воспитаніе. Всѣ флотскіе офицеры (за исключеніемъ весьма немногихъ) воспитаны въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, и съ младенчества привыкли любить другъ друга. Общія труды и общія опасности въ послѣдствіи укрѣпляютъ сей узелъ, и дѣлаютъ его на всю жизнь неразрывнымъ. Дружество, подобно кроткому, благотельному божеству, сопутствуетъ имъ въ плаваніи по бурнымъ морямъ, охраняетъ и услаждаетъ дни ихъ. Оно очаровываетъ и всякаго, кто войдетъ съ ними въ знакомство. Едва успѣлъ я представиться адмиралу, какъ очутился за общимъ столомъ, гдѣ господствовали непринужденность, пріязнь и веселость. Послѣ ужина отвели меня въ назначенную мнѣ каюту; но я во всю ночь не могъ заснуть отъ мечтаній и воспоминаній, тревожившихъ мое воображеніе. Иногда казалось мнѣ, что я еще въ кругу своихъ домашнихъ, что прощаюсь съ дѣтьми моими; тщетно старался я удержать эту пріятную картину въ моей памяти: ее смѣняло зрѣлище присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ я былъ по дѣламъ своимъ наканунѣ; потомъ вдругъ представлялись мнѣ наши Бави, Мевин и вся безграмотная сволочь, какъ они, свѣдавъ объ отъѣздѣ моемъ, заказываютъ у Луи ужинъ; но узнавъ, что вы будете продолжать Сына Отечества, теряютъ аппетитъ и берутъ задатокъ назадъ. — Я всталъ въ три часа, и вышелъ на палубу. Тамъ, судя по шуму и по работѣ, былъ уже полдень. Прекрасная картина! Утреннее солнце освѣщаетъ колокольни Кронштадта,

который съ моря представляется въ самомъ выгодномъ видѣ, и верхи цѣлаго лѣса мачтъ въ купеческой гавани. — Наша эскадра вытянулась на рейдѣ въ прямой линіи. Она состоитъ изъ слѣдующихъ осьми семидесятичетырехъ—пушечныхъ кораблей: 1) вице-адмиральскій, Трехъ Іерарховъ; 2) перваго контръ-адмирала, Мирносецъ; 3) втораго контръ-адмирала, Не тронь меня; 4) Берлианъ; 5) Гамбургъ; 6) Орелъ; 7) Сѣверная Звѣзда; 8) Принцъ Густавъ. Сверхъ того принадлежать къ ней: 44 пушечный фрегатъ Аргусъ и 20 пушечный бригъ Меркурій. Всѣ линійные корабли (кромѣ Мирносеца) построены въ Архангельскѣ русскимъ корабельнымъ мастеромъ Курочкинымъ, и отличаются во всемъ флотѣ особенною прочностью и легкостью въ ходу. Эскадра состоитъ подъ начальствомъ искуснаго и храбраго вице-адмирала Р. В. Кроуна, и контръ-адмираловъ М. М. Муравьева и А. А. Огильви. Я имѣю счастье плыть на кораблѣ послѣдняго — повторяю слово: счастье; дѣйствительно, я не ожидалъ столь хорошаго приѣма, помѣщенія и такихъ удобствъ въ пути. Не знаю, извѣстно ли вамъ построеніе и устройство линійнаго корабля: это городъ, это міръ въ маломъ видѣ. Я увѣренъ, что мудрецъ древности, расказавшійся въ томъ, что отправился водою, а не сухимъ путемъ (или, какъ говорятъ моряки, *берегомъ*), перемѣнилъ бы свои мысли, побывавъ на нынѣшнихъ военныхъ судахъ. Вообразите корабль длиною во 178, а шириною въ 48 англійскихъ футовъ. Кормовая его

часть занята капитанскою каютою (что на нашемъ **Нетронѣ** *) адмиральская), состоящею изъ двухъ большихъ и двухъ малыхъ комнатъ, свѣтлыхъ и пріятныхъ. Отъ входа въ эту каюту до большой мачты (протъ-мачты) простирается открытое мѣсто на 25 шаговъ, называемое шканпами; оно есть какъ бы присутственное мѣсто корабля: на немъ отдаются приказанія, собирается совѣтъ, ведутъ ежечасный журналъ плаванія и всѣхъ происшествій; во время стоянія на якорѣ тамъ находится караулъ, и проч. и проч. Это же мѣсто служитъ пассажирамъ и свободнымъ отъ вахты офицерамъ вмѣсто бульвара. Пространство отъ большой мачты на столько же шаговъ къ носовой части корабля, называемое шкафутомъ, занято въ срединѣ гребными судами, баркасами, катерами и проч.; остальное же мѣсто до носа именуется бакомъ. Тамъ находится колоколь, въ который бьютъ часы **) и рынду; туда сажаютъ подъ арестъ, тамъ

*) На **Нетронѣ**, съ **Нетроня**, за **Нетронемъ** — такъ склоняютъ это имя нижніе чины, такъ привыкли употреблять его и всѣ. Извѣстное наше обыкновеніе, коверкать иностранныя и трудныя имена, во всей силѣ господствуетъ во флотѣ. Корабль **Трехъ Іерарховъ** называютъ *матросы Трахъ-Тараравъ*, новый корабль **Феръ-Шампенуазъ** величается *Фершель у насъ*. Кронштадтская цитадель именуется *чудодолью*. Англійскія и голландскія слова, введенныя въ кораблеплаваніе, совершенно обрусѣли: fall unter, напрямѣръ, означающее, что сверху что нибудь бросаютъ, выговаривается *палундра*.

**) Или, по морскому, *стклянку*. На морѣ употребляютъ

расчитываются ливнями и проч. Это все на поверхности корабля. Крыша над капитанскою каютою плоская и называется ютомъ: на ней поднимаются сигналы и телеграфъ, наблюдаются движенія другихъ кораблей, берется высота солнца, исчисляется мѣсто стоянія и проч. Тамъ же обыкновенно бываетъ адмиралъ. — Спуститесь со шканецъ, по лѣсенкѣ, ступеней въ десять, и вы очутитесь въ верхней палубѣ. Подъ капитанскою каютою находится въ ней каюта-компани, или большая, свѣтлая зала длиною въ 20, шириною въ 10 шаговъ. Въ ней офицеры обѣдаютъ, ужинаютъ и проводятъ свободное отъ службы время. По сторонамъ ея находятся офицерскія каюты — небольшие чистенькія комнатки, снабженныя всѣми нужными мебелями, только большею частію на привязи *). Кроватей нѣтъ, а въ каждой каютѣ висятъ по одной или по двѣ койки, въ которыхъ спать едва ли не покойнѣе, нежели въ обыкновенныхъ постеляхъ. Чистота и порядокъ въ каютахъ примѣрны. Выйдемъ-те изъ каюты-компани опять на верхнюю палубу. Сперва представляется по правую руку церковь, и за нею

ся пѣсочные часы. Черезъ каждые полчаса оборачиваютъ сткланку малую, а черезъ четыре часа большую. Рындю (съ англійскаго: ring the bell; по нашему: *рынду бой*) называется особый бой въ колоколъ, которымъ означается полдень.

*) Во время сраженія всѣ перегородки, которыми отдѣлены каюты, поднимаются вверхъ на крючьяхъ; всѣ вещи изъ каютъ выносятся, и пушки остаются на свободѣ.

мѣсто, за краснымъ сукномъ, отведенное для жительства священнику. На лѣвой сторонѣ, за сукномъ же, помѣщаются нѣкоторые изъ пассажировъ. Впереди, посреди палубы, находится большой шпиль, по которому навертывается канатъ якорный. Пройдите нѣсколько шаговъ, и очутитесь подлѣ образчика Ноева ковчега: въ преобладающей клѣткѣ обитаютъ козы, бараны, свиньи, гуси, куры и проч. Подлѣ этой клѣтки стоитъ у насъ англійская карета одного пассажира. Далѣе, на лѣвой сторонѣ, кузница, а на правой столарная: въ обѣихъ работаютъ почти безпрестанно. Засимъ посреди палубы кухня, разгороженная на нѣсколько отдѣленій; наконецъ, на правой сторонѣ, отгороженное вплоть до потолка мѣсто, занимаемое аптекою и лазаретомъ. На лѣвой же сторонѣ чанъ съ водою, вокругъ котораго собираются старые матросы курить табакъ и толковать о — политикѣ. Не забудьте, что все это находится въ одномъ ярусѣ. Притомъ я не исчислялъ и третьей доли всего, что въ немъ помѣщено, и совершенно забылъ упомянуть объ огромныхъ пушкахъ и каронадахъ, стоящихъ въ грозномъ величїи подлѣ спокойныхъ коекъ, о ядрахъ, пудовыхъ и полупудовыхъ, которыми красиво унизаны края всѣхъ люковъ, т. е. сходовъ, и пр. и пр. Въ кормовой части (или констапельской) нижней палубы находятся канцелярія, швальня, жилища комиссаровъ, штурмановъ, учениковъ ихъ и проч., а далѣе простираются мѣста для жительства матросовъ. Въ низшемъ ярусѣ, или такъ называемомъ кубрикѣ, находящемся

уже въ подводной части корабля, устроены, вокруг большой залы, каюты младшихъ офицеровъ. По недостатку дневнаго свѣта съ боковъ, и невозможности выпускать оный сверху, тамъ всегда горятъ свѣчи. Хотя воздухъ на кубрикѣ спертъ и сначала кажется тяжелымъ, но, какъ говорятъ, весьма здоровъ и особенно полезенъ для людей слабогрудыхъ и чахотвыхъ. Во время сраженія всѣ вещи выносятся изъ верхнихъ каютъ въ кубрикъ; тамъ находятся также священникъ и медицинскіе чиновники для принятія и перевязки раненыхъ. Сверхъ сихъ каютъ помѣщаются въ кубрикѣ магазинъ шкиперскихъ припасовъ и запасный хлѣбный явбаръ, или бродъ-камера. Въ самомъ нижнемъ ярусѣ, или трюмѣ, находятся двѣ крытыя-камеры, или пороховыя казны: малая въ кормовой, а большая въ носовой части, капитанскій погребецъ, ахтеръ-люкъ, или магазинъ мяса, вина и прочихъ припасовъ, и наконецъ водяной трюмъ, или огромный погребецъ, въ которомъ лежатъ, въ три и четыре ряда, нѣсколько сотъ бочекъ прѣсной воды, многія въ 60 и до 70 ведеръ. Какое мѣсто должны занимать съѣстные припасы, можете заключать изъ того, что ихъ заготовлено для продовольствія пяти сотъ человекъ въ теченіе шести мѣсяцевъ!

15-го Мая, въ семь часовъ утра, пушечные выстрѣлы съ корабля Берлинъ, стоящаго на краю линіи, возвѣстили, что на немъ депутатскій смотръ уже кончился. По установленію Петра Великаго, наблюдаемому въ строгости до нынѣшнихъ временъ, предъ

отправленіемъ кораблей въ походъ, прѣзжаютъ морской министръ, члены Адмиралтействъ-Коллегіи, начальники порта и пр., осматриваютъ корабль, отвѣдываютъ пищу и заготовленные припасы, и спрашиваютъ команду, все ли принято ею, что положено давать по уставу. По прѣздѣ депутатовъ, караулъ выходитъ въ ружье, играетъ музыка: по отбытіи же ихъ салютуютъ изъ пушекъ, и матросы, ставъ по реяль (поперечнымъ мачтамъ), кричатъ: ура! Смотръ кончился въ одиннадцать часовъ. Отплытіе отложено до слѣдующаго дня. Нѣкоторые офицеры и пассажиры съѣхали на берегъ, чтобъ проститься съ своими. Изъ Петербурга прибыли многіе посѣтители, провожающіе родныхъ. Вечеромъ приказано было сигналомъ изготовиться къ походу, а на другой день рано поутру поднять на кораблѣ гребныя суда, и прекратить всякое сообщеніе съ берегомъ. Въ двѣнадцатомъ часу приказали поднять якоря. Ровно въ полдень вице-адмиралъ, отдавъ честь Кронштадтской Крѣпости пушечными выстрѣлами, двинулся въ море, а за нимъ и всѣ прочіе. Кронштадтскія колокольни, мало по малу уменьшаясь, долго видны были на горизонтѣ при ясномъ солнцѣ, и послѣ обѣда сокрылись.

На эскадрѣ находятся много пассажировъ, отправляющихся при семъ случаѣ во Францію и въ Англію, между прочими генералъ Фейшъ, Сардинскій посланникъ Графъ Местръ и многіе другіе. На «Не тронь меня» ѣдутъ: супруга, дѣти и племянница знаменитаго военнаго писателя генерала Ба-

рона Жомини, еще одна дѣвица, чиновникъ, везущій припасы въ корпусъ Графа Воронцова, Французъ пирожникъ, котораго матросы называютъ, по какому-то врожденному чувству, учителемъ, и эксъ-журналистъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ *греческаго сочинителя*.

Г. Жомини проводилъ свое семейство на корабль. По причинѣ крайней слабости своего здоровья, онъ самъ рѣшился ѣхать сухимъ путемъ, ибо въ прошломъ году жестоко страдалъ во время переѣзда изъ Любека въ Россію на купеческомъ судѣ; но взошелъ на нашъ корабль, услышавъ громъ пушекъ и звукъ барабановъ, трубъ и флейтъ, увидѣвъ карауль подъ ружьемъ и во всемъ воинское устройство, нашедъ, вмѣсто грубаго любскаго шкипера, благовоспитанныхъ офицеровъ, украшенныхъ заслуженными кровью знаками отличія, онъ раскаялся въ своемъ предпріятіи, и говорилъ, что если бѣ было еще время, то конечно перемѣнилъ бы планъ своего путешествія....

Подулъ попутный вѣтеръ; подняли всѣ паруса. Сескаръ, грозный Гохландъ, башни ревелскія, маякъ лагерортскій промелькнули мимо глазъ нашихъ. Мы благополучно вышли изъ Финскаго Залива, и вскорѣ (20 Мая) очутились близъ Готланда; но тутъ счастье намъ измѣнилось: вѣтеръ сдѣлался противнымъ; надлежало лавировать. Съ трудомъ обошли мы Готландъ и Эландъ. Показалась влѣвъ на острову датская крѣпость Христиансёръ — какъ въ театральной декорации. «Вотъ и Борнгольмъ!» сказалъ штурманъ; мы

всѣ кинулись съ зрительными трубками на палуба. Очаровательная сила истиннаго таланта! Тридцать страницъ, написанныхъ за двадцать четыре года предъ симъ, сдѣлали этотъ островъ любезнымъ и важнымъ всякому Русскому. Датчане не могутъ надивиться любопытству, съ какимъ Русскіе, особенно приходящіе сюда въ первый разъ, смотрятъ на Борнгольмъ, занимающій въ числѣ острововъ Даниіи одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Вскорѣ мы къ нему приблизились на такое разстояніе, что могли простыми глазами различать всѣ предметы. Подводные камни и грозные скалы приданы ему воображеніемъ поэта. Мы смотрѣли на Борнгольмъ съ сѣверной стороны: онъ довольно высокъ; покрытъ лугами яркой зелени, которые пересѣкаются кустарникомъ, хорошо обработанъ, и представляетъ видъ англійскаго парка. Близъ самаго берега примѣтили мы два селенія, состоящіа изъ бѣленькихъ домиковъ съ красными кровлями, правильно построенныхъ и расположенныхъ. За сѣверозападнымъ мысомъ, который покрытъ пескомъ, возвышаются развалины древняго замка; одна башня съ зубцами, нѣсколько стѣнъ и ограда садовая. Вѣроятно, что живописное зрѣлище сихъ развалинъ подало мысль къ сочиненію повѣсти. Для насъ Борнгольмъ былъ волшебнымъ островомъ Калипсы: лишь только мы прошли мимо его, поднялся пресильный противный вѣтеръ. На одномъ изъ нашихъ кораблей сломало стеньги (верхнія части мачтъ), и, при наступленіи ночи, вице-адмиралъ приказалъ всей эскадрѣ спуститься назадъ къ

Борнгольму, и кинуть якорь (23 Мая). Я надѣялся, что можно будетъ съѣхать на берегъ и посмотрѣть острова — тщетно! Три дня продолжался сильный западный ветеръ; нельзя было спустить гребныхъ судовъ. Однажды хотѣли послать къ вице-адмиралу офицера съ бумагами, но онъ долженъ былъ воротиться. Единобразіе стоянія на якорѣ было нечувствительно въ пріятной бесѣдѣ. Смотри на зеленые ковры, покрывающіе близлежащій Борнгольмъ, читали мы нѣсколько разъ, и всегда съ новымъ удовольствіемъ, повѣсть Карамзина. — Жители прибрежныхъ селеній, на легкихъ челнокахъ своихъ, часто прѣзжали къ кораблямъ съ разными свѣжими припасами. Я замѣтилъ при семъ случаѣ особую смѣтливость простаго русскаго народа объясняться съ иностранцами: офицеры наши съ большимъ трудомъ могли посредствомъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и англійскихъ словъ торговаться съ датскими крестьянами; матросы же, напротивъ того, вмѣгъ понимали ихъ, и сообщали имъ отвѣты посредствомъ общепонятныхъ звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ какомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ тѣлодвиженій. — Мы сказывали, что наши матросы очень хорошо уживаются съ англійскими, которые, презирая и ненавидя, какъ извѣстно, всѣхъ чужестранцевъ, не включаютъ въ это число Русскихъ. Замѣтивъ обыкновенную поговорку Англійской черни: I say (я говорю), наши прозвали ихъ Асеями. За вторую чаркою величаютъ они ихъ Асеюшка, стариковъ Асечъ, а женщинъ Асеевна.

Пушечный выстрѣлъ! Разноцвѣтные флаги поднимаются на кормахъ *): это сигналъ къ походу. Велѣно выступить въ два часа ночи. Прощайте до Копенгагена!

II.

Гельзингерскій рейдъ, Маг 31.

Въ послѣднемъ письмѣ извѣстилъ я васъ объ отплытіи изъ Борнгольма. Плаваніе наше было довольно

*) Днемъ сигналы означаются флагами, которыхъ число должно быть десять; каждый изъ нихъ означаетъ одну изъ десяти цифръ, а порядокъ, въ которомъ они подняты, показываетъ единица ли она, десятокъ или сотня. — Такимъ образомъ, посредствомъ десяти (и еще немногихъ прибавочныхъ и замѣнительныхъ) сигналовъ, можно показать до тысячи разныхъ повелѣній, извѣстій и т. п., написанныхъ подъ номерами въ особыхъ книжкахъ. Ночью сигналы дѣлаются пушечными выстрѣлами и фонарями; въ густомъ туманѣ одними выстрѣлами. Сверхъ сигнальныхъ флаговъ есть на каждомъ кораблѣ телеграфъ, который также показывается флагами и основанъ на лексиконѣ, заключающемъ въ себѣ, подъ номерами, азбуку и до трехъ тысячъ самыхъ употребительныхъ словъ. — Иногда, въ ясную погоду, офицеры забавляли дамъ нашихъ дѣйствіями телеграфа, навѣдывались о здоровьѣ пассажировъ, вѣдушихъ на другихъ корабляхъ и проч.

благополучно. На другой день (28 Мая) увидѣли мы предъ собою бѣлые, крутые берега датскаго острова Меуна, или Мозна, состоящіе изъ гѣла, и представляющіе прекрасный видъ въ противоположности съ зеленымъ цвѣтомъ воды и синевою неба. Лишь только обогнули мы южную оконечность шведскаго берега, или мысъ Фальстербо, вѣтеръ подулъ опять съ запада и довольно крѣпко; за часъ предъ тѣмъ онъ принудилъ бы насъ остановиться въ прежнемъ мѣстѣ или лавировать, но теперь несъ прямо къ Зунду. Мы шли узловъ по десяти въ часъ *). Вскорѣ показалися на лѣво берега датскіе, впереди башни Копенгагена, вправѣ Швеція. Мы быстро промчались мимо датской столицы. Городъ представляетъ съ моря прекрасную картину. Окрестности его и берега Зунда, зелѣниются и цвѣтущіе, усѣяны деревеньками: крестьянскіе дома, всѣ бѣлые съ красными крышами. Близъ города на высотахъ стоитъ множество вѣтряныхъ мельницъ. Въ самомъ Копенгагенѣ возвышаются пять или шесть башенъ со шпицами, видно адмиралтейство съ магазинами и пр., а изъ-за него многіе дома. Въ раз-

*) Ходъ корабля измѣряется лагомъ, или тоненькою веревочкою, раздѣленною на узлы, которая бросается съ кормы чрезъ каждыя полчаса. Узелъ означаетъ одну итальянскую милю, или $1\frac{1}{2}$ русской версты. Самый большой ходъ бываетъ по 12 узловъ, или 20 верстъ въ часъ, но во Франціи былъ фрегатъ, который ходилъ по 16 узловъ.

ныхъ мѣстахъ приметны еще слѣды опустошенія и пожара, бывшихъ при осадѣ этого города Англичанами въ Сентябрѣ 1807 года. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось посмотрѣть города, но вице-адмиралъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, непрерывно подавалъ сигналы прибавлять паруса, и мы летѣли какъ изъ лука стрѣла. На правомъ берегу представился намъ прекрасный шведскій городъ Ландскрона, и вскорѣ, равно какъ и Копенгагенъ, скрылся изъ глазъ нашихъ. Вправѣ показался необитаемый и непринадлежащій ни которой изъ смежныхъ державъ, крутоберегій островъ Гвенъ, или Вѣна, съ маякомъ. Петру Великому хотѣлось приобрѣсть во владѣнїе сейпунктъ, который могъ бы быть весьма важенъ для русскаго мореплаванія; но Датскій Король на это не согласился, а со Шведами и тогда менѣе можно было поладить. Способъ, который употребилъ Петръ для предложенія своего требованія, а Король для смягченія отказа, былъ, если вѣрить преданію, весьма оригиналенъ. Они оба сидѣли за картою Даніи. Петръ предложилъ Королю уступить островъ за такое количество серебра, которымъ можно было бы покрыть всю его поверхность. Король согласился. Петръ вынулъ изъ кармана рублевикъ, и покрылъ имъ изображеніе острова на картѣ. «Теперь онъ мой,» сказалъ онъ Королю. «Вашъ,» отвѣчалъ Король: «примите его во владѣнїе.» Вынулъ изъ кармана ножницы, вырѣзалъ изъ карты мѣсто, покрытое рублемъ, и подаль Петру. Оба они разсмѣялись, и за шутками послѣдовали

настоящіе переговоры объ уступкѣ, но они были не такъ удачны, какъ первые.

Вотъ и Гельзингеръ! Пушечнымъ выстрѣломъ съ вице-адмиральскаго корабля приказано бросить якорь. Мы остановились неподалеку отъ берега, но съѣхать съ корабля нельзя. Сильное волненіе и крѣпкій вѣтеръ препятствуютъ гребнымъ судамъ ходить по проливу. Разъѣзжаютъ только лодки лоцмановъ съ полосатыми парусами, и прибрежныхъ жителей съ красными, бумажными. Глазъ видить, да зубъ неймае! Впрочемъ картина Зунда такъ прелестна и разнообразна, что и съ палубы довольно можетъ занять любовытнаго путешественника. Всего разительнѣе противоположность датскаго берега со шведскимъ, подобная различію характера сихъ двухъ народовъ, которые образомъ мыслей раздѣляются гораздо сильнѣе, нежели бурными волнами Каттегата. Датскій берегъ представляетъ непрерывную зеленую волнистую полосу, усѣянную миловидными загородными домами и деревеньками, и увѣчиваемую кудрявымъ лѣсомъ. Вокругъ города Гельзингера, весьма ясно видимаго съ рейда, непрерывное движеніе: на водѣ движутся корабли всѣхъ націй подъ разноцвѣтными вымпелами; на берегу работаютъ вѣтряныя мельницы. Далѣе крѣпость Кронборгъ — не грозное укрѣпленіе въ угрюмыхъ скалахъ, какъ Свеаборгъ или Гибралтаръ, — а древній замокъ съ остроковечными башнями, возбуждающими воспоминанія о пштитическихъ временахъ рыцарства. Укрѣпленія его весьма низки, и я не думаю,

чтобъ онъ могъ долго противиться дѣйствию пушекъ съ линійныхъ кораблей. Въ 1807 году Англичане его обошли, придерживаясь къ берегу Швеціи. За крѣпостью находится прекрасный королевскій дворецъ посреди большого англійскаго сада, простирающагося по морскому берегу. — Теперь взгляните на противоположащій шведскій берегъ. Надъ водою возвышаются грѣзныя, крутыя скалы, изрѣдка покрытыя скудною, желтоватою зеленью. Дальніе утесы и горы синѣютъ надъ ними. Городъ Гельсингборгъ построенъ внизу, подлѣ самаго берега. Темнокрасный цвѣтъ домовъ и городской башни придаетъ ему видъ унылый, несмѣняемый ни лугами, ни рощами. Мнѣ крайне хотѣлось повѣрить свои поверхностныя, наружныя наблюденія надъ жителями обѣихъ странъ; хотѣлось побывать въ каждой часа по два, и потому подвести итогъ; но это желаніе принадлежитъ къ числу невозможностей. Вице-адмиралъ, отправивъ на берегъ рапорты о прибытіи своемъ къ Зунду, и о томъ, что немедленно пойдетъ далѣе, приказалъ, при первомъ сигналѣ, сняться съ якоря. Утѣшаясь тѣмъ, что мнѣ удалось отправить на берегъ письмо къ своимъ, и увѣдомить ихъ о благополучномъ моемъ странствіи. Датскій флотскій офицеръ, пріѣзжавшій къ намъ поздравить вице-адмирала съ прибытіемъ на рейдъ, съ величайшею услужливостью взялся отдать письмо мое на почту. Сколько я могъ примѣтить изъ обхожденія Датчанъ, которыхъ мнѣ удавалось видѣть, они гораздо ласковѣе, учтивѣе и дружелюбнѣе къ иностранцамъ,

нежели близкіе ихъ сосѣди, Шведы. Географическое положеніе земель ихъ имѣеть немалое на то вліяніе. Шведы обитаютъ въ странѣ дикой, суровой, отдаленной отъ другихъ земель морями и сибѣжными пустынями. Датчане живутъ на плодоносныхъ островахъ и полуостровѣ, соединенномъ съ материкомъ Европы; главный городъ ихъ находится въ такомъ мѣстѣ, которое должны посѣщать всѣ народы Европы. Обращеніе съ людьми смягчаетъ и образуетъ нравы; но устраниеніе и суровость климата имѣють и хорошее дѣйствіе на характеръ народа: они придаютъ ему вѣстоенство, твердость, гордость народную и, что всего страннѣе, любовь къ отечеству въ болѣе степеней, нежели обитателямъ странъ, облагодѣтельствованныхъ природою.

На другой день (29 Мая) въ 11 часовъ утра, при сильномъ дождѣ и густомъ туманѣ, снялись мы съ якоря, и пошли въ Каттегатъ. Небо прояснилось, вѣтеръ дулъ попутный; мы шли быстро, и скоро явились шведскій мысъ Куллежъ и опасный островъ Ангольтъ, окруженный мелими; уже рассчитывали мы, что дни чрезъ два выйдемъ въ Нѣмецкое Море, что днѣй чрезъ десять.... Но вдругъ, въ одиннадцатъ часовъ вечера, подулъ крѣпкій вѣтеръ отъ норда, закипѣла буря, море взволновалось, корабль нашъ закачался, и другъ нашъ храбро струслилъ. Едва успѣли убрать паруса. Въ грозномъ мракѣ посреди подвѣдѣнныхъ камней, на волнахъ, воздымающихся подобно горами, при шумныхъ выстрѣлахъ, которыми ко-

рабли давали знать, гдѣ они находятся, чтобъ не столкнуться, — боролись мы нѣсколько часовъ съ противнымъ вѣтромъ. Ни какое перо не опишетъ этой картины, ибо она дѣйствуетъ не на одно зрѣніе. Звуки барабановъ, флейтъ, свистковъ, при шипѣніи моря, при свистѣ вѣтра, при громкой командѣ офицеровъ, откликахъ урядниковъ и единодушныхъ крикахъ: «ура!» всѣхъ матросовъ, вселяютъ въ сердце какое-то неизвѣстное, смѣшанное чувство боязни и мужества, страха и надежды. Буря застала меня на шканцахъ. Я разсудилъ за благо убраться, сошелъ съ лѣстницы — и какое зрѣлище представилось глазамъ моимъ! Съдовласый старецъ; почтенный нашъ іеромонахъ (онъ въ первый еще разъ на морѣ) предъ святыми иконами, придерживаясь отъ сильнаго волненія лѣвою рукою за престолъ, и держа въ правой Евангеліе, при бурѣ стихій, при общемъ вокругъ него смятеніи, читаетъ, при тускломъ свѣтѣ лампы, утѣшительныя слова жизни и спасенія! Единственный вѣчный источникъ утѣшенія нашего, послѣднее прибѣжище смертнаго на краю гроба, въ минуту боренія съ грозой стихій! Кто дерзнетъ изображать твои благодатныя дѣйствія?

Въ три часа ночи вице-адмиралъ приказалъ эскадрѣ спуститься назадъ на гельзингерскій рейдъ. Вѣтеръ туда былъ самый попутный. Корабли полетѣли, и въ 11 часовъ предъ полуднемъ бросили якорь на прежнемъ мѣстѣ. Вѣтеръ во весь день былъ весьма крепокъ, и нельзя было съѣхать на берегъ. Сегодня онъ

стихаеть. Надѣюсь побывать въ Гельзингерѣ. Тамъ запечатаю письмо, и самъ отдамъ его на почту.

III.

КАТТЕГАТЪ, НА ВИСОТѢ ИМСА СНАГЕНА, 2 ЮНЯ 1817.

По возвращеніи нашемъ на гельзингерскій рейдъ, простояли мы тамъ, въ ожиданіи хорошей погоды, двое сутокъ. 30-го числа во весь день продолжался вѣпкій вѣтеръ. На другой день къ полудню онъ началъ стихать. Послѣ обѣда въ четвертомъ часу капитанъ-лейтенантъ нашего корабля, П. И. Василевскій, и нѣсколько офицеровъ отправились на берегъ, въ городъ Гельзингеръ. Я съ благодарностью воспользовался приглашеніемъ ѣхать съ ними. Не могу описать вамъ удовольствія, которое ощутилъ я, ступивъ на землю послѣ двухнедѣльнаго пребыванія на кораблѣ. Удовольствіе еще увеличилось, когда мы вошли въ королевскій садъ: зелень луговъ и деревь, благоуханіе цвѣтовъ и травъ, пѣніе птицъ — все это привело меня въ неонисанный восторгъ. Я наслаждался какимъ-то нежъяснимымъ чувствомъ.... Вѣрю, вѣрю, что люди, никогда недышавшіе свѣжимъ воздухомъ, должны были, при выходѣ на поверхность земли, бросаться на колѣни, и слезами сердечнаго умиленія признать существованіе и присутствіе Бога! Мы изба-

лованы привычною; мы удалились отъ натуры, и промѣняли золото на мишуру, но бываютъ минуты, блаженныя минуты, въ которыя познаемъ истинную цѣну вещей.... Садъ показался мнѣ эдемомъ; онъ и въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ: расположенъ на холмахъ подлѣ самаго моря; съ разныхъ мѣстъ изъ него виднѣтъ противулежащій шведскій берегъ. Прекрасныя буковыя аллеи идутъ во всѣхъ направленіяхъ. Дворецъ королевскій не великъ, но уютенъ и съ моря представляетъ пріятный видъ. Гуляющихъ было не много; въ Гельсингерѣ живутъ люди торговые, во всю недѣлю сидятъ у моря и ждутъ погоды, и только въ воскресенье послѣ обѣда отдыхаютъ на свѣжемъ воздухѣ. Изъ саду пошли мы опять въ городъ. Странная картина и, можетъ быть, страннѣе для меня, нежели для всякаго другаго. Я вдругъ перенесенъ въ неизвѣстный мнѣ дотогѣ мелкій міръ изъ огромнаго, шумнаго Петербурга. При выходѣ нашемъ на берегъ, окружила насъ толпа любопытныхъ: мужчины, женщины, дѣти предлагали намъ свои товары, говядину, яйца, лимоны, словомъ все, чѣмъ обыкновенно запасаются мореплаватели. Мы отправились прямо къ бывшему русскому консулу, Г. Борзову, который съ величайшею услужливостію взялся доставить намъ все нужное. Городъ съ перваго взгляда показался мнѣ кунсткамерою, въ которой разставлены свѣтлые шкафы съ уродами и чучелами всякаго рода. Дома всѣ, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ: маленькіе, тоненькіе; окна весьма часты; стекла чрезвычайно чисты, но блж-

шею частью вышумлы такъ, что всё выглядывающіе изъ нихъ кажутся раздутыми и изуродованными. Почти въ каждомъ лавка или трактиръ. Улицы чрезвычайно узки. Теперь я понимаю, почему чужестранные комическіе стихотворцы избираютъ мѣстомъ представленія своихъ комедій улицы: это не улицы, а открытые сверху корридоры; здѣсь нашъ Глухой Цереулокъ игралъ бы первую роль. Жители большею частію кунцы. Жидовъ много, но они ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Деревянные башмаки стучать за пятьдесятъ шаговъ. Повозокъ очень мало. На лицахъ и въ походкѣ встрѣчавшихся съ нами видна была дѣятельность, но не та, которая примѣтна въ нашемъ торговомъ народѣ: здѣшніе жители какъ-то вялы, хладнокровны и неуклюжи. Какая противоположность съ лицами нашихъ промышленнѣхъ Ярославцевъ, на которыхъ ясными чертами изображаются умъ, проворство и смѣтливость! — Мы входили въ здѣшнюю церковь, гдѣ услужливый сторожъ старался показать и объяснить намъ всё достопамятности. Къ сожалѣнію мы съ трудомъ другъ друга разумѣли. Церковь, какъ видно изъ надписей, построена въ XV вѣкѣ, во вкусѣ тогдашняго времени, довольно просторна, разгорожена на множество отдѣленій, и испещрена всякаго рода прикрасами, особенно же гербами фамилій, которыя занимаютъ на переднихъ ея лавкахъ почетныя мѣста. Жалкая слабость человѣчества! И тамъ, гдѣ прекращается всякое различіе состояній, гдѣ люди помираютъ тлѣніе и прахъ своихъ праотцевъ, гдѣ

они всё въ смиреніи и страхѣ должны быть равны предъ Отцемъ своимъ — и тамъ оказываютъ они ребяческое свое тщеславіе! За пестрыми лавками дворянъ находятся мѣста для черни съ надписью: *общія мѣста*, которую надлежало бы выставить надъ дверьми храма. Изъ портретовъ (не образовъ), которыми покрыты стѣны церкви, особенно обратили на себя вниманіе наше правильностью рисунка и выразительностью лицъ изображенія пожилаго мужчины и двухъ женщинъ въ нарядахъ XVII столѣтія. Крайне жалѣемъ, что какъ надписи подъ сими портретами, такъ и слова нашего проводника, старавшагося растолковать намъ, чьи это изображенія, были намъ равно непонятны. Очень досадно посѣщать землю, которой языкъ намъ неизвѣстенъ: должно быть глухонѣмымъ — слѣдственно и весьма осторожнымъ въ заключеніяхъ. Еще показывалъ намъ усердный стражъ храма англійское пудовое ядро, которое при бомбардированіи Гельзингера, въ Апрѣль 1801 года, пробивъ крышку и потолокъ церкви, упало къ подножію алтаря. Теперь вѣдано оно въ то мѣсто, которое имъ было пробито, и на немъ бѣлою краскою означены число, мѣсяць и годъ сего происшествія. Въ особомъ отдѣленіи церкви, подъ бѣлою урною, увѣнчанною цвѣтами, погребены воины и граждане, лишившіеся жизни въ то время. — Вышедъ изъ церкви, видѣли мы ученье нѣсколькихъ ротъ солдатъ. Тому, кто за двѣ недѣли выѣхалъ изъ Петербурга, кто кромѣ русскихъ не видалъ никакихъ другихъ войскъ,

датскіе солдаты не могут понравиться. Они ходятъ въ короткихъ, нечистыхъ, красныхъ мундирахъ съ свѣтлоголубыми отворотами, маневрируютъ не слишкомъ исправно, и вообще, какъ кажется, не умѣютъ обходиться съ ружьями. Часовые, отдавая честь нашимъ офицерамъ, брали на караулъ не по темпамъ, а просто, какъ у насъ дѣти. Впрочемъ это и не удивительно. Здѣсь берутъ въ солдаты только на четыре года: рекруты не имѣютъ ни охоты, ни надобности слишкомъ заниматься ученьемъ. Не смотря на то, датскія войска, въ 1801 и 1807 годахъ, сражались съ Англичанами очень храбро. Еще видѣли мы двухъ претолстыхъ офицеровъ въ малиновыхъ мундирахъ съ длинными косами, и узнали, что это почтенные граждане гельзингерскіе, отправляющіе должность офицеровъ городской стражи. Насытивъ любопытство свое зрѣлищемъ перваго чужестраннаго города, почувствовалъ я еще одно желаніе — отгадайте какое! прочесть новѣйшія газеты. Въ теченіе почти пяти лѣтъ, дважды въ недѣлю, занимался я иностранными вѣдомостями, и, признаюсь, съ удовольствіемъ. Нынѣ вдругъ провелъ двѣ недѣли въ совершенномъ незнаніи того, что дѣлается подъ луною за предѣлами «Нетроя.» Тщетное стараніе! Вездѣ подавали мнѣ только датскія газеты, — англійскія, нѣмецкія и французскія можете вы найти въ купеческомъ клубѣ (говорили немилосердые); попросите какого нибудь купца, чтобъ ввелъ васъ туда. Но время летитъ: должно возвратиться на корабль, не насладясь новостями. —

«Какъ можно въ торговомъ городѣ, гдѣ съѣзжаются люди всѣхъ націй, не имѣть газетъ на которомъ нибудь изъ европейскихъ языковъ?» спросилъ я съ сердцемъ у французскаго выходца, содержателя кофейнаго дома, въ которомъ мы пили чай. — «Что дѣлать!» отвѣчалъ онъ, пожимая плечами: «Дѣтъ за десять предъ симъ выписывалъ я и немецкія и французскія газеты. Теперь война лишила меня почти всѣхъ доходовъ; едва могу прокормить свое семейство. Я не въ состояніи тратить деньги на чуждыя газеты и журналы.» — Такое оскорбленіе журналовъ разсердило издателя «Сына Отечества,» и онъ съ досадою закричалъ прекрасной дѣвушкѣ, которая наливала ликеръ: «Что это значить, что ты наливаешь только полрюмки; лей до края!» — «Извините,» сказалъ хозяинъ. «Вы первые Русскіе, которыхъ мы видимъ нынѣшняго года; я и не догадался, какъ васъ должно подчивать. Всѣ прочіе мореплаватели, которые сюда заходятъ, пьютъ по полрюмкѣ и по четверти — война всѣхъ разорила; всѣ прижимаются.» — Война, война! думалъ я, взявъ рюмку. Не довольно того, что ты губишь людей по тысячамъ, разоряешь города и государства — ты и на будущее время разрушаешь благосостояніе чуждыхъ націй, лишаешь людей наслажденія благами жизни и случая. Но и эти лишенія мало по малу забываются: вещи приходятъ въ новый порядокъ, и одни старики вздыхаютъ о прежнихъ временахъ. Подобіе слѣдствіямъ войны удалось мнѣ видѣть на морѣ. Во время бури корабль качаетъ очень сильно,

но это колебаніе не такъ непріятно и мучительно, какъ то, которое бываетъ послѣ: во время бури страхъ, заботливость, дѣятельность и надежда приводятъ въ забвеніе качку, но когда минуетъ опасность и первая радость, когда наступитъ зыбь, тутъ-то чувствуешь всю непріятность этого положенія, и рѣдой въ сіе время освободится отъ морской болѣзни. Такъ и въ общемъ океанѣ дѣлъ человеческихъ: въ продолженіе войны не ощущаешь мы всѣхъ ея тягостей; еостраданъ въ бѣдствіяхъ человечества, утѣшаемся мыслию, что они необходимы, что ими выкупается величайшее благо — спокойствіе; наступаятъ миръ, и всѣ нѣсколько времени ждуть его плодовъ, но вскорѣ по жалодушію впадаютъ въ отчаяніе; види, что ожиданіе ихъ не тотчасъ исполняется, начинаютъ негодовать на правительство; на развратъ настоящаго поколѣнія, на роскошь и т. п., и не видятъ, что это извѣможное есть неизбѣжное слѣдствіе сильныхъ порывовъ и потрясеній, что наступитъ лучшее время, но не вдругъ и не то самое, которое было прежде, а новое, необходимое послѣдствіе прошествій, о которыхъ въ свою очередь также сожалеютъ будутъ, какъ нынѣ старики жалуютъ о семидесятихъ годахъ! Пожелавъ горемыкѣ трактирщику лучшихъ временъ, пошли мы на пристань, и вскорѣ прибыли на «Не тронь меня».

IV.

Кале, 26 (44) Юня 1847.

5-го Юня прошли мы съ великимъ трудомъ норвежскій мысъ Дернеусъ, которымъ оканчивается Скагерракъ. Вдругъ задулъ попутный вѣтеръ, и корабли полетѣли. На другой день къ вечеру начало уже понахивать турфомъ отъ голландскихъ береговъ, а на третій появились вправо ордфорнесскіе маяки на берегу Англій. На плаваніи, или лучше сказать, на бѣгу по Нѣмецкому Морю, днемъ наслаждались мы прекраснымъ явленіемъ: бирюзовымъ цвѣтомъ воды; ночью же представлялось намъ другое зрѣлище, не менѣе пріятное: вода, при малѣйшемъ движеніи на ея поверхности, издавала блескъ подобный золоту, что особенно примѣтно было при греблѣ. Весла черпали, повидимому, растопленный металлъ. Причиною сему полагаютъ множество фосфорическихъ частицъ и мелкихъ свѣтящихся животныхъ, которыя находятся въ морской водѣ: это доказывается тѣмъ, что вода, процеженная сквозь холстъ, не представляетъ того же явленія. — 8-го Юня, вечеромъ въ девятомъ часу, вся эскадра бросила якорь на рейдѣ близъ города Кале. Немедленно прибыли къ намъ на корабль французскіе лоцмана съ предложеніемъ своихъ услугъ, въ краснорѣчивыхъ фразахъ. Отправленіе на берегъ отсрочено до другаго дня.

Кале представляет съ моря довольно живописный видъ: крѣпостныя строенія, покрытыя отчасти густыми аллеями, окружаютъ громаду тѣсныхъ каменныхъ домовъ, посреди которыхъ возвышаются башня ратуши и колокольня древней церкви. На валахъ пушекъ нѣтъ. Эскадрѣ нашей салютовали изъ деревяннаго блокгауза, построеннаго на сваяхъ, и похожаго на бойни Мытнаго Двора въ Петербургѣ. Весь берегъ состоитъ изъ песку: не видно ни деревъ, ни луговъ.

9-го Юня поутру сигналомъ съ вице-адмиральскаго корабля объявлено было пассажирамъ, чтобъ они приготовились съѣхать на берегъ. Я взялся успокоить нашихъ дамъ въ разсужденіи таможенныхъ обязанностей, нагрузилъ преольшую лодку ихъ пожитками, и отправился въ портъ. При самомъ входѣ отбрали у меня паспортъ. — Посреди канала, которымъ мелкія суда входятъ въ портъ, поставленъ на одной изъ насыпей, обложенныхъ камнемъ, памятникъ возвращенія Лудовика XVIII во Францію въ 1814 году. Слѣдъ ноги его, вырѣзанный на мѣди, положенъ на томъ камнѣ, на который онъ ступилъ впервые. Подлѣ возвышается колонна, оканчивающаяся лилією, съ приличною надписью *). — Далѣе, подлѣ городской стѣны, находится еще одинъ памятникъ, которому и въ другихъ мѣстахъ нельзя не пожелать подражанія.

*) Этотъ памятникъ, воздвигнутый для *ульковтченія* великаго происшествія, разрушенъ его строителями въ 1830 году.

онъ воздвигнуть въ честь двухъ легионамъ, Гаве и Мареналу, гражданамъ города Кале, которые, въ 1791 году, пожертвовали жизнью, спасая утопающихъ. Я смотрѣлъ съ нескрывающимся удовольствіемъ на памятникъ народной признательности, воображалъ, съ какимъ чувствомъ все сограждане почтенныхъ людей должны проходить мимо его, готовился уже просить прощенія у Французовъ, но вдругъ разочарованъ былъ другими надписями на черныхъ доскахъ по обѣимъ сторонамъ: *Il est défendu à tout particulier de faire ou de déposer ici des ordures sous peine d'être arrêté et puni!* (Запрещено всякому производить или свозить на сѣмь мѣстѣ нечистоту подѣ опасеніемъ взятія подѣ стражу и наказанія). — Эти слова не требуютъ поясненія.

Я вошелъ въ городъ чрезъ ворота съ валу, на подъемному мѣсту, и вскорѣ очутился на торговой площади предѣ ратушею. Дома не слишкомъ высоки, но очень узки—въ три, въ четыре, верѣдко и въ два окошка. Все они кажутся карточными. Вездѣ репрезентанція, все прозрачно, все наружѣ. Въ нижнемъ ярусѣ каждаго дома какая нибудь лавка или магазинъ. Кофейныхъ домовъ множество. Не могу описать вамъ страннаго впечатлѣнія, которое произведено во мнѣ этою картиною: послѣ зрѣлища твердыхъ, величественныхъ зданій Петербурга, эти домики кажутся мнѣ игрушками. Улицы почти все кривы и узки, но довольно чисты. Я нанялъ комнаты для себя и для пассажировъ нашихъ въ трактиръ (разу-

мѣтся) Дессена, въ Королевской Улицѣ. Дессенъ давно умеръ; трактиръ принадлежитъ его племяннику, и нынѣ есть лучший въ городѣ. Чистота, порядокъ, учтивость примѣрныя. Оттуда отправился я въ таможеню. Признаться, я не ожидалъ такого благороднаго обращенія въ таможенѣ и таможенѣ французской. Инспекторъ, узнавъ, что я Русскій, приказалъ чиновникамъ отправить меня какъ можно скорѣе: они просили меня отомкнуть нѣкоторые изъ сундуковъ, заглянули въ нихъ сверху; и, увидѣвъ бѣлье и — книги, просили извиненія, что меня безпокоили. Тюковъ, обтянутыхъ рогожами, вовсе не досматривали. Одна только вещь остановила ихъ — карета генеральнаго Жюмина. Они объявили мнѣ, что съ каждой кареты, вывозимой изъ-за границы, берутъ третью долю цѣны ея, и хранятъ до вывоза: она изъ Франціи въ таможенѣ. «Это наблюдается въ отношеніи къ иностраннѣмъ произведеніямъ, возразилъ я, но эта карета за годъ предъ симъ сдѣлана и куплена въ Парижѣ, и теперь возвращается туда, слѣдственно не можетъ подходить подъ это правило.» — Вы правы, сказалъ инспекторъ; но на это надобно имѣть письменное свидѣтельство. Есть ли оно у васъ? — «Свидѣтельства нѣтъ, отвѣчалъ я, но...» — Точно ли вы знаете, что эта карета французская? — «Точно.» — Вы русскій офицеръ, и знаете довольно одного вашего слова. Господни камиюары! извольте пропустить карету: она свободна! — Должно замѣтить, что надлежало бы заплатить за карету по крайней мѣрѣ 300

франковъ. Уваженіе и приверженность къ Русскимъ привѣчаю я на каждомъ шагѣ. При всякомъ случаѣ Французы стараются изъяслять уваженіе свое къ нашему Государю, называя его своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. Не думайте, чтобъ они стали скрывать свои чувства и мысли. Городъ Кале питается отъ англійскихъ крохъ: онъ обязанъ Англичанамъ существованіемъ своимъ и благоденствіемъ; но жители не скрываютъ своей ненависти къ нимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ стараются ее выказывать. Одна женщина, продавъ при нѣмъ Англичанину на нѣсколько сотъ франковъ товара, по выходѣ его изъ лавки стала его немилосердо бранять. — «Какъ вы можете такъ обижать Англичанъ?» спросилъ я ее: «они привозятъ половину золота въ Кале.» — «Знаемъ, сударь, знаемъ, — отвѣчала она, — но золото ихъ не освѣпнитъ насъ; мы беремъ съ нихъ деньги, потому что мы купцы, а бранимъ ихъ, потому что мы Французы. И стыдно было бы, если бъ городъ Кале уступилъ въ этомъ Франціи потому только, что получаетъ бездѣльные барыши отъ Англичанъ!» — Что отвѣчать на такое краснорѣчіе? Всѣ Французы увѣрены, что Англичане виновны всѣхъ ихъ заблужденій, всѣхъ несчастій и кровопролитій, что они причинили революцію, что они возвели на престолъ Бонапарта, и вторично прислали его съ острова Эльбы и пр. пр. Легкое средство оправдываться! И они не привѣчаютъ, что унижаютъ самихъ себя, воображая, что были слѣпыми орудіями враговъ своихъ.

Окончивъ дѣла свои въ городѣ, и устроивъ все къ принятію нашихъ дамъ, отправился я на корабль. Надлежало проститься съ адмираломъ и офицерами. Не могу описать вамъ, что я чувствовалъ въ сію минуту! Я былъ на кораблѣ въ отечествѣ, посреди друзей и братій, видѣлъ и чувствовалъ ласку и пріязнь, не зналъ ни какой мѣны, кромѣ взаимнаго уваженія и любви — а теперь надлежало мнѣ, вырвавшись изъ объятій ихъ, ступить на землю, гдѣ нѣтъ ни души мнѣ извѣстной и близкой, гдѣ деньги должны доставлять мнѣ услуги и уваженіе! Сердце мое разрывалось! Прощаясь со спутниками своими, я вторично и съ большимъ гораздо чувствомъ прощался съ отечествомъ и семействомъ! — Почтенные друзья! Если я достигну цѣли моего странствія, если успѣю подкрѣпить здоровье и продлить жизнь свою — дѣти мои вамъ, вамъ преимущественно обязаны будутъ сохраненіемъ своего отца; если же мнѣ не суждено видѣть болѣе отечества моего, и прахъ мой долженъ ислѣтъ въ землѣ чуждой — воспоминаніе о вашей любви будетъ услаждать послѣднія минуты жизни моей, и образъ вашъ померкнетъ въ глазахъ моихъ вмѣстѣ съ образомъ всѣхъ тѣхъ, къ которымъ я привязанъ священными узами родства и любви душевной.

V.

Кале, 27 Июля 1847.

Обстоятельства принудили меня прожить въ Кале долѣе, нежели я думалъ. Сожалѣю и не сожалѣю объ этомъ: сожалѣю, потому что упускаю время, которое могъ бы съ пользою употребить по дѣламъ и по должности своей *) въ Парижъ, а не сожалѣю, потому что провожу время сіе весьма пріятно съ соотечественниками моими, которыхъ дѣла привели въ здѣшній городъ, по случаю отправления войскъ.

Въ первомъ письмѣ изъ Кале упоминалъ я уже, какъ этотъ городъ наружностью. Теперь прибавлю, что онъ окруженъ валомъ и рвомъ, и сверхъ того въ западной сторонѣ имѣетъ цитадель. Отъ предмѣстія своего (St. Pierre) отдѣляется онъ многими стѣнами, рвами и проч.; вокругъ всего почти города по валу идетъ густая аллея — вечернее гульбище. Посреди города, предъ ратушею, на площади производится торгъ. Я часто прогуливался по этой площади, и забавлялся рѣдкою картиною: наши матросы покупали разные вещи — большею частію платки для любовныхъ супруговъ своихъ. Нельзя надивиться ихъ смѣтливости: они очень скоро узнали курсъ француз-

*) Сочинитель, въ званіи почетнаго бібліотекара Императорской Публичной Библіотеки, имѣлъ порученіе осмотрѣть важнѣйшія книгохранилища въ Европѣ.

скихъ денегъ и названія товаровъ, и торговались какъ у насъ на толкучемъ рынкѣ. Иногда выходили недоразумѣнія, которыя однако оканчивались смѣхомъ съ обѣихъ сторонъ. Впрочемъ торгъ дѣло не самое трудное: вотъ товаръ, вотъ деньги, подай, возьми! Больше всего удивила меня бесѣда двухъ нашихъ матросовъ подлѣ стола, воздвигнутаго въ память возвращенія Короля. Одинъ изъ нихъ толковалъ другому значеніе монумента, и прибавлялъ замѣчанія, которыя показывали, что онъ имѣлъ случай и средства узнать мнѣнія частныхъ людей объ этомъ происшествіи. Французскіе солдаты съ досадою по-сматривали на богатыхъ матросовъ, и удивлялись, что они не пропиваютъ денегъ, а покупаютъ подарки для своихъ любезныхъ. Они не знали, что на корабляхъ не было недостатка въ русскомъ винцѣ!

Городъ Кале выдержалъ многія осады. Въ 1347 году Англійскій Король Эдуардъ III принудилъ его сдаться, послѣ годичной осады, во время которой истощены были всѣ припасы, и объявилъ, что прощаетъ всѣхъ жителей, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ шестеро знатнѣйшихъ гражданъ поднесли ему ключи съ веревкою на шеѣ, и предали себя на жертву вмѣсто своихъ соотчичей. Уже готовился онъ подать знакъ къ ихъ казни, но Королева бросилась предъ нимъ на колѣни, и тронула сердце жестокаго побѣдителя. Англичане владѣли городомъ до 1558 года.

Порокъ, кожа, сукна и другіе припасы, привезенные на эскадрѣ, положены на время въ городовыхъ

и крѣпостныхъ магазинахъ. При семъ случаѣ удалось мнѣ видѣть внутренность крѣпости. Это было 12 Юня. Ровно за пять лѣтъ предъ симъ Наполеонъ вторгся въ Россію, впередъ пяти сотъ тысячъ войскъ — большую частію Французовъ, чтобъ поколебать престоль Русскаго Царя, и загнать гордую націю Москвитянь въ Азію, откуда ей, по его словамъ, никогда выходить не надлежало. А вынѣ? Французскій плацъ-маіоръ, кавалеръ Почетнаго Легіона и Св. Лудовика, съ пребольшимъ ключемъ въ рукѣ, безпрестанно кланяясь, идетъ предъ нашимъ флотскимъ капитаномъ Тизенгаузеномъ, квартирмейстерскимъ офицеромъ Княземъ В. С. Голицынымъ и издателемъ Сына Отечества; отпираетъ одни ворота за другими, и толкуетъ назначеніе каждаго зданія, останавливается предъ огромнымъ магазиномъ, въ которомъ будетъ храниться, до приказанія, русскій порохъ, и говоритъ К. Г.: *Je remettrai cette clef à monsieur!* И кто зтотъ monsieur? Нашъ двѣнадцативершковый унтеръ-офицеръ, который стоитъ вытянутый какъ струнка, и улыбается, не измѣняя грознаго вида, при учтивостяхъ плацъ-маіора. Но какъ не прихвастать при семъ случаѣ? Разставшись съ ключемъ отъ анбара, плацъ-маіоръ вытаскъ изъ кармана другой ключъ еще больше врежняго (видно, отъ воротъ крѣпости), и показывая его слѣдовавшимъ за нимъ солдатамъ, сказалъ торжественнымъ голосомъ: «этдо же ключа ни какаа сила земная не исторгнетъ изъ рукъ моихъ!» — Потомъ осматривали мы телеграфъ

и казармы. Французскіе телеграфы состоятъ изъ одного горизонтальнаго и одного вертикальнаго подвижнаго брусевъ; на концахъ послѣдняго находятся еще два меньшіе подвижные бруса. При насъ производилась работа. Отставной унтеръ-офицеръ ставилъ, по данной ему запискѣ, знаки, вовсе ему непонятные, а другой приставъ замѣчалъ и повѣрялъ ихъ. — Въ казармахъ стоитъ легионъ Департамента Котъ д'Оръ. Солдаты ростомъ не высоки; но плотны и здоровы; видно, что они родомъ изъ земли, обильной виною. По новому образованію французской арміи, пѣхота ходитъ въ бѣлыхъ мундирахъ; легионы различаются цвѣтомъ: воротниковъ и лацкановъ. Офицеры не имѣютъ темляковъ. Я увѣренъ, что бѣлый цвѣтъ мундировъ будетъ смѣненъ какимъ нибудь другимъ потемнѣе при первомъ походѣ *), во-первыхъ по причинѣ его маркости, а во-вторыхъ потому, что стрѣлки, рассыпаясь въ полѣ, подвержены всей мѣткости неприятельскихъ выстрѣловъ. Мнѣ кажется, что полковому солдату темнозеленый цвѣтъ мундира приличнѣе всякаго другаго.

15-го Іюня прибылъ въ Кале командующій корпусомъ російскихъ войскъ во Франціи, генералъ-лейтенантъ Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, любимый и уважаемый во всей Россійской Арміи за отличныя познанія и таланты, умъ необыкновенный и, что всего важнѣе, благороднѣйшій характеръ и доб-

*) Это сбылось на самомъ дѣлѣ.

рѣйшее сердце. Не могу изъяснить вамъ чувства, съ какими смотрѣлъ я на этого почтеннаго генерала, одного изъ ревностѣйшихъ защитниковъ отечества въ знаменитыхъ битвахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Онь желалъ самъ быть свидѣтелемъ отпращенія войскъ, и пресѣчься съ солдатами, которые любилъ его какъ отца. Гравъ принялъ самыя усильныя мѣры, для скорѣйшаго окончанія сего дѣла. Начальники всѣхъ французскихъ портовъ въ Сѣверномъ Морѣ и Каналѣ, англійскіе морскіе офицеры, командующіе перевозными ботами, и многіе другіе чиновники разныхъ націй прибыли въ Кале. Однѣмъ обѣдъ слѣдуетъ за другими. Пушечные выстрѣлы съ эскадры возвѣщаютъ о пѣтн за здравіе союзныхъ Монарховъ.

Полки, назначенные для переезда въ Россію (Аншеревскій, гренадерскій и 38-й егерскій), идуть въ Кале пятью колоннами, въ разстояніи одного перехода между каждою. Они прибыли сначала изъ Мобежа въ Дюнкеркъ, ибо эскадры ожидали въ томъ городѣ. Первая колонна пришла въ Сентъ-Пьерръ 17-го Іюня *). — Въ шесть часовъ утра, при прекраснѣйшей погодѣ, вышелъ я за городъ, гдѣ она стояла на бивакахъ. Шлодъ густой туманъ; вдушею вдоль дороги, воиругъ ружей, поставленныхъ на

*) Войска наши не входили въ самый городъ Кале: по заключеннымъ съ Франціею трактатамъ, отряды союзной арміи не могутъ стоять въ городахъ, занятыхъ французскими гарнизонами.

видами, солдаты сидѣли живописными группами. Миллионныя Француженки подчивали ихъ водкою и закусками, но я не примѣтилъ, чтобъ наши сожалѣли о Франціи. Они съ удовольствіемъ говорили о возвращеніи въ отечество, съ нетерпѣніемъ ожидали перевода на эскадру, и только сомнѣвались въ скорости и безопасности морскаго похода. Я замѣтилъ, что у насъ многіе опасаются возвращенія въ Россію этихъ солдатъ, проводившихъ нѣсколько лѣтъ въ плодотворной Франціи, въ довольствіи и изобиліи. Думаютъ, что они не охотно пустятся обратно въ Россію, ибо въ чужой землѣ жили по квартирамъ, довольствовались ежмѣсячъ отъ ховяина, получали жалованье по курсу серебромъ, и проч. Могу увѣрить васъ, что это мнѣніе вовсе несправедливо: офицеры и солдаты наши горятъ нетерпѣніемъ прибыть въ Россію, и охотно оставляють Францію. Самое лучшее: сему доказательство есть то, что во всѣхъ трехъ полкахъ, идущихъ въ отечество (Курляндскій драгунскій полкъ сухимъ путемъ) не было ни одного дезертира. Главнѣйшею тому причиною суть благоразумныя мѣры нашего воинскаго начальства. Солдаты наши жили не по квартирамъ, а въ казармахъ, и не имѣли почти ни какого сообщенія съ жителями. Отъ прибывшихъ сюда для укомплектованія солдатъ узнали они, что армія расположена большею частію въ среднихъ и полуденныхъ провинціяхъ Россіи, и пользуется всѣми удобствами. Притомъ же чувство привязанности къ отечеству никогда не измѣнится въ груди

Русскаго. Всѣ удовольствія, всѣ выгоды чужихъ странъ не могутъ замѣнить ему воздуха милой родины! — Я нашелъ самое сильное доказательство сей истины въ пьнѣшнемъ случаѣ.

Первая колонна, обошедъ городъ Кале, расположилась на насыпи, и вскорѣ, при звукахъ военной музыки, посажена была на англійскіе перевозныя боты. Солдаты прыгали какъ серны съ берега на корабли. Радость написана была на лицахъ ихъ. Ъдемъ въ Россію! эта мысль затемняла всѣ прочія. Ровно въ 12 часовъ боты двинулись въ море. Графъ Воронцовъ стоялъ на самомъ краю насыпи, и прощался съ отходящими. Троекратное ура! было отвѣтомъ благодарныхъ воиновъ, умѣющихъ цѣнить и любить добраго начальника. По выходѣ изъ гавани въ море раздались на ботахъ — русскія пѣсни! Понимаю теперь болѣзнь добрыхъ Швейцаровъ на чужбинѣ, и восторгъ, оживляющій души ихъ при звукахъ пастушьего рожка!

На другой день отправлена была такимъ же порядкомъ вторая колонна. На третій день поутру выѣхалъ я изъ Кале — и здѣсь оканчивается моя реляція *).

*) Всѣ пять колоннъ благополучно посажены были на корабли. Въ ночь на 22-е Іюня, по прибытіи на эскадру послѣдней колонны, задуть попутный вѣтеръ, и усердный адмиралъ Кроунъ, не теряя ни минуты, снялся съ якоря. 25-го числа эскадра прошла Зундъ.

VI.

Дорога изъ Кале въ Парижъ.

Со времени возстановленія мира и сношеній съ Англією заведены между Кале и Парижемъ новые дилижансы, отъменно покойные и красивые. Мѣсто въ каретѣ стоитъ не болѣе шестидесяти франковъ, а въ передней или задней коляскѣ (cabriolet) десятью или пятнадцатью франками дешевле. За эти деньги привезутъ васъ изъ Кале въ Парижъ въ 36 часовъ (64 лье съ половиною, или слишкомъ 250 верстъ). 19-го Іюня въ 8 часовъ утра выѣхалъ я въ такомъ дилижансѣ изъ Кале, и вскорѣ миновалъ всѣ его предметія. Окрестности города безплодны и единообразны. Вдали синѣется море. Я прощался мысленно съ любезными соотечественниками, привезшими меня во Францію, ибо вакантнѣ, по причинѣ весьма сильнаго вѣтра, не могъ исполнить сего пріятнаго долга лично. Слова: вотъ русская эскадра! вдругъ поразили слухъ мой; я выглянулъ изъ окошка, и на правой рукѣ увидѣлъ всѣ десять кораблей русскихъ на рейдѣ. Душа моя взволновалась.... карета поворотила въ сторону, и зрѣлище моря скрылось....

По правую сторону дороги показали мнѣ между высокими деревьями памятникъ, воздвигнутый надъ могилю несчастнаго воздухоплавателя Пилатра де Розье. Около 11 часовъ приблизились мы къ Булони, и увидѣли основаніе огромнаго столпа, который въ 1805

году начать бывшею великою булонскою арміею въ славу Наполеона. Опредѣлено было выстроить столпъ вышиною въ 150 футовъ, но едва ли успѣли довести его до половины. Онъ построенъ изъ сѣраго мрамора, который ломають въ окрестностяхъ Булони. Лѣса вокругъ него начинаютъ разрушаться, и чрезъ нѣсколько лѣтъ однѣ развалины будутъ напоминать страннику о существованіи новаго столпа вавилонскаго, котораго строеніе прекратилось также по причинѣ *смѣшенія лѣткъ*. Въ первомъ часу пріѣхали мы въ Булонь, и пообѣдавъ наскорѣ, чрезъ полчаса мистлись далѣе. Ничего не могу сказать объ этомъ городѣ, ибо видѣлъ его мелькомъ. Известно, что близъ него была, въ 1803, 1804 и 1805 годахъ, главная квартира Наполеона, замышлявшаго тогда о завоеваніи Англіи. Теперь Булонь находится въ числѣ городовъ, коихъ окрестности занимаютъ, по послѣднимъ трактатамъ, англійскими войсками. Наполеонъ истратилъ несмѣтныя суммы на укрѣпленіе сего города и порта — безъ всякой пользы. Гораздо лучше было бы употребить ихъ на поправленіе крѣпости и порта Кале.

Окрестности Булони гораздо плодоноснѣе и пріятнѣе, нежели мѣста, лежащія вокругъ Кале, и, по мѣрѣ удаленія нашего отъ сѣвера, плодородіе и красота земли возрастали. Вскорѣ очутились мы въ непрерывномъ саду — который продолжался до самаго Парижа. Хлѣбъ растетъ весьма хорошо и, подаетъ великую надежду. Прошлогодній неурожаи надѣлалъ

много бѣдъ во Франціи. Чернь во многихъ городахъ взбунтовалась; надлежало усмирять ее силою оружія. Теперь сыскные суды (*сours prévôtales*) и гилотины работаютъ безпрестанно, чтобъ прекратить неудобольствіе. Для довершенія бѣдствія, вломыслящіе люди вздумали разглашать, будто правительство скупило хлѣбъ для отправленія его въ чужія земли. Въ самомъ дѣлѣ, въ нынѣшнемъ году хлѣбъ здѣсь дорогъ и очень дурень. Вышедши на берегъ въ Кале, посѣтилъ я въ ресторацію, и потребовалъ завтрака, чтобъ разговѣться свѣжимъ хлѣбомъ послѣ морскихъ сухарей. Мнѣ подали какую-то варварскую композицію. Подайте мнѣ блага хлѣба! сказала я съ негодованіемъ. — У насъ нѣтъ лучше; во всей Франціи ѣдятъ теперь такой хлѣбъ — т. е. смѣсь муки пшеничной съ картофельною, гороховою и проч. — И Французы, которые у себя должны питаться мясною; пріѣзжая къ намъ, не хотятъ ѣсть нашего ржаного хлѣба! И мы бѣлый хлѣбъ свой называемъ — французскимъ!...

Говорить ли о городахъ, черезъ которые мы пролетѣли? Монстрѣйль съ древними укрѣпленіями, Аббвиль, Бове, едва ли оставили во мнѣ какія нибудь воспоминанія. Они всѣ довольно единообразны: большею частию составлены изъ узкихъ высокихъ домовъ, въ которыхъ нижніе ярусы занимаютъ лавкаши и трактираны. Странно и непріятно видѣть одни каменные строения, изъ коихъ многія превращаются въ развалины. Бревенчатые дома кажутся мнѣ гораздо уют-

нѣе, живониснѣе. Не отъ того ли, что они ближе къ природѣ? — По всей дорогѣ изъ Кале до Бомона не видать я лѣсовъ: кое-гдѣ попадаются небольшія рощицы. Кудрявые кустарники пересѣкаютъ плодоносныя поля и тучныя луга; но людей видно мало. Нищія встрѣчаются не рѣдко, но и не такъ часто, какъ надлежало бы ожидать въ землѣ, претерпѣвшей большія разоренія во время революціи и войнъ. Въ Кале останавливаютъ васъ на каждомъ шагу мальчишки въ лохмотьяхъ, и требуютъ милостыни съ большою дерзостью. Англичане избаловали этихъ негодяевъ: при первомъ появленіи своемъ на берегу Франціи (въ 1814 году), бросали они въ окружавшую ихъ чернѣлыми горстями шиллинговъ, и научили тунеядцевъ промышленя хлѣбъ легкимъ образомъ. Теперь они сами не ради слѣдствій своей щедрости, особенно потому, что ѣздить во Францію изъ экономіи. Обѣ коляски нашего дилижанса набиты новопріѣзжими Британцами. Надобно имѣть великую твердость духа и истинно британское хладнокровіе, чтобъ рѣшиться на подобное путешествіе. Невзависть къ Англичанамъ во Франціи доходить до высочайшей степени. «Voilà encore des beefsteaks qui nous arrivent!» кричалъ цѣлый хоръ мальчишекъ при въѣздѣ нашемъ въ Парижъ, окруживъ дилижансъ, на которомъ большими буквами написано: de Londres à Paris!

За двѣ станціи отъ Парижа помѣнялся я мѣстомъ въ дилижансъ съ однимъ Англичаниномъ, и сѣлъ въ переднюю коляску, чтобы видѣть окрестности столицы

французской. Поднимаешься съ пригорка на пригорокъ, опять спускаешься, — и на каждомъ поворотѣ представляются новые виды. Версть за восемь начались загородные дома, окруженные рощами и парками. Почти всѣ селенія, чрезъ которыя мы проѣзжали, пусты, кое-гдѣ видны жители; окна и двери въ домахъ переломаны — слѣдствія послѣднихъ военныхъ происшествій. Дорога обсажена съ обѣихъ сторонъ густыми аллеями. Вотъ Сень-Дени! Этотъ городокъ лежитъ въ двухъ французскихъ миляхъ отъ Парижа. Онъ знаменитъ древнимъ аббатствомъ, въ которомъ погребены всѣ Французскіе Короли. Во время революціи бѣшеная чернь опустошила святыню; изверги разрушили алтари, сломали кровлю, разбили памятники, ссыпали прахъ влстителей Франціи въ одну большую яму, и покрыли его немореною известью. Нѣкоторые монументы уцѣлѣли и сохранены въ Musée de monumens français. — Выѣхавъ изъ Сень-Дени, увидѣли мы на правой рукѣ Монмартръ — знаменитое мѣсто послѣдней битвы въ великой брани за свободу Европы. — По лѣвую руку возвышается Белльвиль, гдѣ сражался корпусъ Раевского. Многія деревья въ аллеѣ, ведущей къ Парижу, сбиты ядрами; молодяя деревца, недавно посаженные на мѣстѣ старыхъ, колеблются отъ вечерняго вѣтра. Въ домахъ и каменныхъ заборахъ при подошвѣ и на срединѣ Монмартра примѣтны амбразуры. Появляется Парижъ — огромная куча камня! Вызолоченный куполь Инвалиднаго Дома, черный куполь Св. Женевьевы

поднимаются надъ массою домовъ. Вотъ и застава Сень-Дени! Дилижансъ остановился. Таможенный приставъ взлѣзъ на крышку, и осмотрѣвъ, нѣтъ ли съ нами съѣстныхъ припасовъ, пожелалъ счастливаго въѣзда въ столицу Франціи. Мы въѣхали въ улицу Сень-Дени чрезъ ворота того же имени мимо бульвара, поворотили въ улицу Монмартръ, и остановились въ Hôtel des Messageries. Я расписался въ приемѣ вещей своихъ. Между тѣмъ смерклося. Привели носильщика, и я отправился съ нимъ въ Hôtel de la Michodière, который мнѣ рекомендовали въ Кале.

VII.

Парижъ

Die Zwietracht flieht, die Donnerstürme schweigen,
Gefesselt ist der Krieg
Und in den Krater darf man niedersteigen,
Aus dem die Lava stieg.

SCHILLER.

Парижъ былъ столь часто описываемъ путешественниками, что я боюсь приняться за перо, и — едва ли не измѣню своему обѣщанію! Не могу выразить вамъ впечатлѣнія, какое произведено во мнѣ зрѣлищемъ этого города! Я нашелъ многія замѣчанія о Парижѣ (особенно въ письмахъ Карамзина) спра-

ведливими; но увидѣлъ, что вообще до прибытія сюда имѣлъ точнаго о немъ понятія. Постараюсь сообщить вамъ, какииъ онъ мнѣ представился. Дома высокіе, въ шесть и семь ярусовъ, съ огромными, безобразными трубами, притомъ чрезвычайно узкіе — мерѣдко въ три окна, обыкновенно въ четыре или пять — рѣдко больше. Окна имѣютъ во всѣхъ ярусахъ рѣшетчатыя ставни (жалузи); стѣны чрезвычайно тонкіе (въ сравненіи съ нашими), и заломы оконъ почти непримѣтны. Нижній ярусъ занимается кофейнями, магазинами, рабочими комнатами художниковъ и ремесленниковъ; онъ имѣетъ обыкновенно стеклянную дверь и окна во всю ширину дома — такъ что вся внутренность его прозрачна; сверхъ того многіе ремесленники работаютъ часто предъ растворенными дверьми на улицѣ. Цвѣтъ домовъ болѣею частью темносѣрый, пестрый; не многіе выбѣлены, какъ у насъ въ Петербургѣ. Мерѣдко нижній ярусъ выкрашенъ отлично отъ прочихъ краскою — накригѣръ темнокрасною. Вывѣски отнюдь не похожи на наши: обыкновенно занимаютъ онѣ верхнюю перекладину дверей и оконъ, во всю ширину нижняго яруса, а надписи пишутся на самой стѣнѣ чрезвычайно крупными буквами. Кушцы и художники употребляютъ всѣ средства, чтобъ обратить на себя вниманіе прохожихъ. Надъ шляпнымъ магазиномъ видите вы, напригѣръ, красную, треугольную шляпу съ галуномъ, которая была бы впору колоссу родосскому; въ другомъ мѣстѣ красныя перчатки, въ конхъ пальцы имѣютъ въ

поперечникъ по два вершка. Въ улицѣ Ришельё кварта-
тира оружейнаго мастера означается двумя поставлен-
ными накрестъ ружьями, длиною каждое по крайней
мѣрѣ въ двѣ сажени. Многія лавки имѣють отличи-
тельныя названія и признаки: не говорю о привилеги-
рованныхъ художникахъ подъ золотыми гербами, на-
примѣръ N. N. coiffeur de S. A. R. Madame la Du-
chesse de Berry и пр. Здѣсь вы видите магазинъ au
triomphe de Trajan, тамъ à la belle Anglaise, au crois-
sant, à la petite Cendrillon, à l'у grec couronné, и
проч. съ изображеніемъ этихъ предметовъ. Забавны
надписи: au grand prix fixe, au vrai prix fixe! Но всего
смѣшнѣе афишки, которыми оклеены стѣны домовъ
на всѣхъ перекресткахъ; напримѣръ: *Doublez votre
fortune*, N. N. marchand de toiles vend etc.; *Lisez!!!*
Après avoir vendu 48,620 chapeaux.... Jamais on
n'a vendu le drap etc. Une puissante recomman-
dation... Où dinerons nous aujourd'hui? Chez les deux
cousines nouveau restaurant, Rue St. Honoré! Vous
qui aimez le bon vin de Bordeaux. Замѣтите, что
буквы, которыя отличены въ печати, имѣють на
афишкахъ по крайней мѣрѣ по два вершка въ вы-
шину. Однажды, на бульварѣ, увидѣлъ я афишку,
на которой отличалось слово Français. Полагая, что
это какая нибудь прокламація, я подошелъ съ любо-
пытствомъ, и что же увидѣлъ?

Rue Richelieu, N°... près du théâtre

FRANÇAIS

on vend toutes sortes de parfumeries, etc.

Я разсмѣялся, увидѣвъ обманъ, но между тѣмъ прочелъ афишку, а сочинителямъ ея только того и хотѣлось.

Большія зданія отнюдь не привлекательны. Я не видалъ въ Парижѣ ни одного дворца, ни одного дома, которые были бы совершенны или кончены въ своемъ родѣ: тамъ видны или зданія обрушающіяся отъ ветхости, или строенія неконченныя. Плита, изъ которой строить, отъ времени становится темнѣею; важнѣйшія зданія похожи наружностію на старый ломбардъ въ Милліонной *). Сверхъ того теряютъ они много отъ того, что обстроены мелкими домами и лавками. Только немногіе дворцы, какъ Тюльерійскій, Люксембургскій, стоятъ отдѣльно; прочія зданія окружены безобразными пристройками въ тѣсныхъ улицахъ. Въ просторныхъ коридорахъ Дворца Правосудія (Palais de Justice) построены деревянныя прилавки, въ которыхъ продаются книги, игрушки, башмаки, пирожки и проч. Судьи и адвокаты прогуливаются посреди торговокъ и лавочниковъ. Знаменитый Лувръ съ одной стороны похожъ на развалины древности, съ другой еще строится. Наполеонъ приказалъ обновить часть его, но, для довершенія этого труда, потребно еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и еще

*) Это было написано въ Іюнь 1817. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ Октябрѣ, я увидѣлъ, что мое сравненіе уже устарѣло: ветхій ломбардъ превратился въ прекрасное зданіе — казармъ гвардіи Павловскаго Полка.

болѣе иллюминаціи френковъ, которыхъ нѣтъ, не прращеніи вышнихъ доходовъ, взять не откуда. Въ большей части улицъ дома выстроены довольно единообразно, но на бульварахъ господствуетъ нестрога, принятая для взгляда. Дома не имѣютъ тамъ одинаковой величины, и представляютъ на каждомъ шагѣ что нибудь новое — хотя и не всегда по правиламъ вкуса и приличія. Многіе дворы и дома теряютъ видъ отъ того, что построены за каменными оградами, во дворахъ.

Чѣмъ непріятнѣе парижскіе дома снаружи, тѣмъ они удобнѣе и привлекательнѣе во внутренности. Комнаты обыкновенно свѣтлы, удобны расположены и убраны со вкусомъ, разумеется однако не вездѣ. Печей нѣтъ: онѣ замѣняются мраморными и чугунными каминами. Величайшая роскошь является въ зеркалахъ, которыми покрыты стѣны, особенно въ кофейняхъ и ресторацияхъ. Нигдѣ не видалъ я такихъ прекрасныхъ обоевъ: на нихъ изображены цѣлыя картины съ фигурами въ ростъ человѣческой — изъ исторіи, мифологіи и проч. Особенно хороши обои иллюминированные. Исторія Душеньки, которую случилось мнѣ видѣть во многихъ домахъ, не испортила бы ни какой гостиной комнаты *). Мебели дѣлаются въ Парижѣ чрезвычайно хорошо. Вазы, статуи, бронзы,

*) Исторія эта изображена на восьми большихъ единичныхъ картинахъ, которыя продаются не дороже ста френковъ.

найдете вы въ домахъ не весьма богатыхъ людей *). При многихъ домахъ есть сады. Ворота и калитки обыкновенно заперты; брякните кольцемъ, калитка открывается и вы видите на дворѣ надъ небольшимъ окошечкомъ надпись: Parlez au portier. Подлѣ многихъ частныхъ домовъ, даже въ самой шумной, многолюдной части города, есть небольшіе садки.

Лучшую часть Парижа составляютъ, безспорно, бульвары, которые окружаютъ весь городъ, и раздѣляются на сѣверные и южные. Первые находятся въ самой многолюдной его части и наполнены людьми, послѣдніе гораздо тише и уединеннѣе. Самая шумная часть бульваровъ простирается отъ церкви Св. Магдалины (кладбища, гдѣ погребено было тѣло Людовика XVI и его супруги) до улицы Des filles du Calvaire. Почти при каждомъ перекресткѣ переименуется имя бульвара, и это весьма облегчаетъ память при отыскиваніи домовъ. Вообразите двѣ липовыя аллеи по обѣимъ сторонамъ широкой улицы: многія деревья въ нихъ переломаны, другія исчезли совершенно; нѣтъ ни периль, ни возвышенныхъ дорожекъ; но все это замѣняется разнообразіемъ лавокъ, кофейныхъ домовъ и проч. въ нижнихъ ярусахъ, и необыкновеннымъ многолюдствомъ. Южные бульвары гораздо тѣнистѣе, воздухъ тамъ свѣжѣе; нѣтъ ни шуму, ни пы-

*) Самая великолѣпная мебель во Франціи есть кровать. Онѣ почти всѣ двуспальныя. Ни какая постель въ свѣтѣ не сравнится съ французскою! Во всѣхъ трактирахъ, и самыхъ бѣдныхъ, найдете вы чистыя постели.

ли, но нѣтъ и разнообразія, веселости, пріятности, которыя находишь въ сѣверныхъ.

Въ числѣ особенностей Парижа должно еще замѣтить проходы (passages) или галлерей, проведенныя въ нижнихъ ярусахъ домовъ изъ одной улицы въ другую, на довольно большомъ пространствѣ. По обѣимъ сторонамъ галлерей устроены блестящія лавки, кофейни, ресторации. Самый великолѣпный и шумный изъ сихъ проходовъ есть Passage des Panoramas, на Монмартрскомъ Бульварѣ подлѣ Театра des Variétés *).

Но средоточіе, слава и вѣнецъ Парижа есть знаменитый Пале-Рояль, о которомъ не могутъ наговориться путешественники.

На сей разъ будьте довольны несладкимъ изображеніемъ первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ во мнѣ картиною Парижа. — Иду въ Grand-Oréga, смотрѣть Фернанда Кортеса.

VIII.

Парижъ.

Мнѣ хотѣлось сообщить публикѣ въ самомъ началѣ замѣчанія мои о важныхъ предметахъ, которые

*) Такъ было тогда. Нынѣ (1837) этихъ пассажей гораздо болѣе, и они спорятъ между собою въ извѣстнѣи и великолѣпнѣи.

удалось рассмотреть въ Парижѣ, какъ то: о законодательствѣ, о народномъ воспитаніи, о бібліотекахъ, музеяхъ и т. п., но вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ пригнѣтилъ я, что рѣдко кто заботится приобрѣсть точное понятіе о томъ, что истинно достойно вниманія въ сей разнообразной столицѣ, а большая часть знакомыхъ и незнакомыхъ при первомъ словѣ спрашиваютъ: *были ль вы въ Пале-Рояль? каковъ Пале-Рояль? Скоро ли сообщите намъ извѣстія о единственномъ Пале-Рояль?* Повинуясь большинству голосовъ, и вынимаю изъ портфеля своего тетрадку подъ заглавіемъ:

ПАЛЕ-РОЯЛЬ.

Не стану повторять исторіи Пале-Рояля — что онъ построень кардиналомъ Ришелье, потомъ достался Герцогу Орлеанскому и пр. и пр. Все это можно найти въ подробности въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*, которыя писаны лѣтъ за тридцать предъ симъ, но отнюдь не устарѣли и — не устарѣютъ никогда! — Послѣ того времени происходила ужаснѣйшая въ лѣтописяхъ міра революція: древній тронъ Бурбоновъ низвергнуть; изъ развалинъ жертвенника революціи взгроможденъ другой, и онъ разсыпался, съ трескомъ и шумомъ, а на мѣстѣ его возникъ престолъ прежнихъ государей. Все это намѣняло видъ Франціи, и съ нею Парижа, а съ Парижемъ Пале-Рояля. Ояшу его, какъ нашель нынѣ; постараюсь

передать, какъ можно вѣрнѣе, впечатлѣнія, произведенныя во мнѣ симъ *храмомъ промышленности* — во всѣхъ ея отрасляхъ.

Герцогъ Орлеанскій, въ 1792 г., назвалъ это зданіе *дворцемъ равенства* (Palais Egalité), и вскорѣ потомъ сдѣлалось оно собственностію *нацим*, кромѣ переднихъ строеній, принадлежащихъ понынѣ прежнему хозяину. Въ 1802 году перенесены были туда засѣданія Трибуната, и тогда называлось оно Palais Tribunal. Вскорѣ потомъ Наполеонъ уничтожилъ Трибунатъ, противившійся его деспотизму, и Пале-Рояль воспріялъ прежнее свое имя. По возвращеніи Бурбоновъ, Герцогъ Орлеанскій занялъ часть его, непроданную во время революціи.

Пале-Рояль есть продолговатый четвероугольникъ, окруженный площадью того же имени въ улицѣ St. Honoré и улицами Richelieu, Des bons enfans и Neuve des petits champs. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: дворца герцогскаго, сада и окружающихъ оный галерей. Площадь предъ дворцемъ не обширна, обыкновенно грязна, и покрыта множествомъ наемныхъ каретъ и колясокъ. Фасадъ съ этой стороны не высокъ, но имѣетъ довольно красивый видъ, хотя стѣны, какъ и почти всѣхъ парижскихъ зданій, покрыты пылью и грязью. Черезъ трое воротъ входите вы въ первый дворъ, окружаемый павильонами, которые занимаетъ герцогъ. Второй дворъ обстроены только съ трехъ сторонъ каменными зданіями, а съ четвертой отдѣляется отъ сада низенькими деревянными лавками, ко-

торыя снаружи ничѣмъ не лучше лавокъ нашего толкучаго рынка. На этомъ второмъ дворѣ находится до времени *биржа*. Великолѣпное зданіе биржи, начатое Наполеономъ, нынѣ подвигается впередъ весьма медленно, и долго еще парижскимъ купцамъ должно будетъ собираться въ преддверіи Пале-Рояля. Деревянные лавки, построенныя въ два ряда, составляютъ одну изъ сторонъ собственнаго Пале-Рояля, или пространнаго гостинаго двора. Войдите и подивитесь! Великолѣпныя зданія въ четыре яруса окружаютъ съ трехъ остальныхъ сторонъ правильную продолговатую площадь (длиною сажень во сто, шириною слишкомъ въ сорокъ), по которой идутъ четыре ряда молодыхъ каштановыхъ деревьевъ. Посреди бассейна съ высокимъ фонтаномъ *). Эта площадь называется *садомъ Пале-Рояля*. Нижний ярусъ каменныхъ зданій состоитъ изъ высокихъ просторныхъ аркадъ (числомъ 180), отдѣляемыхъ ночью отъ саду желѣзными рѣшетками. Въ этомъ ярусѣ находятся лавки всѣхъ возможныхъ товаровъ, ресторации, кофейные дома—словомъ все, что можетъ служить роскоши и услажденію чувствъ. Вечеромъ 180 фонарей освѣщаютъ аркады, но свѣтъ ихъ затемняется блескомъ изъ-за стеклянныхъ дверей лавокъ и магазиновъ. Здѣсь ви-

*) Посреди сей площади былъ прежде всего *сиркъ*, или подземное зданіе, въ которомъ помѣщались трактиры и проч. Онъ сгорѣлъ въ 1798 году. Бассейнъ построенъ недавно.

дите вы, за зеркальными стеклами, бриллиантовыми и золотыми украшения, дайте кавалерские ордена всех государствъ въ свѣтъ; тутъ разноцвѣтныя ленты, тамъ кристаллыя товары. Поглядите внимательно, и увидите посреди магазина *округлую кристалльную лэст-кицу*, которая ведетъ на антресоли....

— Что за странная машина въ лавкѣ этого сапожника? Что-то похожее на скелетъ ноги человѣческой, съ винтами, трубками, пуговками. Это *антимозольная машина*. Скажите, въ которомъ мѣстѣ сапогъ давить вашу ногу? *Архистъ-обуватель*, снявъ сапогъ, встанетъ въ него машину и выдастъ въ немъ это мѣсто, ни мало не повреждая *излищной формы сапога!*

— Вотъ висятъ за рамкою нѣсколько десятковъ гравированныхъ портретовъ. Нахожу въ числѣ ихъ изображенія моихъ знакомыхъ, бывшихъ въ Парижѣ, люблюсь сходствомъ, и читаю подъ нимъ объявленіе, что въ четвертомъ ярусѣ, въ *райкѣ*, надъ самымъ этимъ мѣстомъ живетъ художникъ, который, рублей за тридцать, нарисуетъ, выгравироветъ и напечатаетъ, во сколькохъ угодно экземплярахъ, портретъ вашъ, ручаясь въ сходствѣ.

— Вотъ *вафельная лавка!* Дородная Фламандка печетъ вафли при васъ, и подбиваетъ самыми горячими. — Здѣсь ресторація братьевъ *Верн*. Длинная зала, которой стѣны покрыты зеркалами, уставлена множествомъ небольшихъ столиковъ, накрытыхъ чистыми скатертями. Опрятно одѣтые прислужники

ожидаютъ вашихъ приказаній, и, по мановенію вашему, подають вамъ печатный списокъ *deux cent mille*, готовыхъ утолить вамъ аппетитъ *). Миловидная, хорошо одѣтая дѣвица сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ, за столикомъ, уставленнымъ цвѣтами, плодами, ликерами въ свѣтлограненныхъ графинахъ. Она ведетъ счеты, смотритъ за порядкомъ и проч. Подлѣ Вери пирожная лавка Сюло. Въ жестяныхъ шкапцахъ, на особыхъ свовородакахъ, подогреваемыхъ снизу, найдете вы всегда горячіе пирожки всякаго рода. Въ этой же сторонѣ Пале-Рояля находится ротонда, или полукруглая бесѣдка, примыкающая къ галереѣ. Въ ней подають лучшее мороженое.

— Хотите ли одѣться по новѣйшей модѣ, не теряя времени? — Въ Пале-Рояль есть *портной-скорошаль* (*velocitaineur*), который въ два часа одѣнетъ васъ съ головы до ногъ. Вы читаете между тѣмъ сегодняшній нумеръ Монитера.

— *Faites sigrer vos bottes!* кричатъ неопратно одѣтый мальчикъ. Войдите въ небольшую лавку; васъ посадятъ на возвышенное мѣсто, ноги поставятъ на особо сдѣланныя для того *скобы*, дадутъ въ руки листъ

*) Главная квартира сихъ рестораторовъ была прежде сего въ Тюльерійскомъ Саду. Нынѣ зданіе, которое они тамъ занимали, сломано. Нашли (и по справедливости), неумолимымъ, чтобъ подлѣ самаго королевскаго дворца былъ всенародный трактиръ.

Gazette de France или Journal de Paris: мальчикъ, сказавъ что нибудь забавное (un petit mot pour rire), вычистить сапоги *на славу*. И эта лавка (cabinet des artistes décrotteurs) украшена зеркалами и бронзовыми столовыми часами!

Но не одни физическія удовольствія предлагаются вамъ въ Пале-Рояль. Хотите ли читать? Вотъ кабинетъ для чтенія! За *два су* можете устать за Монтевромъ, поспѣяться за Пустынникомъ Chaussée d'Antin, заснуть за Quotidienne. Можете брать книги и на домъ. — Въ деревянныхъ галереяхъ Пале-Рояля найдете вы нѣсколько хорошихъ книжныхъ лавокъ Дантю, Шомеро и услужливаго Делоне, который первый получаетъ всѣ новыя книги, и за самую сходную цѣну отыщетъ и доставитъ, какія угодно, не только цѣлыя творенія, но и отдѣльные томы, для пополненія разрозненныхъ. Но газеты составляютъ главную пищу любителей чтенія. Ежедневно выходитъ газетъ по десяти, которыя содержатъ въ себѣ почти одно и то же, особенно, что касается до важнѣйшей ихъ части — политики. Вы найдете ихъ во всѣхъ кофейныхъ домахъ и ресторацияхъ, гдѣ можно ихъ читать даромъ, но, не смотря на то, во всѣхъ публичныхъ садахъ видите *подомжные кабинеты для чтенія*. На ветхомъ соломенномъ стулѣ, подъ древнимъ зонтикомъ, сидитъ старушка, и за бездѣлку даетъ на прочтеніе вырые еще листочки. Многіе любопытные этимъ пользуются: въ тюльерійскомъ, люксамбургскомъ, пале-рояльскомъ и другихъ садахъ найдете

по утрамъ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые, прохаживаясь въ молчаніи, съ важностью читають новостяи. Впрочемъ это происходитъ и отъ праздности. Въ Саду Тюльерійскомъ, насупротивъ самаго дворца, находится небольшой, круглый прудъ, въ которомъ плавають дюжины двѣ золотыхъ рыбокъ; онѣ очень нерѣдки въ Парижѣ: на бульварѣ можете купить ихъ сколько угодно по десяти су. Но подите въ садъ въ какое угодно время: всегда найдете человѣкъ пятьдесятъ, которые, стоя вокругъ пруда, въ молчаніи, съ величайшею важностью и любопытствомъ смотрять на рыбокъ. Он s'amuse!

Но мы все еще въ деревянныхъ галереяхъ Пале-Рояля. Кромѣ книжныхъ лавокъ, находятся въ нихъ модныя магазины, лавки оптическихъ инструментовъ, дѣтскихъ игрушекъ, галантерейныхъ вещей и т. п. Не совѣтую ничего покупать здѣсь: во-первыхъ, всѣ товары вдвое дороже, нежели въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, здѣшніе продавцы и продавицы славятся во всемъ Парижѣ искусствомъ продавать *товаръ мизомъ*. Парижане называютъ этотъ рядъ лавокъ *таборомъ варваровъ* (camp des barbares).

Средній, или бель-этажъ Пале-Рояля занимають знаменитыя рестораціи, кофейныя дома, табачни (estaminets) и игорныя дома. Славнѣе всѣхъ кофейный домъ *Тысячи Столповъ* (de mille colonnes). Не думайте, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ тысяча столповъ: нѣсколько десятковъ колоннъ отражаются во всѣхъ направленіяхъ зеркалами, которыми покры-

ты стѣны, и замѣняютъ не тысячу, а болѣе. Важнѣйшая достопамятность этого кофейнаго дома, есть хозяйка его, извѣстная подъ именемъ *прекрасной лимонадчицы* (la belle limonadière). Женщина, въ самомъ дѣлѣ, прекрасная собою. Она одѣта весьма красиво, убрана брилліантами, и сидитъ на вызолоченныхъ, краснымъ малиновымъ бархатомъ крытыхъ креслахъ, которыя, какъ говорить летопись Пале-Рояля, нѣкогда служили трономъ Іоакиму Мурату въ Неаполѣ. Предъ нею новомодный столъ краснаго дерева. Проворные услужники, по мановенію волшебницы, летаютъ по всѣмъ краямъ ея царства, и разносятъ лимонадъ, мороженое и проч. Подлѣ нея, у ступеней трона, сидитъ обыкновенно, въ *симптомской небрежности*, какой нибудь записной забавникъ, и старается каламбурами выманить улыбку на прелестныя уста. Съ другой стороны, стоитъ, разиня ротъ, бѣлокурый Англичанинъ, и паялитъ глаза на миловидную хозяйку, которая, какъ сказываютъ, прельщая Британцевъ своею красотою, терзаетъ ихъ гордостью и — добродѣтелью. — Не даромъ зовутъ ее *чудодеи Пале-Рояля!* — Въ Парижѣ нѣсколько сотъ кофейныхъ домовъ: почти каждое всенародное зданіе, мость и проч. имѣетъ свою кофейню: въ улицѣ Ришелье Café de la Bibliothèque du Roi, близъ Новаго Моста Café du Pont Neuf, на бульварѣ подлѣ театровъ: Café des Variétés, Café de la Porte St. Martin; далѣе: Café des Invalides, Café du Jardin des Plantes, Café du Palais de Justice и пр. и пр. Нелю-

стаетъ развѣ только — Café de Notre Dame. Всего достойнѣе примѣчанія то, что всѣ эти кофейни (особенно на бульварахъ и въ Пале-Рояль) съ утра до глубокой ночи наполнены людьми, которые приходятъ туда читать газеты, пить кофе, шоколатъ, ѣсть мороженое и проч. Вездѣ платятъ наличными деньгами. Петербургская мада *забираетъ на счетъ*, разоряющая многихъ содержателей ресторацій и т. п., тамъ неизвѣстна. Во многихъ кофейняхъ можно получать обѣды и ужины. Цѣлыя семейства приходятъ туда обѣдать: множество трактировъ и кофейныхъ домовъ снимаютъ съ Французовъ и Француженокъ затруднительную обязанность имѣть особое домашнее хозяйство. Младенцевъ отдаютъ кормилицамъ въ деревню, чтобъ освободиться отъ дѣтскаго крику и необходимости быть дома; мужъ и жена затракаютъ и обѣдаютъ всегда въ какомъ-нибудь трактирѣ, вечера проводятъ въ спектаклѣ, и въ вѣчной разсѣянности убиваютъ день за днемъ. Подростающихъ дѣтей отдаютъ въ пансіоны, которыми наполнены предмѣстія, а потомъ *стакмаютъ изъ се семьи* (on les pousse dans le monde), и они также становятся въ свою очередь *дѣйствительными членами трактировъ*. — У насъ, въ Россіи, только развѣ пріѣзжіе могутъ ходить въ трактиры; но во Франціи не сопрягаютъ съ этимъ ни какой дурной мысли. Нельзя сказать, чтобъ Французы были скупы, или такъ негостепріимны, какъ напр. Англичане, Нѣмцы и Швейцары (*истинное* гостепріимство дома

только въ Россіи); но вы можете просидѣть у нихъ цѣлый вечеръ, и вамъ не подадутъ стакана воды; лишь только же выйдете на улицу, пріятель спрашиваетъ у васъ: «Смѣю ли предложить вамъ чего нибудь?» и не дожидаясь отвѣта, ведетъ въ первый кофейный домъ. Что городъ, то норовъ!

Игорные дома (maisons de jeu) составляютъ также отличительное свойство Парижа. Это вертепы разоренія, разврата, отчаянія и самоубійства! Правительство не только обязано терпѣть ихъ, но должно еще поощрять и поддерживать, получая съ откупщиковъ важные доходы. Жестокая крайность! — Въ Пале-Рояль находятся главнѣйшіе изъ сихъ домовъ; но столько еще уважается нравственность, что они не имѣютъ *съельсокъ*, а означаются нумерами: 9, 16 и 113. Я вошелъ въ одинъ изъ нихъ. При входѣ отобрали у меня шляпу и трость. Въ просторной залѣ вижу вокругъ большого стола неояртно одѣтыхъ людей. Это *рулетка*. Банкиръ сидитъ посреди стола, и бросаетъ шарикъ въ кружокъ, который вертится посреди обруча, имѣющаго 36 *мъздъ*; эти гнѣзда означены нумерами и выкрашены краскою красною или черною. Дѣло въ томъ, куда упадетъ шарикъ: какое число, четное или нечетное, болѣе или менѣе половины, краснаго или чернаго цвѣта. Остальная часть стола обита зеленымъ сукномъ, раздѣленнымъ желтыми чертами на тридцать шесть частей, и мѣста четное, нечетное, болѣе половины, менѣе половины, красное и черное. Любители ставятъ сумму (не менѣе двухъ франковъ)

въ которое хотятъ мѣсто. Банкиръ броситъ шарикъ, повернетъ машинку; она завертится, остановится; шаръ упадетъ въ гнѣздо, и банкиръ говоритъ, напр., *Dix-huit, pair, rouge, banque!* (18, четъ, красное, менѣе половины). Помощникъ банкира хладнокровно забираетъ лопаточкою всѣ суммы, которыя поставлены не на 18-номеръ, и на мѣстахъ нечетномъ, черномъ и болѣе половины. Угадавшимъ выдается ставка ихъ изъ банка. Игра эта заманчива своимъ разнообразіемъ и рѣшительностью, но гибельна для игроковъ: на блѣдвыхъ лицахъ ихъ видны ожиданіе, страхъ, отчаяніе.... Игра продолжается всю ночь. Въ другихъ комнатахъ подаютъ горячія напитки, пляшутъ разеятыя женщины; проигравшіеся заглашаютъ тамъ упоеніемъ чувствъ угрызенія разсудка и совѣсти. Подъ самымъ игорнымъ домомъ — лавка огнестрѣльнаго оружія. Часто, очень часто, несчастный игрокъ на остальной пятифранковикъ покупаетъ пистолеть, патронъ и пулю, и отошедъ на нѣсколько шаговъ, прекращаетъ тягостную жизнь. Проигравшіеся *до чиста* бросаются въ Сену *).....

*) Верстахъ въ десяти отъ города, близъ Сень-Клау, протянута во всю ширину Сены крѣпкая сѣть, которая останавливаетъ тѣла утопшихъ, несомыхъ внизъ по рѣкѣ. Ихъ вытаскиваютъ и выставляютъ всенародно. — Идучи однажды неподалеку отъ собора *Notre Dame*, по Сентъ, увидѣлъ я на берегу странное каменное зданіе; безъ оконъ, съ большими дверями. — «Какое это зданіе?» спросилъ я у сидѣвшей тутъ торговки. — «*C'est la morgue*,

Въ верхнемъ ярусѣ и подъ крышею Пале-Рояля живутъ художники и промышленники великаго рода. Тамъ же заходятся книжка *великой Венеры*. Самые погрѣба Пале-Рояля посвящены шумному удовольствію: тамъ находятся трактиры и кофейни для низшаго класса посѣтителей; впрочемъ и порядочные люди заходятъ туда изъ любопытства. Въ одномъ изъ нихъ (Café des aveugles) каждый вечеръ играетъ оркестръ слѣпыхъ; въ другомъ (Café du vaudeville) фокусникъ, чревовѣщатель и *профессоръ увеселительной физики* (professeur de physique amusante) забавляютъ гостей своими штуками. Все шумить, все пляшетъ, все веселится! Не упоминаю о разныхъ комедіяхъ, космографъ и т. п. зрѣлищакъ, которыя ежедневно представляются въ Пале-Рояль; и всегда находятъ зрителей. Многолюдство въ Парижѣ, и особенно въ Пале-Рояль и его окрестностяхъ, удивительное!

monsieur,» отвѣчала она. Я не понялъ что это значитъ, и видя, что дверь открыта, вошелъ во внутренность здания. Это большой сарай, освѣщаемый сверху. На гнѣвой рукѣ, за желѣзною рѣшеткою, на поставленныхъ покато деревянныхъ одрахъ, лежатъ нагія тѣла, вытѣсненные изъ воды—черныя, обезображенные. На стѣнѣ виситъ платье, въ которомъ ихъ ващали. Это дѣлается для того, чтобы родственники и знакомые утопшаго могли узнать и взять тѣло. Если, по прошествіи нѣсколькихъ дней, никто не явится, тѣла отсылаются въ анатомическое отдѣленіе медицинской академіи. Признаюсь, что я скорѣе выплелъ изъ могилы, нежели вошелъ туда.

Притомъ должно замѣтить, что въ разные части дня и посѣтители этого базара бываютъ различныя: поутру проходятъ черезъ Пале-Рояль къ своей должности кунцы, прикащики, ремесленники, чиновники разныхъ департаментовъ, останавливаются въ кофейняхъ и завтракаютъ; потомъ являются разные литераторы и охотники до новостей: роются въ книжныхъ лавкахъ, читаютъ газеты, судятъ о прошедшемъ, бранижъ настоящее, угадываютъ будущее. Позже появляются францы въ утреннемъ платьѣ, и завтракаютъ во второй разъ; чужестранцы, привлекаемые любопытствомъ; водныя дѣвы, для покупки уборовъ; полицейскіе шпионы, для наблюденія людей и рѣчей; промышленники разнаго рода, для отысканія молодыхъ неовытнхъ людей и пр. и пр. Около четырехъ часовъ во полудни, толпа увеличивается: всѣ сѣдаютъ обѣдать въ ресторанахъ. Черезъ часъ — время обѣда и пищеваренія: тѣснота уменьшается. Около шести часовъ выходятъ изъ рестораций, и сѣдаютъ въ кофейни, чтобъ поспѣть къ семи часамъ въ театры: Французскій Театръ находится въ самомъ Пале-Рояль; Большая Опера и Водевиль вблизи. — Лишь только зажигаются свѣчи, порядочныя женщины удаляются; легко одѣтыя, большею частью *размалеванныя* нимфы слетаютъ съ чердаковъ, и наполняютъ галереи. Женщины эти прославили Пале-Рояль, не знаю почему. Онѣ такія же гнусныя, безобразныя, безстыдныя твари, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ; только что одѣты по послѣдней модѣ, смѣлѣе и, новидимому

умѣе и образованіе другихъ. Но мнѣшая эта образованность происходитъ отъ общаго распространения познаній и свѣтскаго воспитанія во всѣхъ сословіяхъ французскаго народа. Одинъ изъ нынѣшнихъ русскихъ путешественниковъ называлъ весьма удачно это поверхностное распространение образованія *расхо- жемъ умомъ*. У Французовъ есть нѣсколько общихъ фразъ, которыя въ употребленіи у всѣхъ безъ разбора — у глупыхъ и умныхъ, у невѣждъ и ученыхъ, такъ, что съ перваго взгляда очень трудно различить, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Заговорите съ ученымъ Англичаниномъ или Нѣмцемъ *одружъ* о какомъ нибудь предметѣ: онъ остановится, подумаетъ и съ робостію произнесетъ отвѣтъ, сомнѣваясь, понялъ ли васъ, и такъ ли отвѣчаетъ. Англичанинъ еще, говоря по французски, *перепробуетъ* всѣ гласныя буквы, напр.: *é-i-o-a-est ce que vous vous portez bien?* У Французовъ совсѣмъ иное: спросите его о чемъ хотите. *Ce n'est pas l'embarras!* Онъ вибрируетъ отвѣчаетъ вамъ своими общими фразами, смотря по *тону*, а не по *содержанію* вашего вопроса, и потомъ немедленно самъ спроситъ о чемъ нибудь, впопадъ или невпопадъ! Живая энциклопедія; но подите далѣе: все пусто, все звонъ, все блестяи *). Вотъ

*) Прошу замѣтить, что я говорю о *топль* Французовъ, въ особенности Парижанъ. Между ими есть множество людей истинно умныхъ, ученыхъ, даже *самостоятельныхъ* въ своемъ родѣ Кювье, Жюлье, Гакъ, Сильвестръ, де Са-

что придало, въ глазахъ иностранцевъ, цѣну пале-
рояльскимъ женщинамъ, въ числѣ которыхъ, можетъ
быть, есть и образованныя въ самомъ дѣлѣ, но не-
счастіемъ и легковѣрностью завлеченныя въ вертепы
разврата и пороковъ. Очень забавно слышать, когда
онѣ, прогуливаясь по аркадамъ, увѣряютъ другъ дру-
га въ чемъ нибудь своею *честію!* *Parole d'honneur!*

Около девяти часовъ тѣснота, волненіе, шумъ уве-
личиваются. Всѣ кофейные дома полны; въ аркадахъ
тѣснота, особенно отъ того, что при наступленіи ночи
запираются желѣзныя рѣшетки сада, и жандармы сте-
регутъ входъ во *вракъ* его. Это продолжается до
одиннадцати часовъ: тогда толпы начинаютъ рѣдѣть;
шумъ утихаетъ; всѣ идутъ домой — большая часть
съ отягченными головами и желудками; многіе съ об-
легченными кошельками. Огни потухаютъ; являются
патрули жандармовъ; галереи пустѣютъ совершенно,
и въ первомъ часѣ настаетъ тишина. Прежде сего,
сказываютъ, пиршества и гулянья продолжались всю
ночь; нынѣ полиція прекращаетъ ихъ заблаговре-
менно.

Вотъ краткое, поверхностное изображеніе этого
единственнаго въ своемъ родѣ заведенія, которое
существуетъ и можетъ существовать только въ Па-
рижѣ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ другихъ
большихъ городахъ Европы хотѣли завести свои

си, Лангльсъ, Дежерандо, Шатобрианъ, Бенжамень-Кон-
станъ, Пасторе принесли бы честь всякой націи.

пале-рояли — дѣло невѣроятное! Можно построить зданіе огромнѣе и великолѣпнѣе Пале-Рояля, можно наполнить его магазинами, ресторациями, кофейными домами и пр. и пр.; но откуда взять *населеніе, душу* Пале-Рояля? Я видѣлъ подобія его во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Лейпцигѣ, во время ярмарки: въ первомъ *Браунфельсѣ*, въ послѣднемъ *Луэрсбаховъ Дворѣ*. Это просто ряды разныхъ магазиновъ, въ которыхъ торгуютъ, покупаютъ, продаютъ, прогуливаются, зѣваютъ — и только! — Пале-Рояль есть соединеніе въ одной точкѣ того, что разбросано по всему Парижу, соединеніе не вынужденное, не приготовленное, но происходящее вообще отъ обычая и образа жизни въ сей столицѣ. Уничтожьте его тамъ, гдѣ онъ нынѣ: чрезъ мѣсяць составитъ другой Пале-Рояль въ иной части города. Въ какомъ другомъ мѣстѣ можетъ быть это стеченіе иностранцевъ изъ всѣхъ земель? Въ какомъ иномъ городѣ найдете вы сихъ праздныхъ, *олично гуляющихъ людей*? Довказано, что *ежедневно* прѣзжаетъ въ Парижъ изъ провинцій по сту и болѣе человекъ, которые цѣлый годъ работаютъ и почитя у себя, чтобъ недѣльки двѣ провести въ Парижѣ — слѣдственно недѣлю въ Пале-Роялѣ. У насъ рѣдко въ будничные дни найдете на улицахъ гуляющихъ, кромѣ женщинъ и дѣтей; у насъ въ трактирахъ и кофейныхъ домахъ, кромѣ прѣзжихъ и *безпріютныхъ*, не встрѣтите почти никого изъ порядочныхъ людей: въ Парижѣ все гуляеть, все забавляется, все живетъ въ трактирахъ!

Пале-Рояль игралъ важную роль во время революціи. Тамъ происходили первыя народныя собранія; оттуда мятежники двинулись на разрушеніе Бастиліи. Въ правленіе Наполеона, Пале-Рояль былъ центромъ иніионства и разглашенія новостей въ пользу Императора и его правленія. Зная вѣтряный характеръ Французовъ, Наполеонъ не мѣшалъ имъ забавляться, и еще поощрялъ къ разврату и шумнымъ веселостямъ. Между тѣмъ во всѣхъ рестораціяхъ, кофейняхъ и игорныхъ домахъ, во всѣхъ спектакляхъ, разсѣяны были полицейскіе шпіоны во всѣхъ возможныхъ видахъ, и доносили правительству о каждомъ движеніи, о каждой мысли народа, который, въ упоеніи забавъ, былъ откровеннѣе нежели обыкновенно. Доказано, что обладатель Парижа есть въ то же время обладатель всей Франціи, и что Франція, особенно забавамъ, увеселеніямъ и разсѣянностямъ парижскимъ, привлекающимъ сюда путешественниковъ изъ всѣхъ странъ Европы, обязана частію своего перевѣса и вліянія въ другихъ земляхъ.

При вступленіи на престолъ нынѣшняго Короля, полиція уменьшила число домовъ разврата въ Пале-Рояль, и изгнала изъ него мальчишекъ, которые продавали иностранцамъ соблазнительныя книги и картинки. Парижане жалуются на уменьшеніе *промышленности* и доходовъ многихъ содержателей въ Пале-Рояль! — Въ большихъ городахъ должно терпѣть собранія и забавы, не одобряемыя строгою нравственностію, но въ то же время должно подчинять ихъ

надзору властей, и прекращать *излишнія*, вредныя злоупотребленія. Желательно, чтобъ поправленіе финансовъ Франціи позволило правительству закрыть *морныя дома* и *лотерейныя конторы*, и чтобъ распространеніе правилъ благочестія и нравственности, въ которыхъ Король Французскій подаетъ поданнымъ своимъ прекраснѣйшій примѣръ для подражанія — ограничило увеселенія жителей Парижа забавами ума, сердца, воображенія и вкуса, и истребило вертепы соблазна, безстыдства и распутства *)!

IX.

УГОЛОВНОЕ СУДИЛИЩЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

О Правосудіи тобою
Хранится только смертныхъ родъ.

Цинкъ.

Въ числѣ предметовъ, которые мнѣ хотѣлось въ подробности узнать и разсмотрѣть въ Парижѣ, не послѣднее мѣсто занимали *судилища уголовныя*.

*) Въ послѣдніе годы царствованія Карла X отчасти исполнилось это благонамѣренное желаніе. Префектъ полиціи де Беллемъ выгналъ изъ Пале-Рояля всѣхъ непотребныхъ женщинъ. Игорныя же дома закрыты 1-го Января 1838.

Случай весьма мнѣ въ томъ способствовалъ. На другой день по приѣздѣ моемъ въ Парижъ, познакомился я съ любезнымъ землякомъ, Н. А. Ст., который, узнавъ о желаніи моемъ видѣть присутствіе уголовной палаты, въ тотъ же день повелъ меня туда. Я тѣмъ охотнѣе согласился на его предложеніе, что онъ часто посѣщаетъ эти присутствія, и, зная судебный порядокъ во Франціи, могъ пояснить многое, что съ перваго взгляду показалось бы мнѣ непонятнымъ. — Мы отправились съ нимъ во *Дворецъ Правосудія* (*Palais de Justice*), лежащій неподалеку отъ Новаго Моста на острову *Cité*. Зданіе древнее, величественное! Съ одной стороны выходитъ оно на Площадъ Дофина, посреди которой, надъ публичнымъ фонтаномъ, возвышается каменная статуя папшаго при Маренго генерала Дессенса. Франція, въ эмблемахъ побѣды, его венчаетъ. Жалкое произведеніе — особенно для петербургскихъ жителей, видѣвшихъ на Царицыномъ Лугу монументъ Суворова! Подножіе загажено осадкою воды, текущей изъ фонтановъ. Большая часть надписи истреблена. — Съ другой стороны Дворецъ Правосудія отдѣляется желѣзною рѣшеткою отъ небольшой площадки, на которой выставляютъ преступниковъ у безчестнаго столпа. Дворецъ построенъ, сказываютъ, въ шестомъ вѣкѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ выходитъ на берегъ Сены, видны еще остатки древности — готическія башни: онѣ возвышаются надъ тюрьмою (*Conciergerie*), подъ сводами которой томилась несчастная Марія Антоія. Какія

воспоминанія рождаются при взглядѣ на это зданіе! Въ этомъ дворцѣ обитали Лудовикъ Святой, Филиппъ Прекрасный, Карль V, Францискъ I. Въ послѣдствіе времени Короли Французскіе давали тамъ публичныя аудіенціи иностраннымъ посламъ, и торжествовали бракосочетанія принцевъ своего Дома. Въ большой залѣ стояли статуи всѣхъ Французскихъ Королей, начиная съ Фаранюда. Потомъ засѣдали въ этомъ дворцѣ парламентъ и другія важнѣйшія судилища королевства. Зала и часть всего дворца превращены въ нечелъ въ 1613 году: Послѣ вторичнаго пожара (въ 1776 г.), Лудовикъ XVI, за два года до началія революціи, вновь выстроилъ большую часть зданія и между прочимъ прекрасную его рѣшетку. Въ возобновленномъ дворцѣ произошли первыя явленія, подавшія поводъ къ началію революціи. Тамъ, 2 и 3 Сентября 1789 года, злодѣи убили 239 невинныхъ арестантовъ; тамъ засѣдало, въ теченіе полутора года, революціонное судилище, — исчадіе самого ада. Тамъ осуждали ежедневно на смерть по нѣскольку сотъ человѣкъ; наемныя приуны, стоя на широкомъ крыльцѣ, ожидали выхода обреченныхъ жертвъ, и встрѣчали ихъ съ воплями дикой радости.

Но буря прошла; за нею исчезло и грозное время деспотизма военнаго. Оба страшныя явленія, какъ и всѣ происшествія, насылаемыя неисповѣдимымъ Промысломъ, проложили стези, по которымъ люди могутъ легче прежнего идти къ цѣли своего совершен-

ствя. Революція и деспотизмъ послужили къ утверждению во Франціи правосудія и равенства въ правахъ. Но чора войти во внутренность дворца.

Мы вступили въ длинный корридоръ. Какое странное зрѣлище! По сторонамъ его построены деревянные прилавки, въ которыхъ продаютъ книги, башмаки, игрушки, варожки, конфеты. Говорятъ, что до построения Пале-Рояля, эти ряды были гораздо разнообразнѣе и богаче. Въ послѣдніе дни каждаго года обирались туда публика для покупки конфетовъ и игрушекъ на подарки въ Новый Годъ. Здѣшнія модныя торговки отличались богатствомъ своихъ уборовъ. Теперь здѣсь базаръ второстепенный. — При входѣ въ комнаты уголовой палаты, старушка отобрала у насъ трости: нѣсколько сотъ бѣдныхъ женщинъ промышляютъ въ Парижѣ храненіемъ тростей и зонтиковъ. У входа во всякій дворецъ, во всякое собраніе, отбираютъ изъ у. васъ, и даютъ номеръ. При обратномъ полученіи трости, платите два су. — Наконецъ пребрались мы въ залу судилища, и, по праву Русскихъ, заняли хорошее мѣсто, подлѣ присяжныхъ. — Надобно описать вамъ наружный видъ и расположеніе залы. Она довольно длинна и широка, и раздѣляется перилами (barre) на двѣ части: меньшая назначена для зрителей; въ большей помѣщаются судъ и почетнѣйшіе изъ посѣтителей. Въ углубленіи сей послѣдней находится возвышенное мѣсто; на немъ стоитъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и имѣющій видъ подковы. Въ самой

среди́мъ мѣсто президента; по обѣимъ его сторонамъ помѣщаются четыре совѣтника; далѣе по правую руку королевскій прокуроръ, а по лѣвую секретарь (*greffier*). По правую сторону отъ судейскаго стола, вдоль по стѣнѣ, также на возвышеніи; простираются два ряда скамей — для двѣнадцати присяжныхъ и нѣкоторыхъ зрителей. Насупротивъ, по лѣвую руку, находятся на возвышеніи скамьи для подсудимыхъ, а пониже, впереди, мѣста для ихъ адвокатовъ. Посреди залы стоитъ простой столъ, на который кладутъ вѣнцы, служащіе къ уликамъ и доказательствамъ, и пр. Еще сидятъ внизу по обѣимъ сторонамъ залы за особыми столиками два экзекутора (*huissiers*). У дверей стоитъ часовая. Стѣны залы покрыты темносиними обоями, на которыхъ изображены золотыя лиліи. Надъ мѣстомъ президента находилась прежде сего аллегорическая картина, представляющая казнѣ порока и торжество невинности; она теперь снята: вмѣсто ея поставлено тамъ будетъ Распятіе.

Когда мы вошли въ залу, засѣданіе еще не было открыто. Люди разныхъ званій расхаживали въ шляпахъ, разсуждали, шумѣли, смѣялись. Вдругъ одинъ изъ экзекуторовъ подошелъ къ задней двери, постучалъ, и все утихло: всѣ разошлись по мѣстамъ, сняли шляпы, но не сѣлись. Вошли въ залу члены уголовной палаты (*la cour d'assises*) — въ черныхъ мантияхъ съ рукавами, съ черными четверогранными шапочками на головахъ. Президентъ шелъ впереди, неся въ рукахъ Уголовное Уложеніе, за нимъ совѣтники,

прокуроръ и секретарь. Они заняли свои мѣста; тогда устлалась и публика. Присяжные и адвокаты расположились на своихъ скамьяхъ. Все умолкло. По приказанію президента, ввели черезъ особыя двери подсудимыхъ: жандармы окружали ихъ, и сѣли вмѣстѣ съ ними на скамью, раздѣливъ ихъ другъ отъ друга.

Сообщаю вкратцѣ описаніе всего порядка уголовного судопроизводства. Президентъ спрашиваетъ у подсудимыхъ имена ихъ, прозванія, лѣта, званіе, мѣсто жительства и рожденія, обращается къ присяжнымъ, или совѣстнымъ судьямъ, и читаетъ имъ слѣдующую присягу: «Вы присягаете и общаетесь предъ Богомъ и людьми рассмотреть съ величайшимъ вниманіемъ въ чемъ обвиняются N. N.; не измѣнять ни пользамъ обвиненныхъ, ни выгодамъ общества, не говорить ни съ кѣмъ до произнесенія вашего объявленія; не внимать голосу ненависти или злобы, страха или лицепріятія; рѣшить на основаніи доводовъ обвинения и оправданія, по совѣсти вашей и сердечному убѣжденію, съ безпристрастіемъ и твердостью, личными чловѣку честному и свободному.» — Присяжные встаютъ одинъ за другимъ, и поднявъ правую руку, говорятъ: *присягаю!* Засимъ президентъ, пригласивъ обвиняемыхъ быть внимательными, приказываетъ секретарю прочесть опредѣленіе королевскаго судилища о препровожденіи дѣла въ уголовную палату, и обвинительный актъ; въ немъ изложено со всѣми обстоятельствами преступленіе, въ которомъ обвиняются подсудимые. Потомъ читаютъ списокъ

свидѣтелей *противъ* и *въ пользу* обвиняемаго: они сидятъ до того времени въ отдѣльныхъ комнатахъ, чтобъ не могли между собою согласиться, и вводятся поодиначкѣ. Президентъ призываетъ каждого изъ нихъ въ средину залы; спрашиваетъ объ имени, званіи, мѣстѣ жительства, не родственникъ ли онъ обвиняемому, потомъ приказываетъ ему, поднявъ правую руку, произнести присягу, что онъ нагѣренъ говорить безъ страха и злобы сущую истину. Подсудимому позволено допрашивать свидѣтелей чрезъ президента. Королевскій прокуроръ, въ званіи блюстителя законовъ и безопасности общества, встаетъ съ своего мѣста, обвиняетъ подсудимаго, приводитъ доказательства его преступленія, и требуетъ наказанія. По окончаніи его рѣчи, встанутъ адвокаты подсудимыхъ, и защищаютъ своихъ кліентовъ — всѣми возможными средствами: взвѣшиваютъ, разсматриваютъ, отвергаютъ доводы прокурора, и заключаютъ рѣчь требованіемъ освобожденія обвиняемыхъ, или уменьшенія положеннаго законами наказанія. Надобно знать, что допросы свидѣтелей, рѣчи прокурора и адвокатовъ обращаются къ присяжнымъ. Когда они перестаютъ говорить, президентъ спрашиваетъ у подсудимыхъ, не имѣютъ ли они чего присовокупить къ своему оправданію, и получивъ въ отвѣтъ, что имъ уже сказать нечего, объявляетъ, что пренія кончены, и вслѣдъ за тѣмъ изустно излагаетъ присяжнымъ *существо дѣла* (le résumé), то есть проходить всѣ пункты обвинительнаго акта, при каждомъ изъ нихъ

упоминаетъ о доводахъ прокурора и возраженіяхъ адвокатовъ подсудимаго, и наконецъ предлагаетъ *сопросы*, подлежащіе ихъ разрѣшенію; напр.: «Обвиняемый N. N. виновенъ ли въ кражѣ, въ сообществѣ съ N. N., съ обстоятельствами, изложенными въ обвинительномъ актѣ?» Притомъ вручаетъ онъ старшему изъ присяжныхъ всѣ относящіяся къ дѣлу акты; обвиняемыхъ выводятъ, а присяжные, вставъ съ мѣстъ своихъ, въ молчаніи идутъ въ назначенную для нихъ комнату, запираются тамъ и не выходятъ, доколѣ не составятъ рѣшительнаго отвѣта. По выходѣ присяжныхъ, члены судилища поднимаются (всѣ присутствующіе притомъ встаютъ также) и уходятъ въ другую залу. Зрители надѣваютъ шляпы, начинаютъ разсуждать и спорить, въ ожиданіи возвращенія присяжныхъ, которые иногда по нѣсколькимъ часамъ толкуютъ взаперти. Вдругъ раздается звонъ колокольчика — знакъ, что присяжные кончили сужденіе. Зрители садятся; члены судилища входятъ прежнимъ порядкомъ и занимаютъ мѣста свои, а вскорѣ за ними появляются и присяжные. Президентъ спрашиваетъ у нихъ, какое есть ихъ мнѣніе, и старшій присяжный, вставъ съ своего мѣста, читаетъ: «По чести и по совѣсти, предъ Богомъ и предъ людьми, присяжные объявляютъ: да! подсудимый N. N. виноватъ (напр. въ воровствѣ) съ исчисленными въ обвинительномъ актѣ обстоятельствами,» или, «нѣтъ! подсудимый не виноватъ!»

Письменное объявленіе подписываетъ въ то же

время президентъ и скрѣпляетъ секретарь. Вводятъ подсудимыхъ. Секретарь читаетъ имъ объявленіе присяжныхъ. Когда они признаны невинными, президентъ провозглашаетъ, что палата, внявъ объявленію присяжныхъ, приказываетъ немедленно освободить ихъ, если они не содержатся по другому дѣлу. Когда же объявленіе присяжныхъ не было имъ выгодно, прокуроръ встаетъ и требуетъ, на основаніи такого-то пункта Уголовнаго Уложенія, наказанія обвиненныхъ. Президентъ читаетъ вслухъ всѣ относящіяся къ сему случаю пункты уложенія; потомъ всѣ члены суда встаютъ съ своихъ мѣстъ, составляютъ кругъ, и про себя разсуждаютъ, который именно пунктъ уложенія приличенъ настоящему случаю. Это разсужденіе продолжается не болѣе двухъ, трехъ минутъ. Члены занимаютъ прежнія мѣста, и президентъ провозглашаетъ приговоръ: «Палата, на основаніи § Уголовнаго Уложенія, осуждаетъ N. N., напримѣръ, на тюремное заключеніе въ теченіе пяти лѣтъ. Обвиненный N., вы имѣете три дня сроку для подаванія апелляціи.» Жандармы уводятъ осужденныхъ обратно въ темницу; президентъ объявляетъ, что засѣданіе кончилось; всѣ встаютъ и расходятся.

Въ первый день посѣщенія уголовной палаты, видѣлъ я разборъ и рѣшеніе дѣла двухъ женщинъ самаго низкаго и презрѣннаго званія, обвиненныхъ въ кражѣ серебряныхъ часовъ и вѣсколькихъ гривенъ деньгами. Дѣло, повидимому, не заслуживало особеннаго вниманія; во въ разсмотрѣніи и рѣшеніи посту-

пали съ такою важною, какъ будто отъ того зависѣла судьба Франціи. И въ самомъ дѣлѣ: общее благо государства составляетя, въ нѣкоторомъ отношеніи, частнымъ благомъ každого гражданина или большей ихъ части, а правосудіе, и въ самыхъ мелкихъ сношеніяхъ общества; не есть ли святѣйшее достояніе, на которое всякой гражданинъ имѣетъ право? При томъ французскіе законы смотрятъ на *преступленіе*, а не на *предметъ* его. При разборѣ дѣла о кражѣ, напримѣръ, принимаютъ въ разсужденіе, не *величину* суммы (за покражу десяти су наказываютъ такъ же, какъ и за похищеніе десяти тысячъ франковъ), а *нравственныя* обстоятельства: *идь, когда и какъ* совершенно преступленіе. Если доказано, что покража произведена посредствомъ поддѣльныхъ ключей, со взломомъ замка, въ сообществѣ съ другимъ и т. п., наказаніе усугубляется.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ не случилось важныхъ уголовныхъ процесовъ, да и не знаю, могъ ли бы я выслушать дѣло о смертоубійствѣ, смотрѣть на людей, которыхъ приговариваютъ къ смерти, быть свидѣтелемъ ихъ осужденія и отчаянія. Должно имѣть большую привычку, чтобъ заниматься подобными предметами съ надлежащимъ хладнокровіемъ. Впрочемъ есть и другая крайность, которая гораздо вреднѣе и ужаснѣе излишней чувствительности: безпрерывное и долговременное упражненіе подобными дѣлами производитъ равнодушіе, ожесточеніе и свирѣпство, несовмѣстныя съ званіемъ человѣка, гражд-

данина и судьи. И въ этомъ случаѣ нельзя не похвалить предусмотрительности французскихъ уголовныхъ законовъ: во Франціи нѣтъ безсмѣнныхъ уголовныхъ судей; члены уголовной палаты наряжаются изъ общаго королевскаго судилища въ Парижѣ ежемѣсячно; въ другихъ губернскихъ городахъ рѣже, смотря по накопленію дѣлъ. Засѣданія продолжаются отъ двухъ до трехъ недѣль. По закрытіи оныхъ, члены получаютъ повелѣніе заняться въ разныхъ отдѣленіяхъ *гражданскихъ* судовъ, и не прежде истечения трехъ мѣсяцевъ могутъ быть вновь назначены для разсмотрѣнія и рѣшенія процессовъ уголовныхъ.

Слабость есть удѣлъ человечества. Гдѣ подъ солнцемъ найти истинное, совершенное безпристрастіе и правосудіе? Вездѣ знатность, богатство и другія временныя блага ослѣпляютъ людей; сильный порокъ торжествуетъ, слабая добродѣтель угнетается. Не станемъ искать совершенства въ здѣшнемъ мірѣ. Но есть средства обуздать злоупотребленія власти, сорвать личину съ порока и преступленія, даровать притѣсенной добродѣтели способы оправдаться и восторжествовать надъ кознями злобы и коварства. Сіи средства, кромѣ надлежащаго, сообразнаго съ цѣлію воспитанія народнаго, состоятъ въ утвержденіи правосудія на твердомъ, неизблѣмомъ основаніи, во введеніи ясныхъ, опредѣленныхъ законовъ и неизмѣнныхъ *формъ*, которыя были бы свято наблюдаемы при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, отъ коихъ зависятъ съ одной стороны жизнь и честь частнаго чело-

вѣвка, а съ другой безопасность и спокойствіе гражданскихъ обществъ.

Нашему времени предоставлено исправленіе многихъ учрежденій и обычаевъ, ведущихся со временъ варварскихъ; когда право сильнаго, самовластіе, суевѣріе и фанатизмъ предписывали законы. Великіе умомъ и добродѣтелию мужи вникли въ состояніе законодательства и судопроизводства, введенныхъ обстоятельствами, утвержденныхъ временемъ — и ужаснулись! Судьба челоуѣка зависѣла отъ воли нѣкоторыхъ частныхъ людей, нерѣдко опредѣляемыхъ безъ дальнѣйшаго выбора, почти никогда не имѣвшихъ надлежащаго образованія и необходимыхъ познаній; но и самые честные, безпристрастные изъ сихъ людей не могли основывать своихъ сужденій и приговоровъ на ясныхъ, опредѣленныхъ законахъ, равно сильныхъ для всякаго гражданина. Правосудіе измѣнилось по времени и мѣсту, по чину, по родѣ, богатству подсудимаго!.... Главнѣйшими средствами для сохраненія правосудія, для обрѣтенія надлежащей среды между потворствомъ, излишне щадящимъ преступниковъ, и безчеловѣчіемъ, карающимъ неопытную, неосторожную невинность наравнѣ съ закоснѣлымъ порокомъ, суть: 1) ясное, полное и опредѣленное *уголовное уложеніе*, не основанное на мечтательныхъ предположеніяхъ, не заимствованное изъ постановленій другихъ земель, но извлеченное изъ коренныхъ древнихъ законовъ отечества, приведенныхъ въ порядокъ, поясненныхъ, соглашенныхъ и дополненныхъ; 2) *судъ по*

совѣсти или судъ присяжныхъ (Jury) и 3) гласное судопроизводство. Послѣдующія изъ сихъ постановлений, не могутъ существовать безъ предьидущаго, и всѣ они должны быть въ тѣсной и неразрывной между собою связи.

Сообщаемъ читателямъ нашимъ краткое историческое извѣстiе о прежнемъ и нынѣшнемъ состоянiи законодательства во Францiи, которое лучше всего пояснить ходъ и успѣхи правосудiя въ сей землѣ, пострадавшей въ наше время отъ ужаснѣйшей революцiи, но обязанной, какъ мы выше замѣтили, сей же самой революцiи и послѣдовавшему за нею военному деспотизму, утверждениемъ законодательства на твердыхъ и справедливыхъ началахъ.*

Встарину отправляли судопроизводство во Францiи *помѣщиками*, при помощи грамотныхъ *дьяконовъ* (*clerics*), которые сначала служили баронамъ, но въ послѣдствiи, пользуясь превосходствомъ своихъ знанiй предъ невѣждами—дворянами, прибрали въ руки исполненiе законовъ, и составили особое въ государствѣ сословіе *законовѣдцевъ*, вершившихъ дѣла именемъ частныхъ владѣльцевъ, а не правительства. Почти каждая область имѣла особые свои законы: въ одной слѣдовали Праву Римскому, въ другой уложенiю, составленному изъ мѣстныхъ обычаевъ, въ третьей законамъ германскимъ и проч. Сiи законы нерѣдко противорѣчили самимъ себѣ и постановленiямъ сосѣдственныхъ областей. Каждое судилище имѣло особые свои *пріемы* и обычаи, которые велись издавна. Дѣло, про-

игранное въ одной области, можно было выиграть въ другой, лишь только бы найти предлогъ къ перенесенію онаго. Это подало поводъ къ забавному замѣчанію, что путешествуя по Франціи, перемѣняешь на каждой станціи и лошадей и законы. Судопроизводство было въ совершенномъ хаосѣ; процессы продолжались по сту лѣтъ и болѣе. Мѣста судейскія были *продажныя* и *наслѣдственныя*. Сынъ судьи покупалъ обыкновенно должность своего отца, и званіе судьи принадлежало исключительно дворянству. Законы были столь темны, сбивчивы и неосновательны, что судьи должныствовали прибѣгать къ сужденію по здравому смыслу или основываться на обманчивомъ судѣ общаго мнѣнія. Между тѣмъ должно сказать, къ чести судей французскихъ, что *взятки* были у нихъ почти вовсе неизвѣстны. Граждане жаловались только на *гордость* членовъ высшихъ судилищъ, которые съ презрѣніемъ смотрѣли на людей низшаго званія, и жестоко мстили за оскорбленіе своего сословія. Иногда парламенты осмѣливались противорѣчить Королю, и присвоивать себѣ власть законодательную; но замѣчено, что они не соглашались только на тѣ предложенія и законы Короля, которые были противны привилегіямъ дворянства, особенно же равному распределенію податей и налоговъ.

Всѣ эти злоупотребленія прекращены были въ началѣ девяностыхъ годовъ: вмѣсто разногласныхъ, произвольныхъ законовъ, господствовавшихъ въ разныхъ областяхъ Франціи, опредѣлено было составить

одно неизмѣнное уложение. Бури революціи, нравленіе ужаса и пр. замедлили ходъ этого труда, но онъ все мало по малу подвигался впередъ, и конченъ былъ при Бонапартѣ, который, воспользовавшись стараніями своихъ предшественниковъ, назвалъ сочиненное ими уложеніе своимъ именемъ (Code Napoléon), ввелъ оное во Франціи и другихъ подвластныхъ ему земляхъ, гдѣ оно отчасти и понынѣ находится въ своей силѣ...

Въ первую эпоху революціи, судьи избираемы были народомъ на извѣстное время. Въ каждомъ округѣ было судилище первой инстанціи, въ каждомъ департаментѣ главное (cour supérieure). Сверхъ того учрежденъ кассационный судъ, который долженъ былъ разсматривать, соблюденъ ли въ производствѣ дѣла законный порядокъ. Бонапарте присвоилъ себѣ опредѣленіе судей, и отрѣшалъ ихъ, когда они ему не нравились.

Уголовное судопроизводство было встарину во Франціи самое варварское и несправедливое. Обвиненныхъ заключали въ ужасныя темницы, гдѣ они сидѣли по нѣскольку лѣтъ, не видя ни родственниковъ, ни друзей своихъ. Судьи допрашивали ихъ секретно, и старались принудить къ признанію всякими уловками, ложнымъ состраданіемъ, и т. п. Двоихъ свидѣтелей было достаточно для осужденія обвиняемаго, и — что еще ужаснѣе — судьи были обязаны присягою, вмѣсто точной улики, довольствоваться нѣсколькими *офортностями*. Подсудимымъ не сообщали обвинительныхъ пунктовъ, ни бумагъ, на основаніи

которыхъ они судятся; имъ даже не позволено было имѣть адвокатовъ. Еще должно замѣтить, что слѣдствіе производилось *однимъ* только изъ членовъ уголовного суда, и что прочіе должны были основываться единственно на его сужденіи. По сей системѣ судьи старались, не объ изысканіи истины, а объ осужденіи подсудимаго какими бы то ни было способами, и полагали, что достоинство правосудія состоитъ, не въ защищеніи жизни гражданина, а въ преслѣдованіи оной. — Парламентъ (или высшее судилище) утверждалъ приговоръ низшаго, основываясь на тѣхъ же правилахъ, и подсудимаго вводили въ судилище не прежде, какъ по утвержденіи приговора, для объявленія о предстоящемъ исполненіи. — Присовокушите къ тому ужасное употребленіе пытки! — Лудовикъ XVI уничтожилъ ее въ концѣ своего царствованія.

Наказанія въ то время были различныя и жестокия, и по большей части завистли отъ званія преступника. Въ правленіе Лудовика XV, Герцогъ Монморанси изобличенъ былъ въ смертоубійствѣ, и доказано, что камердинеръ ему помогалъ: послѣдняго колесовали, а главнаго виновника посадили подъ арестъ. Свирѣпныя наказанія, какъ то: колесованіе, сожженіе малымъ огнемъ (за чародѣйство!), разрываніе преступниковъ лошадыми, вливаніе въ горло растопленнаго металла и т. н., ожесточили сердца народа, и погасили въ немъ всякое чувство человѣколюбія. Во время революціи свѣтъ видѣлъ примѣры неистовства, которымъ не найдемъ подобныхъ въ вѣкѣ варварства и идоло-

поклонства. Ни кротость Религіи Христіанской, ни челоуѣколюбіе государей, не въ состояніи были внушить чувства состраданія людямъ, приученнымъ къ зрѣлищамъ произвольныхъ мученій и убійствъ, совершаемыхъ именемъ законовъ. Понятія людей до того снѣжались, что всякій подсудимый почитаемъ былъ виновнымъ и осужденнымъ! Знаменитый адвокат Сегіе утверждалъ, что во Франціи болѣе правосудія, нежели въ Англіи, «гдѣ, говорилъ онъ, господствуетъ ребяческій страхъ наказывать невинныхъ: предъ закономъ умолкаетъ гласъ разсудка!» — Кроме уголовныхъ судилищъ, существовали во Франціи еще другія, для прекращенія корчемства и злоупотребленій касательно *охоты* въ лѣсахъ королевскихъ. Генеральные откупщики и егермейстеры, по собственному произволу, предавали суду и наказанію преступниковъ противъ таможенныхъ уставовъ, сочиняемыхъ самими откупщиками, и указовъ о нестрѣлянніи дичи въ казенныхъ лѣсахъ. Осуждали на галеры и на висѣлицу, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, и за такія преступленія, которыя въ другихъ земляхъ вовсе не подлежали бы суду уголовному.

Нынѣ уничтожены во Франціи всѣ сіи частныя, исключительныя постановленія. Посреди бурь и неистовствъ революціи, нѣсколько друзей челоуѣчества трудились надъ исправленіемъ законовъ Франціи. Мудрый, милосердый, благочестивый Лудовикъ XVIII, при самомъ возвращеніи своемъ въ отечество, оставилъ въ прежней силѣ уложеніе, составленное въ его

отсутствіе. Всѣ старавія приверженцевъ стариннаго правленія о введеніи прежнихъ злоупотребленій въ пользу привилегированныхъ состояній были напрасны. Король, добровольно подчинивъ самого себя законамъ, призналъ ихъ святость и равенство всѣхъ гражданъ предъ судомъ.

Установленіе *присяжныхъ*, или *совѣстныхъ судей*, взято во Франціи изъ Англии, но въ выборѣ и должности тѣхъ и другихъ есть большая разность. Въ Англии они избираются гражданами всякаго округа изъ людей свободныхъ, не состоящихъ въ службѣ правительства, и суть дѣйствительно повѣренные народа въ судилищахъ, составленныхъ изъ чиновниковъ государственныхъ. Послѣднимъ предоставлено только примѣнять законы къ случаямъ, подтвержденнымъ свидѣтельствомъ присяжныхъ. То же было и во Франціи; но Бонапарте отмѣнилъ это обыкновеніе, и, для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли своихъ нацѣреній, возложилъ назначеніе присяжныхъ на префектовъ, или гражданскихъ губернаторовъ. Сверхъ того уничтожилъ онъ присяжныхъ слѣдственныхъ, которые должны были прежде открытія суда рѣшить, есть ли поводъ къ преданію преступника суду. Нынѣ во Франціи присяжные избираются слѣдующимъ образомъ. Префектъ составляетъ списокъ шестидесяти гражданъ, имѣющихъ право быть присяжными *). Президентъ коро-

*) Для отправленія должности присяжнаго, надлежитъ имѣть тридцать лѣтъ отъ роду и пользоваться политическимъ правомъ.
Соч. Греча. — Т. II.

левскаго судилища избираеть изъ нихъ 36 человекъ. Ярмыки съ именами сихъ кандидатовъ кладутся въ урну, и вынимаются въ присутствіи судилища и подсудимаго: они имѣють право отринуть 24 человекъ; остальные же 12 непременно должны быть присяжными. Такимъ образомъ правительство имѣеть въ рукахъ всю судебную власть, и присяжные суть тѣ же его чиновники. — Другое, не менѣе важное отступленіе отъ англійскихъ законовъ состоитъ въ томъ, что въ Англии должно быть *единогласіе* въ заключеніи присяжныхъ: нерѣдко твердость или упрямство

скими и гражданскими правами: въ противномъ случаѣ все дѣлопроизводство признается ничтожнымъ. Присяжные избираются изъ членовъ избирательныхъ коллегій, изъ трехъ сотъ жителей департамента, платящихъ болѣе другихъ податей, изъ чиновниковъ, получающихъ по крайней мѣрѣ 4000 фр. жалованья въ годъ, изъ докторовъ и лиценціатовъ четырехъ факультетовъ, изъ членовъ національнаго института и другихъ ученыхъ обществъ, изъ нотаріусовъ, банкировъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій. Присяжный, неявившійся къ своей должности, платитъ въ первый разъ штрафъ 500 фр., во второй 1000 фр., въ третій 1500 фр. и сверхъ того, въ семъ последнемъ случаѣ, лишается права поступать въ присяжные и въ другія важныя должности по выбору согражданъ. Должно при семъ случаѣ замѣтить, что въ Англии, во Франціи и въ Германіи почитается особенно честію и преимуществомъ служить по выбору своихъ согражданъ: тамъ не только не убѣгаютъ сихъ должностей, но еще всякими средствами ихъ доискиваются.

одного члена заставляли всёхъ перемѣнить свое заключеніе. Во Франціи не то: большинство осьми противъ четырехъ голосовъ имѣть силу единогласія, а въ случаѣ равенства голосовъ съ обѣихъ сторонъ, или семи противу пяти, члены судилища должны рѣшить, которой сторонѣ надлежитъ имѣть перевѣсъ. Неудобство послѣдней системы и несообразность ея съ смысломъ и правилами истиннаго суда по совѣсти очевидны. И это благотвореніе оказано Франціи великимъ ея императоромъ. Вообще однако должно сказать, что во Франціи присяжные болѣе склонны оправдывать, нежели обвинять подсудимыхъ, и весьма часто принимаютъ *извѣщеніе*, что преступленіе совершенно *неумышленно*. Причиною сему служить и непоѣрная строгость Французскаго Уголовнаго Уложенія, которое нынѣ, какъ сказываютъ, будетъ вновь пересмотрѣно, исправлено и дополнено.

Вмѣсто многообразныхъ наказаній, которыя были въ обыкновеніи встарину, новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ опредѣлены слѣдующія: 1) Смертная казнь. 2) Каторжная работа навсегда. 3) Ссылка. 4) Каторжная работа на время. 5) Заключение. 6) Выставленіе у безчестнаго столба. 7) Изгнаніе. 8) Разжалованіе. 9) Временное заключеніе. 10) Лишеніе гражданскихъ правъ на извѣстное время и 11) Денежный штрафъ. Послѣднія три наказанія суть только исправительныя, и не влекутъ за собою безчестія. Они налагаются полицейскими, или смирительными судами, за *проступки* (*délits*), а не за *преступленія*

(crimes). Последнія (преступленія) подвергаются разсмотрѣнію уголовныхъ палатъ, которыя не могутъ осудить преступника мѣтѣ нежели на пятилѣтнее заключеніе. Нерѣдко случается, что присяжные увѣрены въ винѣ подсудимаго, но по совѣсти своей объявляютъ его невиннымъ, находя, что полагаемое закономъ наказаніе слишкомъ жестоко въ соразмѣрности съ виною: напр. за малѣйшую кражу, хотъ бы одного су, законъ повелѣваетъ посадить въ тюрьму на пять лѣтъ. Не лучше ли было бы *исправлять* такихъ маленькихъ шалуновъ *родительски* — *лозою*? Французы отвѣчаютъ: всякое тѣлесное наказаніе унижаетъ человѣка, и не должно быть терпимо у народа свободнаго. Но человѣкъ, покусившійся на низкое, подлое преступленіе, не унижилъ ли уже тѣмъ себя? И не унижается ли онъ еще болѣе въ заключеніи? — Сверхъ того заключеніе имѣетъ еще два неудобства: первое, что человѣкъ, присужденный къ оному, лишается способовъ кормить свое семейство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я слышалъ ужасный вопль матери, осужденной за бездѣльную кражу на пятилѣтнее тюремное заключеніе. «Господиъ президентъ! господа судьи! что будетъ съ моимъ невиннымъ младенцемъ! Осудите меня лучше на смерть!» — Во вторыхъ: люди болѣе портятся нежели исправляются въ тюрьмахъ; входя туда преступниками робкими, неопытными, иногда побужденными къ преступленію легкомысліемъ или нуждою, они выходятъ совершенными *виртуозами* въ плутовствѣ. — Эти обстоя-

тельства побудили некоторых друзей человечества составить въ Парижѣ общество, подобное лондонскому, для попеченія о заключенныхъ. Общества сіи не только облегчаютъ судьбу преступника, принимая на себя стараніе о его семействѣ, но занимаются и имъ самимъ, изыскивая средства исправить его нравственность, и возвратитъ въ свѣтъ полезнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не вреднымъ гражданиномъ. Для преступниковъ малолѣтнихъ заведены особыя темницы, или, лучше сказать, смиренныя дома. Кому не извѣстно, что единственное, успѣшное средство къ обращенію людей на путь истины и добра есть святая религія Христова? Лучшимъ средствомъ къ покаянію оной въ сердца людей служитъ приличное *народное воспитаніе*: оно предупреждаетъ пороки и преступленія; оно дѣлаетъ излишними уголовныя суды и темницы....

Извѣстно, что Французское Уголовное Уложеніе и судопроизводство введены были во всѣхъ почти владѣніяхъ Рейнскаго Союза. По изгнаціи Французовъ изъ Германіи, они были въ некоторыхъ вовсе отменены; въ другихъ же удержаны съ некоторыми перемѣнами. Прусское Правительство намѣревалось ввести въ Герцогствѣ Прирейнскомъ (т. е. Кобленцѣ, Кельнѣ, Ахенѣ и пр.) Прусское Уложеніе, и возобновитъ прежній уголовный судебный порядокъ; но жители тѣхъ странъ, привыкшіе уже, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, къ публичному дѣлопроизводству, обратились къ трону съ просьбою не лишать

ихъ этого права. Во время проѣзда Прусскаго Наслѣднаго Принца, въ Августѣ мѣсяцѣ сего года, чрезъ Аахенъ, начальство и граждане сего города пригласили его присутствовать при всенародномъ разсмотрѣннн и рѣшенн одного важнаго уголовного дѣла. Принцъ оставилъ судилище съ истиннымъ уваженнемъ къ этому дѣдопроизводству. Вскорѣ послѣ того Король Прусскій повелѣлъ знаменитому кельнскому юрисконсульту Даниельсу (участвовавшему, въ званнн кельнскаго депутата, въ составленн Французскаго Уголовнаго Уложениа) заняться сравненнмъ Уложений Французскаго и Прусскаго, и представить правительству мнѣнне свое объ удержаннн полезныхъ обрядовъ и законовъ перваго, при введеннн послѣдняго. Нѣтъ сомнѣнн, что великодушный Король не лишнтъ новыхъ подданныхъ своихъ на берегахъ Рейна выгоду, сопряженныхъ съ публичнымъ производствомъ дѣлъ. Можетъ быть, что онъ распространнтъ это благодѣанне и на всѣхъ прочихъ своихъ подданныхъ.

Достойно примѣчанн, что въ Россн, въ началѣ XVI вѣка, когда еще большая часть Европы была во мракѣ, едва начинавшемъ рѣдѣть отъ лучей истиннаго свѣта, существовали *присяжные* или, по тогдашнему, *цѣловальники*. Вотъ что между прочимъ сказано объ этомъ Карамзиннымъ: «Важное и любопытное судебное постановленне сдѣлано было Василемъ *)

*) Великимъ Княземъ Василемъ Иоанновичемъ, въ 1518 году.

въ Новгородѣ: узнавъ, что намѣстники и тиуны кри-
вать душою въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать
тамъ 48 цѣловальниковъ, или присяжныхъ, съ
тѣмъ, чтобы сіи люди, достойные общаго уваженія,
поочереда судили всѣ дѣла съ тиунами *)....»

Х.

Парижъ.

Изъ всѣхъ наукъ, которыми занимаются просвѣ-
щенные народы, болѣе прочихъ процвѣтають во
Франціи математическія и естественныя. Причина воз-
вышенія первыхъ очевидна: онѣ составляютъ суще-
ственную часть въ образованіи военнаго званія, кото-
рое возвышено революціею надъ всѣми прочими. Зна-
менитое Политехническое Училище считается по спра-
ведливости въ числѣ первыхъ заведеній сего рода, и
воспитанники онаго, достигая отличныхъ степеней въ
службѣ гражданской и военной, гордятся титуломъ:
élève de l'école polytechnique. Это училище за годъ
предъ симъ распущено: воспитанники его съ завистью
смотрѣли на своихъ предшественниковъ, которые,
въ царствованіе Наполеона, успѣли отличиться на
войнѣ, и дослужиться до высокихъ чиновъ и отличій.

*) *Исторія Россійскаго Государства*, т. VII, стр. 183.

Видя, что въ нынѣшнемъ мирномъ состояніи Франціи нельзя успѣвать въ военной службѣ какъ прежде, они взбунтовались, выгнали своихъ профессоровъ и надзирателей, провозглашали Наполеона, оскорбляли словами правленіе королевское и т. п. Правительство принуждено было закрыть училище, отправить шалуновъ къ родителямъ, и приступить къ заведенію другаго института въ этомъ родѣ. Во время пребыванія моего въ Парижѣ занимались его образованіемъ.

Науки естественныя, занимавшія и до революціи многихъ отличныхъ людей во Франціи, находятся нынѣ въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Самое выгодное состояніе въ Парижѣ и вообще во Франціи есть званіе медика. Я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ, и не могъ надвинуться ихъ успѣхамъ въ приобрѣтеніи познаній, славы и — денегъ. Перси, Корвизаръ, Ришеранъ извѣстны своими дарованіями, свѣдѣніями и искусствомъ во всемъ ученомъ мѣрѣ. Въ сообществѣ съ другими извѣстнѣйшими медиками издають они *Словарь Врачебныхъ Наукъ*, твореніе безсмертное, единственное въ своемъ родѣ. Одинъ изъ сотрудниковъ ихъ есть славный докторъ Аляберъ, который къ пѣтическому ямени присовокупляетъ и наружность необыкновенную. Я видѣлъ его посѣщеніе одной дамы. Съ разумомъ растворяются двери; входитъ челоѣкъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, одѣтый чисто, но небрежно; фракъ и жилетъ разстегнуты, батистовая рубашка зашпиlena бриллантовою булавкою. Скинуть (NB. въ комнать уже)

шляну, бросается онъ подлѣ больной на стулъ, беретъ за пульсъ, возводитъ глаза къ потолку, говорить отрывисто, несвязно и показываетъ, что носится въ высотахъ воображаемыхъ (*régions imaginaires*). На всѣ вопросы отвѣчаетъ то скоро, то протяжно, какимъ-то таинственнымъ тономъ; прописавъ рецептъ, встаетъ, проговариваетъ сквозь зубы фразу о погодѣ и исчезаетъ. Говорятъ, что онъ весьма искусенъ, и ведетъ себя такъ странно только для того, чтобъ отличиться еще болѣе. Дамы предпочитаютъ его всѣмъ прочимъ медикамъ за милую его разсѣянность и *крутость нрава*, неразлучную съ истиннымъ талантомъ. Говорятъ, что медицинскія совѣщанія въ домѣ его еще забавнѣе *). Съ утра пріемная зала наполняется больными. Въ десять часовъ растворяются двери кабинета, и жрецъ Эскулапа выходитъ въ утреннемъ шегольскомъ нарядѣ; небрежно кланяется поспѣтителямъ, и облакачивается о великолѣпный мраморный каминъ. Искатели здоровья подходятъ къ нему одинъ за другимъ и излагаютъ свои болѣзни. А. отвѣчаетъ не задумываясь, отрывисто и рѣшительно, напр.:

*) Медицинскія совѣщанія — *consultations*. Не трудно больные приходятъ къ врачамъ сами, и принимаютъ совѣты и рецепты. Всякій медикъ имѣетъ для этого назначенные часы. На каждомъ перекресткѣ Парижа найдете медицинскіе адреса, напечатанные прекрупными буквами: *Consultations et traitement de la Gâle et de la.... etc. tous les jours à dix heures etc. Rue.... N°....*

prenez de l'eau sucrée (*пейте воду съ сахаромъ* — универсальное французское лекарство въ первой инстанціи), prenez un bain froid, и пр. Рѣдко пишеть на лоскуткѣ нѣчто похожее на рецептъ, и легкимъ наклоненіемъ головы приказываетъ удалиться больному, который кладетъ на каминъ луидоръ и отходить. Такимъ образомъ *лечитъ* онъ цѣлый часъ. Бьетъ одиннадцать. А., посмотрѣвъ на кучку луидоровъ, откланивается и уходитъ во внутренніе свои покои....

Въ Парижѣ есть много средствъ и пособій для упражненія въ наукахъ медицинскихъ и естественныхъ. Первое мѣсто занимаютъ въ числѣ ихъ два заведенія: *Медицинское Училище* и *Ботаническій Садъ*. Послѣдній едва ли найдеть что либо подобное себѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Надѣюсь угодить моимъ читателямъ, сообщивъ имъ краткое обозрѣніе этого заведенія, и упомяну предварительно, что обыкновенное его названіе *Jardin des plantes* *) неудовлетворительно. Онъ заключаетъ въ себѣ произведенія не одного царства прозябаемыхъ, но всѣхъ царствъ природы безъ исключенія, и есть въ самомъ дѣлѣ полный музей натуральной исторіи.

Ботаническій Садъ лежитъ почти на самомъ восточномъ краю Парижа, на берегу Сены, чрезъ которую построены отъ воротъ его великолѣпный мостъ,

*) Его называютъ нынѣ в *Королевскій Сады* (*Jardin du Roi*).

названный Аустерлицкимъ, и сохраненный отъ разрушенія великимъ словомъ Великаго Монарха. Простая желѣзная рѣшетка отдѣляетъ его отъ набережной. Ботаническій Садъ заведенъ врачомъ Людовика XIII, Гюи де-ла-Бросомъ, и усовершенствованъ въ послѣдствіи Бюффономъ, Турнефортомъ, Вальеномъ и другими знаменитыми натуралистами.

При входѣ въ садъ старухи предлагаютъ вамъ подробныя описанія его достопамятностей. Дурно одѣтый франтъ съ пренизкимъ поклономъ проситъ у васъ позволенія быть вашимъ путеводителемъ. Примите то и другое: въ книжкахъ найдете подробное исчисленіе всѣхъ достойныхъ вниманія предметовъ, а услужливый проводникъ укажетъ вамъ за бездѣлку все, что есть лучшаго въ семъ заведеніи: онъ живетъ этимъ промысломъ.

Идемъ въ правую сторону, гдѣ содержатся дикіе звѣри. Они сидятъ въ особыхъ желѣзныхъ клѣткахъ. Видимъ львовъ и львицъ африканскихъ и азійскихъ. Смотритель заставляетъ ихъ подняться. Они повируются неохотно; рыкаютъ, бьютъ хвостомъ, трясутъ гривами; но то ли зрѣлище представили бы они намъ, если бъ были на волю! Въ клѣткѣ одного льва видимъ *маленькую собачку*. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ одинъ шалуни бросилъ ее туда, чтобъ позабавиться зрѣлищемъ, когда левъ станетъ ее терзать, но на сей разъ сердце человѣческое не угадало львиного. Грозный звѣръ бросился на бѣдную тварь, которая въ страхѣ прижалась въ уголокъ клѣтки, но вдругъ

почувствовали сожалѣніе, и вмѣсто того, чтобы растерзать ее, началъ ласкать. Собака мало по малу привыкла къ сильному сосѣду, стала съ нимъ играть, раздѣлять съ нимъ пищу. Черезъ нѣсколько времени она издохла. Левъ началъ тосковать, пересталъ ѣсть, доколѣ не дали ему нынѣшняго его товарища. И эта собачка вскорѣ къ нему привыкла. Она играетъ съ нимъ, теребитъ его за гриву и за уши; онъ забавляется ею, и изрѣдка только, когда она слишкомъ надоѣсть, сбрасываетъ ее съ себя. Странная игра природы! — Въ другой клѣткѣ видимъ страшнаго тигра: левъ гровень и величественъ; тигръ свирѣпъ, кровожаденъ и коваренъ; это видно изъ глазъ его. — Подлѣ тигра содержится лукавая, злая гіена: она нерѣдко изъ глубины клѣтки своей бросалась на неосторожныхъ зрителей, которые близко къ ней подходили. Далѣе разсажены, подлѣ крѣпкимъ же арестомъ, другіе *якобинцы* природы: бѣлый и черный сѣверные медвѣди, леопарды, черные волки и пр. — Къ задней стѣнѣ сихъ клѣтокъ прислонены другія, со всякими птицами. Здѣсь видимъ орловъ, соколовъ, коршуновъ, павлиновъ, попугаевъ всѣхъ возможныхъ родовъ, колибри и пр. и пр. Не одного дня, а нѣсколькихъ недѣль потребно на то, чтобъ разсмотрѣть все это! Хотѣлось бы остановиться, но чичероне зоветъ итти далѣе.

Во рву, съ крутыми, выложенными камнемъ краями, живутъ медвѣди. Французы привезли ихъ сюда, вмѣсто трофеевъ, изъ Берна, гдѣ, по старинному постановленію, содержатся всегда медвѣди на счетъ го-

рода, получившаго отъ нихъ (Bâg) свое названіе *). Вотъ медвѣдь Мартень, любимецъ парижской публики! Посреди рва стоитъ перпендикулярно высокое бревно съ сучьями, на которое онъ взлѣзаетъ. Проводникъ посулилъ ему хлѣба, и онъ полѣзъ усердно. Бѣдняжка хромаетъ: недавно переломилъ онъ ногу, упавъ съ бревна на каменный полъ. Множество народа толпится вокругъ рва, и забавляется движениями неуклюжаго Мишки. — Идемъ въ *Швейцарскую Долину* (vallée Suisse). Это особое отдѣленіе сада, разгороженное на множество небольшихъ садовъ; въ каждомъ изъ нихъ живетъ какой нибудь особый родъ дикихъ и домашнихъ звѣрей: въ одномъ олени, въ другомъ ангорскія козы, въ третьемъ азіятскіе бараны съ курдюками, тамъ особыхъ родовъ гуси, куры и т. д. Каждое отдѣленіе обсажено растеніями, которыя рождаются въ отечествѣ животнаго. Въ оградѣ, заключающей альпійскихъ козъ, взгромоздилась крутая каменная горка: козы сидятъ на самомъ краю ея вершины. — Посреди Швейцарской Долины построено камешное осьмиугольное едалье, раздѣленное на нѣсколько стѣлъ, въ которыхъ помѣщаются верблюды, разныхъ породъ лошади, и т. п. домашнія животныя. Здѣсь жилъ и слонъ: онъ недавно издохъ. Въ сторону отъ Швейцарской Долины находится собственно

*) Въ бытность мою въ Бернѣ видѣлъ я этихъ животныхъ во рву близъ городскихъ воротъ, которыя сверхъ того украшены ихъ изображеніями.

Ботанический Садъ. Онъ заключаетъ въ себѣ болѣе семи тысячъ растений, расположенныхъ по системѣ Жюссѣ. Подлѣ каждаго на небольшой доскѣ изображено названіе — латинское и французское.

Осмотрѣвъ Швейцарскую Долину, идемъ въ Кабинетъ Натуральной Исторіи, большое зданіе, занимающее часть Ботаническаго Сада. Оно построено весьма просто, но имѣетъ рѣдкое украшеніе: предъ нимъ посажены прекрасныя пальмы. — Входимъ въ кабинетъ сравнительной анатоміи. Знаменитый Ковіе преподаетъ здѣсь лекціи въ сей наукѣ. Для чего позволено мнѣ насладиться здѣсь — *однимъ только взглядомъ!* Съ какимъ удовольствіемъ выслушалъ бы я любознательный курсъ этой важной отрасли познанія природы, подѣ руководствомъ *единственнаго* профессора, предѣ которымъ и ученая Англія, и опытная Германія безмолвствуютъ въ уваженіи! — Вижу остатки всѣхъ животныхъ, начиная съ безсмертнаго человека до — рыбы! Но и между людьми какая разница: вотъ черепъ Грека — а подлѣ него обитателя Огненной Земли. Послѣдній далѣе отъ перваго, нежели орангъ-утангъ отъ него. Здѣсь показываютъ скелеть Турка, который умертвилъ въ Каирѣ французскаго генерала Клебера, и за то посаженъ былъ на колъ. Сказываютъ, что въ крестцѣ видно, какъ желѣзо прошло сквозь спину. Я забылъ спросить объ этомъ; впрочемъ и не сожалѣю, что не видалъ: этотъ предметъ не можетъ возбудить пріятнаго чувства.

Принадлежащая къ музею библіотека содержитъ въ себѣ по большей части книги, относящіяся къ натуральной исторіи. Почти во всякое время найдешь въ ней молодыхъ людей обоого пола, занимающихся рисованіемъ разныхъ произведеній природы, преимущественно цвѣтовъ. Для этого определенъ здѣсь особый учитель. Въ библіотекѣ стоитъ мраморная статуя Бюффона. — Войдемъ въ собственный Кабинетъ Натуральной Исторіи. Залы его просторны, свѣтлы, чисты, и не имѣютъ ни какихъ лишннихъ украшеній, которыя могли бы отвратить взоръ посѣтителя отъ истиннаго ихъ богатства; полы выкрашены и натерты воскомъ, шкапы простаго дерева и покрыты бѣлою краскою. За свѣтлыми стеклами видите предметы всѣхъ царствъ природы. Глаза разбѣгаются — не знаешь на что смотреть: здѣсь самородное золото и серебро, малахиты и другія разноцвѣтныя руды, кристаллизации, окаменѣлыя кости и слѣпки исчезнувшихъ съ Земнаго Шара животныхъ; въ другой комнатѣ удивительное разнообразіе бабочекъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, самыхъ пріятныхъ и яркихъ. Въ прочихъ залахъ видишь слона, жирафа, маленькаго оленя, длинноногаго строфокамилла подлѣ мелкаго колибри, арабскаго коня подлѣ малорослой мохнатой казачей лошадки, издохшей въ Парижѣ въ 1814 году въ пользу музея натуральной исторіи.

Оставивъ кабинетъ, пошли мы къ парникамъ и оранжереямъ, въ которыхъ произрастаютъ травы и деревья жаркихъ странъ, и достигли верхняго сада:

это прохладная роща на небольшомъ возвышеніи. Вотъ кедръ ливанскій! Въ 1735 году натуралистъ Бернаръ Жюссѣ привезъ ростокъ сего дерева изъ Англіи въ шляпѣ своей, и посадилъ на этомъ мѣстѣ: теперь оно возвышается къ облакамъ. Жаль, что кедръ лишился лучшаго своего украшенія — верхушки, которая всегда бываетъ обращена къ сѣверу. Одинъ изъ смотрителей сада хотѣлъ убить птицу, сидѣвшую на верхннѣ дерева, и шпаль въ сукъ. Неподалеку отсюда стоитъ бюстъ Ливнея. — Мы взобрались уюткообразною дорожкою, которая называется лабиринтомъ, на вершину холма, съ котораго видѣнъ почти весь Парижъ. Въ построенной тамъ бесѣдкѣ подають любителямъ *прекраснаго вида* (Velle-ue, такъ называется и мѣсто) зрительныя трубки. Здѣсь находятся особаго рода солнечныя часы: когда солнце въ ясный день станетъ на меридианъ Парижа, лучи его, соединенныя зажигательнымъ стекломъ, падаютъ на затравку заряженной пушки, и выстрѣлъ ея возвѣщаетъ полдень. Нынѣ часы эти испорчены.

Идемъ къ большому пруду: ояъ выкопанъ уступами, на которыхъ разведены водяныя растенія. Посреди его плавають гуси, лебеди и другія водяныя птицы. — При выходѣ въ улицу, идущую позади Ботаническаго Сада, прошли мы мимо отдѣленія, назначеннаго для обученія земледѣлю и лѣсоводству. Здѣсь можно найти образки всѣхъ земледѣльческихъ орудій и приборовъ. Въ одномъ отдѣленіи раз-

сажены огородных растений, въ другомъ плодовыя деревья Франціи.

Проводникъ мой остановился у выхода, и съ умиленною улыбкою снялъ шляпу. Заплативъ ему весьма охотно за труды его, посмотрѣвъ я на часы, и увидѣвъ, къ крайнему моему изумленію, что провелъ въ Ботаническомъ Саду ровно четыре часа! Я едва успѣлъ въ это время *озмилнуть* на нѣкоторые изъ предметовъ, болѣе прочихъ возбуждающіе любопытство! — Для чего не позволено мнѣ еще нѣсколько времени пользоваться разсматриваніемъ и изученіемъ этихъ сокровищъ! Черезъ шесть дней долженъ я выѣхать изъ Парижа, а еще не видалъ многихъ предметовъ, достойныхъ вниманія....

XI.

Дорога изъ Парижа въ Германію.

28 Іюля разстался я съ Парижемъ, въ которомъ провелъ цѣлый мѣсяцъ весьма пріятно. Въ 12 часовъ сѣлъ я въ diligencіе въ улицѣ Notre Dame des Victoires, и поскакалъ въ Германію. Въ Сантенъ, извѣстномъ въ исторіи перваго взятія Парижа, я позавтракалъ, и простился съ друзьями, провожавшими меня изъ города.

Путешественники часто говорят о снутинкахъ своихъ въ дилижансахъ, о знакомствахъ, которыя тамъ заводятъ и проч. На сей разъ намѣренъ я послѣдовать ихъ примѣру, ибо дорога отъ Парижа до Шалона на Марнѣ не слишкомъ занимательна. Должно сказать, что я былъ довольно счастливъ обществомъ, которое находилъ на дорогѣ съ самаго моего прѣзда во Францію. — Сѣвши въ дилижансъ въ Кале, очутился я между двумя кавалерами (неизвѣстно какого ордена, ибо во Франціи носятъ обыкновенно одну красную ленточку въ петлицѣ, чтобъ не было различія между кавалерами Св. Лудовика и Почетнаго Легіона). Одинъ изъ нихъ, заглянувъ въ паспортъ мой у заставы, спросилъ, не изъ Петербурга ли я ѣду. — Изъ Петербурга, отвѣчалъ я. «Не знаете ли вы господина В.?» — Очень коротко: Г. В. первый изъ иностранныхъ нашихъ книгопродавцевъ, мнѣ пріятель, и я имѣю отъ него нѣсколько писемъ и посылокъ въ Парижъ. — «Нѣтъ ли у васъ чего нибудь на имя книгопродавца Артюсъ-Бертрана?» — Есть, помнится. — Въ самомъ дѣлѣ нашелъ я подъ самъ адресомъ письмо Г. В. въ моему бумажникѣ. — «Пожалуйте, сказалъ кавалеръ, вамъ не нужно будетъ отыскивать этого человѣка въ Парижѣ; вы видите его предъ собою.» — Мы тотчасъ познакомились. Г. Бертранъ возвращался изъ Англіи, куда ѣздилъ по торговымъ своимъ дѣламъ. Узнавъ, что я въ первый еще разъ путешествую въ чужихъ краяхъ, онъ взялся быть моимъ менторомъ въ дорогѣ, раслачи-

вался, спорилъ, покупалъ и сердился за меня. При-
знаюсь, что, по врожденной мнѣ лѣности и безпеч-
ности, мнѣ это было очень пріятно. Дружелюбіе и
ласки господина Б. не прекратились съ окончаніемъ
путешествія. Въ Парижѣ старался онъ всячески быть
мнѣ полезнымъ. Я обѣдалъ у него нѣсколько разъ, и
проводилъ время съ удовольствіемъ въ кругу любез-
наго его семейства. Супруга его, женщина уже не
молодая, но весьма умная и благовоспитанная; пят-
надцатилѣтняя дочь — ангелъ красоты и невинности.
Г. Б. принадлежитъ къ первымъ парижскимъ книго-
продавцамъ, и сверхъ того служитъ подполковникомъ
въ національной гвардіи. Орденъ Почетнаго Легіона
получилъ онъ за усердіе свое къ Королю, во время
второго Наполеонова пришествія. Я не могъ удер-
жаться отъ улыбки, видя на общемъ смотрѣ, что
онъ командуетъ баталіономъ. Вчера онъ смиренно
считалъ кны печатной бумаги: сегодня, въ молодец-
кой медвѣжьей шапкѣ, скачетъ на бодромъ конѣ,
размахиваетъ шпагою, и кричитъ: en avant! — На-
канунѣ отъѣзда моего изъ Парижа, я съ нимъ про-
стился, и пришедъ часа черезъ три домой, нашелъ
нѣсколько довольно рѣдкихъ и хорошихъ книгъ, ко-
торыя онъ между тѣмъ прислалъ ко мнѣ, прося при-
нять ихъ отъ него въ знакъ памяти. Другой кавалеръ
былъ г. де-Шамполь, секретарь Королевскаго При-
дворнаго Штата (*secrétaire de la chambre du Roi*),
человѣкъ добрый и благовоспитанный. Онъ принад-
лежитъ къ числу умѣренныхъ, благоразумныхъ роя-

листовъ, которые находятъ, что королевское правленіе одво только въ состояніи даровать Франціи спокойствіе и благоденствіе, не требуютъ однако же, подобно другимъ эмигрантамъ, чтобъ всѣ, участвовавшіе въ управленіи Франціею въ теченіе тридцати лѣтъ, преданы были всеожженію. Я продолжалъ въ Парижѣ знакомство, начатое въ дилжансѣ. Г. де-Шамполь съ величайшею услужливостію доставлялъ мнѣ случаи и средства видѣть любопытныя мѣста, особливо принадлежащія казнѣ.

Нынѣ былъ я въ этомъ отношеніи не менѣе счастливъ. Отъ Парижа до Меца ѣхалъ со мною въ дилжансѣ извѣстный нѣмецкій стихотворецъ Лудовикъ Тикъ. Онъ путешествуетъ съ однимъ богатымъ помещикомъ, и нынѣ возвращался изъ Англій чрезъ Францію въ Берлинъ. Я постарался съ нимъ познакомиться, и во все время дороги мы занимались самыми пріятными разговорами, большею частію о Нѣмецкой и Русской Словесности. Г. Тикъ принадлежитъ къ новой школѣ, созданной имъ, Шлегелими, покойнымъ Гарденбергомъ (племянникомъ нынѣшняго прусскаго министра, извѣстнымъ въ ученomъ свѣтѣ подъ именемъ Новалиса), Вернеромъ и нѣкоторыми другими писателями лѣтъ за двадцать предъ симъ, подъ именемъ *романтической*. Последователи ея отвергаютъ большую часть правилъ, извлеченныхъ изъ древнихъ образцовъ, признаютъ неограниченную свободу гонія, и утверждаютъ, что Калдеронъ, Шекспиръ, сониятель древняго нѣмецкаго

стихотворенія *Nibelungen-Lied* и т. п., суть образцы истинной поэзіи, не знающей ни оковъ, ни предѣловъ. Они увѣряютъ, что въ Германіи не было еще золотого вѣка въ литературѣ; что Клопштокъ, Виландъ и даже Шиллеръ едва ли могутъ быть названы стихотворцами, а Гете есть первый изъ будущаго поколѣнія германскихъ поэтовъ. Они простираютъ эти мѣнія и за предѣлы поэзіи; въ искусствахъ, какъ-то: архитектурѣ и живописи, предпочитаютъ они также готическія произведенія среднихъ вѣковъ новѣйшимъ. Эти господа могутъ заблуждаться, но въ одномъ должно отдать имъ справедливость: они полагаютъ нравственность и религію необходимыми спутниками поэзіи, и возвышеніе души благородными помыслами и чувствованіями предпочитаютъ забавамъ воображенія. Хотя я отнюдь не принадлежу къ послѣдователямъ романтики, но мнѣ пріятно было бесѣдовать съ однимъ изъ корифеевъ этой школы. При томъ же кротость, любезность и добродушіе Г. Тика сдѣлали во мнѣ весьма выгодное впечатлѣніе. Страдая жестокимъ ревматизмомъ въ поясницѣ, при каждомъ необыкновенномъ потрясеніи кареты чувствовалъ онъ сильную боль, которая изображалась во всѣхъ чертахъ его лица, но чрезъ секунду кроткая улыбка заступала мѣсто выраженія болѣзни. Я узналъ отъ него, что на сихъ дняхъ отпечатано второе исправленное изданіе *Донъ-Кихота*, переведеннаго имъ на нѣмецкій языкъ съ великимъ тщаніемъ и искусствомъ. По свидѣтельству знатоковъ, всѣ красоты, всѣ тонкости и

оригинальности подлинника выражены въ этомъ переводѣ, смѣлко позволяло свойство нѣмецкаго языка. Извѣстно, что Августъ Вильгельмъ Шлегель такимъ же образомъ перевелъ Шекспира. — Г. Тякъ съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ меня о нашей національной поэзіи, и о размѣрѣ и свойствахъ древнихъ русскихъ пѣсень и т. п. — Разставаясь въ Мецѣ, далъ я ему слово, что постараюсь увидѣться съ нимъ въ Берлинѣ.

Прочіе спутники мои разнаго разбора, купцы, офицеры, духовные, перемежались почти на каждой станціи. Разнообразіе это было очень занимательно. Вчера, напримѣръ, сидѣлъ напротивъ меня усатый ротмистръ бывшей великой арміи, и говорилъ съ восторгомъ о томъ времени, когда онъ былъ въ Португаліи первымъ адъютантомъ маршала Жюно; сегодня занималъ его мѣсто каноникъ мецской кафедральной церкви: толковалъ о бѣдственномъ положеніи Франціи отъ того, что духовные лишились своихъ имуществъ; утверждалъ, что покупщики національныхъ имѣній будутъ вѣчно горѣть въ аду, и проч. и проч. — Но неужели, спросите вы, все обошлось безъ шума, безъ спору? — Нѣтъ! былъ и шумъ, доходило и до спору. Въ Пантенѣ сѣлъ въ дилижансъ молодой купецъ изъ Баръ-ле-Дюка, великій буянь, и притомъ вышедшій, какъ видно, изъ Бахусова капища. Онъ придирался къ каждому изъ сидѣвшихъ въ каретѣ, и особенно гнѣвался на меня и Г. Тика, что мы говорили между собою по-нѣмецки, перебивалъ наши

рвчи, начиналъ грубить и т. д. Въ Кле (первой станціи отъ Парижа), онъ вышелъ изъ кареты, чтобъ подкрѣпить силы свои въ трактирѣ. Когда онъ готовился опять свѣсть въ нее, одинъ человѣкъ въ сѣромъ фракѣ, съ красною ленточкою въ петлицѣ, который до того не говорилъ ни слова, вдругъ приподнялся и закричалъ повелительнымъ голосомъ: «Не смѣйте садиться въ карету, извольте встать пѣшкомъ!» — Какъ, сударь? по какому праву вздумали вы мнѣ указывать? — «Вы осмѣлились оскорблять иностранцевъ, которые дѣлаютъ честь Франціи своимъ посвѣщеніемъ, и мы, Французы, не позволимъ вамъ продолжать этого.» — А кто вы, что смѣете повелѣвать мною? — «Я капитанъ Томасенъ, начальникъ жандармовъ въ Шалонѣ, и если вы не уйметесь и добромъ не отправитесь, то сидѣть вамъ въ тюрьмѣ.» — Шалунъ разинулъ ротъ, поклонился и пошелъ пѣшкомъ. — Мы искренно благодарили капитана за его одолженіе. — Въ Мо нашъ повѣса, примѣтивъ, что капитанъ не обѣдаетъ за общимъ столомъ, вздумалъ придратъся къ проводнику дилижанса, и требовать съ него возвращенія денегъ. Споръ продолжался около часу, и кончился тѣмъ, что проводникъ съѣлъ на козлы и отправился далѣе. Я удивлялся при этомъ случаѣ французской умѣренности. Проводникъ и купецъ стояли одинъ противъ другаго такъ близко, что почти касались носами другъ друга, и осыпали себя взаимно самими отборными ругательствами, но далѣе дѣло не простиралось: во Франціи ударъ почитается вели-

чайшимъ оскорбленіемъ, за которое платить должно кровью и жизнью. Въ Парижѣ слуга одного живущаго тамъ русскаго чиновника стрѣлялся съ дворникомъ на пистолетахъ за неосторожный толчекъ. Лакейская честь была обижена....

Дорога изъ Мо до Шалона идетъ сперва по правому, а потомъ по лѣвому берегу Марны, которая течетъ въ долину, образуемой виноградными холмами. Въ Шато-Тьерри (мѣсто рожденія Лафонтена) прѣехали мы на другой день на разсвѣтѣ, когда еще все спали. Картина дикая и странная! Пустой, повидимому, и старинный городъ; мостъ подорванъ въ 1814 году самими Французами; разрушенная часть его поправлена деревяннымъ наместомъ; въ домахъ набережной торчатъ ядра. — Въ Эмерне, главномъ мѣстѣ добыванія и продажи шампанскаго вина, мы обѣдали, и пили за славу это вино. Отъ предубѣжденія ли, или отъ того, что вино было въ самомъ дѣлѣ очень хорошее, оно мнѣ здѣсь понравилось болѣе, нежели гдѣ нибудь. Подо всѣмъ городкомъ Эмерне и версты на двѣ далѣе, ископаны въ землѣ погреба для храненія вина. Стукъ кареты производитъ въ нихъ глухой отголосокъ. Капитанъ показывалъ мнѣ, гдѣ растутъ лучиве: вокругъ деревни Силлеры, на холмѣ Ан, и проч. Мнѣ показалось, что на небольшихъ пространствахъ, занимаемыхъ этими виноградниками, не можетъ родиться его слишкомъ много, а между тѣмъ вездѣ и безпрестанно пьютъ вино подъ этими назва-

нимъ — сколько же выпивается поддѣльнаго! И въ выѣзѣ, какъ и во многихъ другихъ предметахъ, не столько самая вещь, сколько нмѣя имѣть цѣну.

Мы проѣхали до Шалона частью Шампани, которая называется *la rouilleuse*, и считается въ числѣ самыхъ бесплодныхъ странъ Франціи. Правда, лѣсу въ ней мало, кустарники рѣдки; видны одни только виноградные сады и пространныя равнины, покрытыя золотой жатвою. Хлѣбъ стоитъ здѣсь очень хорошо, и если онъ такъ уродился въ самой бесплодной части, то каковъ долженъ быть въ областяхъ плодосныхъ? — На сихъ равнинахъ *Бонапарте* *пятаго* *слѣка* былъ разбитъ и бѣжалъ въ Италію. На правой сторонѣ, въ некоторомъ разстояніи отъ дороги, видна гора *Монтъ-Эме*; близъ Вертю, гдѣ Губударь Императоръ; за два года предъ симъ, осматривалъ стоятивдесятитысячную русскую армію.

Шалонъ на Марнѣ городъ весьма неважный и некрасивый. Улицы узки, кривы и косы; дома ветхи и безобразны. Прекрасны гульбища близъ города, заведенныя знаменитымъ Лемотромъ. Въ Шалонѣ есть превосходное *училище искусствъ и ремеселъ* (*école des arts et métiers*), относящихся большею частью къ военному дѣлу. Особенно хорошо дѣлаются здѣсь математическіе и физическіе инструменты. — За Шалономъ начинается лѣсъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь,

грушъ, сливъ и проч., простирающійся на нѣсколько верстъ. Я забылъ упомянуть, что дорога отъ Парижа до Майнца очень хороша, особенно отъ Эперне до Шалона, гдѣ она идетъ по мѣловому грунту. Дорога эта, называемая и понынѣ *императорскою*, сдѣлана въ правленіе Наполеона, и принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ его времени. Онъ заложилъ ее, равно какъ и дорогу въ Италію, для того, чтобъ удобнѣе ходить на грабежъ изъ своей пещеры, и сдѣлалъ важный подарокъ Франціи и сосѣдственнымъ землямъ, вовсе о томъ не думая. Катясь по этому ровному *шоссе*, я сравнивалъ его съ мостовою въ Неаполѣ, составленною изъ обломковъ застывшей лавы. И эта дорога обязана существованіемъ жерлу огнедышащему!

На третій день прибыли мы въ Вердёнъ. Городъ этотъ укрѣпленъ знаменитымъ инженеромъ Вобаномъ, но имѣетъ самое невыгодное положеніе для крѣпости: окрестныя высоты господствуютъ надъ его укрѣпленіями. Въ первую революціонную войну взять онъ былъ Пруссанами. Во Франціи, какъ и въ другихъ земляхъ, почти каждый городъ славится какимъ нибудь особеннымъ произведеніемъ. Московскіе калачи, углицкое толокно, калужское тѣсто, вяземскіе пряники, выборгскіе крендели — знамениты въ Россіи. Я проѣхалъ чрезъ нѣсколько городовъ и мѣстечекъ, славящихся чѣмъ нибудь. Въ Мо дѣлаютъ лучший чыръ (*de Brie*), въ Жалонъ (въ одной станціи отъ Шалона) пекутъ превкусныя бисквиты. Мѣстечко

Сенъ—Менегу прославлено *сонными кошками* *). Вердёнъ извѣстенъ мелкими конфектами (*dragées*) **), а Мець сахарнымъ вареньемъ. Парижъ славенъ — чѣмъ угодно. — Въ Вердёнѣ видны уже слѣды нѣмецкаго происхожденія этого города въ лицахъ и разговорѣ жителей; также примѣтилъ я на вывѣскахъ болѣе нѣмецкихъ именъ, нежели въ прежнихъ городахъ.

Мець, главный городъ Нѣмецкой Лотарингіи, доставшійся Франціи по Вѣстфальскому Миру въ половинѣ XVII столѣтія, сильно укрѣпленъ и лежитъ въ долину, которая вдругъ можетъ быть наводнена до самыхъ городскихъ воротъ. Вокругъ города есть возвышенія, но они лежатъ далѣе пушечнаго выстрѣла. Переночевавъ въ Hôtel de l'Europe, пустился я далѣе. Здѣсь должно было разстаться съ покойнымъ парижскимъ дилижансомъ, и пересѣсть въ ветхую, грязную карету, чтобъ доѣхать до Саарбрика, перваго прусскаго города. Въ двухъ часахъ отъ Меца сломалась у насъ ось, и мы должны были ждать четыре часа въ крестьянскомъ постояломъ дворѣ, пока пріѣхала дру-

*) Сенъ—Менегу извѣстенъ въ революціонной исторіи тѣмъ, что почтмейстеръ этого городка узналъ и остановилъ Лудовика XVI, когда этотъ несчастный государь хотѣлъ было уѣхать изъ Франціи.

**) По взятіи Вердена Пруссаками, 24 дѣвицы поднесли Королю Прусскому по коробочкѣ конфектовъ. Всѣ онѣ были отправлены на гиліотину, когда Французы заняли опять сей городъ.

гая карета изъ Меча. По всему видно было, что мы удаляемся изъ Франціи, гдѣ почты содержатся въ лучшемъ порядкѣ, и только развѣ уступаютъ англійскимъ. Едва слышатъ на почтовой дворѣ хлопанье бичемъ (который во Франціи заступаетъ мѣсто нѣмецкаго рожка и русскаго колокольчика), какъ уже выводятъ лошадей изъ конюшни. Карета остановится минуты на двѣ, перепрягутъ лошадей и вмигъ пустятся далѣе. Рѣдко, рѣдко случается, чтобы почтиліонъ остановился въ дорогѣ и поцель въ трактиръ, какъ то бываетъ въ Саксоніи и Пруссіи. Все расчислено, все определено; никто не смѣетъ требовать лишняго, и за пять су, которые вы дадите на водку, благодарятъ васъ такъ же учтиво, какъ и за пять франковъ. Но лишь только переѣдете вы чрезъ границу въ Германію, цена переменится. Должно дожидаться лошадей, почтиліоны великіе грубіяны и большею частию пьяницы, ѣздить медленно, останавливаются въ шинкахъ, и рѣдко бываютъ довольны самою щедрою платою. Чѣмъ болѣе вы имъ даете, тѣмъ болѣе они требуютъ. Не ожидайте благодарности: изъ пятидесяти нѣмецкихъ почтиліоновъ едва ли одинъ приподниметъ шляпу за двойной подарокъ на водку. Бѣда, если вздумаете сказать ему, чтобъ ѣхалъ скорѣе, и т. п. Онъ наговоритъ вамъ грубостей, и вы не найдете удовлетворенія. Почтмейстеры на всѣ жалобы отвѣчаютъ: «извините, вы не знаете нашихъ постановленій; таковъ законъ и проч.» На каждомъ шагу васъ останавливаютъ и заставляютъ платить Trinkgeld,

Schmiergeld, Bestellgeld, Chausséegeld, Pflastergeld, Brückengeld, Thorgeld, Sperrgeld, и пр. и пр. Станция через двѣ перемѣняется владѣніе, и денегъ вашихъ не берутъ; даже вѣдѣ швыряютъ съ презрѣніемъ крейцеръ, вычеканенный за двѣ мили. Скучно и горько ѣздить по Германіи, особенно тому, кто избалованъ французскою исправностью и учтивостью. Паспортъ по казенной надобности не вовсе отклоняетъ эти неудобства. Нѣмцы сами признаются, что учрежденіи почтъ у нихъ нигуда не годятся, по относить сіе неудобство къ тому, что въ Германіи не можетъ быть единства по ея политическому раздробленію: «Hier wehet schon deutscher Geist!» сказалъ любезный Тикъ, услышавъ близъ Меца споръ между почтмѣлономъ и кондукторомъ. Онъ страстно любитъ свое отечество, но о почтахъ нѣмецкихъ не можетъ говорить безъ досады и гнѣва.

Дорога отъ Меца до границы представляетъ мало предметовъ, достойныхъ любопытства. Лотарингія пересѣкается небольшими холмами. Деревни и городки лежатъ обыкновенно въ долинахъ, и издали весьма красивы, потому что крыты красною черепицею. Особенно понравилось мнѣ положеніе города Сентъ-Аво, лежащаго подлѣ большихъ свѣтлыхъ прудовъ. Подъѣзжая къ нему, спускаешься по амфитеатральнымъ уступамъ высокой горы. Внутренность города не соответствуетъ прекрасному виду снаружи, особенно по причинѣ недавно бывшаго здѣсь жестокаго пожара.

Недалеко отъ Вердена находили мы въ деревняхъ

прусскихъ солдатъ, расположенныхъ въ сей части Франціи. Не видавъ никогда чужестранныхъ войскъ, кромѣ датскихъ и французскихъ, я принялъ было ихъ за русскихъ. Покрой мундировъ, форма киверовъ и проч. совершенно сходны съ нашими, а синій цвѣтъ издали не слишкомъ отличается отъ темнозеленаго; офицеры одѣты точно такъ же, какъ наши, носятъ черные султаны и проч.; только на эполетахъ, вмѣсто шитыхъ краевъ, имѣютъ серебряные ободы. Было время, когда и мы перенимали чужія моды! — Въ Сентъ-Аво стоитъ прекрасный баварскій легкоконный полкъ (*chevaux légers*). За недѣлю предъ симъ выгорѣла третья часть этого города. Безпокойные люди, которые вездѣ ищутъ средствъ вредить союзнымъ войскамъ, распространили слухъ, будто Баварцы зажгли городъ съ умысломъ; но тамошній подпрефектъ, ѣхавшій съ нами изъ Меца, увѣрилъ насъ, что это была ложь. Пожаръ произошелъ отъ неосторожности одного конюха, и Баварцы усердно помогали Французамъ тушить огонь.

Вечеромъ переѣхали мы чрезъ границу, и въ часть ночи прибыли въ первый нѣмецкій городокъ Саарбрикъ, доставшійся Пруссіи въ 1815 году. Намъ отвели въ самую жалкую харчевню, гдѣ мы едва могли утолять голодъ. Постели были нечисты и жестки, а на другой день счетъ подакъ преогромный. Товарищъ мой (польскій полковникъ), сердился, бранился, но дѣлать было нечего. Заплативъ наконецъ чего требовалъ безсовѣстный хозяинъ, онъ обратился ко мнѣ,

и просилъ, чтобы я, во прїздѣ въ Россію, непременно предостерегъ моихъ соотечественниковъ отъ Саарбриккаго трактира *Бьлазо Голубя* (Zum weisen däubchen), что смѣлъ и исполняется.

Отъ Саарбрика до Рейна ѣхали мы владѣніями прусскими, баварскими и гессенъ-дармштадтскими. Я не замѣтилъ на этой дорогѣ ничего достойнаго вниманія, кромѣ прекраснаго, чистаго мѣстечка Кирхгеймъ-Боландъ, лежащаго на возвышеніи. Жатва вездѣ началась и общается много. Плодовые деревья гнутся отъ богатства своего. Въ шестой день по выгздѣ моемъ изъ Парижа, увидѣлъ я башни Майнца, и вдали струи древняго Рейна, который величественно течетъ между высокихъ холмовъ, покрытыхъ виноградными садами. Вотъ и Германія! думалъ я съ неизъяснимымъ чувствомъ удовольствія: вотъ страна рожденія Клопштока, Виланда, Гете, Шиллера — страна, въ которой еще процвѣтаетъ во всемъ блескѣ своею поэзія, въ другихъ земляхъ уже увядшая, въ нѣкоторыхъ еще не разцвѣтавшая! Здѣсь совершены важнѣйшія для рода человѣческаго открытія, здѣсь рѣшена судьба царствъ и народовъ. Въ ней обитаетъ народъ, славящійся трудолюбіемъ, честностью, праводушіемъ и вѣрностью. Въ ней существуютъ еще добродѣтели временъ патриархальныхъ — изглаженные въ иныхъ земляхъ излишнимъ утонченіемъ нравовъ *)!

*) Для чего не остался я на лѣвомъ берегу Рейна, чтобы утѣшаться этою пріятною мечтою? Существованіе меня разочировала! Позди. примѣчаніе.

Майнцъ принадлежитъ къ числу первыхъ крѣпостей въ Европѣ. Городъ старинный, съ тѣсными, кривыми, грязными улицами, высокими и дурно построенными домами. Онъ достался Великому Герцогу Гессенъ-Дармштадтскому, и имѣеть гарнизонъ, составленный изъ австрійскихъ и прусскихъ войскъ. Жителей въ немъ до 25,000, не считая гарнизона. Первоначальныя укрѣпленія его построены во времена Августа римскимъ полководцемъ Марціемъ Агриппою, для отраженія Германцевъ. Тогда онъ былъ не иное что, какъ укрѣпленный станъ, а собственная крѣпость (Magontiacum) основана Друзомъ Германикомъ. Понинѣ видны еще остатки римскихъ строеній: основаніе памятника, воздвигнутаго въ честь Друза на валу, и водопроводъ при Цальбахѣ, гдѣ собрано еще нѣсколько римскихъ надгробныхъ камней. Аллеманы въ послѣдствіи разорили крѣпость до основанія. Карлъ Великій построилъ чрезъ Рейнъ каменный мостъ на сваяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя и понинѣ примѣтны подъ водою. Въ половинѣ XIV столѣтія заключенъ былъ въ Майнцѣ союзъ рейнскихъ городовъ противъ *разбойниковъ-рыцарей*, которые изъ укрѣпленныхъ замковъ своихъ, построенныхъ на крутыхъ берегахъ Рейна, нападали на проѣзжихъ купцовъ. Къ этому союзу приступили болѣе ста городовъ и множество князей, графовъ и дворянъ. Они успѣли усмирить безпокойныхъ рыцарей, и разорить ихъ гнѣзда. Въ XIII и XIV столѣтіи Майнцъ славился торговлею, луками и искусствами. Здѣсь было главное мѣсто-

пребываніе Германскихъ трубадуровъ. Славнѣе всѣхъ былъ Генрихъ Фрауэнлобъ (хвалитель женъ), скончавшійся въ 1318 году. Онъ посвящалъ всѣ свои произведенія прекрасному полу. Жены майнцскія несли гробъ его, осыпанный цвѣтами. Надгробный камень его виднѣть въ соборной церкви. Въ XV столѣтіи изобрѣтено въ этомъ городѣ книгопечатаніе. И нынѣ еще показываютъ сакшальный гербъ Гуттенберга, въ стѣнѣ, на углу дома, въ которомъ онъ жилъ. Вскорѣ послѣ того кровопролитная война, между Князьями Шенбургскимъ и Нассаускимъ, опустошила Майнцъ, и погребла навсегда его благоденствіе. Въ послѣдствіи онъ былъ столицею Майнцскаго Курфюрста, въ 1797 году достался Франціи, а въ 1814 освобожденъ отъ чужеземнаго ига. Полагаютъ, что Майнцъ объявленъ будетъ одною изъ крѣпостей Германскаго Союза.

Не требуйте отъ меня подробнаго описанія Майнца: я провель въ немъ нѣсколько часовъ. Скажу только, что здѣсь весьма неприятенъ выговоръ нѣмецкаго языка. Приѣхавъ сюда, я думалъ, что довольно понимаю по-нѣмецки, но вскорѣ примѣтилъ, что едва ли обойдусь безъ переводчика. Вообще въ этой части Германіи говорятъ очень дурно: многихъ согласныхъ буквъ не произносятъ вовсе, а гласныя смѣшиваютъ, напримеръ: Tar Erzharzog Kerl hot de Franzone keschloge. Надежда моя выучиться порядочно въ Германіи нѣмецкому языку исчезла. Сами здѣшніе жители призываются, что они дурно говорятъ, и мнѣ случилось

видѣть, что они просили Русскихъ, учившихся нѣмецкому языку въ Петербургѣ или въ Москвѣ, научить ихъ произношенію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ словъ. Не думайте, что люди благовоспитанные говорятъ чисто. Правда, что ихъ скорѣе понять можно, нежели почтарей, солдатъ и мужиковъ, но буквы *d* и *t*, *b* и *p* не имѣютъ ни какого различія въ ихъ выговорѣ *). Благословенный русскій народъ! тебѣ одному представлено было составить языкъ свой, языкъ народный, чистый, возвышенный, выразительный и благозвучный! Въ другихъ странахъ академіи и университеты даютъ законы въ употребленіи языка — у насъ должно вслушиваться въ рѣчи простаго народа! — И насъ называютъ варварами — варварами, людей, которые имѣютъ богатый языкъ, народную поэзію, народную музыку — которые, при ревностной приверженности къ вѣроисповѣданію праотцевъ, уважаютъ иновѣрцевъ, какъ Христіанъ и братьевъ своихъ, которые нашли истинную стезю между безвѣріемъ и фанатизмомъ **)!

*) Я тщетно искалъ области, въ которой говорили бы совершеннымъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ Берлинѣ выговоръ пріятнѣе и чище, но вовсе не наблюдаются правила грамматики. Всего непріятнѣе *пестрота* произношенія на театрѣ, когда актеры происходятъ изъ разныхъ областей нѣмецкихъ.

**) Должно однако сказать, что вѣротерпѣніе сдѣлаю въ Германіи важные успѣхи. Двѣ главныя отрасли Протестантскаго Исповѣданія, Лютеранская и Реформатская,

Я не могъ дожидаться минуты выѣзда изъ Майнца, сѣвша во Франкфуртъ, гдѣ надѣялся найти истиннаго, единственнаго друга, соединеннаго со мною священными узами родства, общаго воспитанія, любви и уваженія — друга, съ которымъ не видался уже нѣсколько лѣтъ *). — Мы переѣхали чрезъ сврозеленоватый Рейнь по длинному плашкотному мосту, о которомъ, какъ о чудѣ, упоминается во всѣхъ географіяхъ, который однако никакъ не можетъ войти въ сравненіе съ петербургскими, и притомъ такъ непроченъ, что еще недавно провалилась сквозь него фура съ четырьмя лошадьми. Вотъ деревня Гохгеймъ, вокругъ которой растетъ одно изъ лучшихъ рейнскихъ винъ! Далѣе, на берегу мутнаго Майна, лежитъ городокъ Гѣхстъ, въ которомъ отличается прекрасное строеніе — табачная фабрика, похожая на дворець. Лѣтъ за 60 предъ симъ, бѣдный итальянскій выходець, Болонгаро, работая на одной франкфуртской табачной фабрикѣ, изобрѣлъ приправу (sauce), которою придавалъ табаку какое-то отличное, превосходное свой-

въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ дружелюбно соединились, но съ католиками нѣтъ и долго не будетъ ладу. Ненависть сія неощѣлима; немногія частныя исключенія не переменяютъ главнаго дѣла. Во Франціи, подлѣ гнуснѣйшаго безвѣрія, нерѣдко видите варварскій фанатизмъ XIII вѣка. *Поздн. примѣчаніе.*

*) Иванъ Карловичъ Борнъ, близкій родственникъ сочинителя этихъ писемъ, служачій при Россійскомъ Посольствѣ во Франкфуртъ.

ство. Изобрѣтеніе вошло въ славу, и Болонгаро разработалъ. Онъ хотѣлъ поселиться во Франкфуртѣ, но тамошніе гордые патриціи не соглашались принять въ сословіе гражданъ того, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ простымъ работникомъ. Неумѣстная и неблагоразумная сѣбѣ раздражила Болонгаро: онъ поселился въ Гёхстѣ, и украсилъ сей маловажный городокъ великолѣпными зданіями, которое теперь нѣсколько обветшало, но все еще принадлежитъ къ лучшимъ стреніямъ въ этой части Германіи. — Верстахъ въ двухъ отъ Гёхста лежитъ мѣстечко Нидъ, на быстрой и глубокой рѣчкѣ Ниддѣ. Осенью 1813 года, предъ сраженіемъ при Гауау, баварскій отрядъ съжегъ деревянный мостъ чрезъ эту рѣку. Наполеонъ, раздѣлавшись съ Баварцами, прискакалъ съ разстроенною арміею своею къ берегу Нидды, и — остановился. Партизанскія союзниковъ тревожили его со всѣхъ сторонъ; Баварцы оправдись и шли за нимъ слѣдомъ; большая армія также приближалась. Надлежало перейти черезъ Нидду или погибнуть. Онъ призвалъ къ себѣ бургомистра и членовъ Нидской Ратуши, и коротко объявилъ имъ, что повѣситъ ихъ, если чрезъ три часа мостъ не будетъ возстановленъ. Куда дѣвались нѣмецкое хладнокровіе, нѣмецкая медленность и вялость! Бѣдные *нихтбейтмитзаеры* *) въ три часа изготовили мостъ, и

*) *Нихтбейтмитзаеры*, или нѣмецкая *молочухайка* — известное выраженіе Суворова.

лейпцигскій капитанъ переправился чрезъ Нидду на зимній квартиръ.

Франкфуртская граница: готическая башня (Wartthurm) съ амбразурами и небольшими окошечками. Такія башни построены въ среднѣ вѣки на всѣхъ пунктахъ франкфуртской границы, пересѣкаемыхъ большими дорогами. Тамъ находились безсѣнные караулы, чтобъ подать вѣсть городу, если съ которой нибудь стороны появится непріятель. Нынѣ башни сіи вовсе не нужны, и остались памятникомъ древности. Укрѣпленія Франкфурта срыты бывшимъ Великимъ Герцогомъ (Дальбергомъ, Княземъ-Примасомъ), и на мѣстѣ ихъ разведены прекраснѣйшія гульбища, которыя придаютъ городу снаружи самый пріятный видъ. По сторонамъ дороги построены красивые загородные дома. Мы вѣхали во Франкфуртъ чрезъ каменные Бокенгеймскія Ворота, построенныя въ новѣйшія времена — просто и со вкусомъ. Ровно въ полдень привезли насъ въ лучший трактиръ, Weidenhof, и объявили, что по установленному порядку не могутъ выдать вещей и поклажи нашей прежде трехъ часовъ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣться съ Борномъ, но долженъ былъ просидѣть все это время въ комнатѣ, не смѣя, въ дорожномъ своемъ костюмѣ, выйти на улицу. Наконецъ ударило три часа; принесли мой чемоданъ; я одѣлся наскоро, и побѣжалъ искать моего друга. Не засталъ его дома, обвѣгалъ все мѣста, гдѣ надѣялся его найти, но тщетно! Оставивъ у него на квартирѣ мой адресъ, пошелъ я повѣся голову домой,

и вдругъ, посреди большой улицы (Zeil), увидѣлъ, что онъ идетъ ко мнѣ навстрѣчу. Онъ узналъ меня — мы бросились въ объятія другъ къ другу, и въ безмолвіи, въ слезахъ торжествовали первую минуту радостнаго свиданія — не пригибая что вокругъ насъ происходитъ, забывъ, что находимся посреди многолюдной улицы чужаго города! Такія минуты восторга стоятъ нѣсколькихъ лѣтъ обыкновенной жизни. Счастливы тотъ, кто имѣетъ друга: въ объятіяхъ его забывается онъ все земное, въ глазахъ его видитъ онъ *свой* міръ! — Не нужно сказывать, что и тотчасъ къ нему переселился, что вопросъ слѣдовалъ за вопросомъ, что мы не спали всю ночь, провели ее въ разговорахъ объ отечествѣ, друзьяхъ и родныхъ. Вы знаете Борна. Я нашелъ, что онъ на чужбинѣ ни мало не перегибился. То же благородство души, та же чувствительность, тѣ же добродѣтели чловѣка, гражданина, родственника и друга! Его бесѣда усладить мое сердце, тоскующее въ разлукѣ по всемъ, что мнѣ дорого и любезно на свѣтѣ.

ХІІ.

Эйса, 17-го Августа, 1817.

Бьюсь объ закладъ, что вы не найдете ни на какой картѣ мѣста нынѣшняго моего пребыванія! Цѣлебный источникъ Эйса не можетъ сравниться славою съ дру-

гими теплицами Германіи, Ахеномъ, Пармонтамъ, Карлсбадомъ и пр., гдѣ шумныя веселости большого свѣта и развратъ многолюдныхъ столицъ селятся подлѣ болѣзни и страданій, куда стекаются министры и генералы, куншны и игроки, промышленники и прелестницы. Эмсь посвященъ исключительно облегченію страданій человѣчества. — Источникъ сей выходитъ на поверхность земли на берегахъ Ланы, верстахъ въ шести отъ впаденія ея въ Рейнъ, въ странѣ уединенной, дикой, богатой красотами природы.... Но прежде нежели приступлю къ описанію Эмса, долженъ я, по обѣщанію, сообщить вамъ извѣстіе о путешествіи моемъ къ сему мѣсту.

Я прожилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ нѣсколько дней. Признаюсь, что знаменитый городъ мнѣ не весьма понравился. Говорятъ, что онъ принадлежитъ, по наружности своей, къ числу красивѣйшихъ городовъ Германіи. Можетъ быть, а я не могу судить объ этомъ, ибо не видалъ еще нѣмецкихъ городовъ, кромѣ грязнаго, скучнаго Майнца и жалкаго Гѣхста, предъ которыми Франкфуртъ конечно есть *царь-городъ*. Онъ лежитъ на обонхъ берегахъ желтоватаго Майна, и вообще можетъ быть раздѣленъ на три части: собственный городъ, жидовскую часть (на правомъ) и Саксенгаузенъ (на лѣвомъ берегу рѣки). Собственный городъ выстроенъ лучше прочаго. Дома большею частью каменные, въ три и четыре яруса; нѣкоторыя улицы (Бокенгеймская, Цейль, Дѣнгесская и пр.) широки и чисты, другія тѣсны и темноваты, особенно

отъ того, что для выигрыша шеста, которое на ходу
идетъ ничто не стоить, вторые яруса домовъ вы-
даются на аршинъ и болѣе надъ первыми, третьи надъ
вторыми и т. д., такъ, что сверху дома довольно
между собою сближаются. Вадъ страшный и неприят-
ный! Прекрасна часть города, лежащая, за жидовскихъ
кварталомъ, на берегу Майна. Дома высокіе, краси-
вые, великолѣпные. За то и называется эта набереж-
ная die schönе Aussicht (Прекрасный Видъ). Жидов-
ская часть состоитъ изъ грязныхъ, темныхъ, мрач-
ныхъ улицъ, обитаемыхъ неоправданны Евреями, кото-
рые составляютъ главную часть жителей Франкфурта.
Прежде сего она отдѣлялась отъ собственнаго горо-
да воротами, которыми зашпалены на каждую сторону; но
эта преграда разрушена при бомбардировкѣ города въ
1793 году. Нѣсколько домовъ жидовской части при
этомъ случаѣ выгорѣло, и на мѣстѣ ихъ возвысились
новыя, великолѣпныя зданія, принадлежащія богатѣй-
шимъ изъ франкфуртскихъ Евреевъ, банкиру Рот-
шильду и др. — Прекрасный каменный мостъ, утвер-
жденный на сводахъ, ведетъ въ третью часть города,
Сааренгаузенъ, называемую такъ потому, что въ ней
встарину поселились Саксонцы. Эта часть построена
криво, косо и некрасиво, какъ обыкновенно строятся
небольшіе нѣмецкіе города. Отдайте, чѣмъ славят-
ся ей жители? — *Грубостью*, славится грубостью
посреди Нѣмцевъ, которые, по словамъ ихъ остро-
умнаго единосемца Вейне, только въ этомъ искусствѣ
могутъ быть виртуозами!

Первые граждане и члены дипломатического сословия (при Германском Сейме) живутъ въ собственномъ городѣ, особенно въ улицѣ Цейль. Россійскій министръ (Баронъ Анштеть) занимаетъ знаменитый *красный домъ*, первое зданіе въ городѣ. Не думайте, что этотъ домъ въ самомъ дѣлѣ красный. Онъ *стоитъ* только подъ этимъ знакомъ, т. е. на фронтонѣ его изображенъ *красненькій домикъ*. Должно знать, что большая часть домовъ во Франкфуртѣ называется не по улицамъ и номерамъ, а по отличительнымъ знакамъ. Напримеръ на углу одного дома изображенъ Турокъ, стрѣляющій изъ пистолета: это *Türkenschuss* (турецкій выстрѣлъ). Надъ другимъ домомъ виднѣнъ *Римскій Императоръ*, въ естественную величину, въ коронѣ и порфирѣ; здѣсь *Носъ ковчега*, тамъ *черный медведь*, *сырый козелъ*, *красный петухъ*, *зеленый оселъ*, словомъ: вся натуральная исторія, во всѣхъ возможныхъ краскахъ. Обыкновеніе это произошло въ средніе вѣки, и господствуетъ во многихъ (бывшихъ) вольныхъ имперскихъ городахъ. Не нужно сказывать, что означеніе домовъ по улицамъ и номерамъ гораздо удобнѣе и яснѣе. Во Франкфуртѣ есть и номера, но отличительные знаки все еще предпочитаютъ народомъ.

Жители франкфуртскіе весьма богаты. Война, опустошавшая въ теченіе двадцати лѣтъ окрестныя страны, доставляла промышленнымъ его гражданамъ средства къ обогащенію. Притомъ же Франкфуртъ есть *центр* сообщенія между обитателями средней Европы. Въ

немъ всегда найдете множество путешественниковъ изъ всѣхъ странъ. Лучшіе дома города заняты гостиницами. — Вокругъ города построены, какъ я уже упоминалъ выше, прекрасныя загородныя дома, въ числѣ которыхъ отличается принадлежащій бывшему російскому консулу Бетману. Всѣ прѣзжающіе во Франкфуртъ ходятъ смотрѣть на этой дачѣ статую Ариадны, превосходное произведение штутгартскаго художника Даннекера. — Особеннаго вниманія достоинъ монументъ, воздвигнутый Прусскимъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, въ память Принца Гессенъ-Филипстальскаго и его храбрыхъ сподвижниковъ. Этотъ памятникъ поставленъ за городомъ, близъ Фридбергскихъ Воротъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пали герои, сражаясь за освобожденіе Франкфурта 2 Декабря 1792 года. Онъ состоитъ изъ кубическаго покоя, возвышающагося посреди груды дикихъ, неправильно взгроможденныхъ камней. Приличныя надписи начертаны съ четырехъ сторонъ, посреди воинскихъ трофеевъ. — Кромѣ этого памятника *славы*, есть во Франкфуртѣ памятникъ *безславія*. Прогуливаясь по многолюдной, тѣсно обстроенной Дёнгесской улицѣ, примѣтилъ я, между высокими домами, довольно большое пустое квадратное мѣсто. Мнѣ показалось страннымъ, что Франкфуртцы, *вымирая мѣста на воздухъ*, не пользуются празными мѣстами *на земль*. Но вскорѣ узналъ я, что эта *пустота* есть памятникъ наказанія одного франкфуртскаго гражданина Фетмилха, который уличенъ

былъ въ мятежъ и злоумышленіи противъ правительства. Его казнили, имѣніе описали, и даже срыли домъ его, постановивъ закономъ, чтобъ никто не смѣлъ строить на этомъ мѣстѣ, дабы оно пребыло навсегда памятникомъ его измѣны и грозной казни, его постигшей. Наказаніе сильное и приличное клятвопреступнику; но, къ сожалѣнію, въ республикахъ нрѣдко *слабость* наказывается какъ преступленіе, и частная месть прикрывается личною законнаго возмездія. Говорятъ, что Фетмильхъ вздумалъ слишкомъ жарко защищать права бѣдныхъ гражданъ противъ властотюбія богатыхъ и сильныхъ аристократовъ. Смѣлость назвали преступленіемъ. Фетмильхъ не имѣлъ покровителей, и палъ подъ мечемъ разгнѣванныхъ патриціевъ.

Описывать ли знаменитую ратушу Рёмег, соборную церковь, въ которой короновались Римскіе Императоры... и пр.? Вы найдете изображенія этихъ предметовъ во всѣхъ путешествіяхъ и географіяхъ. Что же, спросите вы, не понравилось мнѣ во Франкфуртѣ, когда я отдаю справедливость его красотамъ, климату, памятникамъ? — Дома не составляютъ города, роши не общества, столпы и статуи не люди! Франкфуртъ городъ торговый; жители его купцы и ремесленники; здѣсь достоинство чловѣка состоитъ въ его капиталѣ, а умъ полагается въ приобрѣтеніи барыша. Что влекло меня въ Германію? Уваженіе къ ея языку, словесности и просвѣщенію. Во Франкфуртѣ эти предметы не въ цѣнѣ. Не знаю даже, жи-

веть ли здѣсь (кроме чванниковъ дипломатическаго корпуса) кто-либо изъ ученыхъ, извѣстныхъ Европѣ. Есть нѣсколько книжныхъ фабрикантовъ, которые болѣе унижаютъ, нежели возвышаютъ словесность. На другой день по прїѣздѣ моемъ во Франкфуртъ (надобно знать, что имена прїѣзжихъ немедленно печатаются въ газетахъ), является ко мнѣ молодой человекъ, кланяется низко и подаетъ пакетъ. Распечатываю и нахожу книжку подъ заглавіемъ: *Описаніе города Франкфурта* при письмѣ сочинителя, который, величая меня *превосходительнымъ, милостивѣйшимъ государемъ*, изъявляя радость, которую почувствовалъ, узнавъ о прїѣздѣ моемъ въ этотъ городъ, и поручая себя *всепокорнѣйше* моему *высокому покровительству*, *всепокорнѣйше* просить о *блазасклонномъ* принятіи этой книги, то есть о пожалованіи *талера*. Согласитесь, что первое впечатлѣніе есть самое сильное, а это письмо не могло во мнѣ возбудить хорошаго мнѣнія о франкфуртскихъ литераторахъ. Я всегда уважалъ науки, словесность и искусства, и привыкъ смотрѣть съ большимъ почтеніемъ на людей, которые занимаются ими; съ прискорбіемъ видѣлъ я, что многіе почтенные литераторы и ученые *принуждены*, для снисканія себѣ пропитанія и досуга, прибѣгать къ покровительству знатныхъ и богатыхъ людей; — что жъ надлежало мнѣ почувствовать, когда я увидѣлъ это *добровольное униженіе*? Письмо, подавшее мнѣ, было циркулярное, въ которомъ переимѣняется только титулъ:

воинъ Жидъ; прѣвѣжающій во Франкфуртъ, на другой же день получаетъ это вѣсѣрчивое посланіе. — Живущіе здѣсь Русскіе крайне скучаютъ. Здѣсь невѣдѣна добродѣтель нашихъ сѣверныхъ странъ — святое гостепріимство: всякъ живетъ про себя. Нѣтъ того обычая, что посредствомъ одного дома, къ которому вы имѣете письма, познакомитесь съ другими. Богатый бакиръ или купецъ, принимая съ важностью рекомендательное письмо, приглашаетъ васъ на другой день къ обѣду — часа въ три. Швейцаръ, высаживая васъ изъ кареты, кричитъ кучеру: «Hör er! um fünf Uhr kommt er wieder!» (Слушай! въ пять часовъ прѣвѣжай за бариномъ). Хозяинъ принимаетъ васъ съ холодною учтивостію, и водводитъ къ хозяйкѣ, которая, приставъ, преговоритъ сквозь зубы: *Enchantée, Mr. etc. etc.* — За столомъ толкуютъ о погодѣ, о курсѣ, иногда о театрѣ, рѣдко о политикѣ — весьма тихо, благоразумно и хладнокровно. Каждое блюдо причиняетъ паузу въ разговорѣ. Послѣ обѣда, лишь только обнесутъ кофе, подходитъ слуга и говоритъ громко: «Господинъ баронъ! карета ваша прѣвѣхала!» Должно откланяться. Внизу у дверей стоитъ швейцаръ, и съ умильною улыбкою протягиваетъ руку для полученія большаго талера *). Такое препровожденіе времени не слишкомъ забавно. Общественныхъ увеселеній мало. Театръ не хорошъ. Послѣ обѣда собираются читать газеты и играть въ карты и на бил-

*) Большой талеръ — пфлчервонца.

лардъ, въ *казино*, или *клубъ*. Онъ убранный великолѣпно и со вкусомъ, вмѣщаетъ въ себѣ четыре бильярда и *читальню*, въ которой можно найти до полудюжины газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ, часы съ курантами и пр. Тамъ чинно, тихо и до крайности скучно. Никто не заговорить громко; нѣтъ той веселости, того дружелюбія, которыя составляютъ прелесть нашихъ обществъ. Войдетъ богатый банкиръ, мевшіе капиталисты встанутъ и поклонятся, а онъ ищетъ глазами, нѣтъ ли человѣка богаче его, чтобъ отдать ему честь. Здѣсь же сходятся члены находящагося во Франкфуртѣ дипломатическаго сословія, но они не могутъ оживить собранія, ибо, подобно едею и анну, не сливаются съ кунцами; притомъ же и званіе ихъ налагаетъ на нихъ обязанность *скромности* и *молчанія*. Одно обыкновеніе похвально въ *казино*: тамъ нельзя курить табаку, который составляетъ главное занятіе и первое наслажденіе въ этихъ странахъ. Но, можетъ быть, именно отъ этого лишенія собранія въ *казино* такъ скучны и однообразны?... — Не сердитесь на меня за эту откровенность; не думайте, что я сужу слишкомъ скоро, и не имѣвъ еще времени ознакомиться съ городомъ: Борнъ живетъ здѣсь четвертый годъ; его мнѣнія совершенно согласны съ моими. Я объщалъ говорить вамъ правду: виновать ли я, что она такъ жестка во Франкфуртѣ?

Я не остался бы здѣсь и двухъ дней, если бъ обхождение съ нѣкоторыми изъ *нашихъ*, особенно съ Бор-

номъ и съ почтеннымъ *Э. А. Фаберомъ* *) не улаждало моего искуса. Проживъ тамъ около недѣли, отправился я къ водамъ. Всѣ медики единогласно осудили меня на леченіе въ Эмсъ: тамошнія воды исключительно полезны для слабогрудыхъ. Борнъ провожаетъ меня: онъ живетъ ежегодно по нѣскольку недѣль въ Эмсъ, и въ нынѣшній годъ ѣдетъ туда вторично. Мы рѣшились отправиться водою по Майну и Рейну. 7-го Августа въ 10 часовъ утра пришли мы на берегъ Майна, и сѣли въ преобладающую крытую лодку (*Marktschiff*), которая ежедневно совершаетъ путь изъ Франкфурта въ Майнцъ. Въ каютѣ было множество разнаго народа и незнакомыхъ лицъ. Жаръ, духота и запахъ нестерпимые. На палубѣ или крышѣ ни скамьи, ни стула. Должно было стоять или лежать. Борнъ заговорилъ съ какими-то двумя дамами, а я взобрался на кучу сѣна, вынулъ изъ кармана *Имзурда*, новую трагедію Мюльнера, и перешелъ за тридцать земель. Вдругъ раздался вблизи грубый голосъ: «*Vom Neu herunter!*» (долой съ сѣна). Я взглянулъ и увидѣлъ прегнусную, испачканную фигуру, какъ обыкновенно, съ трубкою въ устахъ. Это былъ инспекторъ лошадей, которая тянула бичеву. Я вздумалъ было просить его объ оставленіи меня на мяг-

*) Сочинителемъ книгъ *Notices sur l'intérieur de la France* и *Bagatelles ou Promenades d'un désœuvré, à St. Pétersbourg*. Онъ служитъ при российскомъ посольствѣ во Франкфуртѣ.

комъ сѣбѣ, но оны, видя приготовленія мои къ возраженію, закричалъ съ большимъ гнѣвомъ: «Nicht gäsonigt, herunter gestiegen!» (Нечего разсуждать, слѣзай). Что дѣлать? Я оставилъ удобное мѣсто; грубость эта тронула меня за живое. Во Франціи обходятся съ нами, съ бывшими недавно непріятелями, такъ учтиво — а здѣсь? — Нечего разсуждать!... Спряталъ Ингурда въ карманъ, подонелъ я къ дамамъ, съ которыми Борнъ уже имѣлъ время познаться. Одна была старушка лѣтъ за шестьдесятъ, другая дѣвица лѣтъ осьмнадцать, не красавица, но милостивая, умная и любезная, напитанная чтеніемъ нѣмецкихъ романовъ и стихотвореній. — Берега Майна довольно пріятны, но не слишкомъ разнообразны. Вездѣ виноградные сады. Около полудня прибыли мы въ Гѣхетъ, уже извѣстный вамъ изъ предъидущаго моего письма. Тамъ приготовленъ былъ обѣдъ, обыкновенный; нѣмецкій — васерсупъ и баранина съ полубутылкою кислаго рейнвейна. Когда мы сѣли за столъ, я вынулъ изъ кармана записную книжку и вписалъ: *7-го Августа 1847 года увидѣлъ въ Германіи первую приложную дьвушку*. Это была служанка, обносившая тарелки съ супомъ. Вы сомнѣваетесь, не вѣрите? «Какъ же не быть красавицамъ въ Германіи!» — Послушайте нашихъ воиновъ: не нахвалятся Саксонію.» — Саксонію, такъ! но на правомъ берегу Рейна женскій полъ очень безобразенъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ случалось быть. Во Франкфуртѣ могу вамъ назвать на перечесть всѣхъ

недурныхъ собою. Въ Майницъ, Кобленцъ, Кельнъ (т. е. на лѣвомъ берегу Рейна) дѣло другое: тамъ много красавицъ, особенно въ первомъ изъ нихъ. — Въ два часа сѣли мы опять въ Marktschiff, и поплыли далѣе. Въ каютѣ заиграла музыка и раздались пѣсни. Любопытствуя узнать народное пѣніе въ Германіи, я сошелъ внизъ, и увидѣлъ четверыхъ кривыхъ, косыхъ, хромоногихъ музыкантовъ, которые, что есть мочи, играли на ветхихъ гудкахъ и флейтѣ. Полу-пьяный человѣкъ, лѣтъ въ пятьдесятъ, дурно одѣтый, пѣлъ пѣсни, и вся почтенная публика слушала его съ великимъ вниманіемъ. По окончаніи каждаго куплета раздавался одобрителный хохотъ. Я подошелъ къ престолному пѣвцу, чтобъ вслушаться въ слова пѣсни. — Что это? Гдѣ я? — Въ пѣсни заключалась похвала неводержности, разврату и другимъ гнуснѣйшимъ еще порокамъ, даже преступленіямъ, которыхъ имени написать не смѣю. И въ числѣ человѣкъ сорока, находившихся въ каютѣ, не было ни одного, который бы зажалъ ротъ старому негодяю!

Я горѣлъ нетерпѣніемъ оставить франкфуртскій повчегъ; наконецъ, въ шесть часовъ вечера, вѣхали мы въ Рейнъ, и остановились у Майнца на берегу. — Дамы, знакомки наши, были однѣ: мы предложили имъ готовность свою отыскать для нихъ квартиру; быть ихъ провожатыми и прислужниками. Онѣ приняли наше предложеніе съ удовольствіемъ и благодарностью. Томная Марія просила выбрать комнаты, изъ которыхъ можно бѣ было видѣть завтра поутру

восхождение солнца изъ-за Рейна. И такъ мы не пошли въ трактиръ *Aux trois couronnes*, гдѣ были бы приняты очень хорошо, а освѣдомились, нѣтъ ли другаго на берегу. Насъ привели въ *Frankfurter Hof*—ужасное гнѣздо, въ которомъ изъ окошка четвертаго яруса видѣть былъ Рейвъ. Марія, увидѣвъ прекрасный ландшафтъ, крайне обрадовалась, и намъ объявлено было благоволеніе. — Занявъ другую комнату для себя, пошли мы бродить по городу. На другой день начиналась ярмарка. По всѣмъ улицамъ Жиды строили шалаши для лавокъ; вездѣ раздавались звуки арфъ, гитаръ, органовъ. Надобно знать, что въ Германіи время ярмарки есть время шума, забавъ и увеселеній *ex officio*. Синіе Прусски и бѣлыя Австрійцы, морская команда (т. е. гребцы на рейнской яхтѣ) Герцога Дармштатскаго, гуляли по улицамъ и набережной. — Заказавъ мѣста въ дилижансѣ, т. е. суднѣ, которое ежедневно ходитъ изъ Майнца въ Кобленцъ, и поужинавъ довольно плохо въ грязной компаніи, заснули мы богатырскимъ сномъ. — На другое утро пошли мы къ своимъ спутницамъ: старушка не могла забыть скудости вчерашняго ужина, и жаловалась на жесткую постель, а Марія объявила намъ, что удивительная картина восхождения солнечнаго, изъ за цвѣтущихъ холмовъ, окружающихъ Рейвъ, ее обворожила, и она забыла всѣ неудобства и неудовольствія. Мы повели ихъ на набережную и въ семь часовъ сѣли въ дилижансѣ. Здѣсь я отдохнулъ и примирился съ водяными сообщениями

Германиі. Дилижансъ есть небольшое судно, съ двумя каютами, чистыми и красивыми. Гребцы и боцманъ люди опытные и довольно проворные. Общество состояло, кромѣ нашихъ дамъ, изъ двухъ саксонскихъ купцовъ, людей умныхъ и благовоспитанныхъ. Въ нижнемъ парламентѣ были солдаты, ремесленники и т. п. — въ сравненіи съ компаніею вчерашняго дня — люди самые почтенные и любезные. Дилижансъ двинулся, и мы вошли въ Долину Рейна (Rheingau), которая, красотою мѣстоположенія и разнообразіемъ видовъ, славится во всей Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, на каждомъ, такъ сказать, шагу представлялись намъ новыя картины — одна прелестнѣе другой. Погода была тихая и пріятная. Мы расположились на крышѣ каюты; читали Шрейберово описаніе береговъ Рейна, и сообщали другъ другу чувства и мысли свои. Прекрасный день, котораго я ввѣкъ не забуду! — По обѣимъ сторонамъ Рейна возвышаются холмы — то виноградные, славящіеся своими произведеніями во всей Европѣ, то утесистые гранитные; на вершинахъ ихъ видны развалины древнихъ рыцарскихъ замковъ; онѣ возбуждаютъ въ душѣ странника воспоминанія о грозныхъ шитическихъ временахъ среднихъ вѣковъ. У подошвы холмовъ нестрѣются небольшіе деревеньки и мѣстечки. — Во-первыхъ представилъ намъ два прекрасные острова Petrus-Aue и Ingelheimer-Aue, потомъ городокъ Биберихъ, столица Князя Нассавскаго, обладающаго небольшою, но одною прекраснѣйшею изъ странъ Германіи. Владѣнія его прости-

раются по берегу Рейна и заключаютъ въ себѣ цѣль Таунусскихъ Горъ, въ которыхъ соединены, на пространствѣ немногихъ миль, славнѣйшія цѣлительныя воды. Видъ въ этомъ мѣстѣ удивительный. По правому берегу Рейна стелется прелестная равнина, на которой построены замокъ герцога. Далѣе къ северу, цвѣтущіе холмы теряются въ снѣгѣ отдаленныхъ горъ и небесной лазури. Рейнъ кажется озеромъ. Съ другой стороны возвышаются грозныя развалины замка Зонненберга. Здѣсь начинается настоящая долина Рейна. Горы и холмы идутъ уступами.

Вотъ и Эльфельдъ, главное мѣсто въ Рейнгау, съ готическими своими башнями: — Далѣе появляется знаменитый холмъ Юганнисбергъ, котораго вино предпочитается всѣмъ прочимъ родамъ рейнвейна. Онъ возвышается амфитеатромъ. Съ вершины его видъ долженъ быть очаровательный: отсюда представляется, какъ на ладони, весь Rheingau съ безчисленными мѣстечками, деревнями, монастырями, горы съ развалинами, величественная рѣка съ тѣнистыми островами. Приближаемся къ Бингену. На правомъ берегу лежитъ бывшій женскій монастырь Эйбнгенъ, построенный знаменитою игуменью Гильдегардою фонъ Шпозгеймъ. Въ немъ хранятся собственноручныя письма, молитвенникъ, подаренный ей святымъ Бергардомъ, и золотое кольцо съ надписью: «стражду охотно!» — Надобно знать, что берега Рейна богаче всѣхъ прочихъ странъ Германіи историческими воспоминаніями и преданіями народными. Почти о каж-

дой развалинѣ ходять въ народѣ страшныя повѣсти, въ которыхъ истина смѣшана съ вымысломъ. На правомъ берегу Рейна лежитъ мѣстечко Рюдесгеймъ, извѣстное своимъ виномъ, вкуснымъ, и горячимъ. Близъ него по берегу видны развалины замка славнаго рыцаря Бремзера фонъ Рюдесгейма, и монастыря, называющагося: Казнь Божія (Noth Gottes). Вотъ его исторія:

« Во время крестовыхъ походовъ, многіе владѣльцы замковъ прирейнскихъ, по убѣжденію святаго Бернгарда Майнцскаго, подъ знаменіемъ креста живоотворящаго, отправились въ Палестину. Въ числѣ ихъ былъ храбрый рыцарь Бремзеръ фонъ Рюдесгеймъ. Онъ совершалъ въ странѣ невѣрныхъ многіе чудесныя подвиги: Франки чтли его ния, Сарацины трепетали. Въ дикой, утесистой долинѣ обиталъ драконъ, страшный всѣмъ христіанскимъ рыцарямъ: онъ уверщивлялъ воиновъ, которыхъ посылали въ долину за водою и лѣсомъ. Никто не смѣлъ приблизиться къ чудовищу. Малодушіе солдатовъ раздражило Бремзера. Онъ надѣлъ пернатый шлемъ, взялъ доспѣхи стальные, пошелъ на дракона, и уверщивилъ его, лишь только онъ выползъ изъ своей щелы. Но въ то же время толпа невѣрныхъ, окрысающаяся въ засадѣ, напала на него. Храбраго рыцаря схватили и повлекли въ темницу. Долго томился онъ въ ней, не имѣя ни какой надежды на освобожденіе, и однажды, въ часъ отчаянія, задремалъ постряхъ однородную, прекрасную дочь свою Гизелу, когда возвратился на цѣтулице бе-

рега Рейна. Вскорѣ христіанскіе воители покорили городъ, въ которомъ страдалъ Бремзеръ. Онъ съ радостью промѣнялъ копье и щитъ на посохъ пилигрима, пошелъ въ землю германскую, и благополучно прибылъ въ Рюдесгеймъ: заплакалъ отъ умиленія, вошелъ въ свой замокъ и увидѣвъ дочь свою, которая въ восторгѣ выбѣжала къ нему навстрѣчу со всѣми домашними. Прекрасная Гизела подросла во время трехлѣтняго его отсутствія. Она была внѣ себя отъ радости при возвращеніи отца; но вдругъ хладъ и ужасъ смерти протекли по всѣмъ жиламъ ея, когда Бремзеръ объявилъ ей о своемъ обѣтѣ. — Гизела любила молодого прекраснаго рыцаря, юношу храбраго и любезнаго, и надѣялась получить благословеніе родителя. Она бросилась къ ногамъ его, обняла колѣни, молила словами и слезами; сказала ему, что отрекается отъ любезнаго, лишь бы не изгоняли ея изъ дома родительскаго; обѣщала пещись о немъ въ старости, и развеселять его въ часы унынія и болѣзни. Она говорила о лѣтахъ своего младенчества, о покойной матери, любезной жестокому отцу; но ничто не могло склонить его къ жалости. Бремзеръ грозилъ ей проклятіемъ — проклятіемъ надъ прахомъ матери. Голова у ней закружилась, мысли смутились; она выбѣжала изъ комнаты, и открыла дверь балкона, построеннаго надъ Рейномъ: все было мрачно; въ долину выла буря; волны рѣки шумѣли; за нею, какъ голосъ привидѣнія, шепталось проклятіе родителя; она хотѣла уйти, и бросилась въ пропасть.

На другой день найдено было ее тѣло, окровавленное, обезображенное. — И понынѣ пловцы и рыбаки въ тихій часъ вечера видятъ тѣнь ея, носящуюся надъ сѣдыми развалинами, слышатъ ея стонъ, теряющийся въ шорохъ вѣтра. Престарѣлый Бремзеръ сокрушался потерей дочери; обѣщалъ построить монастырь для искупленія души ея и — позабылъ обѣщаніе. — Однажды, въ полночь, представилось ему страшное видѣніе: предъ нимъ стоялъ драконъ, умерщвленный имъ въ Палестинѣ, и зіяя ужасною пастью, грозилъ поглотить его. Но вдругъ спустилось сверху какое-то небесное существо, юное, прекрасное: онъ узналъ Гизелу. Драконъ скрылся. Гизела посмотрѣла на него съ уныніемъ, и исчезла. Въ это самое время желѣзные цѣпи, которыя онъ носилъ въ Палестинѣ и привезъ въ свой замокъ въ память мучительнаго плѣна, съ большимъ шумомъ упали со стѣны. Онъ проснулся, дрожа отъ страху. — На другой день поутру одинъ изъ рабовъ его принесъ съ поля образъ Богоматери, объявивъ, что волъ на пашнѣ отгрызъ икону рогами. Бремзеръ увидѣлъ въ семъ обстоятельстве напоминаніе свыше, и поспѣшилъ исполнить обѣтъ свой. На томъ мѣстѣ, гдѣ нашлась икона, построилъ онъ церковь и монастырь, назвавъ оный *Казнь Божія*. Въ церкви показываютъ понынѣ желѣзья его цѣпи....»

Длижанскъ привалилъ къ берегу. Это Бингентъ. Здѣсь обѣдаютъ. Не знаю отчего, сегодня мнѣ все правилось: столъ обыкновенный казался мнѣ превкус-

ныиъ, вино прекрасныиъ. — Въ часъ во полудни по-
плыли мы далѣе.

Близъ Бингена Рейнъ стѣняется крутыми, дикими
горами, которыя возвышаются съ обѣихъ сторонъ.
По правую руку поднимается до облаковъ утесистая
гора Рюдсгеймская; тамъ, гдѣ рѣка обтекаетъ по-
дошву ея, глядитъ изъ-за скалъ древній замокъ Эрен-
фельсъ. По лѣвую руку видны горы лѣсотыя, концы
тѣни падаютъ на Бингенское ущеліе (Bingenloch).
Рейнъ, по видимому, терзается между утесами; вездѣ
грохотъ камней; на нихъ вѣстами угрюмыми разва-
лины; узенькая тропинка вѣтся вверхъ къ опусто-
шенной церкви, стоящей уединенно посреди деревьевъ.
Волны рѣки бьютъ прямо въ эту каменную стѣну;
вдругъ поворачивается она къ сѣверу, и башня Гат-
тона, грозная, уединенная, возвышающаяся на от-
мели, явится взорамъ пловца. — Доказано, что
Бингенское ущеліе въ древнія времена ограждено
было утесистою каменною стѣною, которая остано-
вливала Рейнъ въ его теченіи. Вѣроятно, что въ этихъ
мѣстахъ было большое озеро. Мало по малу воды
пронывали гранитную преграду, и черезъ нѣсколько
столѣтій, можетъ быть и при помощи сильнаго земле-
трясенія, она рухнула и открыла рѣкѣ свободный
проходъ. Карлъ Великій приказалъ пораспространить
русло ея, но и тогда мѣлкія только суда могли прохо-

диль въ этомъ мѣстѣ. Въ новѣйшія уже времена путь этотъ сдѣланъ безопаснымъ и удобнымъ для большихъ судовъ. И теперь вода стремится между отвѣсными берегами съ шумомъ и гнѣвою. Неопытные пловцы легко могутъ здѣсь погибнуть....

Въ самомъ опасномъ мѣстѣ построена, какъ я сказалъ выше, посреди волкъ на отмели, башня Гаттона, которая въ старину, вѣроятно, была сторожевою (Wartthurm). Она именуется и *мышью* (Mäusethurm) по одному старинному преданію, которое сохранилось между народомъ.

«Башня сія построена въ X столѣтіи Гаттономъ, архіепископомъ майнцскимъ, человѣкомъ жестокосердымъ, сребролюбивымъ, который неохотно поднималъ руку для благословенія, и никогда не простиралъ ея для подавія милостыни. Въ то время случился неурожай въ хлѣбъ; произошли дороговизна, голодъ; люди мерли сотнями. Многіе бѣдные поселяне собрались вокругъ замка майнцаго, гдѣ Гаттонъ жилъ въ изобиліи и роскоши, и просили хлѣба. Жестокій настырь отказывалъ имъ въ томъ, не позволяя открывать богатыхъ житницъ своихъ, и называлъ просящихъ тунеядцами, негодяями, бѣгающими отъ работы. Несчастные стали требовать съ большимъ усиліемъ, и раздражили Гаттона. Онъ приказалъ своимъ трабантамъ схватить ихъ, запереть въ хъ, мужей и женъ, старцевъ и дѣтей, въ большой сарай, и зажечь его. Представилось зрѣлище ужасное! Самые камни отъ того бы смягчились. Гаттонъ не трогался вопъ

лемъ несчастныхъ, и смѣялся. Слышите ли, какъ пищать мыши! говорилъ онъ, улыбаясь.— Но вскорѣ постигла его казнь небесная. Несмѣтные рои мышей появились въ его замкѣ. Чѣмъ болѣе ихъ было, тѣмъ скорѣе онъ размножались. Онъ появлялся тысячами изъ подъ полу. Гаттонъ убѣжалъ въ Бингенъ, при подошвѣ горы святаго Руперта, построилъ на Рейнѣ башню, и ночью ушелъ туда, но не ушелъ отъ наказанія. Мыши преслѣдовали его повсюду, переплыли черезъ воду, взползли на башню, съѣли его живаго, и даже выѣли имя его, изображенное на обояхъ. Духъ его иногда и понынѣ носится въ туманѣ надъ башнею....»

Вокругъ башни гнѣвится сильный водоворотъ; далѣе выглядываютъ изъ-подъ воды остроконечные камни.— По обѣимъ сторонамъ рѣки возвышаются громады—развалины замковъ, монастырей и другихъ зданій, изъ коихъ нѣкоторыя построены еще во времена Римлянъ. Далѣе горы мало по малу разступаются. На правомъ берегу появляется мѣстечко Лоррихъ, граница собственнаго Рейнгау. Вотъ крутая гора Кедрихъ, которая называется *чортовою лѣстницею*. Она идетъ уступами, и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ видъ лѣстницы. Вотъ, что говорить о сей лѣстницѣ народное преданіе:

«Встарину жилъ въ здѣшнемъ замкѣ, котораго развалины видны и понынѣ, рыцарь Сибо фонъ Лоррихъ, воинъ храбрый, но человекъ суровый. Однажды, въ бурную ночь, постучался у воротъ замка съ-

дой старичекъ и просилъ ночлега. Рыцарь отказалъ страннику въ жестокихъ выраженiяхъ. «Вспомнишь это!» прошипѣлъ старикъ сквозь зубы, и скрылся. Рыцарь забылъ объ этомъ случаѣ, но на другой день, когда зазвонили къ обѣду, не могли доискаться дочери его, милой двѣнадцатилѣтней дѣвушки, прелестной, какъ цвѣтокъ весеннiй. Разослали во всѣ стороны гонцевъ; наконецъ и самъ рыцарь Сибо пошелъ искать ея. Пастухъ, у котораго о ней освѣдомлялись, объявилъ, что онъ рано поутру видѣлъ у подошвы горы молодую дѣвушку, срывавшую тамъ цвѣты; вдругъ подошли къ ней два старика, подхватили ее подъ руки, и взвели на крутую гору. «Конечно это горные духи, прибавилъ мальчикъ, крестясь со страху: они водятся во внутренности Кедриха, и губятъ всѣхъ тѣхъ, которые имъ чѣмъ нибудь не угодаютъ.» — Рыцарь взглянулъ на вершину горы, и обомлѣлъ: Гарлинда стояла тамъ и простирала къ нему бѣлыя руки. Онъ собралъ всѣхъ служителей своихъ, и обѣщалъ щедрую награду тому, кто взберется на гору, но всѣ опыты были безуспѣшны. Онъ приказалъ принести столярный и кузнечный снарядъ, и взмоститъ доверху лѣстницу. Но лишь только принялись за работу, посыпался сверху каменный дождь и принудилъ всѣхъ разбѣжаться благимъ матомъ. Въ то же время раздался изъ горы страшный голосъ: «Такъ платимъ за гостепрiимство въ Лоррихъ!» — Рыцарь Сибо употреблялъ всѣ средства, чтобъ освободить милую дочь свою изъ рукъ нечистыхъ: ходилъ пѣшкомъ на по-

клоненіе чудотворныхъ иконамъ, дарилъ золото церквамъ и монастырямъ, раздавалъ милостыню—вапрасно. — Протекали дни, недѣли, мѣсяцы. Бѣдный отецъ утѣшался одною мыслию, что дочь его еще жива; каждое утро, каждый вечеръ смотрѣлъ онъ на вершину: она стояла тамъ, и глядѣла внизъ. — Горные духи старались всячески угождать ей: они построили для нея маленькій уютный домикъ; украсили стѣны его раковинками, хрусталемъ и камешками драгоценными. Горныя жены шили ей платье, дарили ее коралловыми ожерельями и другими нарядами, пѣли нѣсни, сказывали сказки. Къ столу подавали ей свѣжее молоко и вкусныя плоды. Больше всѣхъ ласкала и утѣшала ее одна добрая старушка. «Не унывай, дитятко, говорила она ей на ухо: я коплю тебѣ богатое приданое.» — Прошли четыре года съ тѣхъ поръ, какъ похитили Гарлиндю. Бѣдный отецъ потерялъ уже всю надежду. Въ то время воротился на берега Рейна Рутгельмъ, молодой, храбрый рыцарь: онъ ходилъ въ землю венгерскую сражаться противъ невѣрныхъ. Замокъ его былъ въ двухъ часахъ ѣзды. Узнавъ, какое несчастіе постигло сосѣда его Сибо, рѣшился онъ, во что бы то ни стало, освободить бѣдную Гарлиндю. Онъ объявлялъ несчастному отцу о своемъ namѣреніи. Сибо отвѣчалъ ему: «Богатства у меня много, и кромѣ Гарлинды нѣтъ дѣтей. Если освободишь ее, она твоя.»—Рутгельмъ пошелъ къ подошвѣ Кедриха, чтобъ узнать, какъ можно бѣ было взобраться на вершину, но вскорѣ отчаялся въ своемъ предпріи-

тин: гора шла вверхъ круто, наподобіе стѣны. Онъ остановился въ размысленіи и тоскѣ, и простоялъ такъ до сумерекъ; хотѣлъ уже воротиться въ свой замокъ; вдругъ явился сѣдой старичекъ, и заговорилъ съ нимъ: «И ты, храбрый витязь, слыхалъ о прекрасной Гардинѣ, которая живетъ на вершинѣ горы: она моя питомица. Если хочешь жениться на ней, сведи ее сверху.» — «Сдержишь ли слово?» сказалъ Рутгельмъ, подавая ему руку. — «Я предъ тобою карла, отвѣчалъ старикъ, но слово мое великанъ. Она твоя, когда уснѣешь взобраться на верхъ. Но награда стоитъ труда: во всемъ Рейнгау не найдешь ей подобной красотою, умомъ и добронравіемъ.» Сказавъ эти слова, старикъ скрылся въ кустарникъ. Рутгельмъ посмотрѣлъ на гору, и промолвилъ про себя: «если бъ у меня были крылья, чтобъ взлетѣть наверхъ....» — «Можно и безъ крыльевъ!» проговорилъ позади его какой-то голосъ. Онъ оглянулся, и увидѣлъ ласковую старушку; она подошла и потрепала его по плечу. — «Я слышала, продолжала она, бесѣду твою съ моимъ братомъ. Отецъ Гардинды разсердился его, но уже четыре года страдаетъ за то, а бѣдная дочь несчастна въ винѣ отца. Она любезна, благочестива и сострадательна, и не откажетъ усталому страннику въ приютъ. Я полюбила ее, какъ родную, и охотно выдамъ за тебя, рыцарь храбрый и милосердный! Братъ мой далъ тебѣ слово, и оно ему свято. Возьми этотъ серебряной колокольчикъ, и сойди въ долину Влсперъ. Тамъ найдешь старый под-

земный рудникъ; у входа срались липа съ елью. Войди безъ страха, и позвони трижды. Въ этомъ рудникѣ живетъ меньшей братъ наугъ. Онъ выйдетъ на звонъ колокольчика. Попроси его построить лѣстницу на Кедрихъ, и тогда безъ труда взойдешь на вершину.» — Рутгельмъ послушался старушки, и поспѣшилъ въ долину. На третій день вышелъ изъ рудника съдой старичекъ съ фоваремъ въ рукѣ, и спросилъ, чего онъ желаетъ. Рыцарь объявилъ свою просьбу. Старикъ совѣтовалъ ему успокоиться, и на другой день на разсвѣтѣ явиться у подошвы Кедриха. Въ это же время вынулъ онъ изъ кармана свистокъ и трижды свиснулъ. Вдругъ появилось въ долинѣ множество работниковъ съ топорами, пилами и молотками. Рыцарь, уходя изъ долины, слышалъ стукъ орудій и надающихъ деревъ. Сердце его обновилось надеждою и радостью. Лишь только на другой день пропѣли пѣтухи, онъ поспѣшилъ къ горѣ, и нашелъ, что лѣстница къ ней приставлена и укрѣплена. Сначала было ему страшно, но чѣмъ выше онъ всходилъ, тѣмъ болѣе ободрялся. Онъ благополучно достигъ вершины въ то самое время, какъ высокія горы засвѣтились утреннею зарею. Первое, что онъ увидѣлъ, была Гарлинда. Она лежала въ сладкомъ снѣ на мшистой скамѣ, окруженной дикими розами и душистыми травами. Рыцарь остановился; глаза его питались прелестями красавицы, какъ пчелы лѣсными пьютъ медъ съ цвѣтовъ ароматныхъ. Вдругъ она проснулась: онъ увидѣлъ небесную лазурь глазъ ея, сму-

тился, палъ предъ нею на колѣни, и объявилъ, что пришелъ за нею отъ милаго родителя. — Гарлинда не знала что съ нею дѣлается: покраснѣла, заплакала и потомъ улыбнулась сквозь слезы, какъ ясное солнце свѣтитъ при майскомъ дождѣ. — Въ это самое время появился старикъ, похитившій Гарлинду; за нимъ брела и добрая старушка, сестра его. — Увидѣвъ рыцаря, старикъ поморщился, но, примѣтивъ лѣстницу, догадался, какъ онъ зашелъ сюда и сказалъ со смѣхомъ: «Ты разжалобилъ старуху. Но слово законъ. Возьми Гарлинду и будь гостепріимнѣе ея отца.» — Рыцарь благополучно сошелъ съ Гарлиндою съ горы. При прощаньи старушка подарила ей ящичекъ съ драгоценными камнями въ приданое. Гарлинда благодарила слезами радости, и скоро въшла въ замокъ отца. Кто возьмется описать его радость? Онъ отдалъ приказъ, всякаго странника, который зайдетъ въ Лоррихъ, принимать ласково, и угощать цѣлую недѣлю. Рутгельмъ женился на Гарлиндѣ. Они жили долго и счастливо, и имѣли многихъ дѣтей. При рожденіи каждаго являлась въ замкѣ старушка, и приносила на зубокъ. — Лѣстница, построенная для Рутгельма, долго существовала. Жители окрестныхъ сторонъ думали, что она взгромождена духомъ нечистымъ, и потому прозвали ее *чортовою*.....

Скоро сказка сказывается, а дилижансъ идетъ еще скорѣе. — Рейнгъ поворачивается отъ востока къ западу, и отъ того правый берегъ его, виноградными лозами покрытый, питается лучами полуденнаго соли-

ца, а въ лѣвый, дикій и необработанный, ударяють порывы сѣверныхъ вѣтровъ. Горы за Лоррихофомъ понижаются, берега становятся ровнѣе. Вездѣ развалны замковъ. Въ трехъ часахъ отъ Бингена лежитъ городокъ Бахаракъ на самомъ берегу рѣки, прислонясь тыломъ къ крутой гранитной горѣ. Здѣшнее вино славилось въ средніе вѣки. Папа Эней Сильвій повелѣлъ ежегодно привозить въ Римъ возъ здѣшняго винограда, а Императоръ Венцель за четыре веза далъ свободу городу Нирибергу. — За Бахаракомъ появляется новый опасный водоворотъ. Рѣка сужается между мелями и утесами. По лѣвую сторону видите посреди рѣки построенную на отмени башню, называемую *Ифальцграфскимъ Камнемъ*, и издали похожую на корму военнаго корабля. Узкая лѣсенка ведетъ въ верхній ярусъ башни. Тамъ показываютъ комнату, въ которой супруги ифальцграфовъ встарину должны были разрѣшаться отъ бремени. Странный обычай! Вообще Германія есть отечество странностей, получившихъ начало въ средніе вѣки. — Внизу, подъ сводами башни и надъ водою рѣки, были встарину государственныя темницы.

На правомъ берегу лежитъ мѣстечко Каубъ. Въ Тридцатилѣтнюю Войну была здѣсь главная квартира Густава Адольфа. Еще видна башня, построенная на навислой надъ водою скалѣ, изъ которой онъ наблюдалъ движеніе Испанцевъ, занимавшихъ противоположный берегъ. Въ 1814 году 1-го Января въ этомъ

иѣсть перешла чрезъ Рейнъ побѣдоносная Силезская
Армія освободителей Европы. Вижу переправу храб-
рыхъ сыновъ сѣвера; слышу звуки оружія, клики
радости, раздающіеся на обонхъ берегахъ. И вотъ
внемлю стройному гласу поэта-воина, предающаго
безсмертію великую минуту:

..... Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободою и съ громами
Степакъ съ дорой конрытыхъ льдаши.
Отъ струй полуданскихъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ водъ Улея и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ прадашащаго Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урада!...
Мы здѣсь, о Рейнъ, здѣсь! ты видишь блескъ моей,
Ты слышишь шумъ волновъ, и новыхъ новей ржанье,
Ура побѣды и званья
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ бакатырей.
Взвизывая къ небу дракъ летуний,
По трупамъ вражескимъ летать
И вотъ — коней лихихъ шептъ,
Кругомъ застава доль зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и оней!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сияетъ ваконами,
И ружья длинными рядами,
И стлги древніе, среди коней и коней.
Тамъ племъ воевъ ошеренны.
Тяжелой конницы спрди,
И легкихъ всадниковъ ронъ —
Въ текучей влагѣ отраженны!
Тамъ слышенъ ступъ сыбирь, и палъ угрюмый лѣсъ
Мостры надъ Банномъ дымится и дымитъ!

И чаши радости сверкаютъ!
И клики воинновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ;
Тамъ точить пѣшій штыкъ стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копыя,
Задумчивъ в одинъ, на берегъ высокомъ
Стоять, и жаднымъ ловить окомъ
Рѣки излучистой послѣднѣе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣсть —
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ.....

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средъ гибельныхъ троеесть,
И Богу сильныхъ Макиавеевъ
Колѣнопреклоненъ служителъ алтарей:
Его, шума, присѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ;
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіаньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы,
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирныя кадильцы!

Верстахъ двухъ отъ Кауба, за мѣстечкомъ Обер-
везелемъ, берега Рейна стѣсняются высокимъ горами

наподобіе того, какъ при его истоки. По обвѣиъ сторонамъ поднимаются утесистыя, гранитныя скалы. Здѣсь встарину обиталъ благочестивый пустыжникъ, святой Гоаръ, и поучалъ истинамъ Христіанства простодушныхъ рыбаей. Всего страшнѣе на правомъ берегу навислая надъ рѣкою громада утесовъ, называемыхъ *Дурлей*. Здѣсь путешественники забавляются эхомъ, которое пять разъ повторяетъ произнесенное слово. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ выстрѣлилъ изъ пистолета: звукъ его троекратно раздался въ пустынь, и долго еще рокоталъ въ ущелинахъ. Вотъ здѣсь можно сказать съ поэтомъ:

Мечемъ ударилъ въ щитъ — громъ грянулъ межъ горами.

Около часу плыли мы въ сей дикой странѣ; прошли благополучно чрезъ опасный водоворотъ, который, какъ говоритъ преданіе, имѣетъ подземное сообщеніе съ бингенскимъ.... Вдругъ, будто дѣйствіемъ волшебства, вся страна получила другой видъ; изъ срединны горъ вышли мы на открытое мѣсто: пологіе берега устилались бархатною зеленью и вѣнчались садами виноградными. Вдоль по лѣвому берегу лежитъ городъ Санктъ-Гоаръ, а за нимъ, на крутой горѣ, развалины замка Рейнфельса. Въ древности былъ здѣсь монастырь. Одинъ браннолюбивый графъ превратилъ мирныя кельи въ крѣпость, и принуждалъ проходившіе мимо корабли къ платѣ большой пошлины. Шестьдесятъ прирейнскихъ городовъ заключили между собою союзъ и 15 мѣсяцовъ тщетно осаждали

Рейнфельс. Потомъ соединились они съ другими городами, и такимъ образомъ составился знаменитый первый Рейнский Союзъ, истребившій большую часть разбойничьихъ замковъ на берегахъ Рейна. Въ семнадцатомъ вѣкѣ храбрый гессенскій полковникъ Герцъ защищалъ эту крѣпость отъ французскаго полководца Талларда; который наконецъ, видя безуспѣшность всѣхъ своихъ усилий, снялъ свой лагерь и удался. Въ революционную войну Рейнфельсъ сдался Французамъ по первому требованію. Они разрушили его укрѣпленія. Теперь стоитъ на берегу Рейна голые, пустыя стѣны, напоминанція странникамъ о храбрости вѣковъ варварства, и о варварствѣ вѣковъ просвѣщенныхъ.

Боюсь утопить терпѣніе ваше, но стану исчислять прелестныхъ ладшафтовъ, которые идутъ по обоимъ берегамъ Рейна непрерывною цѣнью. Путешественникъ часто впадаетъ въ погрѣшность старыхъ людей, которые безъ умолку твердятъ внукамъ своимъ о дряхлости своей юности, объ удовольствіяхъ, которыми наслаждались встарину, и сердятся, когда внуки засыпаютъ отъ ихъ разсказовъ: добрые старики не думаютъ о томъ, что прелесть воспоминанія, украшающая въ глазахъ ихъ протекшія удовольствія, для слушателей не существуетъ. То же можетъ случиться и со мною: говоря о странствіи по Рейну, вижу я въ умѣ своемъ очаровательную картину, которая въ воспоминаніи еще пріятнѣе существенности, а замѣ представляется только на бѣлой бумагѣ ради первыхъ

строчекъ, которыхъ единообразіе кое-гдѣ измѣняется знакомъ восклицанія! — Между тѣмъ, какъ я философствую съ вами, протѣхали мы довольно большое пространство по Рейну, который въ этихъ мѣстахъ имѣетъ самыя крутыя изгибы во все стороны, такъ, что иногда кажется, будто обращаешься назадъ. Мы видѣли на лѣвомъ берегу мѣстечко Боппартъ съ высокими готическими башнями, построенное на одномъ изъ пятидесяти римскихъ укрѣпленныхъ лагерей, союзенныхъ Друзомъ Германикомъ.

За крѣпостью Св. Марка, принадлежащею Герцогу Насовскому, горы отступаютъ отъ рѣки, и прекраснѣйшая равнина простирается вдоль по Рейну до самаго Оберъ-Ланштейна. На лѣвомъ берегу лежитъ бывший кельнскій городокъ Рензе съ отсѣченною башнею. Въ четырехъ стахъ шагахъ отъ него, близъ самаго берега, видны остатки древняго почтеннаго королевскаго сѣдалища (Königstuhl). Здѣсь собирались рейнскіе курфюрсты для совѣщанія о дѣлахъ отечества; здѣсь опредѣлено было установить вѣчный земскій миръ въ Германіи; здѣсь многіе императоры избраны, нѣкоторые отрѣшены. Сѣдалище это было построено въ видѣ осьминугольника, безъ всякихъ украшеній; оно поддерживалось восемью столпами по краямъ, и однимъ въ срединѣ. Съ полуденной стороны былъ востокъ. На верху было семь каменныхъ сѣдалищъ семи курфюрстовъ. Древняя архитектура, тусклые цвѣта гербовъ, крошившихся отъ времени, придавали этому зданію видъ величественный и мно-

гозначительный. Оно построено было въ этомъ мѣстѣ по той причинѣ, что здѣсь сходились владѣнія четверыхъ Рейнскихъ Курфюрстовъ: Майнцаго, Трирскаго, Пфальцскаго и Кельнскаго, которые могли въ короткое время прибыть на мѣсто собранія. Городу Рензе дарованы были многія преимущества; за то онъ обязанъ былъ наблюдать за сохраненіемъ въ цѣлости королевскаго сѣдалища. Во время революціонной войны разрушено оно бѣшенствующими Французами, вѣроятно потому, что называлось королевскимъ. — Напротивъ этого мѣста, на другомъ берегу, находится небольшая часовня, въ которой Императоръ Вещель, въ 1400 году, лишенъ былъ знаковъ своего достоинства, по отрѣшеніи его въ собраніи курфюрстовъ на королевскомъ сѣдалищѣ.

Приближаемся къ устью Ланы, медленно текущей въ Рейнъ изъ за разступившихся гранитныхъ горъ. На мысъ, образуемъ устьемъ этой рѣки; видво мѣстечко Нидеръ-Ланштейнъ; выше его на уступѣ горы оставленная колья пустытника; еще выше мрачныя, унылыя развалины замка Ланека. Показывается Кобленцъ. Мы наслаждались прекрасными видами на всемъ этомъ путешествіи, но послѣдняя картина была самая прелестная: она увѣчала рядъ незабвенныхъ ландшафтовъ. По лѣвую сторону рѣки прекрасный городъ Кобленцъ съ великолѣпнымъ замкомъ; на правомъ берегу высокая остроконечная гора, на вершинѣ которой видны величественныя развалины крепости Эренбрейтштейна; у подошвы ея городокъ Thal

Ehrenbreitstein, т. е. Подоль. Прямо на краю горизонта чертяются отдаленныя Семь Горъ, das Siebengebürge. Мы не увидимъ ихъ на этотъ разъ вблизи, ибо должны выйти на берегъ въ Кобленцъ, но я сообщу вамъ о нихъ древнее преданіе, по словамъ нашего боцмана: «Самая высокая изъ этихъ горъ называется *драконовою*. Въ древнія времена, когда страны эти погружены еще были въ мракъ идолопоклонства, обиталъ въ одной изъ пещеръ ея страшный драконъ. Жители окрестныхъ странъ воздавали ему божескую честь и приносили въ жертву людей. Обыкновенно осуждали на это военнопленныхъ. Въ числѣ ихъ была однажды прекрасная дѣвица знатной породы и Христіанка. Два военачальника спорили въ обладаніи ею. Старѣйшины рѣшили споръ ихъ, повелѣвъ повергнуть ее на съдѣвіе дракону, чтобъ прекратить раздоръ и несогласіе. — Дѣва, въ бѣломъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, взведена была на гору, и привязана къ дереву близъ пещеры, въ которой обитало чудовище. Въ отдаленіи собрался народъ, ожидая ужаснаго зрѣлища, но почти всѣ жалѣли о прелестной страдальцѣ. Дѣва стояла спокойно, и съ благочестивою твердостью смотрѣла на небо. Солнце появилось изъ за горъ, и первыми лучами освѣтило входъ въ пещеру. Вскорѣ показалось крылатое чудовище, и исплывшало къ тому мѣсту, гдѣ обыкло находить добычу. Дѣва не испугалась, вынула изъ за пазухи крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя, и отрядила себя его силою. Драконъ затрепеталъ, и съ

ужаснымъ дивитіемъ и ревомъ низвергся съ горы въ пропасть. — Народъ, изумленный чудомъ, приблизился къ дѣвѣ, расторгъ узы ея, и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на малый крестъ. Дѣва рассказала его значеніе. Всѣ пали нацѣ, просили ея возвратиться во свояси, и прислать имъ священника, да введетъ ихъ и посвятитъ въ таинства спасительной Вѣры. Желаніе ихъ исполнилось: Христіанство водворилось въ странахъ этихъ, и на мѣстѣ жертвоприношеній дракону воздвиглась часовня.»

Конецъ благополучнаго бѣгу:
Спускайте, други, наруса!

Въ семь часовъ привалили мы къ берегу въ Кобленцѣ, и тотчасъ же переправились на правый берегъ въ Эренбрейтштейнъ. Дамы, спутницы наши, благодарили насъ за услужливость, а мы ихъ за пріятную бесѣду, которая усугубила наслажденіе прелестными видами. Старушка объявила намъ, что она супруга гапаускаго тайнаго совѣтника фонъ С. и просила посѣтить ее, когда намъ случится быть въ Эренбрейтштейнѣ. «А ваше имя?» спросилъ я у Маріи, вынувъ изъ кармана записную книжку. — «Марія!» отвѣчала она. — «Фамилія?» — «Растъ, но на что вамъ это?» спросила она испугавшись. — «Я сочинитель, и намѣренъ описать ваше путешествіе.» — «Помилуйте! вы въ состояніи меня написать!»

Ради Бога!!...» — «Не бойтесь, сударыня! Я вижу варварскимъ языкомъ холодныхъ сыновъ Сѣвера, котораго длинѣ звуки не коснутся ушей *трансцендентальными* вашихъ соотечественниковъ. Путешествіе мое лишилось бы всей поэзіи своей, если бѣ мнѣ надлежало умолчать о нашемъ обществѣ. Позвольте мнѣ украсить вашия именемъ мое описаніе.» — «Порусси, сколько угодно!» отвѣчала она, запинаясь и краснѣя... Мы дошли до того дома, въ которомъ смутницы наши намѣрены были остановиться, простились съ ними, а сами отпрѣвились въ трактиръ *Блэзо Кома*, чтобъ выпить чаю, и оттуда сканать въ Эмсъ, лежащій отъ Эрврейтштейна въ двухъ миляхъ. — Между тѣмъ смерклося; набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, засверкала молнія, но мы не хотѣли оставаться здѣсь на ночь. Раздался звукъ почтоваго рожка; мы сѣли въ старинную коляску и помчались — шагомъ. Ночь была самая темная. Къ счастью, молнія освѣщала дорогу; иначе намъ надлежало бы остановиться. Должно было безпрестанно подниматься на холмы и спускаться. Признаюсь, что это путешествіе не слишкомъ было пріятно. Хорошо, что я не зналъ въ точности тамошняго мѣстоположенія: мы могли на каждомъ шагу сломить себѣ шею, и вылечиться радикально отъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ болѣзней, не дождавъ еще до дѣлительныхъ водъ. Часа чрезъ три увидѣли мы свѣтящійся подъ горою огонекъ. «Слава Богу! Вотъ деревня Эмсъ!» сказалъ Борнъ, которому извѣстна была вся опасность этой дороги. Мы бе-

режю спустились съ крутой горы, проѣхали чрезъ деревеньку, и вдругъ по оттолоску сводовъ догадались, что въѣхали въ каменные ворота. Коляска остановилась. Мы вышли съ радостнымъ вздохомъ, и очутились въ предлинномъ широкомъ корридорѣ, построенномъ сводами и освѣщаемомъ тусклою лампадою. Явился слуга, и объявилъ намъ, что всѣ номера заняты. «Неужели ночевать намъ на дворѣ?» спросилъ я съ сердцемъ. Но Боризъ, привыкшій уже къ нѣмецкому *nichtbesitzlich*, сталъ допытываться, точно ли всѣ квартиры заняты; наконецъ, послѣ многихъ авет и doch, выведалъ, что есть еще одна лакейская каморка, и мы повелись подъ чердакъ. Незавидная квартира показалась намъ, усталымъ рыцарямъ, самую великолѣпную, и мы вскорѣ очутились въ области сновидѣній.... Полно писать! Бѣтъ шесть часовъ; должно идти въ ванну.

ХІІІ.

Змезъ, 27 Августа 1847.

Не удивляйтесь долгому моему молчанію, почтеннѣйшій Александръ Ефимовичъ! Варвары—Эскулапы на три недѣли лишили меня языка, т. е. во все это время не позволяли взять пера, чтобъ побесѣдовать

съ друзьями. Не только писать, но и читать мнѣ было запрещено. Я вздумалъ было не послушаться: засѣлъ за журналъ моего путешествія, и не вставая съ мѣста, написалъ четыре страницы, но на первой строкѣ пятой перо выпало у меня изъ рукъ. Ужаснѣйшіе спазмы въ груди, дотолѣ мнѣ неизвѣстные, наказали меня за это непослушаніе. Я бросилъ перья и книги, началъ гулять, *пить* — воду эмсскую, и чрезъ два дня все прошло. Вчера купался я въ послѣдній разъ. Сегодня кончилось мое леченіе, и я уже за письменнымъ столомъ. Вы, помнится, сказали:

Какъ *пльнство*, такъ и страсть стихи писать бѣда!

Прибавьте: *и прозу!* — Но я, перенесши мысль къ вамъ, забылъ, что дышу воздухомъ *новѣйшей философіи*, что обитаю покуда въ странѣ рожденія *всѣхъ возможныхъ смотемъ*: полно писать что взбрѣдетъ на умъ. Должно сообщить вамъ полную, подробную и систематическую реляцію моего мѣстопребыванія и леченія въ Эмсъ.

Мѣстоположеніе цѣлительнаго источника эмскаго самое дикое, романтическое. Унылая Лана медленно влачить струи свои между высокихъ горъ, коихъ сторона, обращенная къ полудню, покрыта виноградомъ, а другая лѣсомъ и кустарниками. Здѣшній цѣлебный источникъ извѣстенъ былъ уже древнимъ Римлянамъ подъ именемъ Амбазиса. Въ разныхъ мѣстахъ подлѣ него находятъ въ землѣ римскія монеты, и недавно еще открыли рядъ древнихъ гробницъ. Онъ выходитъ

на поверхность земли въ разныхъ пунктахъ на пространствѣ сажень ста. Одинъ изъ ключей его бьетъ вверхъ въ самой Ланѣ; мѣсто можно узнать по выходящему изъ воды пару: въ ней купаютъ большихъ лошадей. Вода эмская отличается изобиліемъ щелочной соли и угольной кислоты, и потому весьма полезна въ болѣзняхъ грудныхъ и раздражительности нервъ, а для женскаго пола въ привадкахъ, слѣдующихъ за трудными родами. Говорятъ также, что она способствуетъ плодородію женщинъ: одинъ изъ ключей ея по этому именно называется *Vabenquelle* (ключъ мальчиковъ): многія бездѣтныя матери, пользовавшіяся имъ, въ послѣдствіи награждены были счастіемъ имѣть наследниковъ.

Эмсь не городъ, не городокъ, не деревня, а такъ просто — Эмсь. Надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ключи выходятъ на поверхность земли, построены большой каменный, четырехъ-ярусный, нерегулярный домъ, состоящій изъ двухъ главныхъ корпусовъ, соединенныхъ между собою коридорами. Въ нижнемъ ярусѣ находятся залы для питья воды и купальни. Воду пьютъ изъ двухъ главныхъ ключей: *Kesselbrunnen* и *Kränchen*. Первый изъ нихъ проведенъ въ большую общую залу, или, лучше сказать, галерею нижняго яруса, коей потолокъ, построенный сводомъ, поддерживается столпами. — Тамъ, за балюстрадою, стоитъ опрятно одѣтая старушка (*Trinkfrau*), и въ чистыхъ стаканахъ подаетъ воду, которую черпаетъ въ самоѣ источникѣ. Пользующіеся ходятъ по залѣ,

которая по стѣнамъ устлана подвижными лавками книгъ, модныхъ товаровъ, галантерейныхъ вещей ит. п. Другой ключъ не такъ важенъ, но достоинъ примѣчанія, потому что въ него нацѣживаютъ въ годъ до пятидесяти тысячъ кувшиновъ, которые рассылаются по всему свѣту. — Остальная часть нижняго яруса занята купальнями. Онѣ разгорожены каменными стѣнами въ полторы сажени вышины, и заключаютъ въ себѣ ванны; въ которыя должно спускаться по ступенямъ. Второй, третій и четвертый ярусы занимаются комнатами, въ которыхъ живутъ искатели здоровья. Эти комнаты сообщаются между собою посредствомъ длинныхъ корридоровъ — какъ въ домѣ для сумасшедшихъ. Въ среднемъ ярусѣ находится преобладающая зала, въ которой почти всѣ, пользующіеся водами, обѣдаютъ за общимъ столомъ. Она имѣетъ сообщеніе съ большими круглыми балконами. Предъ домомъ разведенъ, по берегу Даны, небольшой садъ, имѣющій нѣсколько прекраснѣйшихъ каштановыхъ деревьевъ. Въ концѣ сада, подлѣ самаго берега рѣчки, построена бесѣдка въ два яруса: въ ней находится просторная зала, по которой больные прохаживаются въ дурную погоду, пьютъ чай, завтракаютъ. Въ двухъ примыкающихъ къ ней комнатахъ биліардъ и рулетка. — Большой домъ заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ сотъ квартиръ; не считая на то, въ немъ съ трудомъ можно найти мѣсто: мы поселились въ мансардѣ подъ чердакомъ, въ двухъ стаяхъ ступеняхъ надъ землею. По обѣимъ сторонамъ главнаго зданія построено

еще нѣсколько двухэтажныхъ домовъ, въ которыхъ прѣзжіе помѣщаются въ случаѣ нужды. Для большихъ было бы мѣста довольно; къ сожалѣнію, многіа праздныя особы, *для перемѣны мѣста*, ѣздятъ по всѣмъ нѣдлельнымъ водамъ, прихлебываютъ ихъ отъ скуки, морщатся недѣли двѣ, и спѣшатъ далѣе; между тѣмъ вездѣ и на все лѣто нанимаютъ комнаты. Такъ, напримеръ, *замѣтная* Королева Испанская, супруга Юсефа Бонапарте, подлѣ шенель Графини де Сюрвиліе, занимаетъ здѣсь комнату десять.

Здѣсь два медика. Я познакомился съ старшимъ изъ нихъ, нассавскимъ тайнымъ совѣтникомъ Дилемъ. Онъ человекъ весьма искусный и добрый. Въ ученомъ свѣтѣ извѣстенъ онъ сочиненіемъ своимъ *о яловыхъ деревьяхъ Германіи*. Мнѣ приказано кунаться въ день по двадцати минутъ, и пить по девяти стакановъ воды: поутру пять съ молокомъ, послѣ обѣда четыре съ сахаромъ. Здѣшняя вода имѣетъ до 30 градусовъ теплоты по Реомюру. Вкусомъ она довольно пріятна, особенно съ сахаромъ. Достоинно примѣчанія, что она не *сытитъ*, какъ другая вода: можно пить безъ всякаго принужденія по большому стакану чрезъ каждыя четверть часа. Кунаться въ сей водѣ весьма пріятно. Теплота ея сообщается в атмосферу въ купальнѣ, и потому, выходя изъ ванны, не чувствуешь обыкновеннаго озноба. Лечение мое, какъ я уже сказалъ, кончилось. Что-то будетъ впередъ, а теперь еще не чувствую я отъ него ни какого облегченія; но мнѣ говорить, что дѣйствія сей воды ока-

зываются въ послѣдствіи, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Стану надѣяться *)....

Что сказать вамъ о нашемъ образѣ жизни? Мы встаемъ въ шестомъ часу, купаемся, отдыхаемъ, ѣдемъ воду, прогуливаемся до обѣда, который, какъ и во всѣхъ здѣшнихъ странахъ, бываетъ въ часъ по полудни. Послѣ обѣда опять ѣдемъ воду, опять прогуливаемся, играемъ въ домино, катаемся по Ланѣ, скучаемъ, ужинаемъ и засыпаемъ. Русскихъ здѣсь немного: Графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ съ сыномъ своимъ, и молодой П. Н. Графъ Зубовъ. Прочіе всѣ Нѣмцы, Швейцары и Голландцы. Если, какъ говорятъ, теплицы въ Германіи суть самыя веселыя мѣста, то въ прочихъ конечно должно умереть со скуки. Всѣ здѣсь живутъ про себя; видятъ другъ друга всякую минуту по необходимости, но не чувствуютъ, по видимому, ни какого влеченія къ общезитію и дружелюбію. Нѣмцы имѣютъ многія похвальныя качества: честность, вѣрность, трудолюбіе, постоянство, терпѣніе; но — воля ихъ! — жить съ ними очень скучно! Мы, родившіеся на *хладныхъ* равнинахъ Сѣвера, никакъ не можемъ привыкнуть къ *ихъ* хладнокровію и вялости. Пламенный *Сынъ Отечества* нѣсколько разъ выходилъ изъ терпѣнія и начиналъ жестоко бранить-

*) Надежда не обманула меня. Благословляю Провидѣніе; доставившее мнѣ возможность пользоваться эмскими водами: онѣ совершенно возвратили мнѣ здоровье.
Лездн. прим.

ся: къ счастью, Борнъ, котораго такая же пылая душа угѣряетъ пламень свой благоразуміемъ дипломатическимъ, его удерживалъ. Великій ихъ соотечественникъ Шиллеръ не даромъ написалъ:

*Seltames Land! Hier haben die Flüsse Geschmack und
die Quellen,
Bei den Bewohnern allein hab' ich noch keinen ver-
spürt.*

Мы хотѣли искать утѣшенія въ обществѣ прекраснаго пола. Тщетно! Здѣшнія дамы покрыты мѣдною броней степенности и церемоній. Ja и Nein, ich bedanke mich, и Sie werden erlauben — вотъ все, что мы могли отъ нихъ слышать за столомъ. Другія говорятъ больше, вниы и гораздо больше, но такъ, что желалось бы слышать отъ нихъ не болѣе, какъ ja и nein. Сожалѣю, что я не живописецъ: здѣсь могъ бы я найти множество презабавныхъ оригиналовъ. Въ числѣ знатныхъ особъ, здѣсь находящихся, можно бы было найти исключенія; но — пріятное, дружелюбное обхожденіе непременно требуетъ одного условія — равенства! Къ сожалѣнію моему, не случилось въ Эмсѣ ни одного изъ литераторовъ или ученыхъ нѣмецкихъ, которые, платя дань національному характеру, замѣняютъ его недостатки другими почтенными и пріятными качествами. — Черезъ три дни по пріѣздѣ въ Эмсѣ почувствовалъ я томленіе ужаснѣйшей скуки: мнѣ казалось, что я самдругъ съ Б. хожу по лѣсу, котораго деревья дышать, ходять, танцуютъ, пьютъ

воду и купаются. Три недѣли, которые надлежало мнѣ здѣсь провести, являлись воображенію моему въ самой *пустой* перспективѣ. Только бесѣда съ Борномъ меня утѣшала. Сидя за столомъ съ двумястами пятидесятью человѣками, совершенно намъ чуждыми, мы переносились мыслію и разговорами въ любезный Петербургъ: тамъ, какъ говорятъ иностранцы, девять мѣсяцевъ господствуетъ зима, а три мѣсяца дурная погода; но, дружба, любовь, веселье согрѣваютъ насъ въ зимній холодъ, а лѣтомъ мы болѣе наслаждаемся, какъ благомъ скоропреходящимъ. Любезный русскій языкъ, загадка донныя непроницаемая для прочей Европы, скрывала отъ застольныхъ сосѣдей предметъ нашей бесѣды: они удивлялись только живости и быстротѣ нашихъ разговоровъ, и вдавались въ глубокомысленныя пренія, какими образомъ, подлѣ шестидесятигъ градусомъ сѣверной широты, на тонкихъ равнинахъ, обреченныхъ въ удѣлъ вѣчной осени, могутъ родиться люди — съ такими нѣжными воображеніемъ. — Вы не повѣрите этому удивленію, любезнѣйшій Александръ Ефимовичъ? Прѣзжайте сюда, и всему повѣрите. Не разъ случалось мнѣ видѣть, что два Нѣмца сидятъ по нѣскольکو часовъ въ трактирѣ за полубутылкою вина *), не говоря ни слова: развѣ что чрезъ полчаса одинъ изъ нихъ,

*) Въ Сѣверной Германіи за бутылкою пива. Вся Германія раздѣляется на двѣ части: *винную* и *пивную* — Weinland и Bierland.

выливъ рюмку, скажетъ: ja, ja! А другой-примолвить:
so geht es in der Welt!

XIV.

Бергъ, 8 Сентября 1817.

Вы удивитесь, почтеннѣйшій Александръ Ефимо-
вичъ, получивъ отъ меня письмо изъ среды Швей-
царіи, когда ожидаете извѣстій, по крайней мѣрѣ, изъ
Берлина. Но такова судьба чедовѣка, особенно путе-
шественника! Плывешь прямо: подуетъ вѣтерокъ, и
завесетъ тебя не вѣсь куда! Въ послѣднемъ письмѣ
моемъ извѣщалъ я васъ, что собираюсь ѣхать на ро-
дину, что отправилъ уже книги и прочій хламъ въ
Любекъ, для провоза въ Петербургъ водою, а самъ
скоро сяду въ почтовую коляску. Лишь только отпра-
вилъ я письмо мое на почту, Бергъ вбѣжалъ въ мою
комнату, запыхавшись отъ поспѣшности и съ радости.
— «Вообрази себѣ мое счастье!» вскричалъ онъ:
«Баронъ Анштетъ *) посылаетъ меня курьеромъ въ
Штутгартъ и въ Бергъ. Ёду послѣ завтра, и чрезъ
двѣ недѣли долженъ воротиться. Поѣзжай со мною,
пожертвай еще двумя недѣлями, и ты увидишь Швей-
царію!» — Я подумалъ — и рѣшился. Въ прошедшій
понедѣльникъ, 3 (15) Сентября, выѣхали мы вдвоемъ

*) Россійскій Посланникъ при Германскомъ Сеймѣ.

изъ Франкфурта на Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Штутгарть.

Въ семь часовъ вечера прѣехали мы въ Дармштадтъ, столицу Герцога Гессенъ-Дармштадтскаго. Этотъ городъ лежитъ въ 14 верстахъ отъ Франкфурта, и я нерѣдко, отобѣдавъ подъ свѣжо именитаго магистрата и свѣтлѣйшаго законодательнаго сословія сего вольнаго имперскаго города, ѣзжалъ въ дармштадтскій театръ, который считается въ числѣ лучшихъ въ Германіи. Великій Герцогъ, и въ старости своей, которая нерѣдко ослабляетъ въ людяхъ чувство изящнаго, страстно любитъ драматическое искусство, особенно оперу, и не щадитъ ничего для ея успѣховъ. Нынѣшняя примадонна, знаменитая пѣвица и красавица Ашенбреннеръ, за которую перестрѣлялось въ Гамбургѣ нѣсколько офицеровъ разныхъ войскъ, привлекаетъ въ Дармштадтъ многихъ посѣтителей. Театръ не великъ и не красивъ: теперь строятъ новый, который не уступитъ ни вѣнскимъ, ни берлинскимъ. — Перемѣнивъ лошадей, мы пустились далѣе и скоро въѣхали въ предѣлы Великаго Герцогства Баденскаго. Поставленные въ разныхъ мѣстахъ дороги высокіе кресты, съ изображеніемъ распятія Спасителя, возвѣстили намъ, что мы находимся въ странѣ, обитаемой католиками.

Мало по малу смерилось. Дорого бѣ я далѣе, чтобъ намъ возможно было проѣхать по этимъ мѣстамъ среди дня: здѣсь пролегаетъ Bergstrasse (Горная Дорога), славящаяся своими видами, которые не усту-

пацѣ и рейнскимъ. Преместный своимъ мѣстоположеніемъ и развалинами Гейдельбергъ извѣстенъ мнѣ только по слуху: мы пріѣхали туда ночью, и по стуку колесъ на дурной мостовой, по отголоску, раздававшемуся на улицахъ, и по кликамъ ночныхъ стражей, могли догадаться, что находимся въ городѣ. Искра теплились свѣчки въ верхнихъ ярусахъ: какойнибудь трудолюбивый профессоръ, отнимая у сна своего нѣсколько часовъ, пронааетъ рецензію для Гейдельбергскихъ Ученыхъ Вѣдомостей! — Поутру повѣхали мы ярезъ Брухсаль, и векоръ перебрались въ Виртембергскія владѣнія. Трудно найти землю столь благоустроенную, столь хорошо и исправно завѣдываемую, какъ Королевство Виртембергское! На покойнаго Короля жаловались нѣкоторые изъ его подданныхъ, называя его крутымъ, жестокимъ; но онъ любитъ порядокъ и правосудіе: мгновенныя неудовольствія забыты, добрыя дѣла остались навсегда. При вѣздѣ въ каждое мѣстечко, въ каждую деревню, видите на небольшомъ столбѣ четверугольную доску, на которой написано имя этого мѣста и къ какому уѣзду оно принадлежитъ. Города и селенія опрятны. Почтовые дворы чисты и просторны. По стѣнамъ прибиты узаконенія, строго исполняемыя. Чиновники исправны и учтивы. Намъ принимали отиѣнно ласково и съ удовольствіемъ, видя изъ подорожной, что Боркъ ѣдетъ курьеромъ къ Королю. Приближается къ Штутгарту. Отрывается длинная аллея высокихъ и густыхъ яблонъ и грушъ. Какая картина для глазъ,

окрестности на берегах и рѣбинъ! Въѣхавъ въ городъ, петянулись мы по главной улицѣ, Королевской, къ трактиру Римскаго Императора. По лѣвую сторону вскорѣ представилось намъ длинное, великолѣпное зданіе, надъ фронтономъ коего изображена большими золотыми буквами надпись: *Königlicher Marstall* (королевская конюшня). Потомъ, на той же сторонѣ улицы, показался дворецъ королевскій, зданіе огромное и красивое; за нимъ лежитъ великолѣпный садъ (*Anlage*), изъ котораго идетъ предлинная прямая аллея въ городокъ Каннштадтъ. Зданія штутгартскія, кромѣ дворца и его принадлежностей, вообще не красивы. Городъ лежитъ въ ложницѣ, окруженной невысокими горами, покрытыми виноградникомъ. Отъ сего положенія воздухъ въ немъ сыръ, туманенъ и нездоровъ.

Остановившись въ трактирѣ, мы отдохнули, одѣлись въ мундиры, и, нанявъ городскую коляску, отправились къ нашему посланнику Графу Юрію Александровичу Головкину. Онъ принялъ насъ по-русски, то есть, какъ нельзя лучше. Борна отправилъ съ депешами къ Королевѣ, пребывавшей тогда въ загородномъ замкѣ Бельвию, а меня оставилъ у себя обѣдать. Общество у него было самое пріятное: министры англійскій, нидерландскій и саксонскій. Меня заставили говорить о Россіи, о Франціи, которую я недавно оставилъ и пр. Лишь только встали изъ за стола, я ушелъ потихоньку, чтобъ отыскать стариннаго друга, товарища и предмѣстника моего, Ивана

Мартыновича Борна *). Не имѣя проводника, бродилъ я по всему городу, обходилъ весь дворецъ, обѣгалъ садъ, но не нашелъ его. Уже смерклося, и я въ досадѣ побрелъ въ трактиръ, горюя, что его не увижу. При самомъ входѣ въ комнату, слышу его знакомый голосъ — усталость, досада, все забыто! Узнавъ, что пріѣхалъ русскій курьеръ, онъ самъ пришелъ въ гостиницу, и, вмѣсто фельдъегера, нашелъ старыхъ, искреннихъ пріятелей! Мы провели вечеръ въ пріятныхъ разсказахъ и воспоминаніяхъ о Россіи, которыя раздѣлялъ съ нами почтенный духовникъ Королевы, Василій Аванасъевичъ Аванасъевъ. За ужинкомъ подали сперва гофгеймскаго — въ честь Германіи, потомъ шампанскаго — въ честь Европы. «Друзья!» сказалъ Иванъ Мартыновичъ: «неужели мы разстанемся безъ утѣшителя стѣверныхъ сердець? Подайте пуншу!» Я до такой степени забылся въ этомъ кругу, что, увидѣвъ вошедшаго въ комнату нѣмецкаго вагеншмирера, спросилъ у него по-русски: готовы ли лошади? — Земляки мои расхохотались, а Нѣмецъ, понявъ по инстинкту мой вопросъ, напомнилъ намъ, что наступила минута разлуки **). Мы разстались, сѣли въ коляску; почтalionъ ударилъ по тощимъ клачамъ; Борнъ, вздыхая, произнесъ два раза имя своей

*) Однофамилецъ моего родственника, бывшій наставникомъ Принцевъ Ольденбургскихъ, авторъ хорошаго Руководства къ Русской Словесности (Спб. 1808).

**) «Для двоихъ изъ нашего тѣснаго круга она была вѣчною.» Это напечатано въ 1838 году, а теперь (1855) остался въ живыхъ одинъ я.

эсской владычицы — и мы уснули. Нѣмецкая мостовая разбудила насъ въ семь часовъ утра. «Гдѣ мы?» спросилъ я у почтмѣлова. «Въ Тюбингенѣ, сударь!» отвѣчалъ онъ. «Въ Тюбингенѣ:» повторилъ Борнъ, протирая глаза: «да это третья станція за Штутгартомъ.» Мы въ самомъ дѣлѣ, не просыпаясь, проѣхали двѣ станціи. Добрые станціонные смотрители насъ не будили, переменяли лошадей, брали прогоны и водочныя деньги изъ нашего кошелька, и отправляли далѣе. Повѣрите ли, что у насъ не взяли лишняго крейцера? Говорять, что не во всѣхъ земляхъ сонные могутъ ѣздить такъ безопасно! — Въ Тюбингенѣ, старинномъ, грязномъ и закоптѣломъ, мы едва имѣли время напиться кофе, сѣдла далѣе. Несносное курьерство! Чтѣ бы пожить денька два въ этомъ городѣ, познакомиться съ нѣкоторыми изъ профессоровъ Тюбингенскаго Университета, послушать нѣсколько лекцій, посмотреть знаменитую книжную лавку Котты, оставить у него нѣсколько талеровъ за хорошія книги! — За Тюбингеномъ открылась предъ нами прелестная долина, орошаемая Неккаромъ и Дунаемъ. Видъ несравненный! Мы предвкусили Швейцарію.

Виртембергское Королевство, которое мнѣ удалось проѣхать во всю его длину, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ землямъ Германіи. Перестѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ системами рѣкъ Дуная и Рейна, изобилуя всеми потребностями жизни человѣческой, оно населено добрымъ, трудолюбивымъ и воздержнымъ народомъ. Король и Королева обожаемы свои-

ни подданными. Въ прежнее правленіе Вуртембергцы жаловались на излишнюю строгость законовъ и постановленій касательно звѣриной ловаи, и на дорогое содержаніе въ королевскомъ звѣринцѣ множества рѣдкихъ звѣрей, до которыхъ покойный Король былъ великій охотникъ. Нынѣшній ихъ владѣтель, внезапно по вступленіи своемъ на престолъ, уничтожилъ всѣ отяготительныя постановленія о храненіи и загоиѣ дичи, и приказалъ продать всѣхъ обитателей звѣринца странствующимъ англичанъ, которые развозятъ ихъ теперь по Германіи, и кормятъ на счетъ любителей. Мѣра эта въ послѣдствіи для добраго, благороднаго его сердца была тѣмъ пріятнѣе, что въ нынѣшнемъ году господствовали въ этихъ странахъ дороговизна и голодъ: всѣ деньги, издерживавшіяся долговъ на прокормленіе бесполезныхъ животныхъ, отданы были бѣднымъ поселянамъ. Желая обезпечить и утвердить благо своихъ подданныхъ на вѣчныя времена, Король созвалъ генеральныя штаты, и предложилъ имъ конституцію, основанную на самыхъ благородныхъ началахъ, а штаты — возвратите ли вы тому? — отринули ее! Причиною этого страннаго случая было то, что штаты состояли изъ удѣльныхъ князей, лишившихся въ послѣднія времена своего самодержавія, и изъ депутатовъ городскихъ патрициевъ, которые не хотѣли выпустить изъ рукъ преимуществъ, тягостныхъ для народа, коего благо Король преимущественно имѣлъ въ виду при сочиненіи своей конституціи. Нѣдлжное сопротивленіе оговорчило

Короля, но не охладило его любви къ добру общему. Онъ употребляетъ все время свое на занятіе дѣлами государственными; досужіе часы проводить въ бесѣдѣ съ любимою имъ страстно супругою, и въ чтеніи хорошихъ книгъ. Выблочена у него отборная. Увеселеній при Дворѣ почти ни какихъ не бываетъ, кромѣ театра, да и тотъ отличается отъ большей части театровъ нѣмецкихъ тѣмъ, что на немъ преимущественно представляются трагедіи и комедіи, а не гастрскія оперы. На этомъ театрѣ играютъ лучшіе въ Германіи актеры, и въ ихъ числѣ первый трагикъ нѣмецкій, Эслеръ. Зала театра помѣщается въ одной оранжее дворца. Король съ Королевою входятъ изъ своихъ комнатъ въ ложу, такъ, что публика ихъ не видитъ: зрители смѣются, плачутъ, хлопаютъ, свистятъ, не обращая вниманія на присутствіе двора. Одни придворные жалуются, что имъ скучно — счастливая земля, въ которой скучно однимъ придворнымъ! — Я узналъ все эти подробности и множество другихъ отъ пріятнаго товарища, котораго нашли мы въ Тюбингенѣ, датскаго консула въ Триестѣ Реннера фонъ Эстеррейхера; онъ человекъ умный, просвѣщенный и добрый; признаніе и ласкъ его и въсь не забуду. — Мы завтракали въ грязномъ, непріятномъ городкѣ Гехингенѣ, столицѣ небольшого удѣльнаго князя. На вершинѣ горы, у подошвы коей лежатъ городокъ, возвышаются прекрасныя развалины замка Гогенцолмерна, въ которомъ жила предки нынѣшняго Прусскаго Королевскаго Дома.

Около четырех часов по полудни прѣхали мы въ прекрасный, чистый, правильно построенный городок Тутлингенъ. Нѣмецкіе города вообще построены дурно; особенно безобразна та часть ихъ, которая называется Altstadt, старый городъ. Тутлингенъ имѣлъ несчастье сгорѣть лѣтъ за пятнадцать предъ симъ, и потому имѣлъ счастье быть выстроеннымъ правильно и порядочно. — «Что это зарѣчка?» — спросилъ я у почтальона, перѣзжая чрезъ мостъ, длиною въ три сажени. — «Это Дунай, сударь!» отвѣчалъ онъ. — Дунай! вскричалъ я въ изумленіи, и пристально посмотрѣлъ на струи, которыя отъ Шварцвальда несутся къ твердынямъ Изманна. — Отъ Тутлингена прекрасныя виды не измѣнялись. За Энгнономъ поднялись мы на возвышеніе. Начало смеркаться. Возшелъ мѣсяцъ, и влѣвъ засеребрилось озеро Констанцское, а вправѣ показалось нѣчто похожее на горы. Въ Шафгаузенъ прѣхали мы уже ночью, съ трудомъ убѣдяи городского стража отворить для насъ ворота, и остановились въ трактирѣ Вѣнца.

Проснувшись вчера поутру, я взглянулъ въ окно и испугался. Вмѣсто прежней ясной погоды, наступила мрачная, туманная; изъ сѣрыхъ, необозримыхъ облаковъ падаетъ мелкій дождь. Неприятная картина для тѣхъ, кои собираются смотрѣть паденіе Рейна! Дѣлать было нечего! Мы пошли въ общую столовую и напились чаю, поданнаго въ прекрасномъ сервизѣ, который служилъ Французской Императрицѣ Маріи Луизѣ на проѣздъ ея изъ Парижа въ Парму. — Го-

родъ Шафгаузенъ похожъ на старинные нѣмецкіе города, построенные безъ плана и вкуса. Дорога отъ него до водопада не составляетъ двухъ верстъ. Мы приблизились къ знаменитому катаракту сначала съ правой его стороны, гдѣ построена фабрика: чувство неприятное! Паденіе Рейна, привлекающее въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ путешественниковъ изъ всѣхъ частей Европы, приводитъ въ движеніе колеса табачной фабрики! Съ этой стороны видѣли мы одну пѣну, слышали одинъ вестройный шумъ, и не могли представить себѣ общей картины; но когда перебрались на противный берегъ, картина рейскаго водопада представилась намъ во всей своей прелести! Прямо насупротивъ построена башня въ два яруса (Schloss Wörth) для любопытныхъ путешественниковъ: изъ окна втораго яруса видишь все — покойно и удобно. Превзошло ли паденіе Рейна мои ожиданія? спросите вы. И превзошло, и нѣтъ: я воображалъ, что гора, съ которой рѣка эта ниспадаетъ, гораздо выше, но не могъ представить себѣ, что она такъ широка, и что вся вода сверху до самаго низу превращается въ мелкія брызги. Рейнгъ падаетъ тремя рукавами, которые раздѣляются на вершинѣ двумя утесами: основанія сихъ утесовъ подмыты силою воды, и вѣроятно, они скоро ринутся въ рѣку. Хозяинъ башни сдѣлалъ намъ большое удовольствіе, закрывъ ставни оконъ, и показавъ весь водопадъ на бѣломъ листѣ бумаги, посредствомъ камеры-обскуры. Мы могли легче и полнѣе осмотрѣть картину, и воображите, что

въ то самое время, когда мы глядѣли на нее въ этотъ уменьшенномъ и украшенномъ видѣ, разсыпались облака, проглянуло солнце, брызги Рейна заблестали брилліантовыми искрами, надъ ними въ водной пыли зардѣлись разноцвѣтныя радуги! Чтобъ имѣть гѣнь этой картины для воспоминавія, купили мы тутъ же эстампы, представляющіе сей ландшафтъ. — Достоинно примѣчанія, что Рейль утихаетъ при самомъ низверженіи своемъ: на легкихъ лодкахъ можно влывать подъ самымъ водопадомъ. Мы восѣтили противуположній замокъ Лауфенъ, посмотрѣли на паденіе прямо съ верху, потоки сошли на мостки, построенныя подѣл самаго паденія: тамъ, при оглушающемъ грохотѣ водопада, при невыразимой картинѣ милліоновъ водяныхъ капель, прививающихъ въ паденіи своей безчисленные, разнообразныя виды, въ секунду перемѣняющіеся и исчезающіе, вымочило насъ студеною водою, и мы взяли по классическому камешку, на память. Насладившись такимъ образомъ, по всѣмъ правиламъ путешествія, картиною водопада, мы сѣли въ лодку; и пустились внизъ по Рейну въ Эглзау.

Мы плыли тихо по прекрасному Рейну, между высочайши и крутыми берегами его, которые не такъ живописны и дико, какъ въ Бингенѣ и Биберахѣ, но имѣютъ свою прелесть. «Вотъ русская могила!» сказала гребецъ, указывая влево. Мы быстро поворотились въ ту сторону. Высокій деревянный крестъ возвышается на лѣвомъ берегу надъ большимъ курганомъ. Тутъ погребены русскіе солдаты, убитые въ

сраженія подъ Цюрихомъ. Невольное уныніе овла-
дѣло нами.... Въ этихъ мѣстахъ боролись съ смер-
тію храбрые наши соотчичи и, испуская послѣдніе
вздохи, смотрѣли къ востоку, къ Россіи. Ужасно
должно быть жестокое, кровопролитное сраженіе; но
что сравнится съ ужасами военнаго госпиталя и бое-
ваго кладбища! И во сколько кратъ счастливѣе тѣ,
которыхъ прила земля отечественная на берегахъ
Колочи!...

Въ Эггизау, небольшомъ городкѣ, гдѣ построены
черезъ Рейнъ каменный мостъ съ деревяннымъ наѣз-
сомъ, вышли мы на берегъ, съѣвъ въ прибывшую
туда коляску нашу, и поѣхали въ Цюрихъ. Странное
дѣло, что въ Швейцаріи, въ землѣ путешествій по
превосходству, нѣтъ регулярныхъ почтъ, какъ въ
другихъ странахъ Европы. Должно нанимать изво-
щиковъ отъ города до города за весьма дорогую
плату, ибо они берутъ съ васъ и за обратный путь.
Лошадь ихъ росла и, по-видимому, сильна, но, со-
ставляя весь капиталъ своихъ хозяевъ, пользуются и
всею ихъ благосклонностію. Извозчики всегда ѣздятъ
шагомъ, который становится еще медленнѣе обыкно-
веннаго при малѣйшемъ возвышеніи. При самомъ не-
примѣтномъ скатѣ, извозчикъ остановится и затормо-
зитъ заднія колеса, чтобъ повозка не скатилась съ
горы своею тяжестью. И смѣшно и досадно! Если бѣ
не курьерство наше, лучше всего было бы, кажется,
купить верховыхъ лошадей и, по окончаніи путеше-
ствія, продать ихъ, или даже исходить Швейцарію

гѣшкомъ. — Дорога въ Цюрихъ была весьма пріятна. «Что это?» спросилъ Борнъ у извозчика, указывая на край горизонта, усаженный синеватыми и бѣлыми остроконечными облаками. «Это, сударь, наши горы!» отвѣчалъ онъ, и мы всѣ трое закричали: «горы! горы! альпійскія горы!» Б. долго не хотѣлъ вѣрить, что это не облака; наконецъ убѣдился въ томъ ихъ неподвижностью. Мы пріѣхали въ Цюрихъ въ два часа, и въ ожиданіи обѣда бросились бѣгать по городу, который показался мнѣ весьма пріятнымъ. Дома, большею частью, выкрашены бѣлою краскою. Не видать великолѣпныхъ конюшенъ, но за то другія зданія обращаютъ на себя вниманіе путешественника: лучшее въ Цюрихѣ есть сиротскій домъ. Большое удовольствіе принесла намъ прогулка по загороднымъ гульбищамъ, устроеннымъ въ бывшихъ укрѣпленіяхъ; особенно прелестенъ видъ съ южнаго бастіона: взорамъ представляется Цюрихское Озеро, окруженное зелеными берегами, на коихъ бѣлются деревеньки съ красными крышами; на заднемъ планѣ поднимаются остроконечныя, снѣгомъ покрытыя Альпы. Въ самомъ пріятномъ мѣстѣ загороднаго гульбища поставленъ монументъ Геснеру. На одной сторонѣ, подъ бюстомъ его, изображены слѣдующія слова:

SALOMON GESSNER.

Geb. den 1 April MDCCXXX.

Starb den 11 März MDCCCLXXXVIII

а на другой:

Dem
Andenken
SALOMON GESSNERS,
von seinen
Mitbürgern.

Billig verehrt die Nachwelt den Dichter, den die Musen
sich geweiht haben, die Welt Unschuld und Tugend zu
lehren.

*Tod Abels. 1 Ges. *)*.

Прекрасный монументъ построенъ на томъ самомъ
мѣстѣ, гдѣ Геснеръ отдыхать послѣ утреннихъ про-
гулокъ, и писалъ лучшія свои идилліи. Переводя эту
надпись, замѣтилъ я русскіе омонимы: потомство
читать, а не *чтетъ*, т. е. не читаетъ его. Не знаю,
какъ въ Швейцаріи, но въ Германіи Геснеръ принад-
лежитъ уже къ обветшалымъ писателямъ. Даже во
Франціи, болѣе нежели въ Германіи, восхищаются
Жеснеромъ.

Мы обѣдали въ славномъ трактирѣ Меча, лежа-
щемъ неподалеку отъ берега озера, въ томъ мѣстѣ,
гдѣ вытекаетъ изъ него быстрая Лиммата. Прекрас-
ная погода, живописный видъ, дружеская бесѣда,
вкусный обѣдъ, доброе вино — все это насъ восхи-

*) Т. е. Соломонъ Геснеръ, род. 1-го Апрѣля 1730 года,
умеръ 11-го Марта 1788. — Памяти Соломона Геснера
отъ его согражданъ. Потомство по справедливости чтить
поэта, вдохновеннаго музами, для поученія смертныхъ
невинности и добродѣтели. *Смерть Авеля, Письмо 1.*

шало. Послѣ обѣда простились мы съ почтеннымъ Реннеромъ, коего путь лежалъ въ другую сторону, и въ пять часовъ по полудни отправились по дорогѣ въ Бернъ....

Сегодня поутру вѣхали мы въ предѣлы Бернскаго Кантона. Меня поразили и восхитили прелестные крестьянскіе домики. Вы знаете, какой я прозаикъ, знаете, что идилии не скоро доходятъ до души моей; но здѣсь понялъ я, что можно писать идилии, понялъ, отъ чего лучшіе буколики новыхъ временъ (Геснеръ и Броннеръ) образовались въ Швейцаріи. Дома крестьянскіе не составляютъ деревень, а лежатъ отдѣльно, выстроены правильно и красиво, отменно чисты и свѣтлы; клѣти, хлѣва, все уютно и миловидно.

Мы обѣдали въ селѣ Кирхбергѣ, по-швейцарски, т. е. очень хорошо и довольно дорого; заѣзжали въ Гиддельбанкъ, и смотрѣли тамошній знаменитый памятникъ пасторской женѣ, описанный подробно и вѣрно генераломъ всѣхъ русскихъ путешественниковъ; къ семи часамъ вечера прибыли въ Бернъ, и остановились въ трактирѣ Вѣнца (*à la sougonne*). Достоинно примѣчанія, что въ Швейцаріи, землѣ республиканской, всѣ лучшія гостиницы отличаются этимъ знакомъ. Борнъ отправился отыскивать нашего министра при Швейцарскомъ Сеймѣ, Барона Криднера, а я, взявъ трактирнаго слугу, пошелъ на знаменитую террасу кафедральной церкви — единственную, неприкрытую. Городъ Бернъ лежитъ на возвышеніи, поднимающемся посреди долины, орошаемой Аарою, и

окруженной горами средней величины. Кафедральная церковь сооружена на искусственной насыпи, возвышающейся на нѣсколько десятковъ саженъ и усаженной густыми каштановыми деревьями. Часть города лежитъ и внизу, на берегу глухо шумящей Аары. Полная луна освѣщаетъ нижнюю часть города, серебрять струи быстрой рѣки, и рисуеть невѣрными чертами верхи сосѣдственныхъ горъ. Для одной этой картины стоило бы посѣтить Швейцарію! Борнъ засидѣлся у министра. Не знаю, удастся ли намъ съѣздить еще куда нибудь въ здѣшней живописной сторонѣ, или придется ѣхать обратно. Между тѣмъ я кончилъ это письмо, и отправлю на почту. Прощайте! —

XV.

Женева, Сентября 10.

.... Борнъ возвратился очень поздно съ отвѣтомъ Барона Криднера, что ему должно приготовить бумаги для отправленія во Франкфуртъ, и что онъ даетъ намъ пять дней сроку на разъѣзды по Швейцаріи. Новость пріятная. Но куда намъ ѣхать? Сначала думали мы отправиться въ пѣтяческую сторону Бернскаго Кантона (Bern Oberland), но вскорѣ разочли, что пяти дней на это мало, и что какое нибудь непредвидѣнное препятствіе можетъ задержать насъ въ горахъ

долже, нежели можно, а вы знаете точность добраго моего Борна. И такъ мы рѣшились отправиться во Французскую Швейцарію, надѣясь, что изъ Женевы удастся намъ посѣтить долину Шамуни. По счастью, нашли мы въ Бернѣ очень хорошаго извозчика, Жозефа де Полиса, человѣка, по его званію, довольно образованнаго: онъ говоритъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски и на всѣхъ семидесяти двухъ нарѣчійхъ швейцарскихъ *), знаетъ исторію всѣхъ городовъ и деревень своего отечества. Въ субботу, 8 сентября, выѣхали мы изъерна, и покатились по гладкой дорогѣ въ благословенному югу. Мы ѣхали по чрезполоснымъ владѣніямъ разныхъ кантоновъ (Бернскаго, Фрейбургскаго и Ваадтскаго), и — повѣ-

*) Швейцары не имѣютъ особеннаго своего языка, и не присвоили себѣ преимущественно ни одного изъ со-сѣдственныхъ: въ кантонахъ, смежныхъ съ Франціею, говорятъ по-французски, прибавляя къ тому нѣкоторые провинціализмы; на границахъ Италіи господствуетъ языкъ итальянскій, а въ остальной части Швейцаріи бла-говоспитанные люди говорятъ по-нѣмецки. Народъ гово-рять своими нарѣчіями, смѣшанными изъ языковъ сосѣд-ственныхъ. Этихъ нарѣчій считается семьдесятъ два: тридцать семь нѣмецкихъ, двадцать одно французское, восемь итальянскихъ и шесть романскихъ. Въ послѣд-нихъ находятся многіе слѣды языка древнихъ Кельтовъ. Общій характеръ сихъ нарѣчій состоитъ въ томъ, что они любятъ слова уменьшительныя, и не только въ име-нахъ, но и въ мѣстоименіяхъ и глаголахъ употребляютъ уменьшительныя окончанія на *ли, жи, ши, ти*, и проч.

рите ли? — чувствовали по трясению коляски и по сильнымъ толчкамъ на дурной мостовой, когда случилось ѣхать по землѣ фрейбургской, управляемой древними патриціями, состоящими въ строгой подчиненности у почтенныхъ отцевъ іезуитовъ. Хорошая мостовая принадлежитъ къ просвѣщенію, слѣдственно, по мнѣнію учениковъ Игнатія Лейолы, къ такимъ вещамъ, которыя всячески должно истреблять. — Я усмѣлъ купить въ Цюрихѣ нѣсколько небольшихъ сочиненій объ исторіи и политическихъ переворотахъ Швейцаріи: когда намъ случится ѣхать по гладкой мостовой бернской и ваадтской, мы читаемъ; подъ толчками фрейбургской разсуждаемъ о читанномъ: слѣдственно мостовая эта производитъ совершенно противное цѣли высокоумнаго совѣта фрейбургскаго.

Исторія получаетъ неизъяснимую прелесть въ тѣхъ мѣстахъ, которыя служили позорищемъ описываемымъ въ ней происшествіямъ. — Вильгельмъ Телль, Вернеръ Штауфахъ, Вальтеръ Фюрстъ, Арнольдъ Мельхталъ, попеременно представлялись взорамъ нашимъ въ одеждѣ среднихъ, суровыхъ, но почтенныхъ временъ, источника новой исторіи и новой поэзіи Европы. Но едва ли который изъ сихъ мужей Гельвеціи возбудилъ во мнѣ столь сильное и справедливое удивленіе, какъ Арнольдъ фонъ Винкельридь, дворянинъ унтервальдскій, герой битвы при Семпахъ. Воинственный Леопольдъ, Герцогъ Австрійскій, раздраженный жителями Луцерна, собралъ многочисленное войство, и двинулся противъ презираемыхъ имъ

наступовъ швейцарскихъ, въ нагвреніи истребить ихъ гордость вмѣстѣ съ жизнію. Дружина Леопольдова состояла изъ четырехъ тысячъ конныхъ дворянъ, искусныхъ въ воинскомъ дѣлѣ, покрытыхъ съ головы до ногъ латами, и вооруженныхъ длинными копьями. При первомъ слухѣ о семъ грозномъ ополченіи, около тысячи уроженцевъ лѣсныхъ кантоновъ присоединились къ четыремъ стаамъ гражданъ Лудерскихъ: они были большею частію бѣдные поселяне, худо одѣтые и вооруженные, но воспламенялись любовью къ отечеству и правотою своего дѣла: при коруты лудерской поклялись они побѣдить или умереть. Въ ожиданіи нашествія Леопольдова, расположились они близъ дороги, въ сосновой роцѣ. Явились войска австрійскія. Леопольдъ, видя невозможность сражаться на коняхъ въ мѣстѣ неровномъ и лѣсистомъ, приказалъ всадникамъ спѣшиться. Швейцары, повторивъ клятву свою, выходятъ изъ роцки, падаютъ на колѣни, и призвавъ краткою, но пламенною молитвою на помощь Бога, съ воинственнымъ воплемъ бросаются на непріятеля. Это было 9 Юня 1386 года: день былъ жаркій и уже склонился къ вечеру. Покрытые желѣзомъ, воины Леопольда составляли тѣсную фалангу, защищаемую спереди стѣною твердыхъ щитовъ; длинныя копья изъ четвертаго ряда лежали на плечахъ передовыхъ, и удерживали нападентіа легко вооруженныхъ Швейцаровъ. Тщетны были всѣ ихъ усилія: нѣтъ удалось сокрушить нѣсколько дрововъ, но желѣзная стѣна была непоколебима и не-

подвига. Храбрѣйшіе Швейцары пали у ногъ ея въ тщетныхъ набѣгахъ. Хоругвь люцернская выпала изъ рукъ ландамана, смертельно раненаго, и фаланга неприятельская двинулась впередъ съ грознымъ кликомъ, чтобъ раздавить малочисленную толпу своихъ враговъ. Уже близость гибели приводила ихъ въ ужасъ, и изгоняла надежду изъ сердецъ храбрѣйшихъ, уже опускались руки ихъ въ недоумѣніи и отчаяніи. Въ эту самую минуту выходитъ носѣбно изъ рядовъ Арнольдъ фонъ Винкельридъ. «Друзья!» восклицаетъ онъ: «я проложу вамъ дорогу: не оставьте жены и дѣтей своихъ! Любезные сограждане! не покиньте моего семейства!» Сказавъ сіи слова, сбрасываетъ онъ съ себя кельчугу, съ быстротою молніи кидается на враговъ, схватываетъ всѣми силами сколько можно болѣе копій австрійскихъ, вонзаетъ ихъ въ грудь свою, падая, увлекаетъ съ собою держащихъ омыя воиновъ, и такимъ образомъ открываетъ входъ въ средину неприятельскаго строя. Швейцары пользуются благоприятною минутою и, подобно острию меча, влетаютъ въ отверстіе, разбиваютъ и опрокидываютъ фалангу. Враги, пораженные изумленіемъ, падаютъ безъ сопротивленія, и многие изъ нихъ издыхаютъ подъ тяжестью своихъ мачъ. Австрійская армія была въ этотъ день истреблена совершенно. Леопольдъ нашелъ честную смерть въ рядахъ неприятельскихъ. Память Винкельрида осталась въ почтении и любви у жителей Унтервальдена. Въ домѣ его, въ городѣ Станцѣ, донынѣ живутъ ландаманы. Изображеніе его,

воздвигнутое на площади, возбуждает благоговѣніе и любовь къ отечеству въ позднихъ потѣжкахъ. — Исторія Швейцаріи богата подобными чертами героизма и великодушнаго патріотизма. Но гдѣ въ мірѣ найдемъ совершенство? Храбрые Швейцары не умѣли возвыситься надъ предразсудками и варварскими обычаями вѣковъ среднихъ. Въмѣсто того, чтобъ единодушіемъ и любовью къ общему благу упрочить свои побѣды, кантоны ослабили себя междоусобіемъ, спорами за Вѣру, и наконецъ, жестокимъ деспотизмомъ, съ коимъ бернскіе и другіе патриціи владычествовали надъ подчиненными имъ областями, Ваадтомъ, Арговіею и другими. Еще господствовалъ и господствуетъ въ Швейцаріи обычай странный и, можно сказать, гнусный. Тамошнія правительства отдають своихъ подданныхъ въ наемъ разнымъ государямъ, Королямъ Французскому, Испанскому, Папѣ Римскому и другимъ, которые употребляютъ ихъ для охраненія своихъ особъ предпочтительно предъ своими подданными. Впрочемъ въ глухой, полу-азиатской головѣ своей, я столько же удивляюсь государямъ, которые нанимають себѣ тѣлохранителей, сколько и подрядчикамъ крови человѣческой, которые ихъ ставятъ! Мнѣ странно показалось, когда я, на другой день по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, увидѣлъ на стражѣ у Тюльерійскаго Дворца двуличныя караулы: одинъ солдатъ въ синемъ, другой въ красномъ мундирѣ. Вскорѣ мнѣ это растолковали: синіе — Французы, красные — Швейцары. Я вспомнилъ о землѣ, которую здѣсь по-

читаютъ варварскою, и лишь только хотѣлъ сообщить товарищу своему разницу, мною замѣченную, какъ увидѣлъ вершника въ богатой ливреѣ, скачущаго во всю прыть на крутомъ поворотѣ въ тѣсную улицу Риволи, и плетью разгоняющаго народъ въ обѣ стороны. За нимъ мчалась карета, окруженная полускадромъ гусарь. «Это что?» спросилъ я въ изумленіи. «Королевская фамилія прогуливается,» отвѣчали мнѣ. Я удержался отъ замѣчанія о Швейцарахъ, и въ мысляхъ перенесся на дворцовую набережную въ Петербургъ, и въ аллеи царскосельскаго сада....

Мы не видали, какъ прошло время, и около обѣда вѣхали въ городъ Муртенъ, или Моратъ, лежащій на берегу озера. Жозефъ де Полисъ привезъ насъ въ узенькую улицу, къ трактиру подъ знакомъ Вѣнца. Мы вошли во второмъ этажѣ въ гостиную комнату и, выглянувъ въ окно, остановились въ изумленіи: предъ нами открылось прелестное, свѣтлое Муртенское Озеро; за противоположными его зелеными берегами синѣлись горы нешательскія. Я сѣлъ къ окну и, посматривая на восхитительную картину, написалъ письмо къ роднымъ своимъ, которое вы, вѣроятно, читали.—Послѣ обѣда поѣхали мы далѣе, по берегу Муртенскаго Озера. Близъ самаго края извозчикъ вашъ остановился, и подъ тремя тополями указалъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ знаменитый домъ костей (ossuaire, Beinhaus), сложенный изъ остатковъ бургундскихъ воиновъ, побѣжденных на этомъ мѣстѣ древними Швейцарами. Въ началѣ революціи

одним квартировавший въ здѣшнихъ странахъ французскій полкъ, набранный въ области Бургундіи, разрушилъ этотъ домъ и предалъ землѣ кости своихъ праотцевъ. За то и Швейцары, въ 1814 году, истребили надгробный памятникъ, сооруженный близъ Базеля французскому генералу Аббатуччи. — — Къ вечеру проѣхали мы чрезъ Пайернъ, и остановились ночевать въ Мудонѣ.

Третьяго дня, рано поутру, пустились мы въ Лозанну и вѣрѣхали туда къ обѣду. Здѣсь открылось намъ прекрасное Женевское Озеро. Къ сожалѣнію, погода намъ въ этотъ день не благоприятствовала: дождь шелъ безпрерывно; густыя тучи висѣли по горизонту. Мы взошли на террасу кафедральной церкви, и — странное дѣло! — мнѣ показалось, что я уже когда-то бывалъ на этихъ берегахъ. Вскорѣ объяснилась эта загадка: мой тесть, женевскій гражданинъ, ревностный патриотъ, родственникъ и читатель Руссо, столько наговорилъ мнѣ о Леманѣ, о Женевѣ, о Лозаннѣ, о Моржѣ, что я составилъ въ воображеніи своемъ довольно точную картину этихъ мѣстъ, особенно потому, что при разсказахъ его глядѣлъ на швейцарскіе ландшафты, висѣвшіе по стѣнамъ его комнаты. Провожатые мои, здѣсь и въ Женевѣ, не хотѣли вѣрить, что я тамъ въ первый разъ. Въ лозаннской кафедральной церкви видѣлъ я надгробный памятникъ Княгини Орловой: оная сооружена изъ бѣлаго мрамора. Надпись на немъ свидующая: *Catharina Princesse Orlov, née Sinoviev, le 19 Décembre*

1758, morte le 27 Juin 1781. — Церковь эта построена въ XIII вѣкѣ и довольно велика. Въ началѣ служила она нѣсколько сотъ лѣтъ для исповѣданія католическаго, а въ XVI вѣкѣ превращена въ реформатскую. Украшенія, приличныя римско-католическому храму, должны были уступить простотѣ протестантской, и въ ней донынѣ видны слѣды разрушенныхъ жертвенниковъ, придѣловъ, исповѣдныхъ, статуй и образовъ — слѣды, напоминающіе о фанатизмѣ, съ какимъ обѣ партіи преслѣдовали и терзали одна другую: скоро ли исчезнуть съ лица земли эти горестныя для человѣчества напоминанія! Еще показалось мнѣ страшнымъ, неприличнымъ и даже смѣшнымъ распредѣленіе мѣстъ въ храмѣ Божіемъ, гдѣ всѣ люди должны быть равны. Правда, что всѣ скамьи деревянные, ничѣмъ не обитыя и не крашенныя: только на спинкахъ ихъ прилеены печатныя титулы особъ, имѣющихъ право на нихъ садиться: *membre du grand conseil Mr...*, *Mr. le landamman....* Равенство не совместно ни съ какимъ въ свѣтѣ правленіемъ: въ Ваадтскомъ Кантонѣ правленіе демократическое; всѣ граждане равны, всѣ должны нести одиѣ и тѣ же повинности, и отправлять по очереди военную службу. Казалось бы, вотъ совершенное равенство — а нѣтъ! нашли мѣсто члмтмтсд, и гдѣ же?

Послѣ обѣда выяснѣло, и мы покатались по прекрасной, ровной дорогѣ, пролегающей по берегу озера. Верстахъ въ двухъ отъ города, когда мы углубились въ воспоминанія и рассказы о любезной Россіи,

Борнъ выглянулъ изъ коляски и съ изумленіемъ вскричалъ: «гдѣ мы?» — Ъдутъ дрожки, запряженные парю рыжихъ вятскихъ лошадей; кучеръ на козлахъ въ бородѣ, круглой шляпѣ и въ русскомъ синемъ кафтанѣ. Борнъ закричалъ: «Русской ли ты?» — «Русской, сударь, ей Богу Русской!» отвѣчалъ изумленный кучеръ съ восторгомъ, и въ удостовѣреніе перекрестился. Быстрые кони промчали его мимо насъ. Борнъ, который въ продолженіе трехъ лѣтъ не видалъ русской бороды, прослезился съ радости. Въ Моржѣ узнали мы, что этотъ экипажъ принадлежитъ одному швейцарскому купцу, который долго жилъ въ Россіи и, переселяясь въ отечество, взялъ съ собою русскаго кучера съ лошадьми.

По берегу Женевскаго Озера построены небольшія милостивныя мѣстечки: Моржъ, Ролль, Нионъ. Во всемъ Ваадтскомъ Кантонѣ жители кажутся довольными нынѣшнимъ своимъ правленіемъ. Прежде сего Ваадтская Земля принадлежала Кантону Бернскому, который поступалъ съ ея жителями, какъ съ завоеванными рабами, къ стыду всей Республики Швейцарской. Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка жители Ваадта освободились отъ сего ига, но сначала дорого заплатили за свое освобожденіе, ибо первые понесли всю тягость пребыванія чужой арміи въ ихъ предѣлахъ. При низверженіи императорскаго правленія во Франціи въ 1814 году, Бернцы хотѣли было подчинить себѣ отторгнутыя у нихъ земли, но великодушнымъ предстательствомъ Вѣнскаго Конгресса,

особенно нашего Государя, подтвердилась независимость Ваадта, по всѣмъ правамъ ему принадлежащая. Подати здѣсь весьма невелики, промышленности и торговлѣ дана совершенная свобода, но населеніе превосходить силы земли, и многіе изъ здѣшнихъ уроженцевъ должны искать пропитанія въ чужихъ странахъ. Жестокая необходимость для людей, родившихся и выросшихъ въ прекраснѣйшей странѣ нашей части свѣта! За то и чувствуютъ они въ полной мѣрѣ это лишеніе, стараются на чужбинѣ окружать себя картинами и воспоминаніями отечественными, съ жадностію слушаютъ слова народнаго ихъ нарѣчія, и плачутъ при звукахъ національныхъ пѣсенъ. Первое мѣсто въ числѣ оныхъ занимаетъ пѣсня: *Ranz des vaches, Kuhreihen*, которую поютъ на Альпахъ пастухи, пасущіе коровъ, и которая равно извѣстна и мила Швейцарамъ — нѣмецкимъ, французскимъ и итальянскимъ. Вотъ слова ея на романскомъ нарѣчіи: *Lé zarmailli dei colombetté, dé bon matin sé san léha, ha, ah, ah, ha. Liauba, liauba! por aria. Vinidé toté blantz' et nairé, rodz' et motailé, dzjouven' et otro, dézo on tocháno, io vo z'ario dézo on treinblo io, ie, ie, treintzo. Liauba! Liauba! por aria!* (т. е. Горные пастухи рано поутру встали. Коровки! коровки! пора (вась) доить! Ступайте всѣ, бѣленькія и черненькія, рыженькія и пестренькія, молоденькія и другія (ступайте) подъ дубъ, гдѣ доять вась подъ вѣтвями! Коровки! коровки! пора (вась доить). — Мелодія пѣсни унылая, похожая на тирольскую. Швейцарскіе сол-

даты, услышавъ ее, бросаютъ ружья, и бѣгутъ въ горы свои. Во французскихъ полкахъ, набранныхъ изъ Швейцаріи, запрещено было подь смертною казнію, не только играть, но и насмѣивать ее.

.... Неподалеку отъ Женевы лежитъ мѣстечко Коппетъ, принадлежавшее фамиліи Неккеръ: тамъ погребены знаменитый французскій и знаменитая дочь его, госпожа Сталь-Голштейнъ, скончавшаяся въ нынѣшнемъ году, въ самый день пріѣзда моего въ Парижъ. Мы хотѣли видѣть гробницу ея въ саду замка; насъ не пустили туда, сказавъ, что входъ въ фамильное кладбище задѣланъ камнями.

Въ Женеву пріѣхали мы вчера, въ воскресенье, подь вечеръ. За городомъ, по прекраснымъ аллеямъ, гуляли мужчины и женщины, рѣзвились прекрасныя дѣти. Я внимательно разсматривалъ женщинъ, особенно здѣсь: извѣстно ли вамъ, что въ Женевѣ не смѣетъ выйти за городскіе ворота ни одна супруга гражданина, надѣющаяся скорѣ быть матерью? Младенецъ, рожденный внѣ стѣнъ города, лишается права гражданства, которымъ Женевцы гордятся, можетъ быть, болѣе, нежели древніе Римляне гордились патриціатомъ. Издали Женева, на краю обширнаго озера, при выходѣ изъ онаго быстрой Роны, представляетъ картину прекрасную; но при вѣздѣ въ городъ сцена переменяется. Дома высоки и дурно построены; улицы узки и темны. Рона вытекаетъ изъ озера двумя рукавами, которые образуютъ продолговатый островъ, и за городомъ соединяются. Рѣка эта течетъ

весьма быстро, темносиними струями. Во всемъ городѣ видна большая дѣятельность, особенно же на рынкѣ: торгъ производится тамъ и въ лавкахъ и на улицахъ подъ огромными навѣсами, выдающимися надъ шестью ярусами домовъ и ежеминутно грозящими разрушеніемъ. Мы остановились въ трактирѣ à l'écu de Genève, и начали дѣлать планы. Въ Шамуни съѣздить намъ не удастся: мы рѣшили провести сутки въ Женевѣ, посѣтить Ферней и потомъ пуститься въ обратный путь.

Вечеромъ ходили мы по Трели, извѣстному женевскому гульбищу, и посѣтили нѣкоторыя любопытныя мѣста. Женева, извѣстная уже подъ этимъ именемъ во времена Юлія Цесаря *), по разрушеніи Римской Имперіи была столицею Королей Бургундскихъ, а потомъ сдѣлалась предметомъ споровъ сосѣдственныхъ государствъ, въ продолженіе коихъ многіе граждане ея отличились великодушнымъ патриотизмомъ. Пекола отрѣзалъ себѣ языкъ, чтобы ужасы пытки не могли его принудить къ открытію тайнъ, важныхъ для его отечества. Бертелие и Леврери лишились жизни на эшафотѣ за сопротивленіе Герцогамъ Савойскимъ.

*) Нынѣшняя соборная церковь Св. Петра была въ древности храмомъ Аполлона; но, кажется, что богъ поэзіи не имѣлъ вліянія на жителей покровительствуемаго имъ города. Достоинно примѣчанія, что Женева, славящаяся тѣмъ, что произвела Руссо, Каззубона, Бурламаки, Боннета, Соссюра и другихъ, не имѣла ни одного отличнаго стихотворца.

19

Въ 1555 году Женева приняла исповѣданіе реформатское, и приобрѣла свободу. 12-го Декабря 1602 года, жители ея отразили послѣдній приступъ Савойцевъ, и утвердили свою независимость. Небольшія смятенія и раздоры между разными партіями господствовали въ ней безпрестанно. Но ужасное для нея время наступило въ началѣ революціи французской. И посреди добрыхъ, трудолюбивыхъ Женевцевъ явились люди, которые вздумали подражать Робеспьеру и Фуки-Тенвиллю: на просторномъ лугу подъ Трелью возвысились древо свободы и гиліотина. Кровь несчастныхъ жертвъ полпласть, какъ въ Парижѣ и въ Лионѣ. Ненствованія наконецъ утихли; но слѣдствіемъ ихъ было присоединеніе Женевы къ Франціи. Въ 1814 году, по низверженіи Наполеона силами Европы, подъ предводительствомъ Александра, Женевѣ возвращена прежняя свобода: округъ ея распространился и составилъ 22-й кантонъ Швейцарскаго Союза. Добрые Женевцы забыли зло, причиненное имъ въ некоторыми изъ собственныхъ согражданъ; но месть небесъ ихъ преслѣдовала: одинъ изъ бывшихъ членовъ революціоннаго суда женеваго представлялъ взорамъ соотчичей ужасную картину отчаянія и угрызений совѣсти: всякую ночь ходилъ онъ къ соборной церкви и, не дерзая войти въ святилище храма, повергался на паперти, и испускалъ жалобные вопли. Граждане женевакіе, желая загладить слѣды этихъ печальныхъ событій, разводятъ нынѣ на лугу, служившемъ лобнымъ мѣстомъ, ботаническій садъ. —

Кстати расскажу вамъ любопытный анекдотъ. Женевцы, въ какой бы они странѣ ни были, ежегодно празднуютъ 12-е Декабря, день отбитаго приступа Савойцевъ (l'escalade). Въ 1777 году, жившіе въ С. Петербургѣ женеvскіе граждане собрались въ трактирѣ у Полицейскаго Моста (гдѣ теперь стоятъ домъ Графа Строганова), и за дружескою трапезою торжествовали освобожденіе своего отечества, озабочиваясь въ то же время новыми приготовленіями Франціи и Савоіи подчинить Женеву своей власти. «Кто поможетъ намъ?» сказалъ со вздохомъ старшій изъ нихъ. Въ эту самую минуту раздались пушечные выстрѣлы: объявляютъ, что Великая Княгиня разрѣшилась отъ бремени принцемъ. «Вотъ нашъ освободитель!» восклицаютъ Женевцы, наполняютъ бокалы и осушаютъ ихъ за здравіе новорожденнаго: 1814 годъ оправдалъ это счастливое предсказаніе.

Женева славится своею промышленностью, особенно совершенствомъ часоваго искусства. Должно сказать притомъ, что граждане ея люди образованные, и извѣстны даже своимъ педантствомъ, а женщины хорошія хозяйки и также любительницы наукъ, искусствъ и литературы. Мнѣ удалось видѣть внутренность нѣкоторыхъ домовъ въ Женевѣ. Главная комната въ домѣ есть — кухня. По изготовленіи, собственными руками хозяйки, чистаго, сытнаго обѣда, моютъ, прибираютъ и развѣшиваютъ по стѣнамъ всю кухонную утварь. Хозяйка надѣваетъ опрятное, простое платье; собираются гости, садятся въ кухню,

подлѣ очага; одна изъ нихъ читаетъ хорошую книгу, другія работаютъ, обыкновенно цѣпочки для часовъ. Впрочемъ эти патриархальные нравы господствуютъ не во всѣхъ семействахъ: французскіе и англійскіе обычаи изгоняютъ простоту и умѣренность старинной Швейцаріи.

Сегодня поутру ходили мы на платформу соборной церкви, и любовались тамошнимъ видомъ: съ одной стороны пустынный Салевъ, свѣжнѣйшій Монъ-бланъ и прочіе грозные исполины савойскіе; съ другой, въ видѣ полумѣсяца, стелется единственное въ мірѣ Женевское Озеро: оно цвѣту сѣровагаго. Достоинно примѣчанія, что струи Роны, протекающей черезъ озеро, не смѣшиваются съ его водами: темносинія полоса идетъ вдоль по серединѣ озера отъ впаденія до истока рѣки. Потомъ посѣтили мы домъ, въ которомъ родился Руссо: онъ лежитъ въ улицѣ des Chevelus (называемой и Руссовою) подлѣ № 69, имѣетъ четыре яруса, старъ, ветхъ и очень некрасивъ. Надъ дверью изображена, на мраморной доскѣ, золотыми буквами, слѣдующая надпись:

Ici est né

JEAN JACQUES ROUSSEAU

le XVIII Juin MDCCXII.

Въ то время, когда я списывалъ эту надпись, пошелъ къ намъ досужій проводникъ любопытныхъ странниковъ, и предложилъ показать скамью, на кото-

рой сживалъ Руссо на улицѣ. Мы охотно пошли за нимъ: онъ привелъ насъ въ улицу des Coutances, въ лавку кандитера. Руссо нерѣдко обѣдывалъ у отца нынѣшняго хозяина лавки, и въ ожиданіи обѣда, сидѣлся на улицѣ на скамьѣ подлѣ лавочки, въ которой торговала его кормилица, и бесѣдовалъ со старухою, будто не замѣчая, что народъ вокругъ него толпится. Это было въ пятидесятихъ годахъ. Мнѣ сказывали, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ стариковъ женеvскихъ помнятъ это сходбище: помнятъ круглый парикъ и сѣрое платье Жанъ-Жака.

Послѣ обѣда ѣздили мы въ Ферней. Надобно имѣть самое пылкое и творческое воображеніе, чтобъ представить себѣ въ этомъ небольшомъ, обветшаломъ домѣ бывшую столицу европейскаго философа, изъ которой онъ переносился съ государями, трогалъ, смѣшилъ, дурачилъ и обманывалъ Европу. Домъ этотъ, или, какъ во Франціи называются помѣщичьи жилища, замокъ (château) построенъ во дворѣ, и лежитъ главнымъ фасадомъ не къ лучшей части тамошнихъ окрестностей. Онъ имѣетъ два этажа, въ каждомъ не болѣе шести комнатъ. Ключница, привыкшая принимать посѣтителей, повела насъ во внутренность и показала бывшую гостиную, спальню и кабинетъ Вольтера. Мебели покрыты полинявшею голубою шелковою матеріею. Въ спальнѣ стоитъ кровать простаго дерева; надъ нею висятъ лохмотья занавѣсей, которыя въ теченіе сорока лѣтъ обрываются философами странствующими, какъ фразы изъ сочиненій

Вольтера обрываются пишущими. Дурно нарисованные портреты Фридриха II, Лекена, самого Вольтера и пр., висят на стѣнахъ; въ углу стоитъ глиняная модель монумента Вольтерова, съ надписью: «Умъ его вездѣ, а сердце здѣсь.» Театръ сломанъ. Церковь ветшаетъ. Достойно замѣчанія, что французскіе якобинцы, въ началѣ революціи, разрушили известную надпись надъ входомъ: *Вольтеръ Богу*. Она показалась имъ слишкомъ христіанскою! Осмотрѣвъ всѣ уголки знаменитаго *издана* Фернея, и повторивъ замѣчаніе, сколь тѣнны и скоропреходящи величіе и слава въ семъ мірѣ, мы съѣли въ *шаг-à-banc* (дурное подражаніе дрожкашъ), и воротились въ Женеву. — Вечеромъ погуляли мы еще по Трели, заходили въ разные магазины, закупили нѣсколько видовъ и другихъ бездѣлокъ на память, и хотѣли было ѣхать; но извощикъ нашъ ушелъ въ гости къ какой-то кумѣ, и мы принуждены были его дожидаться. — Борнъ сталъ писать во Франкфуртъ къ своему начальству, а я съѣлъ также за столикъ, и привелъ въ воядокъ бѣглыя мои замѣчанія и выписки, которыя вы теперь читали. Прощайте уже до Франкфурта!

XVI.

ФРАНКФУРТЪ, Сентября 20.

Жозефъ де-Полинъ возвратился часовъ въ одиннадцать и ма-всеселъ, и мы въ тотъ же часъ поѣхали

изъ Женевы прежнимъ путемъ до Лозанны и далѣе до Берна. Къ сожалѣнію нашему, мы внигдѣ не могли останавливаться, боясь опоздать къ сроку. Самый любопытный предметъ, видѣнный нами на этомъ пути, былъ большой альпійскій орелъ (Lämmergeier), поиманный охотниками: онъ имѣетъ между распростертыми крыльями въ ширину болѣе двухъ сажень. Его посадили въ большую деревянную клетку, и сверхъ того привязали крѣпкою веревкою: онъ бился во всѣ стороны, царапалъ веревку и страшно смотрѣлъ на подходившихъ къ клеткѣ. Эти хищныя птицы уносятъ ягнятъ, козлятъ и даже большихъ собакъ. Одинъ изъ этихъ воздушныхъ партизановъ схватилъ однажды ребенка въ деревнѣ, взлетѣлъ съ нимъ на недосыгаемую вершину горы, и тамъ растерзалъ свою добычу. Долгое время красное платье несчастнаго ребенка развѣвалось на сѣвѣгу. — Рѣдко случается, чтобъ удавалось схватить живаго, стараго орла: обыкновенно берутъ птенцовъ изъ гнѣздъ, и это сопряжено съ величайшими опасностями. Г. Эбель, въ Путеводителѣ своемъ по Швейцаріи, описываетъ приключенія одного егеря Іосифа Шорина, который, убивъ самца, подкрался къ гнѣзду по узкому утесу, возвышавшемуся надъ пропастью, и лишь только протянулъ руку, чтобъ схватить орлятъ, самка кинулась на него съ воздуха, схватила его за руку когтями, и возила острый клювъ свой въ бокъ его. Стрѣлокъ не потерялъ присутствія духа: не двигаясь съ мѣста, поставилъ онъ на утесъ ружье, которое держалъ лѣ-

вою рукою, направилъ дуломъ въ птицу и пальцемъ босой ноги спустилъ курокъ. Выстрѣломъ убило самку и онъ овладѣлъ птенцами, но долгое время страдалъ отъ ранъ, полученныхъ при этомъ подвигѣ. — О ловкости, скорости и неустрашимости этихъ охотниковъ рассказываютъ въ Швейцаріи многіе анекдоты. Рѣдкіе изъ нихъ умираютъ естественною смертію. Обыкновенно они пропадаютъ, и чрезъ нѣсколько уже лѣтъ находятъ ихъ кости въ пропастьяхъ или на днѣ быстрыхъ ручьевъ.

Мы возвратились въ Бернъ въ среду, 12 Сентября. Делени Барона Криднера не были еще готовы, и мы прожили два дня въ этомъ главномъ городѣ Швейцарской Республики. Бернъ славится, кромѣ своего мѣстоположенія, еще аркадами, находящимися подъ каждымъ домомъ. Это въ самомъ дѣлѣ выгодно для пѣшеходовъ въ ненастную погоду и жаркіе дни, но не должно думать, чтобъ эти аркады походили на пале-рояльскія, или даже на наши гостинодворскія: онѣ низки и темны. На улицахъ почти вовсе не видно народу и, сверхъ того, онѣ кажутся мрачными отъ сѣрозеленоватой краски, которою выкрашенъ весь городъ Бернъ; но онѣ довольно широки и весьма опрятны: вода и нечистота стекаютъ покатыми каналами, устроенными посреди каждой улицы. Изъ всенародныхъ зданій лучшее есть соборная церковь, о которой я уже упоминалъ. Близъ восточныхъ воротъ города, на бульварѣ, облегающемъ Бернъ со всѣхъ сторонъ, построены простой, но прекрасный

монументъ одному бернскому патрицію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ; надпись на немъ слѣдующая: Die Stadt Bern ihrem edlen Bürger Sigmund Rudolf von Werdt, der hier für ihre Befreiung streitend den Tod fand, den XVIII Sept. MDCCXCH. Er lebte XXI Jahre *).

Живущіе здѣсь иностранцы жалуются на скуку и единообразіе, господствующія въ Бернѣ. Здѣшніе патриціи горды и необходимы; притомъ же они косо смотрятъ на подданныхъ большихъ европейскихъ державъ, которыя на Вѣнскомъ Конгрессѣ прекратили владычество Берна въ Ваадтѣ и Арговіи, и возвратили этимъ кантонамъ ихъ прежнія права. Подъ тѣмъ предлогомъ, что театры портятъ нравы, здѣшнее правительство не дозволяетъ ни какихъ представлений, и это обстоятельство усугубляетъ еще скуку и недостатокъ развлеченій, къ которымъ люди вездѣ невольно стремятся.

Въ четвертокъ поутру ѣздили мы въ известное помѣстье Гофвилъ, въ которомъ другъ человѣчества, благородный Фелленбергъ, основалъ свои знаменитыя заведенія, и провели нѣсколько часовъ весьма пріятно. Почтенный Фелленбергъ показывалъ и объяснял намъ всѣ любопытные предметы.

*) Т. е: Городъ Бернъ благородному гражданину своему, Сигизмунду Рудольфу фонъ Вердту, который палъ здѣсь, сражаясь за его освобожденіе, 18 Сентября 1792. Житія его было 21 годъ.

Мы объѣдаемъ у Барона Криднера, а вечерá проводимъ съ богатымъ французскимъ книгопродавцемъ Т., который съ женою и дочерью, молодою прекрасною вдовою, путешествуетъ по Швейцаріи, и остановился въ одной съ нами гостинницѣ. Исторія дочери его, которую мать рассказывала намъ со слезами, насъ сильно растрогала. Онъ родомъ изъ М., что на границахъ Германіи: дочь воспитывалась у одной родственницы, которая содержала пансіонъ для молодыхъ германскихъ дворянъ, обучавшихся въ М. французскому языку. Въ числѣ ихъ находился в....скій Баронъ Л.: онъ любилъ милую шестилѣтнюю Юлію, и шути называлъ ее своею невѣстою. Семейныя обстоятельства ихъ разлучили: Юлія отправилась къ отцу своему въ Парижъ, а Л. въ отечество, вступилъ въ службу по дипломатической части, вскорѣ получилъ званіе камергера, важный чинъ, нѣсколько орденовъ и проч. Однажды, лѣтъ черезъ десять по выѣздѣ изъ М., услышалъ онъ, что дѣвица Т. въ Парижѣ выходитъ замужъ, и вспомнилъ свою шестилѣтнюю невѣсту: прежняя любовь возродилась въ его сердцѣ, и онъ написалъ убѣдительное письмо къ старику Т., прося его повременить свадьбою, если Юлія выходитъ замужъ не по страсти, и если время еще не ушло. Бракъ этотъ былъ методическій: отецъ выдавалъ ее за богатаго книгопродавца, для соединенія двухъ домовъ, но, любя ее, остановился. Л. пріѣзжаетъ въ Парижъ, видитъ Юлію, и рѣшительно объявляетъ, что никто, кромѣ ея, не будетъ его женою.

Юлія признается также, что она никогда его не забывала; но не такъ думаютъ ея родственники: они видятъ въ этой любви искусную стратагему промотавшагося камергера, который желаетъ приданымъ Юліи поправить свое состояніе. Л., узнавъ объ этомъ, выходитъ въ отставку, снимаетъ съ себя ордена, камергерскій ключъ и мундиръ, надѣваетъ простой сюртукъ, и вступаетъ прикащикомъ въ лавку Т. Всѣ просьбы и убѣжденія были тщетны: Л. продалъ свое имѣніе въ Германіи, присоединилъ вырученныя тѣмъ деньги къ капиталу Т., въ четыре года, умными и счастливыми оборотами, удвоилъ капиталъ, сдѣлался товарищемъ Т. и женился на Юліи. Но есть ли въ мірѣ прочное счастье? — Черезъ четыре мѣсяца послѣ брака, Л. слегъ въ горячку, и въ девять дней умеръ.... Уже протекъ годъ со времени его смерти. Родители несчастной Юліи тщетно стараются разсѣять ея тихое уныніе путешествіемъ по прекраснѣйшимъ странамъ Европы. Она не снимала съ себя глубокаго траура, не осушала глазъ со дня смерти своего мужа....

Мы выѣхали изъерна 14 числа, въ пятницу, черезъ сѣверныя ворота, на коихъ изображены два бѣлые медвѣдя, — гербъ городаерна. Во рву подлѣ воротъ содержатся медвѣди живые. Къ обѣду пріѣхали мы въ Солѣръ, или Солотурнъ, главное мѣсто кантона того же имени, и осмотрѣли тамошнюю прекрасную католическую церковь. Миѣ хотѣлось посѣтить знаменитаго польскаго героя Костюшку, живу-

щаго въ Солёрѣ, но я узналъ, что онъ выѣхалъ за городъ, и очень нездоровъ. Это было мнѣ весьма прискорбно: люблю смотрѣть прелестныя картины природы, произведенія искусствъ и ума человѣческаго, люблю видѣть развалины древности и мѣста, означенныя великими происшествіями въ мѣрѣ; но мнѣ всего пріятнѣе, всего дороже — видѣть людей великихъ, добродѣтельныхъ и благородныхъ. Я въ полной мѣрѣ чувствую жалобу слѣпца Эдипа, что онъ не увидитъ

Ни мужа кроткаго, пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела!

Отобѣдавъ въ Солёрѣ, поѣхали мы далѣе и вскорѣ заснули. Вдругъ Борнъ будитъ меня: «Проснись! посмотри, гдѣ мы?» — Протираю глаза, и вижу, что мы перенесены въ райскую страну. Съ одной стороны поднимаются крутыя, зеленью увѣнчанныя скалы, съ которыхъ падаютъ блестящія каскады; съ другой множество невысокихъ холмовъ образуютъ прекрасныя долины, усѣяныя живописными домиками. Прекрасная, невыразимая картина! Казалось, что Швейцарія, прощаясь съ нами, при самомъ выѣздѣ изъ ея предѣловъ, собрала всѣ свои красоты, чтобъ сильнѣе дать намъ почувствовать то, чего мы въ ней, на быстромъ своемъ пролетѣ, не видали. Эта чудесная страна лежитъ на дорогѣ изъ Солёра въ Базель, въ окрестностяхъ мѣстечка Бальшталя. — Сегодня смотрѣлъ я на эти громады, возвышающіяся надъ мило-

видными домиками, съ бѣльшимъ противу прежняго вниманіемъ и съ нѣкоторымъ ужасомъ. Въ ожиданіи объѣда прочиталъ я въ Солѣрѣ нѣсколько страницъ изъ книги доктора Цая: о несчастіи, постигшемъ одну горную деревеньку въ кантонѣ Цугѣ. Утесистыя горы, наклоненныя надъ обитаемыми долинами, нерѣдко отмываются дождями отъ своихъ основаній, надаютъ и убиваютъ людей, подавляютъ дома, истребляютъ цѣлыя деревни. Лѣто 1806 года было самое дождливое. Жители деревни Ловерца примѣчали уже нѣсколько времени, что скала, нависшая надъ ихъ хижинами, отдѣляется отъ своего основанія, и что въ ней показываются трещины; по временамъ, во внутренности ея, слышанъ былъ глухой шумъ. Вдругъ показали признаки землетрясенія: воткнутыя въ землю лопатки зашатались; открылись новые рвы; ручьи остановились въ теченіи своемъ; птицы отлетѣли стаями съ ужаснымъ крикомъ. По полудни въ пять часовъ увидѣли, что гора катится внизъ на долину — и уже нельзя было помышлять о спасеніи. Въ нѣсколько секундъ исчезла деревня Ловерцъ: только тѣ изъ жителей, которые бросились заблаговременно, ушли отъ грозной смерти — быть раздавленными, или, ужаснѣе еще того, заживо погребенными. Крестьянинъ Іосифъ Вигедтъ, стоявшій въ минуту паденія горы у воротъ дома своего, съ женою и тремя дѣтьми, схватилъ двоихъ изъ нихъ и закричалъ женѣ, чтобъ она слѣдовала за нимъ съ третьимъ ребенкомъ, который былъ у ней на рукахъ, но не-

счастливая мать хотѣла спасти четвертое дитя свое, пятилѣтнюю дочь Маріанну, оставшуюся въ домѣ. Франциска Ульрихъ, служавка ихъ, видя близкое паденіе дома, схватила Маріанну за руку и повлекла ее къ дверямъ; но въ ту самую минуту (по ея словамъ) весь домъ закружился, какъ веретено, и свѣтъ дневной исчезъ. Маріанна была исторгнута изъ рукъ Франциски, и эта послѣдняя вдругъ очутилась между развалинами, лежа внизъ головою, тѣснимая со всѣхъ сторонъ бревнами и камнями; все лице ея было исцарапано; ей казалось, что она погребена въ великой глубинѣ. Съ трудомъ освободила она правую руку и отерла ею изъясвленные, наполненные кровью глаза свои. Въ этомъ положеніи услышала она стонъ Маріанны и кликнула ее. Дѣвочка отвѣчала, что лежитъ на спинѣ посреди каменьевъ и не можетъ встать, но что руни ея на свободѣ, и она видитъ свѣтъ и землю. «Скоро ли освободятъ насъ?» спросила она. «Наступило преставленіе свѣта,» отвѣчала Франциска: «всѣ люди погибли; мы за ними последуемъ и будемъ блаженны въ небесахъ.» Онѣ вмѣстѣ покоились Богу. Черезъ нѣсколько времени услышали онѣ, что бьетъ семь часовъ. Франциска узнала знакомый звонъ колокола сосѣдственнаго села, заключила изъ этого, что есть еще живые люди въ мірѣ, и старалась утѣшить дитя. Бѣдная Маріанна начала плакать и жаловаться на голодь, но вскорѣ стоны ея затихли. Франциска лежала въ самомъ мучительномъ положеніи, въ сырой землѣ, и чувствовала нестерпи-

мый холодъ. Прошло нѣсколько часовъ, и она опять услышала голосъ Маріанны, которая въ это время спала, и пробудясь, сильнѣе стала чувствовать холодъ. — Между тѣмъ несчастный Вигедтъ, едва спасшійся съ двумя дѣтьми, пришелъ на разсвѣтъ въ то мѣсто, гдѣ была деревня, чтобъ отыскать останки родныхъ своихъ. Онъ нашелъ тѣло жены въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ находился ихъ домъ: она лежала подъ камнями, которыми убило ее и ребенка, бывшего у ней на рукахъ. Стенанія Вигедта и стукъ разрываемихъ имъ камней дошли до слуха Маріанны: малютка начала кликать отца всѣми силами. Онъ вскорѣ нашелъ ее подъ бревнами и землею; одна ея нога была переломлена, и хотя она чувствовала сильную боль, но не хотѣла оставить этого мѣста, не отыскавъ Франциски. Ее нашли и отрыли съ великимъ трудомъ. Она была нѣсколько дней совершенно слѣпа: успѣли сохранить ея жизнь, но не могли вылечить ее отъ судорожныхъ движеній и невольныхъ припадковъ ужаса. — Спасеніе одного младенца было еще чуднѣе: двухлѣтнюю дѣвочку нашли невредимою на постелькѣ ея посреди лужи, между тѣмъ, какъ дождь, въ которомъ она находилась, кровать и все, что въ немъ было, исчезли съ лица земли!...

Мы пріѣхали въ Базель вечеромъ. Поужинавъ наскоро въ гостинницѣ Трехъ Королей и давъ усердному нашему врачу Жозефу де-Полису одобри-

тельный аттестатъ на трехъ языкахъ, взяли мы почтовыхъ лошадей и помчались во Францію. Можно сказать, что мы пролетѣли чрезъ прекрасную Алзацию. Въ Страсбургѣ остановились на два часа, для того, чтобъ взойти на башню Минстера и посмотреть гробницу маршала де-Саксъ. Въ воскресенье вечеромъ прѣехали мы въ Висбаденъ: уживали тамъ на почтѣ въ трактирѣ съ бывшею знаменитою актрисою Шеналье и дочерью ея, родившеюся въ Петербургѣ; долго разговаривали съ ними и, уже разставшись, узнали, кто онѣ! — Въ понедѣльникъ, 17 Сентября, прѣехали мы обратно во Франкфуртъ, употребивъ только двѣ недѣли на путешествіе, для котораго мало четырехъ мѣсяцевъ!

XVII.

Наступилъ пятый мѣсяцъ пребыванія моего въ чужихъ краяхъ. Я видѣлъ Францію, посѣтилъ Швейцарію, прожилъ нѣсколько недѣль въ Германіи, время леченія на водахъ кончилось. Октябрь на дворѣ, срокъ увольненія приближается, кошелькъ тощаетъ и сердце стремится на родину. Оставляю Германію безъ большаго сожалѣнія: я жилъ въ такомъ городѣ, который, дипломатическимъ и купеческимъ геніемъ своихъ обитателей, не могъ мнѣ понравиться. Если бѣ

не было въ немъ Борна, то я, не оглядываясь, убъ-
жалъ бы оттуда.

Мнѣ скажутъ: а лужокъ? а темная дуброва,

Пригорки, ручейки и мурава шелкова?

Прекрасны! что и говорить!

А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова!

Климать вещь для человѣка весьма важная, но общество для него всего важнѣе, а я этого удовольствія во Франкфуртѣ не зналъ.

23 Сентября 1817 года съѣзъ я въ коляску свою и пустился къ востоку. Борнъ провожалъ меня до Ганау. Мы ѣхали вдоль берега Майна, между виноградниками; видѣли издали Оффенбахъ, знаменитый своими колясками и музыкальными нотами. По длиннымъ, населеннымъ косамъ у часовыхъ, догадались мы, что ѣдемъ по гессенъ-кассельскому курфиршеству: на томъ берегу рѣки Румпельгеймъ, столица курфюрстова брата. Вотъ и Ганау! — Еще видны слѣды упорной битвы, происходившей здѣсь въ Октябрѣ 1813 года между Французами и бывшими дотолѣ союзниками ихъ, Баварцами. Парапетъ каменнаго моста сбитъ ядрами, многія деревья переломаны, въ другихъ торчатъ пули; взрѣдка даже мелькаютъ въ песку лоскутья солдатскихъ мундировъ. — Ночью проѣхалъ я чрезъ Фульду. Жаль, что ночью. Говорятъ, что женскій полъ въ этомъ городѣ очень красивъ: мнѣ хотѣлось бы увидѣть хоть одну пригоженькую Нѣмочку, послѣ Франкфуртскихъ карикатуръ. Поутру открылись прекрасныя мѣста, которыя иногда не уступаютъ рейн-

скии и швейцарскии. Еще продолжаютя виноградные холмы: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога прокопана между горами; отвѣсныя земляныя стѣны идутъ съ обѣихъ сторонъ; иногда страна дичаетъ, и потомъ опять улыбается въ прелестныхъ видахъ. Подъѣзжаемъ къ Эйзенаху. На правой сторонѣ дороги, на крутой горѣ, возвышается замокъ Вартбургъ, въ которомъ заключенъ былъ Лютеръ. Здѣсь положено праздновать чрезъ двѣ недѣли наступающей третей вѣковой юбилей Реформаціи. Въ Эйзенахѣ изумила меня чистотою и красивою одною площадью съ примыкающими къ ней улицами: остальная же часть города выстроена криво, косо и нечисто. Въ трактирѣ, гдѣ я обѣдалъ, сказали мнѣ, что эта площадь есть Explosionsplatz, т. е. мѣсто пороховаго взрыва. Въ 1810 г. французскіе обозы проходили чрезъ городъ: вдругъ, неизвестно отъ чего, затѣрялись пороховыя фуры; нѣсколько боченковъ пороху взлетѣли на воздухъ, и разрушили четвертую часть города Эйзенаха. Множество людей погибло подъ развалинами. Нѣсколько домовъ сгорѣло. Нынѣ не видать слѣдовъ этого: только вновь выстроенныя части города, какъ я уже выше сказалъ, гораздо правильнѣе, чище и красивѣе остальныхъ. — Я ночевалъ въ Готѣ, а завтракалъ въ Эрфуртѣ въ почтовомъ домѣ, стоящемъ на площади. Съ крайнимъ любознательнымъ распрашивалъ я у почтмейстера о бывшемъ эрфуртскомъ конгрессѣ: онъ указывалъ мнѣ дома, въ которыхъ жили монархи. Я перенесся мыслию въ прошедшее, видѣлъ предъ

собою тогдашнего исполна, и радовался, что это время есть уже прошедшее.

Около обѣда прѣѣхалъ я въ Веймаръ, и остановился въ трактиръ Слона. У меня было двое знакомыхъ въ этомъ городѣ: секретарь Великой Княгини Маріи Павловны, бывший мой сослуживецъ, Карлъ Ивановичъ Отто, и Коцебу, съ которыми я познакомился въ Петербургѣ въ 1812 году. Принарядившись, пошелъ я съ наемнымъ слугою бродить по городу. — Отта я не засталъ: онъ уѣхалъ въ герцогскій загородный домъ Бельведеръ. У Коцебу, который былъ нездоровъ, оставилъ я карточку. Веймаръ, исключая дворецъ и садъ Великаго Герцога, построены довольно неправильно и некрасиво. Одинъ только домъ въ два этажа, сооруженный въ простомъ и благородномъ вкусѣ, съ красивымъ портикомъ, обратилъ на себя мое вниманіе. Это чей домъ? спросилъ я. «Его превосходительства господина тайнаго совѣтника фонъ Гёте!» отвѣчалъ слуга. Великій Гёте—фонъ и тайный совѣтникъ! Это дико, подумалъ я; но только въ ушахъ иностранца: нѣтъ великаго человѣка для наемныхъ лакеевъ и камердинеровъ! Потому указали мнѣ домъ наследниковъ Виланда: онъ ветхъ и угрожаетъ паденіемъ. Семейство знаменитаго поэта было бы въ нищетѣ, если бы не помогала ему Наслѣдная Великая Герцогиня. Въ трактиръ Слона обѣдалъ я въ обществѣ одного іенскаго профессора и двухъ молодыхъ прусскихъ офицеровъ, бывшихъ его учениковъ. Бесѣда была занимательная

и пріятная. Я скоро съ нимъ познакомился: науки, искусства, литература связываютъ между собою людей разныхъ націй, можетъ быть еще скорѣе и тверже, нежели языкъ связываетъ земляковъ. Послѣ обѣда приказалъ я нанять коляску, и готовился ѣхать въ Бельведеръ, для свиданія съ Оттомъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ, въ реномистскомъ сюртукѣ со шнурками, въ красной, обложенной галуномъ фуражкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ и съ пре-большою собакою. Не трудно было узнать іенскаго студента, но какъ я удивился, когда онъ заговорилъ со мною по-русски! «Вы не узнаете меня, Н. И.?» сказалъ онъ: «я Августъ Коцебу, учился въ петербургской гимназіи и очень васъ помню. Батюшка крайне сожалѣетъ, что самъ, по болѣзни своей, не можетъ навѣстить васъ, и проситъ васъ пожаловать къ нему вечеромъ.» Я поблагодарилъ его за увѣдомленіе, и пригласилъ ѣхать со мною. На короткомъ пути въ Бельведеръ, не далѣе, какъ отъ Адмиралтейства до Невскаго Монастыря, мы раза три платили *Chaussée-Geld, Thor-Geld, Brücken-Geld*. Отто, вовсе меня не ожидавшій, и даже не знавшій, что я въ Германіи, очень мнѣ обрадовался, и поѣхалъ съ нами обратно въ Веймаръ. «Не пойдете ли вы къ Гёте?» спросилъ онъ у меня. — «Нѣтъ!» отвѣчалъ я: «онъ меня не знаетъ, и мнѣ не хотѣлось бы навязывать ему неинтересное для него знакомство, да и не знаю, какъ войти къ такому человѣку.» — «Это ничего не стоитъ,» сказалъ Отто: «онъ меня принимаетъ очень

хорошо. Пойдемъ—те.» Случай былъ благопріятный. Я отправился. Внутреннее устройство дома не уступаетъ изящной наружности. Прекрасное, смѣло построенное крыльце ведетъ въ верхній этажъ, гдѣ живетъ Гёте. Сначала сказали намъ, что онъ не принимаетъ. Я отправилъ къ нему, по совѣту Отта, визитную карточку, съ изъявленіемъ сожалѣнія, что не буду имѣть счастья видѣть его, ибо сего же вечера долженъ выѣхать изъ Веймара. Визитная карточка, напечатанная превеликолѣпно у Дидота, съ громкимъ титуломъ почетнаго библіотекаря Императорской Библіотеки, произвела желанное дѣйствіе. Слуги засуетились. Въ переднюю комнату вышла, чтобъ позанять насъ во время приготовленій къ приему, женщина—авторъ, лѣтъ 45 отъ роду, какъ я узналъ впоследствии, Іоанна Шопенгауеръ, принадлежащая къ числу самыхъ ревностныхъ почитательницъ гениальнаго Гёте. Неприятнымъ провинціальнымъ діалектомъ (какой провинціи, не могъ я рѣшить) бесѣдовала она съ господиномъ Отто о привѣтныхъ удовольствіяхъ златоудрой осени, прекращающей на время полетъ таинственныхъ гениевъ по романтическимъ областямъ воздушнаго міра. Вскорѣ пригласили насъ во внутренніе покои: они расположены и украшены съ большимъ вкусомъ. Почтенный старецъ принялъ насъ учтиво и церемонно, какъ придворный. Онъ былъ въ простомъ свѣтлосѣромъ сюртукѣ; покачивающаяся отъ старости голова его покрыта серебристою сѣдиною; лице его выразительное, можно сказать, прекрасное. Онъ при-

гласилъ насъ въ гостиную, посадилъ на софу, и спросилъ у меня, откуда я прїѣхалъ. «Съ Гиршграбена,» сказалъ я. (Такъ называется та улица во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ которой родился Гёте). «И такъ вы читали мою біографію?» — «Съ истиннымъ удовольствіемъ, и не разъ: сперва въ Петербургѣ, а потомъ во Франкфуртѣ, и былъ на тѣхъ мѣстахъ, которые вы описываете; тщетно искалъ Гретхенъ!» (Имя дѣвушки, въ которую Гёте былъ влюбленъ въ первой молодости своей, и потомъ предалъ безсмертію, назвавъ ея именемъ героиню своего Фауста). Онъ вступилъ со мною въ разговоръ о Франціи и Швейцаріи, рассказывалъ о своемъ путешествіи по этимъ странамъ, и повелъ въ своей кабинетъ, гдѣ поставлена была прекрасная, въ маломъ видѣ сдѣланная панорама швейцарскихъ горъ, подаренная ему Великимъ Герцогомъ Веймарскимъ. Потомъ спрашивалъ онъ о петербургскихъ своихъ знакомыхъ, Н. М. Карамзинѣ, С. С. Уваровѣ, генералѣ Клингерѣ. Г. Отто, въ разговорѣ, освѣдомился у него о здоровьѣ сына его, чловѣка лѣтъ двадцати пяти. «Не поэтъ ли онъ?» спросилъ я у Гёте. «Нѣтъ,» отвѣчалъ улыбаясь почтенный старецъ: «онъ натура практическая!» Побесѣдовавъ съ нимъ около часу, мы расстались. Я искренно благодарилъ добраго Отта за это знакомство: черты лица великаго поэта никогда не изгладятся изъ моей памяти. Я не принадлежу къ числу завѣтныхъ его читателей; признаюсь, что не вижу въ Фаустѣ того, что видятъ другіе, что не понимаю величія Вальгельма

Мейстера; но въ то же время не знаю ничего превосходящаго его злѣтій, его Вертера! — Потомъ пошелъ я одинъ къ Коцебу. Здѣсь была беседа другаго рода: онъ обрадовался мнѣ, какъ старому знакомому, и мы провели весь вечеръ въ самыхъ пріятныхъ разговорахъ. Въ 1812 году получилъ онъ отъ маля русскій переводъ своей Леонтины, и по этой книгѣ, живучи въ Кенигсбергѣ, выучился во-русски до такой степени, что могъ понимать и переводить русскія книги, и сдѣлалъ уже тому начало переводомъ Записокъ Рикорда. Онъ рассказывалъ мнѣ много занимательныхъ и забавныхъ анекдотовъ о Германіи и о тогдашнемъ расположеніи умовъ; смѣялся надъ древнегерманскимъ костюмомъ. Несчастный не зналъ, что эти самыя шутки, повторенныя въ журналѣ, будутъ стоить ему жизни! — Я простился съ нимъ часовъ въ десять, поужиналъ въ трактирѣ съ Оттомъ, и въ ночи повѣхалъ далѣе. — Поутру переменялъ я лошадей въ старинномъ городкѣ Наумбургѣ, и около десяти часовъ прибылъ въ Вейсенфельсъ. Тамъ хотѣлось было мнѣ посѣтить Мюльнера, знаменитѣйшаго изъ нынѣшнихъ драматическихкихъ писателей Германіи; но я раздумалъ: читанная мною на одной станціи антикритика его показала мнѣ духъ этого человѣка. Богъ знаетъ, какъ онъ вздумаетъ принять мой гиперборейскій визитъ. — Отсюда начинается классическая земля знаменитыхъ походовъ Войны Тридцатилѣтней и 1813 года. Почтмейстеръ далъ мнѣ почтмиліономъ отставнаго солдата, который въ сраженіи при Люценѣ слу-

жилъ проводникомъ Наполеону. Я развернулъ описаніе люценской битвы, и онъ толковалъ мнѣ всѣ движенія и дѣйствія войскъ. Въ деревнѣ Риппахъ указалъ онъ мнѣ то мѣсто, на которомъ, подь большою липою, убиты маршалъ Бессіеръ и одинъ дивизионный генераль. Дорога отъ Люцена идетъ по открытому полю, и обсажена изрѣдка тополями. Вдругъ мой почтиліонъ остановился и снялъ шляпу. «Вотъ здѣсь убитъ Шведскій Король!» сказалъ онъ. Я вышелъ изъ коляски, и, какъ умѣлъ, срисовалъ простой, но значительный памятникъ. Подь тѣнью двухъ высокихъ тополей, окруженныхъ другими меньшими, лежитъ большой, остроконечный, нетесаный камень: на немъ изображены буквы G. A. и 1632 годъ. Отъ основанія камня другія плоскія плиты расположены крестомъ: въ верхней ихъ части написано: *Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, палъ здѣсь, сражаясь за свободу Вѣры. 7 Ноября 1632года.* Я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на священное мѣсто. Великій мужъ, имѣющій мало подобныхъ себѣ во всей исторіи человѣчества: храбрый воинъ, искусный полководецъ, монархъ правосудный, истинный христіанинъ! Простота памятника краснорѣчивѣе великолѣпнаго мавзолея.

Историкъ Тридцатилѣтней Войны пламеннымъ своимъ перомъ описалъ кончину Велпаго: «Правое крыло арміи Короля, подь личнымъ его предводительствомъ, атаковало лѣвый флангъ непріятеля. Тяжелые финляндскіе кирасиры сильнымъ натискомъ сблж

легкую конницу Поляковъ и Кроатовъ. Въ это самое мгновеніе доносятъ Королю, что пѣхота лѣваго его крыла отступаетъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ съ вѣтряныхъ мельницъ. Не размышляя долго, поручаетъ онъ начальство надъ побѣдоноснымъ правымъ крыломъ генералу Горну, а самъ съ пракомъ Стенбока спѣшитъ къ лѣвому. Ретивый конь его несется стрѣлою чрезъ рвы и овраги, но тяжелая конница отстаетъ, и немногіе только всадники, въ числѣ конхъ извѣстенъ Альбертъ, Герцогъ Лауэнбургскій, скачутъ подлѣ него. Онъ бросается въ то самое мѣсто, гдѣ сильнѣе тѣснятъ пѣхоту, и быстрымъ взглядомъ осматриваетъ ряды враговъ, стараясь найти въ нихъ слабое мѣсто. Цесарскій ефрейтеръ замѣчаетъ, что Шведы съ почтеніемъ даютъ мѣсто этому всаднику, и велитъ стрѣлку въ него прицѣлиться. «Пали въ этого: онъ конечно знатный человѣкъ!» Солдаты выстрѣлили и раздробили Королю руку, выше локтя. Въ ту самую минуту подоспѣли отставшіе эскадроны, и ужасный вопль раздавался между ними: «Король раненъ! Король убитъ!»—«Это ничего не значитъ! слѣдуйте за мною!» восклицаетъ Король, собравъ всѣ свои силы; но изнеможенный болью и готовый упасть въ обморокъ, на французскомъ языкѣ проситъ Альберта вывести его непримѣтно изъ битвы. Альбертъ обращается съ нимъ къ правому крылу, и въ самую сію минуту Король получаетъ другую рану пулею въ спину и лишается послѣднихъ силъ. «Довольно, братъ мой!» сказалъ онъ Альберту умирающимъ голосомъ: «ста-

райся спасти свою жизнь!» упалъ съ лошади, и прозвенный еще многими пулями, оставленный своими слутниками, испустиль духъ въ хищныхъ рукахъ Кроатовъ. Вскорѣ бѣгущая по полю битвы окровавленная лошадь возвѣстила Шведамъ о кончинѣ ихъ Короля: въ бѣшенствѣ ринулись они въ то мѣсто, чтобъ исторгнуть изъ рукъ жаднаго врага священную добычу. Надъ тѣломъ его возгорѣлась убійственная сѣча; обезображенный трупъ Короля исчезъ подъ громадою мертвыхъ тѣлъ.

«Грозная вѣсть мгновенно пролетаетъ по всему шведскому войску, и не ослабляя мужества храбрыхъ полчищъ, возжигаетъ въ нихъ дикое, всепожирающее пламя. Жизнь лишается цѣны своей, ибо священнѣйшая изъ всѣхъ жизней погибла; смерть теряетъ ужасъ свой съ тѣхъ поръ, какъ сразила вѣнчанную главу героя. — — — Побѣда осталась на сторонѣ Шведовъ и ихъ союзниковъ; но какъ дорого она была куплена! Когда простылъ жаръ битвы, они почувствовали всю важность своей потери, и радостные клики побѣды замерли въ безмолвномъ отчаяніи. Не возвратился поведшій ихъ на брань. Онъ лежитъ тамъ, на полѣ битвы, посреди убитыхъ простыхъ ратниковъ. Долго искали тѣла: наконецъ нашли его неподалеку отъ большаго камня, который уже нѣсколько сотъ лѣтъ лежалъ за рвомъ подлѣ Люценской дороги, и съ сего несчастнаго дня получалъ названіе шведскаго. Тѣло Короля было покрыто ранами и кровію, растоптано копытами конскими,

лишено одежды и всѣхъ украшеній. Шведы вытащили его изъ-подъ кучи труповъ, отвезли въ Вейсенфельсъ, гдѣ ожидали его послѣдній поцѣлуй неутѣшной супруги и громкій плачь вонновъ. Первая дань заплачена была мести, и кровь пролилась ручьемъ въ возмездіе за потерю *Короля*. Но послѣ того любовь вступила въ свои права, и громкія слезы покатылись о потерѣ *человѣка*. Общая горестъ заглушила страданія частныя. Пораженные внезапнымъ ударомъ, храбрые сподвижники Короля стоятъ въ безмолвномъ оцѣпенѣніи вокругъ гроба, и никто не дерзаетъ помыслить о всемъ величій сей потери *).» — —

*) Остальныя приключенія свои на пути въ Россію, авторъ разсказалъ друзьямъ своимъ изустно, и въ двадцать лѣтъ не удосужился положить ихъ на бумагу.

M
28

卷

1

